

Александра Лоренц

Серия «Мужество и нежность»

Александра Лоренц

Любовь крестоносца

Два дара достались в наследство золотоволосой Радмиле – редкая красота и доброе сердце. Когда она нашла лесу раненного крестоносца Ульриха фон Эйнштейна, именно доброта заставила девушку спасти его от неминуемой смерти. Но красавица и вообразить себе не могла, к каким невероятным переменам в ее жизни приведет эта встреча. Надменный и жестокий тевтонский рыцарь принуждает Радмилу стать его любовницей. Но покоренный её очарованием и красотой, он сгорает в пламени страсти и готов на все, чтобы она согласилась стать его женой.

Оглавление

<i>Тевтонец</i>	5
<i>Насильники</i>	20
<i>Покорение Лотаря</i>	40
<i>Лечение Ульриха</i>	50
<i>Тевтонский орден</i>	62
<i>Палестина</i>	83
<i>Лала</i>	99
<i>Чудесная школа</i>	120
<i>Соперник</i>	137
<i>Праздник Купалы</i>	147
<i>Ссора</i>	161
<i>Друзья Ульриха</i>	183
<i>Встреча</i>	193
<i>Похищение</i>	208
<i>Убийство</i>	223
<i>Добровит</i>	230
<i>На постоялом дворе</i>	244
<i>Свадьба</i>	251
<i>Опасное плавание</i>	259
<i>Гарет</i>	267
<i>Пир</i>	280
<i>Охота</i>	290

<i>Осада .....</i>	<i>299</i>
<i>Развлечения тамплиеров .....</i>	<i>310</i>
<i>Судебный поединок .....</i>	<i>322</i>
<i>Предупреждение Лалы.....</i>	<i>331</i>
<i>Кофе шейха .....</i>	<i>341</i>
<i>Богиня смерти.....</i>	<i>354</i>
<i>Сокровища бога Камы.....</i>	<i>371</i>

Бевтонец

Русь, Псковское княжество, 1242 год

По широкой заснеженной поляне, поросшей невысоким кустарником, мчалась белогривая кобылица с девушкой в седле. На голубом небе не было ни единого облачка, и яркие солнечные лучи, отражаясь от снега, слепили и всадницу, и лошадь. С правой стороны от всадницы виднелось большое озеро, покрытое гладким и ровным льдом.

— Куда же тебя несет! Чтоб тебя леший забрал! Да что за глупое животное! Стой же ты, Голуба, остановись, наконец, окаянная! — девушка отчаянно ругала лошадь, охаживая ее плетью. Кобылица не обращала никакого внимания ни на удары плетью, ни на брань хозяйки.

Ее глаза налились кровью, густая белая грива развевалась по ветру.

Так она и на лед выскочит... выдержит ли он нас? Ведь апрель на дворе!

— Голуба, ты сошла с ума ..... версты две скачешь, не меньше! Прошу тебя, остановись! — измученная всадница прижалась к шее лошади и уткнулась лицом в белую гриву — стегать ее больше не было сил.

Опытная наездница, она легко находила подход к любой лошади, но эта своевольная упрямец могла свести с ума своими капризами. Конечно, Радмила все равно обожала свою Голубу. Кобылица была необыкновенно красива: великолепное изящное тело коричневато-красной масти, роскошная белая грива, на точеных ногах — белые чулочки. Радмила ничего не жалела для своей любимицы: корм для Голубы — на первом месте, а себе как придется. Красавица кобыла, тогда еще шестимесячный жеребенок, была подарена состоятельным псковским горожанином матери Радмилы, ведунье Баяне, за спасение жизни его жены и двух новорожденных сыновей. Роды у женщины были тяжелыми. Не было никакой надежды, что она выживет.

Местные повитухи только руками разводили:

— Прости нас, батюшка, не можем тебе ничем помочь, жена твоя уже немолода, сорок лет, да еще двойня, сил у нее уже нет, да и воды слишком

рано отошли. Езжай за Баяной в Самолву — около версты к северу от Чудского озера. Только она и подсобит твоей супруге. Спросишь у селян — кто-нибудь и проводит на подворье старой ведуньи!

Потомственная повитуха и знахарка, Баяна лечила людей и принимала роды. Обращались к ней не только с разными недугами, а приезжали за всякими приворотами, но, конечно, только ночью — все держалось в большом секрете. Платили кто чем мог. На эти средства они с дочерью и существовали. Баяна никогда не назначала высокую цену, особенно в последние годы, когда нашествия крестоносцев да страшные засухи уморили русскую землю. Ее хоть и любили за доброе сердце, но немного побаивались. Женщину называли ведьмой, что было несправедливой платой за знания и мастерство лекаря. Злое прозвище пошло еще от матери Баяны, тоже знахарки, которая молилась неведомым древним богам. Мать Радмилы умерла зиму назад, а отец — еще раньше. Радмила была их последний ребенок — единственная радость престарелых родителей. Два ее брата — она их даже не помнит, погибли в сражении. С девяти лет Радмила помогала матери лечить больных, а год спустя, после смерти матери, заняла ее место сельской знахарки. За эти десять лет она приобрела довольно приличный для ее возраста опыт. Матушка рассказала ей о свойствах лечебных трав. Время было тяжелое — крестоносцы, неурожаи. Их изба находилась в лесной глуши — это и спасло Радмилу. Жизнь в лесу ее вполне устраивала, она и не знала никакой другой в свои девятнадцать лет. Молодая девушка была известна не только как знахарка. Красота ее была предметом зависти всех женщин в округе, а у мужчин неизменно вызывала восторженное удивление. Каштановая, с золотым отливом тяжелая коса девушки спускалась ниже пояса; лицо с легким румянцем на белой прозрачной коже, небольшим прямым носом и маленьким, красиво очерченным алым ртом восхищало своей нежной прелестью. А ее огромные глаза, обрамленные густыми шелковистыми ресницами, синие, с необыкновенным васильковым оттенком, не давали покоя всем холостым парням из близлежащих деревень.

— Ну, и куда же ты меня доставила? Что, устала? — Радмила дернула за узду, лошадь остановилась.

Решила все-таки послушаться или действительно устала?

Но громкое ржанье все объяснило. Радмила заметила, как вдалеке, в густой поросли кустарника, промелькнуло что-то темное и остановилось. Голуба радостно заржала и бодро направилась прямо туда.

— Жеребец! — Радмила вскрикнула от удивления. — Да огромный какой!

Да, это был жеребец. Крупный, породистый, темного вороного окраса.

— Чужак... — прошептала девушка, приближаясь поближе, — жеребец крестоносца! Сердце сильно застучало. Какое-то странное предчувствие, сродни страху, охватило ее.

«Странно, что его не забрали новгородцы, такой стоит немало, — жеребец чистых кровей! А снаряжение на нем — тяжеленное! Но все равно придется его как-то снимать! Да, это займет некоторое время!» — подумала вслух Радмила, с интересом рассматривая конские доспехи. — «Да он совсем измучился! Весь в крови! И хромает! Похоже, хозяина больше нет в живых. Мой будет!»!

Радмила спрыгнула со своей лошади и подошла жеребцу. Он был таким усталым, что не обращал на девушку и кобылицу никакого внимания.

— Бедняжка! Какой красивый! Ты, наверное, голоден? — Радмила провела рукой по жесткой гриве, но моментально пожалела о своем поступке. В глазах жеребца зажглись дьявольские огоньки. Хриплое гневное ржанье эхом разнесло по лесу. Радмила отступила.

— Как раз тебе хорошая пара! Такой же привереда и гордец, как и ты! — девушка поборола свой страх и подошла к жеребцу.

«Рана на левой ноге. От копья. Да кто же его так? Потому и прихрамывает. Ничего, что-нибудь придумаем. Вылечу. Да и скоро трава нарастет, прокормимся. Кругом кровь! Ужас! Весь в крови! Дай-ка, я с тебя сниму все это снаряжение!» — Радмила достала небольшой нож и стала срезать ремни.

— Сейчас, мой хороший, подожди, я все сниму, и мы пойдем домой! Я тебя там накормлю! Ногу вылечу! Сейчас, сейчас! Ну! Стой смирно! — Она обошла лошадь с другой стороны, чтобы окончательно избавиться от тяжелых доспехов, точнее, оттого что от них осталось.

Радмила взяла жеребца за поводья, подошла к Голубе и вскочила на нее:

— Домой, голубушка! Только не быстро, а то твой жених совсем ослаб.

Прихрамывая, чужак вначале покорно пошел за Голубой. Вдруг неожиданно жеребец дернулся, вырвал поводья из рук девушки и остановился.

— Вот незадача! Еще один упрямец на мою голову! Ну что же, будем здесь ночевать?! — Радмила посмотрела на кобылу.

Жеребец, не обращая на нее внимания, медленно побрел в глубь леса.

— Ты не понравилась! Смирись, и тронемся домой.

Но Голуба так быстро сдаваться не собиралась и пошла вслед за жеребцом.

— Окаянная! — у рассерженной девушки на лице выступил румянец. Вороной конь вернулся к тому же кустарнику, где его и заметила Радмила и, тихонько заржав, стал пробиваться сквозь хрупкие ветки.

— Да что ты там забыл? У меня тебе будет лучше, чем в лесу! — девушка спрыгнула с лошади. Подошла ближе к кустам и потянулась к поводьям.

— Все! Зову в последний раз! — и вдруг она споткнулась об что-то непонятное. Радмила посмотрела себе под ноги и ужаснулась. На земле лежало тело рослого мужчины, в кольчуге, в разорванном белом плаще. Глаза его были закрыты, в груди торчала стрела. Тевтонский рыцарь! Радмила уже не раз их раньше видела, правда, только мертвыми. Девушка склонилась над телом рыцаря.

Черты его лица, залитого кровью, было невозможно рассмотреть. Рука в кольчужной рукавице мертвой хваткой сжимала рукоятку меча необычной формы.

«А меч пригодится нашим ратникам!»! — Радмила глянула в сторону Голубы и нагнулась, чтобы взять меч. Только она дотронулась до него, пытаясь высвободить из рук мертвеца, как железная рука дрогнула. Радмила была не из пугливых, но тут она, от неожиданности отпрянула и села на снег, хотя и тотчас же вскочила на ноги. Он был жив!

На нее в упор смотрели зеленые глаза. Не выражающие ничего.....только невыносимую боль.

Ульрих приоткрыл тяжелые веки. Огромный пурпурный диск солнца, мелькавший между вековых стволов, слепил его воспаленные глаза.

«Это ад... и это нам обещал великий магистр»? — мелькнула одинокая мысль. Все его тело разламывала на части острая боль. Невыносимая жажда. И этот соленый привкус крови. Давно знакомый, еще с прошлых сражений. Он коснулся рукой земли. Холод прошел сквозь железную перчатку и сковал и без того окоченевшие пальцы.

«Холодно, снег еще не растаял», — он попытался взять горсть снега и поднести к сухому рту, но тяжелая рука слегка приподнялась и безвольно упала.

— Святая дева ... хоть один глоток воды... воды! — тихо шептали бледные губы.

Ульрих закрыл глаза и попытался вспомнить последние события:

«Лед, красный от крови, затрещал.... раненые лошади. Братья, пытающиеся ухватиться за края льдин... они просят о помощи... ледяная обжигающая вода... Ноги уже не чувствуются... холодное железо, прилипающее к коже и обрывающее плоть.... вода! Кругом вода! Лотарь! Мой верный конь! Ты меня увидел! Еще чутьчуть! Да!.. Тяни меня!.. Тяни...»... — мысли неслись кувырком, обрываясь и путаясь.

«Мой меч... он здесь...во имя Христа! Мне бы немного сил... я не могу встать... Лотарь! Ты молодец! Ты спас меня! Тело плохо слушается ...Еще усилие... я в седле! Вперед, Лотарь! Лес... Темень... И боль!— вдруг Ульрих осознал, что он жив.

Боль — острая пронизывающая, пульсирующая боль растекалась по всему телу. И холод. Боль и холод.

«Значит, еще не конец! Чей-то силуэт... Юноша. Нет, женщина в мужской одежде... Высокая... Что ей надо? Может, это дева Мария? Нет, славянка! Ей нужен мой меч! Лучше смерть, чем позор плена»!

Тысячи мыслей блуждали в голове у Радмилы.

«Нет, это уже не жилец! Скоро умрет, рана слишком опасная, и крови много потерял. Нечего его бояться.... что же мне теперь, домой пешком идти? Или ждать, пока Голуба убедится, что она здесь лишняя? А если она не сразу

это поймет? Скоро сумерки... волки. И лошадь жалко. Красавец. Ладно! Будь что будет! Этот все равно помрет через час – другой! А то и по дороге!

Радмила нагнулась и с опаской посмотрела на рыцаря. Запекшиеся губы слегка шевелились, глаза полузакрыты. Радмила быстрым движением выхватила меч из слабой руки и бросила на снег рядом с собой

— Что же нам делать? А, Голуба? Заберем твоего кавалера и его хозяина? — девушка погладила теплый круп лошади. — Значит, потянем волоком, благо снег еще не растаял, веревка есть, и топор тоже. Радмила оценивающим взглядом окинула могучие ели, затем вытащила из кожаного мешка связку веревок и топор. Ей понадобилось совсем немного времени, чтобы большая куча еловых веток стала похожа на некоторое подобие волокуши.

— Готово! Ну, как тебе, Голуба, такая повозка? — улыбнулась Радмила, довольная своей работой. Лошадь с интересом поглядывала то на хозяйку, то на рыцарского коня, затем посмотрела в сторону лежащего без сознания крестоносца.

«Тяжелый, наверное. Надо веревки под мышками пропустить. Голуба поможет его подтянуть».

Девушка с трудом немного приподняла верхнюю часть закованного в железо тяжелого тела. От напряжения на лбу выступили капельки пота. Радмила уже давно привыкла к непосильным для женщины тяжестиям. Когда впереди зима, с ее суровыми морозами, некогда задумываться над тем, что тяжело, а что легко, получится или не получится.

Сомневаться в чем-либо было не в ее характере.

— Матушка! Прошу... помоги мне! — Радмила напрягла свои последние силы, и наконец толстая веревка была протянута под массивными руками.

— Ну, давай, Голуба! — оставляя глубокие следы в рыхлом снегу, сквозь который уже проглядывалась первая трава, громоздкое тело потянулось к изделию Радмилы. Еще несколько усилий — закованный в железо крестоносец с распростертыми руками был надежно привязан к еловым саням. Кобыла нетерпеливо заржала

— А-а! Волки! Сейчас, Голуба! Только отдышусь немного! — уставшая Радмила вытерла рукавом тулупа раскрасневшееся лицо.

— Домой, родная! — Радмила еле взобралась в седло, — теперь все зависит от тебя, Голуба! Не подведи, — и ласково похлопала лошадь по мускулистой шее.

«Ты шутишь, хозяйка!»! — Голуба гордо глянула на хозяйку карими глазами. Да, это был не груз для крепкой лошади. Полные сани дров были намного тяжелее. Мощные мышцы перекатывались под гладкой зимней шерсткой, переливаясь под лучами солнца, уже покидавшего небосвод.

Как и надеялась Радмила, преданное животное, раненое и измученное, сразу же последовало за своим хозяином, приветствуя его глухим ржаньем.

— Ты у меня умница! Что бы я делала без тебя? Теперь надо как-то определить твоего нового друга и накормить вас обоих! — разговаривала девушка со своей любимицей по дороге домой.

— Наконец-то мы дома! — Радмила, весело улыбнувшись, потрепала белую гриву кобылы. — Тебе придется немного потерпеть неприятную компанию, но это совсем недолго. Пошли! — с этими словами Радмила открыла тяжелые двери, впустив Голубу с ее «обозом» и прихрамывающего коня.

— Вот вам вода и сено, сейчас из амбара принесу овес! Что же ты так хватаешь! Доходяга! Несчастное животное! Сейчас займусь твоей раной! Как тебя назвать? Ярек? Нет? Не нравится? Я же не знаю твоего настоящего имени! — девушка вышла из загона.

В уже остывшей печи стоял котел с кипяченой водой, еще слегка теплой — то, что надо! Еще нужны чистые тряпки — обмыть и перевязать рану. И нужно приготовить специальный настой из смеси трав, чтобы остановить воспаление.

Домом Радмилы была обычная деревенская изба, когда-то срубленная из больших вековых сосен отцом и его братом. Изба стояла на опушке леса. Жить в лесу была идеей отца — он был заядлым охотником. Посреди сруба была перегородка, которая разделяла его на просторное отапливаемое помещение и холодную прихожую, служившую заодно и кладовой. К срубам прилегал другой, поменьше, также отапливаемый, — там было стойло для лошадей, помещение для скотины, птичник. Когда-то они с матерью держали корову, овец, коз. Сейчас Радмилы осталась лишь пара коз с козлятами, да штук десять

кур. В сильные морозы помещения для животных приходилось отапливать. Оба сруба были обнесены высоким забором.

Внутри дома было чисто и опрятно. Но никакой ценной утвари в избе не было, кроме большого сундука с огромным ржавым замком, где, как думала Радмила, хранилось приданое матери.

Радмила не знала, что находится внутри сундука, да и вообще не проявляла к нему никакого интереса. Она была уверена, что там какой-нибудь хлам. Мать не разрешала туда заглядывать, делая вид, что там что-то ценное. Радмила так не считала: будь там какие-нибудь ценности, они бы так не бедствовали в последнее время, когда болела мать. Да и откуда у сельской знахарки могут быть дорогие украшения или же роскошные наряды? Единственно, чем привлекал сундук Радмилу, так это своим размером: в нем было удобно хранить ценные вещи — мыши туда ни за что не проберутся. Но не хотелось портить замок, мать спрятала ключ, но где — перед смертью не успела сказать.

В окружении своих подругзвезд в маленькое оконце уже стал заглядывать молодой месяц. Радмила зашла в свое скромное жилище, заперла массивную дверь. Теперь можно спать. Она бросила взгляд на кровать с теплыми одеялами и принялась снимать одежду. Но что-то ее тревожило. Присутствие чужого. Врага. Некоторое сожаление о своем поступке проскользнуло в голове. Как-то было не по себе. Стало медленно подкрадываться ощущение опасности. Не спалось. Свеча еще не догорела.

«Зачем я притащила его в свой дом»? — девушка медленно встала и, накинув на плечи теплый платок, взяла слюдяной фонарь. Она подошла к дверям конюшни и прислушалась. Какие-то непонятные звуки. Решительно открыла дверь — порыв воздуха чуть не загасил фонарь. В лицо ударило резким духом конского навоза, смешанного с пронзительнонеприятным запахом крови и мокрого железа. Лошади стояли смирно. Радмила глянула в угол загона. На том месте, где она отвязала от седла кобылы веревки, на еловых ветках было... пусто! Ужас овладел каждой частицей ее тела. Как будто опустилась какая-то холодная пелена и покрыла ее всю.

«Жив!» — Радмила подняла взгляд. То, что она увидела, заставило ее глаза округлиться. Немного поодаль, возле конской кормушки, опираясь на локоть, полулежал ее пленник, пытаясь отхлебнуть воды из кадки.

Девушка потеряла дар речи от такой картины и, не имея возможности вымолвить хотя бы слово, хватала губами воздух. Тевтонец медленно, тяжело повернул лицо в ее сторону и опустил глаза. Она не знала, что ей делать, стояла и смотрела на это печальное зрелище. Первый раз в жизни не знала. Позвать мужчин из села? Но они его прикончат! Она не хотелось стать причиной его смерти, она должна лечить, а не убивать! И никого еще не убивала, кроме зайцев, куропаток и прочей мелкой дичи.

Стрела по-прежнему торчала у него из груди, давая знать о себе новым кровавым пятном, все больше расползавшимся по белой материи плаща при каждом движении рыцаря. Радмила подошла к мужчине и стала внимательно рассматривать раненого.

Липкие от крови пряди светлых волос закрывали высокий лоб и линию тонких золотистых бровей. У него был прямой нос правильной формы, небольшой рот. Мужественный, волевой подбородок указывал на решительный характер. Вроде бы ничего необычного в его лице не было, но все-таки оно казалось каким-то чужим.

Тевтонец сделал попытку встать, опираясь на перегородку конюшни. Но, по-видимому, силы покинули его, и рыцарь повалился на солому. Радмила, как зачарованная, смотрела на него. Рыцарь опять предпринял попытку встать, на сей раз удачную. Он встал во весь рост, держась за перекладину конского загона, и перевел свой взгляд на девушку. В нем не было агрессии, это был взгляд человека, измученного тяжелыми страданиями. Радмила, не зная, что ей делать, попятилась и выскочила из конюшни.

«Нужно где-нибудь спрятаться! В бане!» — возникла паническая мысль.

И Радмила, мысленно ругая себя за трусость, бросилась бежать по направлению к маленькому срубам, стоявшему на другом конце поляны. Двери тяжело заскрипели. В кромешной тьме ничего не было видно и она, еле сдерживая порывистое дыхание, прислонилась к холодной стене. Она не помнила, сколько так простояла, настороженно поглядывая в дверную расщелину. Наверное, вечность. Былая уверенность опять стала возвращаться к девушке.

«Да что на меня нашло? Испугалась какого-то полумертвеца!» — Радмила хмыкнула и провела рукой по растрепанной косе, — «это мой дом, а этот мой пленник»!

Девушка уверенно толкнула скрипучую дверь и вышла на поляну. Подошла к конюшне и стала прислушиваться — там было тихо, никаких посторонних шорохов, лишь изредка слышалось тихое ржание лошадей.

«К ночи похолодает», — подумала девушка — «он наверняка умрет, если не от раны, так от холода. Ведь мокрый весь»!

Нет, ее равнодушие не станет причиной смерти человека. Хоть и чужака.

Сбегав в избу, она взяла несколько теплых шкур, фонарик и подошла к лежащему на соломе раненому.

— Это холодное железо вытянет из него последнее тепло. Самое главное — надо как-нибудь снять это тяжелющее снаряжение!

Высказавшись вслух, Радмила осторожно обрезала ножом торчащее древко стрелы и стала переворачивать массивное тело, чтобы можно было добраться до завязок доспехов. Крестоносец был в сознании, и поворачивать его было намного легче. Его глаза неотступно следили за ее действиями. Радмиле иногда приходилось лечить раненых воинов, и она уже имела представление о доспехах и кольчугах. Доспех тевтонского рыцаря напоминал безрукавку, внутри которой на кожаную основу были прикреплены железные луженые пластины. Наружная его поверхность была покрыта белым сукном с черным крестом посередине. Длинная, мастерски выполненная кольчуга, была довольно просторной — как бы немного не по размеру. С большим трудом она сняла ее с обмякшего рыцаря. Она могла защитить воина лишь от удара меча, скользящего, но никак не колющего, и тем более не от удара палицы или топора. Под кольчугой был стеганый кафтан, набитый волосом. Ноги рыцаря покрывали кольчужные чулки с железными наколенниками. Она взяла отцовский нож и обрезала все кожаные завязки тяжелого снаряжения, затем стащила холодное железо с измученного тела тевтонца. Девушка набросила шкуры на раненого и растопила печь, которая отапливала конюшню.

«Если он и умрет, то не из-за холода», — Радмила плотно закрыла двери конюшни и ушла в избу.

«Надо бы немного поесть. С утра во рту не было ни кусочка», — присев на широкую лавку, Радмила представила себе котелок, полный ароматного тушеного мяса, и от голода ее стало подташнивать.

«Нужно хотя бы яблоко съесть», — вяло подумала девушка, но усталые глаза закрылись, и она заснула, свернувшись на лавке калачиком.

Первые утренние лучи уже пробивались в маленькое окошко, нежно щекоча румяное лицо спящей девушки, когда Радмила неохотно открыла глаза. Желудок неприятно урчал.

Да, вчера так и не поела, села на лавку и заснула.

Она встала и пошла в кладовую посмотреть свои запасы.

«Конечно, не так уж и плохо», — она вздохнула и бросила свой взгляд на лук и колчан со стрелами, лежащие на сундуке. — «Но мяса нет вообще.

Все как всегда. Никаких изменений. Утром накормить лошадь, принести воды из ручья, растопить печь. И так каждый день. Уже две недели к ней никто не навещался. Отец был охотник, но он считал, что охота не женское занятие. И напрасно. Радмила тоже раньше так считала. А теперь пришлось самой сквозь слезы осваивать новое ремесло. Ей не нравилась охотиться, можно сказать, совсем не нравилось. Но выбора у нее не было.

— Что, милые, познакомились? — девушка зашла в конюшню с ведром воды. Голуба уже нетерпеливо била копытом в ожидании нового путешествия и жизнерадостно потряхивала белой гривой. Вороной конь оказался весьма сдержанного, гордого нрава — он лишь слегка помахивал хвостом.

Радмила медленно подошла к кадке. Рыцарь находился неподалеку от нее, в какой-то неестественной позе, полусидя-полулежа, слегка прислонившись к стене. То ли он спал, то ли уже испустил дух? Девушка тихо присела на корточки рядом с ним, осторожно дотронулась до лба. Он весь горел. И, кажется, был без сознания.

«Какой же он живучий!» — удивилась Радмила, взглянув на торчавший из груди остаток стрелы. — «Да, не спасла тебя твоя броня от русских стрел»!

Радмила осторожно потрогала древко стрелы. Наконечник, кажется, глубоко проник в тело. В этот миг глаза рыцаря широко раскрылись, из уголка рта вытекла темная струйка кровавой слюны, он скорчился от боли, но не проронил ни звука.

«Вот и все. Теперь, кажется, все!» — девушка отвела глаза в сторону и прикрыла их ладонью. Ей тяжело было видеть смертную агонию, сострадание поневоле охватило душу. Непонятные слова чужого языка сорвались с губ раненого. Радмила с изумлением повернулась к нему. Он смотрел сквозь нее невидящим взглядом, куда-то беспредельно далеко. Его тело отчаянно боролось за жизнь, но душа уже готовилась в последний, неизведанный путь. Он говорил ей что-то, но смысл слов был ей непонятен. Ей показалось, что в его словах послышалась какая-то просьба. Что за просьба? Облегчить муки? Он взглядом указал на кинжал, который был заткнут у него за пояс. Радмила в отчаянии закрыла лицо ладонями. Спустя мгновение вышла из загона и, немного успокоившись, вернулась. Нерешительно согнулась над ним. Неужели ей придется его прикончить? Он, кажется, это просит? Нет! Она не могла убить раненого! На нее был устремлен гаснущий взгляд, жаждущий ответа на свою просьбу.

— Я не могу этого сделать! — вскрикнула испуганная Радмила, — Что ты уставился на меня? Я могу лечить, а не убивать!

— Я схожу с ума, ты слышала, Голуба, твоя хозяйка сумасшедшая! — сказала в замешательстве Радмила притихшей кобыле. Лошадь всегда чувствовала ее настроение и с удивлением повернула к ней недоумевающую морду.

— Я точно сошла с ума! Но я сделаю это! — высказавшись, молодая знахарка пошире распахнула дверь конюшни, чтобы солнечный свет хорошо освещал то место, где лежал раненый. Затем взяла отцовский нож и осторожными движениями разрешила пропитанный кровью камзол и нательную шерстяную рубаху. Открылась воспаленная плоть с торчащим остатком стрелы. Радмила посмотрела на распухшую рану — она находилась в районе ключицы. Возможно, что жизненно важные органы не задеты, но воспаление уже началось — в этом и была причина сильного жара.

«Кажется, отходит», — подумала девушка, и вдруг перед глазами возникли картины из прошлого. Мать показывала ей необыкновенное лекарство со странным запахом, заживляющее любые раны. Его состав не знала даже сама Баяна, где она его достала — тоже осталось тайной, которую она унесла с собой в могилу. За всю жизнь мать пользовалась им всего несколько раз, настолько она его берегла. Четыре года назад одного мужчину на охоте сильно порвали волки, но он еще был жив, когда волков отогнали собаки. Этот мужчина дружил с отцом и часто заходил к ним в гости. Радмила прекрасно помнит, как

его принесли к ним в дом другие охотники. Он был безнадежен — из разодранного живота виднелись внутренности. Мать выгнала из дома мужчин, окурила помещение дурманящей травой. Осмотрелась по сторонам и достала из глиняного кувшина сверток, тонкую иглу и нитки. Когда рана была зашита, мать приготовила из загадочного порошка густую кашу и нанесла ее на раны. Затем приготовила лечебный напиток, используя тот же порошок и мед, и влила в рот раненого. До того он сильно кричал от боли, почти так, как кричат роженицы, но что-то было в этом порошке, что мужчина быстро затих и уснул. Никто не верил в успех этого лечения, даже Радмила. Только старуха Баяна посмеивалась, потирая ладони — «скоро приедет ко мне благодарить, живой и здоровый!»! Через три недели он приехал вместе с женой.... Радмила помнит, как плакала его счастливая жена, обнимая и целуя мать.

Что же в нем такого, в этом порошке? Никто не знал. Но после этого случая прозвище «ведьма» окончательно закрепилось за матерью. Старуха действительно исповедовала древний таинственный культ. Она часто одна уходила из дома по ночам. Ни отец, ни Радмила не знали, куда и зачем. Совершенно не боялась диких животных и частенько ругала отца, когда он приносил домой много дичи. Мясную пищу она не ела. Молоко и яйца, каши да кисели — это и была еда матушки. Одного ее взгляда на злобную собаку хватало, чтобы та, опустив уши, убиралась восвояси.

Радмила помнит еще одну загадочную историю. Как-то они пошли с матерью в лес за ягодами. Зашли далеко, в самую глубь леса. И наткнулись на огромного секача, с ним была еще самка с малышами. Радмила знала понаслышке, что ничем хорошим для человека такая встреча не заканчивается. Разъяренного секача остановить невозможно. Но мать не испугалась, а медленно подошла к грозному животному и погладила его по голове, потрепала за ухом. Секач, громко хрюкая от удовольствия, стал тереться о ноги матери, потом со всем своим семейством направился дальше, своей дорогой. Мать только саркастически усмехалась, когда ее спрашивали, почему животные ее безоговорочно слушаются.

«Попробовать, что ли»? — девушка вспоминала события тех лет. — «Оно где-то в чулане».

В темном чулане на полках стояло множество посуды различной формы — маленькие и большие глиняные кувшинчики с настоями, сосуды с мазями. Там же лежали свертки из льняной материи и какие-то коробочки. Назначение

некоторых предметов Радмила вообще не знала. Она заглядывала в каждую посудину, смотрела, что там находится внутри, нюхала.

«Вот! Кажется, оно!» — девушка поморщилась от резкого запаха, — но пропорция? — она не знала, как правильно приготовить мазь и раствор.

«Попробую! Не лежать же ему здесь вечно!» — до конца не веря в чудодейственное средство, Радмила размешала на специальном масле часть серого порошка и приготовила эликсир из того же порошка и лекарственного травяного настоя, добавив немного меда.

«Фу! Ну и запах же у него! Еще понадобится острый нож», — теперь ей предстояло самое сложное — аккуратно вырезать и извлечь стрелу. Ей однажды доводилось делать подобную операцию. Но удаляла она стрелу не из груди, а из ноги. Радмила приготовила все необходимое для предстоящей операции — прокаленный тонкий нож, хорошо прокипяченные льняные бинты. Перетащила раненого на чистую простыню, расстелив ее на соломе. И отбросив последние сомнения, приступила к операции.

Острое лезвие аккуратно разрежало воспаленную плоть. Оказалось, стрела вошла глубоко. Стараясь не обращать внимания на его стоны и свои колебания, Радмила осторожными, но уверенными движениями стала извлекать стрелу. Пот градом катился со лба взволнованной девушки и капал на ее руки, испачканные кровью. Время тянулось так долго! И вот, наконец, показался наконечник. Она бережно вынула обломок. Операция была завершена. Да! Она сделала это! Радмила на минуту закрыла глаза, ей вспомнилась ее мать, ее слова «дочка, никогда не позволяй своим чувствам и опасениям владеть твоим разумом и телом. Твой долг — милосердие! И больше ничего! Остальное не имеет значения! И помни — Боги всегда помогут»!

Из раны сочилась кровь вперемешку с гноем. Радмила, вспомнив, как делала мать, сначала промокнула тканью кровь, убрала гной и нанесла лечебную кашицу прямо на открытую рану. Затем, приподняв его голову, влила целебный эликсир в рот мужчины. Он, казалось, почти не дышал, лишь смотрел в потолок отрешенным взглядом. Осторожно сведя края раны, зашила, стараясь причинить как можно меньше боли. Затем приложила льняной бинт к месту раны и туго перевязала другим куском, протягивая его между спиной рыцаря и чистой подстилкой.

Радмила, воодушевленная своей успешной работой, взглянула на мускулистый торс мужчины, покрытый светлой растительностью. На мощном теле было много шрамов различной давности.

«Он, похоже, давно не мылся», — девушка старалась не вдыхать несвежий запах тела и слегка отворачивалась, крепко завязывая узел. — «Моя лошадь чище его. И пахнет гораздо приятнее»!

Потом она напоила его водой с медом, взяла несколько шкур и укутала больного.

«Все! Теперь как боги решат!» — от волнения молодая знахарка почувствовала себя измученной. — «А сейчас нужно постараться раздобыть мяса! Как я такого бугая прокормлю?»

Насильники

Радмила вернулась домой довольно поздно, уже начинало смеркаться. Раскрасневшаяся, усталая, но с довольной улыбкой — четыре зайца были привязано к седлу Голубы. Отличное жаркое завтра будет!

— У меня сегодня пир, Голуба! — Радмила ласково обняла свою лошадь, — впрочем, у тебя другие вкусы!

«Да уж не пойму, как это можно есть, яблоки намного вкуснее!» — кобыла повернула морду в сторону леса. Где-то там росли дивные яблоки!

Соблазнительный запах заполнил всю избу, Радмила села за стол, положила себе полную миску тушеного мяса и налила немного кваса. Жаркое было очень вкусным. Усталость сморила девушку, после хорошей еды приятная слабость распространилась по всему телу

«В баню бы сейчас! Да куда уж, поздно... прилягу», — Радмила встала, и, пошатываясь от усталости, легла на лавку, застеленную волчьими шкурами, и мгновенно уснула.

Рано на рассвете ее разбудил скрип двери, чьи-то тяжелые шаги и какое-то бряцанье в сенях.

«И кто так входит, без стука! Кого принесло в такую рань?» — девушка вспомнила, что забыла запереть дверь изнутри. Обычно к ней в дом так никто не входил, если не считать младшего брата отца.

— Это ты, дядя? — она села, не открывая заспанных глаз, — мог хоть покричать! —

В ответ тишина.

Страшная мысль как молния мелькнула в голове. Она мигом соскочила с лавки, ужас охватил ее душу. Первое, что увидела еще сонная девушка, — высокий статный мужчина стоял в дверях. Обнаженный мускулистый торс, грудь перевязана. Это же ее пленник! Глаза девушки округлились — она не верила до этого момента в чудодейственные свойства серого порошка. Это был вовсе не тот полуживой рыцарь, которого она нашла в лесу и притащила на конюшню.

— Не подходи ко мне! Сейчас приедут дядя с сыном, они мигом с тобой справятся! — испуганно проговорила бедная Радмила первое, что пришло ей на ум. В испуге она схватила со стола кухонный нож, которым нарезала хлеб.

На лице мужчины появилась презрительная улыбка. Он сделал шаг к девушке. Радмила попятилась назад и уперлась в стену. Отступить было больше некуда. Мужчина сделал еще несколько шагов в ее сторону, окидывая свою спасительницу холодным взглядом. Он что-то сказал ей на своем языке.

— Чего ты хочешь? Пить? Вон квас! Можешь поесть тушеного мяса — оно в котелке. Хлеб на столе! — крикнула ему девушка и жестом указала на стол.

Но мужчина подошел еще ближе и быстрым движением схватил ее за тонкое запястье. Радмила зажмурила глаза от боли, хрупкие пальцы разжались, и нож упал на пол. Другой рукой он сжал ее предплечье и прижал к стене. Девушка подняла голову и посмотрела прямо в глаза крестоносцу, стараясь не потерять самообладания. Их глаза встретились, ее синие — с его светло-зелеными, цвета молодой листвы. Его взгляд уже не был таким тусклым, как вчера, а, наоборот, надменный и жестокий, блуждал по ее лицу — рыцарь холодно рассматривал ее.

Потом внезапно он освободил ее руки и повернулся к ней спиной. Испуганная Радмила оттолкнула его и побежала к выходу. Она уже протянула руку к задвижке двери, как услышала тяжелый удар. Одного толчка хватило, чтобы ослабевший от лихорадки крестоносец грохнулся на пол. Девушка оглянулась. Раненый лежал неподвижно. По-видимому, он сильно ударился головой об угол стола и потерял сознание.

«А может, он убился?» — металась истеричная мысль. — «Что же мне делать?»

Бедняжка заставила себя подойти к лежащему навзничь мужчине и повернула его голову. На закрытые глаза стекала струйка крови из небольшой ссадины на лбу. Встав на колени, она прижалась ухом к его груди.

«Жив, слава Богам! Просто на время потерял сознание! Но, рано или поздно, он все равно очнется. И что будет? Он такой сильный!» — девушка потерла ноющее запястье. — «Пусть сначала придет в себя, а там придумаю что-нибудь»!

«А что потом? Так и будет жить у меня в доме? Это же может долго продолжаться», — она отвернулась. — «Сама виновата! А как его прокормить?»

Ест он, похоже, хорошо!»! — девушка посмотрела на массивное тело, лежащее на полу. — «Это же что теперь получается? Я буду вынуждена каждый день на охоту ездить, чтобы прокормить этого огромного крестоносца? Ну и глупая же я!»! — Радмила неожиданно развеселилась, потешаясь над собой и своими дурацкими мыслями.

Смеясь, она вышла из избы.

Перед ней стояла проблема. В доме был чужой человек. Не просто чужой человек, а враг. Из-за таких как он, много полегло русских воинов! Пусть он даже сейчас болен. Но всему есть конец. Если выздоровеет, ничем хорошим для нее это не кончится. Все жители окрестностей, включая и Радмилу, знали жестокость рыцарей, и как они поступают с побежденными.

Тяжелые мысли не покидали Радмилу. Впереди ее ждала неизвестность.

Она уже представляла страшные картины будущего. Через некоторое время люди узнают о человеке, которого она вылечила. И естественно, ей этого не простят. Позвать мужчин? Чем это сейчас кончится для нее? А обиженные женихи, которым она в свое время отказала? Им только дай повод. Что сделает она одна против толпы? — девушка пыталась гнать от себя эти темные мысли.

Ладно! Новый день принесет что-нибудь хорошее!

— Ничего, Голуба, как-нибудь все образуется! — Радмила задумчиво расчесывала белую гриву своей лошади. Она часто разговаривала с лошадью, глядя в ее большие умные глаза. Девушка считала, что лошадь понимает ее слова.

— Шалопайка! У тебя одно на уме — порезвиться и получить от меня что-нибудь вкусенького!

«Ничего подобного»! — лошадь обиженно отвернулась.

— А ты что? — девушка подошла к черному коню, — все никак не хочешь, чтобы я расчесала твою гриву? Характер же у тебя! Переживаешь за хозяина? Да? Понимаю! Живой он, твой хозяин!

Ход ее мыслей нарушил лай собак и топот копыт, послышавшийся рядом с ее домом.

«Охотники»! — Радмила в спешке стала зарывать в солому доспехи и одежду, снятую позавчера с рыцаря.

— Радмила! Выходи, красавица! — она услышала знакомые голоса. Трое мужчин на лошадях подъехали к ее избе, один спешился и уже во всю стучал в дверь ее избы.

— Да иду я, иду! Зачем так стучать, дверь и так еле держится! — девушка вышла из конюшни и сделала серьезный вид. Мужчины засмеялись.

— Тебе уже давно пора мужем обзавестись! И хозяйство в порядке было бы. Не гоже тебе, молодой и такой красивой, одной в лесу жить! Кобыла да ты! Не слишком веселая компания!

— Вы приехали, чтобы мне это сказать? — Радмила скрестила руки на груди и гневно посмотрела на мужчин, — я уж сама без вас это решу! Когда и за кого мне выходить замуж!

— Да ладно тебе! Не сердись! Мы к тебе по делу! И ненадолго! — Мужчина, что был постарше, слез с коня и подошел к девушке. — Ты, Радмила, часто охотишься в лесу, я знаю. Скажи мне, девушка, видела ли ты здесь вороного жеребца, ладный такой, на нем попона стеганая, с кольчугой. Крестonosца конь. То ли от дружины отстал, то ли хозяина убили. Мы за этим дьяволом целый день гонялись по лесу, уж совсем было поймали, да этот вороной так Отая лягнул, что тот к вечеру чуть концы не отдал! Нам бы он впрок пошел! Хороший конь и умный, ничего не скажешь!

— Нет! Не видала! — ловко соврала Радмила и потупила взор, — очень надо мне жеребцов ловить! Мне свою Голубу бы прокормить!

— Не сердись, Радмила! Не видала — так и скажи! — пожилой мужчина забрался на своего коня. — Тогда будь здорова! — трое всадников развернули своих коней и поскакали в лес.

«Вот и началось... Надо что-то делать, так дальше жить нельзя! Зачем мне все эти неприятности! Может, полежит денек-другой, и пусть едет куда хочет. Я как-нибудь защищу себя», — мысли путались в голове у девушки.

Радмила принесла в дом охапку дров — нетопленная целый день печка уже начала остывать. Мужчина уже очнулся к этому времени и, перевернувшись на бок, пытался подняться.

Но, по-видимому, от сильного удара кружилась голова, и встать у него никак не получалось! Немец злобно поглядывал в сторону девушки и что-то говорил, судя по интонациям — какие-то свои ругательства. Радмила протянула ему руку.

— И совсем не грозный! Да что ты там ругаешься, на своем непонятном языке? Думаешь, я понимаю? Как я тебя толкнула, что ли? А посмотри на мою руку! Она вся синяя! — Радмила задрала рукав и продемонстрировала рыцарю следы его пальцев, — так-то ты меня отблагодарил!

— Ладно, давай встанем! Иди, ложись на лежанку! — Она помогла больному забраться на теплую лежанку. Сама решила приготовить завтрак. Испекла блинов, разогрела вчерашнее мясо. Усевшись за стол, она вдруг почувствовала на спине его взгляд.

«Есть, наверное, хочет», — девушка подцепила ложкой кусок мяса и поднесла ко рту мужчины.

— На! Поешь! — но мужчина гордо отвернулся.

— Не хочешь — и не надо! Мне больше достанется! — Она села на лавку возле стола и стала неторопливо есть. Рыцарь старался не смотреть на нее, но было заметно, что на самом деле он очень голоден.

— Что же я издеваюсь над ним! Это низко! — Она положила мясо в чистую миску, рядом положила несколько блинов и протянула рыцарю.

— Я тебя не собираюсь долго уговаривать! Надоели мне упрямы — и ты, и твоя лошадь! И я не буду нянчиться с тобой! Не станешь есть? Тогда я больше не предложу! — сказала Радмила тоном, не терпящим возражений.

Мужчина не понял ни слова, но уловил жесткие нотки ее голоса. Он взял миску из ее рук и стал медленно, еле сдерживаясь, есть тушеное мясо, отведя в сторону взгляд.

— Сбила я с тебя спесь! Правильно! Нечего гордиться! — девушка протянула ему кусок хлеба.

— На! Выпей! — Она поднесла к его губам кружку с квасом. Мужчина стал жадно пить квас, так и не поднимая глаз.

— Ты же так целое ведро выпьешь! Куда в тебя столько входит? — Радмилу вся это стало забавлять. Такой сильный и могучий, и в тоже время такой беспомощный!

«Интересно, как подействовало матушкино снадобье»? — Радмила приподняла повязку, которая уже почти сползла. Воспаление возле раны стало значительно меньше. — «Через месяц будет совершенно здоров»! — поставила диагноз Радмила, восхищенная таким чудесным исцелением. Почувствовала на себе его взгляд и оглянулась.

Крестоносец злобно глядел на нее.

— Похоже, благодарность не входит в число твоих добродетелей! — она с укором посмотрела в лицо рыцарю.

В ответ получила еще один испепеляющий взгляд.

— Если будешь смотреть на меня с такой злобой, Голуба выволочет обратно в лес! Там волки быстро найдут тебе применение! — обозлилась девушка.

Рассерженная, она вышла из избы, громко хлопнув дверью.

Вечером того же дня сильный стук в двери нарушил тишину. Радмила как раз управилась и собиралась ложиться спать.

— Что за день такой сегодня? Ужас! То конем интересовались, а сейчас чего? Рыцарь! Надо быстрее закрыть его!

— Подождите! Я оденусь! — Радмила впопыхах начала набрасывать на лежащего мужчину все шкуры, которые у нее были. Она как раз успела накинуть последнее одеяло, как в дом зашел гость, не дожидаясь приглашения. Это был древний старец. Его белые, как снег волосы падали на плечи, длинная седая борода доходила до пояса. С ним был деревянный посох со странными надписями, смысл которых знал только он один. Его светлоголубые, выцветшие от старости глаза с теплотой смотрели на девушку. Старик Земибор был колдун. Его прошлое, как собственное и настоящее, было покрыто тайной. Он жил в лесах. Где — точно никто не знал. Иногда заходил в деревни, даже в Пскове о нем знали. Предсказывал будущее, снимал различные сглазы, порчи и никогда ничего не брал за свои услуги. Потом исчезал. Поиски его жилища обычно ни к чему не приводили.

— Вечер добрый, Радмила, что-то давненько мы с тобой не встречались! Думаю, дай проведаю, как ты там? Жива ли, здорова. Баяна просила присматривать, плохое от тебя отводить. Живешь тут одна! Всякое может случиться!

— Дедушка Земибор! Это ты! — Радмила бросилась на шею старику. — Я уже думала, что тебя больше нет! Набеги! Столько людей погибло!

— Да полно тебе, дочка! Кому нужен дряхлый старик? — колдун лукаво улыбнулся, — да и не время еще мне. Вот посижу у тебя немного, да и пойду дальше...

— Как? Время позднее! Теменьто, какая! Звери.

— Звери? — старик засмеялся.

Кто-то из охотников рассказывал, что видел неоднократно старого колдуна в сопровождении огромного бурого медведя. Старик присел за стол, поставив в сторонку свой посох.

— А чем ты тут занимаешься, девочка? — старик перевел свой понимающий взгляд в сторону рыцаря, закрытого кучей шкур. Улыбка озарила его морщинистое лицо.

— Да так, решила шкуры перебрать... моль побила некоторые, — Радмила подошла к печи и стала к старику спиной, чтобы тот не видел краски на ее лице. И что там говорить, старика обмануть было невозможно.

— Шкуры, говоришь? — колдун усмехнулся, — зачем, дочка, старика обманываешь? Или тебя Баяна не научила, что старшим нельзя врать?

— Дедушка Земибор, — красная как рак, Радмила повернулась к нему. — Прости меня, не знаю, что и сказать!

— А ты говори, а я послушаю, — старик оперся руками на свой посох.

Радмила, сгорая от стыда, рассказала старому колдуну все от начала до конца. Старик Земибор, дослушав до конца рассказ девушки, еще долго молчал, задумчиво поглаживая бороду.

— Что молчишь, дедушка? — Радмила с мольбой смотрела на колдуна.

— Вот что я тебе скажу, Радмила, судьбу ты свою не в силах изменить. Оставляю я тебе своего помощника, — старик встал, толкнул посохом дверь и издал какой-то резкий гортанный звук.

И из темноты в открытую дверь важно зашел черный ворон, громко каркая и озираясь по сторонам.

— Это — марун. Он будет у тебя жить. Если у тебя будут неприятности, просто дай ему прядь своих волос, а дальше он сам все знает. Когда ворон будет у меня с прядью твоих волос, я буду знать, что ты в беде и смогу тебе помочь.

— А теперь угощай гостя, — старик уселся к столу. — Да скинь шкуры, а то задохнется.

Девушка подчинилась, сдвинула тяжелый ворох с лица раненого.

— Я сейчас, быстренько, — девушка быстро накрыла стол скатеркой и поставила тушеное мясо, соленые грибы, квашеную капусту, нарезала хлеб. Старик поел, покормил ворона, поблагодарил молодую хозяйку и направился к выходу.

— До скорой встречи, Радмила, — и исчез в дверном проеме.

Радмила хотела попрощаться, но не успела она открыть рот, как где-то недалеко от дома послышался медвежий рев. Девушка выбежала из избы и увидела, как из леса выбежал на задних лапах большущий медведь и остановился возле старика. Вскоре они оба скрылись за темными елями.

Тем временем ворон уже успел освоиться. Он облюбовал старый сундук. Радмила наконец пришла в себя, немного успокоившись после всех этих событий. Старик так ей не сказал ничего конкретного.

«Почему он не дал мне совета? Не захотел? Что-то здесь не так! А пленникто мой, кажется, все понимает, даже не пошевелился!» — Радмила снимала шкуры одна за другой.

Мужчина крепко спал. Веки его чуть подрагивали. Девушка стала внимательнее всматриваться в черты лица рыцаря. Во сне его лицо казалось таким безмятежным, спокойным и добрым, даже не верилось, что такие же, как он, наводили ужас на Псков и Изборск.

Какой же он красивый! Представляю, сколько девушек по нему сохнет! Интересно, сколько ему лет? На вид не больше тридцати. Откуда он? Говорят, что они все родом из Германии, и что они дали обет безбрачия и бедности. Врут, наверно!

Вдруг неожиданно раскрылась дверь, Радмила даже подскочила от испуга. Но это оказался всего лишь ветер.

Нет! Так жить нельзя! Вздрагивать от каждого шороха! Скоро он выздоровеет и пусть едет, куда сочтет нужным. Но и глумиться над собой я не позволю!

Утром следующего дня Радмила проснулась совсем разбитая. Она совершенно не выспалась. Этот страшный кашель не давал ей спать всю ночь! Казалось, что от него вся изба сотрясается. Лучше бы она ушла спать на сеновал. Ей снились такие прекрасные сны, ее мать, отец, беззаботное, радостное детство, какие-то другие прекрасные события, которых не было в яви. Как жаль, что это был сон. Радмила потерла глаза и сладко потянулась. За окном уже птицы пели песни весеннему солнышку. Она открыла сонные глаза. Странно, но его не было в доме.

— Он, наверно, уехал! Боги меня услышали! — обрадовалась она.

Черный ворон, которого ей оставил старик Земибор, уже переместился на полку и наблюдал сверху за Радмилой, посматривая на нее то одним, то другим глазом.

Радмила заново растопила печь — надо было приготовить что-нибудь горячее. Она вчера толком так и не поела из-за всех этих приключений и неожиданных гостей. У нее еще с осени остались сушеные и соленые грибы, довольно приличные запасы разных круп, в погребе стояла большая дубовая бочка моченых яблок. Было, как протянуть до урожая. Жалко, что у нее нет коровы. Денег у Радмилы сейчас не было. Да даже если бы и были, кто ей продаст кормилицу? И вообще не о чем говорить, почти всю скотину у сельских жителей угнали крестоносцы. Раньше им с матерью за лечение платили деньгами, это обычно были горожане или проезжие купцы. Радмила, когда у нее появлялись деньги, ездила на ярмарки и покупала себе одежду. Она так любила красивые яркие наряды, ленты, платки, бусы. У нее было несколько красивых сарафанов и новых вышитых рубашек, но она их берегла для важного случая, дома никогда не одевала. Да и зачем, кто ее тут видит. Если уезжала на охоту, то всегда надевала мужскую одежду, которую специально сшила себе

для поездок на лошади. Местные мужчины осуждали ее манеру одеваться, но она не обращала на них внимание. Еще у Радмилы был очень красивый и дорогой убор — венец из византийской парчи, принятый ее матерью от какого-то купца в качестве платы за лечение. Расшитый золотыми нитями, он искрился и переливался на солнце. Она его одевала всего раз, когда ездила в Псков с дядькой за покупками. Поездка была дальняя, но она стоила того. Какие завистливые взгляды были у псковских девушек! Она тогда себя чувствовала по меньшей мере княжной.

Растопив печь, Радмила сварила похлебку из сушеных боровиков. Сегодняшний день был распределен таким образом: сейчас она хорошо поест, накормит и напоит кобылу, и они с Голубой отправятся проведать местных жителей. Она нарядно оденется, заплетет косу, завяжет ее яркой лентой. Надо же себя как-то подбодрить! Жизнь налаживается! Говорят, князь Александр одержал большую победу над немецкими рыцарями. Еще говорят, что он молод и хорош собой. Если бы Новгород был не так далеко! Она бы съездила, хоть краем глаза посмотрела бы на спасителя!

Девушка сходила к ручью за водой. У нее еще был возле дома колодец, но она им редко пользовалась. Вода в ручье была кристально чистая и приятная на вкус. Волосы после нее становились как шелк. Ручей был ледяной даже летом. Мать говорила, что вода в нем не простая — она исцеляет тело и укрепляет дух. Она называла его «Сварогов ручей». Двери конюшни были распахнуты.

«Забрал своего коня и уехал!» — подумала Радмила. Она зашла в конюшню и чуть не выронила ведра. Рыцарь никуда не уезжал. Он был здесь — стоял на коленях, руки его соприкасались ладонями на уровне груди, голова опущена. Какие-то монотонные фразы чужого языка. Он был настолько поглощен молитвой, что и не обратил внимания на вошедшую девушку. Радмила опустила ведра с водой.

«Что он делает? Молится, что ли, своему богу? Почти совсем как наши христиане!» — она вспомнила молящегося отца. — «Я не собираюсь ждать, пока он закончит! Напою лошадей! Меня еще сегодня ждут дела! Пусть молится сколько хочет! А потом уезжает! Я уеду раньше. Пусть забирает все, что вздумает. Брать все равно нечего! Даже, если весь дом вверх ногами переве»рнуть!

Радмила про себя посмеялась. Она покормила лошадей и пошла собираться в дорогу. Рыцарь по-прежнему пор молился, не поднимаясь с колен.

«Он еще здесь? Надеюсь, к вечеру его уже не будет», — девушка забралась на свою кобылу, устроилась поудобнее в седле, и поскакала лесом в сторону села.

Она долго ехала по лесной тропинке. Хотелось побыстрее добраться до села, ей не терпелось встретиться с людьми, узнать, как они сейчас живут, послушать, что расскажут. Наконец она выбралась из леса.

— Быстрой, Голуба! Что же ты так плетешься! То тебя остановить невозможно, то ты еле скачешь! — Радмила посмотрела вдаль, какое-то нехорошее чувство закралось в сердце. Она почувствовала в горле комок.

«Где же село?! Здесь было столько домо!» — это повергло ее в ужас, что-то заledenело в груди Радмилы и стало опускаться ниже и ниже.

Вдалеке виднелись темные развалины. Это были избы, сгоревшие полностью или не до конца, точнее то, что от них осталось. Возле некоторых наблюдалось некоторое движение.

— Вперед, Голуба! Почему ты так упрямишься! — взволнованная девушка поторопила лошадь. Из полусгоревшей избы вышла женщина в разорванной душегрейке, с маленьким ребенком на руках. Ему было около двух лет; он плакал и отчаянно бил мать своими маленькими кулачками!

Ей вроде бы было знакомо ее лицо, но она никак не могла вспомнить эту женщину.

— Ты ли это, Марьяна?

Она постаралась вспомнить эту женщину. Когда-то она была красивая, пышная телом. А сейчас перед ней стояла тень. Под глазами были темные круги. Впавшие щеки. Ей было-то всего двадцать два года, а можно было подумать, что все сорок. И мужа ее она тоже хорошо знала. Веселый, озорной, он даже к ней сватался года четыре назад, но мать была против. Радмила в ту пору была очень молоденькая, и меньше всего думала о замужестве. Долго парень тогда ее обхаживал — то полевых цветов положит под окно, то корзину ягод соберет.

— Успеешь еще хомут на себя надеть, как детишки пойдут, так твоя вольная жизнь и кончится! Сплошная пахота с утра до ночи, погоди, не торопись!

Такого себе жениха отхватишь, все девки от зависти лопнут! — мать считала, что он не пара Радмиле.

Сколько Марьяна слез пролила, одной ей это было известно. Тогда она возненавидела Радмилу и долго с ней еще не здоровалась, сплетни стала распускать, под крыльцо разные гадости подбрасывала. Явор — так звали парня, всегда нравился Марьяне, и не только ей, а еще многим девушкам. Здоровый и крепкий, он даже один раз на спор поднял молодого бычка, пудов под восемь весом. Ему говорили, не надо, мол, живот надорвешь, а тот хоть бы хны. Парень не стал долго горевать после окончательного отказа матери Радмилы. Через полгода примерно он женился на Марьяне. Каким-то образом ей все же удалось его на себе женить. Вскоре у нее родилась дочь, а следом — сын. Ее ревность была настолько сильна, что даже после замужества, она, будучи на сносях, наотрез отказалась позвать старую Баяну принимать роды. Пришлось позвать повитуху из соседнего села, но та не имела большого опыта, в результате дочь Марьяны еле спасли, да и Марьяне тоже не сладко пришлось, только через месяц после родов оправилась.

— Ты меня уже не узнаешь, Радмила. Неужели я так изменилась? — Марьяна прижала к себе плачущего сына.

Радмила даже не знала, что ей ответить.

— А где твой муж и дочь? — тихо спросила она.

Марьяна в ответ закрыла ладонью лицо и зарыдала.

— Их больше нет! Я успела спрятать сына в погреб, когда они пришли! Эти нелюди! Хотела спрятать Ждану, но не успела... а Явор... Он... — рыданья прервали ее голос.

Радмила прыгнула с лошади и подбежала к молодой женщине, обняла ее, гладила по спине.

— Марьяна! Ну, не плачь, милая! Их уже не вернешь! Я понимаю твое горе! У тебя еще сын.

— Что ты понимаешь! Тебе не надо ни ком заботится! — женщина отстранилась, не прекращая рыдания — у нее уже начиналась истерика. — У тебя нет детей и мужа! Ты не представляешь, что такое потерять ребенка! Мой

сын... Мне его даже нечем накормить! У меня нет молока! А он этого не понимает...кричит и кричит!

— Да. Не представляю. Марьяна, хочешь, поехали ко мне жить. У меня есть коза! В лесах еще полно дичи! Мы бы с тобой справились. Я одна, конечно, не смогу, вдвоем можно попробовать.

— Спасибо тебе, Радмила, я подумаю. Хорошо? — несчастная женщина стала понемногу успокаиваться, — не хочется дом бросать, понимаешь? Мне иногда помогают. Какая с меня охотница, курицу не могу зарубить! Но я подумаю.

— Тогда я поеду. Ну, ты держись! — Радмила забралась на лошадь, мысленно проклиная длинный сарафан.

— И тебе удачно добраться! — Марьяна горько смотрела в след своей бывшей сопернице. — Какая же она удалая, не то, что я,— женщина тяжело вздохнула и пошла к своему обгорелому дому, которым она раньше так гордилась.

Радмила уже подъезжала к своему подворью. Она не стала спрашивать Марьяну про остальных погорельцев. И так было все ясно — треть села сгорела. А она лечила этого рыцаря! Девушка начала себя ненавидеть. Она уговорит Марьяну, вдвоем все-таки веселее. Марьяна бы ей помогала, она хорошая хозяйка и дом у нее всегда был в порядке. Неплохая жена была она Явору. Характер, правда, не простой, но что им уже делить?

Дверь ее избы была открыта. Она же ее закрывала на засов. Радмила очень удивилась — она думала, что крестоносец уехал.

Девушка быстро вошла в избу. Рыцарь по-прежнему был в ее доме. Он сидел посреди избы спиной к выходу и, начищая какой-то продолговатый предмет, напевал себе под нос незнакомую песню, при этом ужасно фальшивя. Ах, это он нашел старый заржавевший меч ее погибшего брата. Радмила никогда его не трогала, он был тяжел для женских рук, и поэтому не представлял для нее никакого интереса. А это что за дела! Он мылся, в избе кругом стояли лужи воды! Радмила посмотрела на его чистые волосы цвета спелой пшеницы — раньше она не могла толком определить их оттенок, так они были испачканы кровью.

Она швырнула свой кафтанчик на скамью. Мужчина прекратил свое пение и повернулся вполоборота. Окинул ее быстрым взглядом, опять начал чистить меч и напевать другую, еще более неприятную для Радмилы песню.

«Чувствует себя повелителем!» — Радмила подошла к столу. Сожженный дом Марьяны стоял перед глазами.

— Уходи ты, наконец, из моего дома! Я вылечила тебя, и довольно! — сказала девушка и, чтобы как-то объяснить свое недовольство, топнула ногой в лужу. Брызги разлетелись во все стороны перед самым лицом рыцаря, который уже перестал и петь, и чистить меч. И теперь с равнодушным спокойствием наблюдал за Радмилой. Ворон на полке громко закаркал, распустил крылья, как будто тоже выражал свое недовольство происходящим.

«Еще и не выгонишь! Весь дом превратил в болото! Чистюля! И не собирается никуда уезжать! Еще одна ночь такого ужаса, и я сама сбегу отсюда! Пойду спать на сеновал!» — Радмила собрала в охапку одеяло, пару шкур, одежду и вышла, закрыв за собой дверь.

— Голуба, ты уже сама зашла, не дождалась! А я сегодня ночую с тобой, ты, наверно, будешь рада! — Радмила прикрыла двери, подошла к своей лошади и обняла ее за шею.

Было еще не темно, но девушка решила лечь пораньше, чтобы выспаться хотя бы этой ночью. За стеной не прекращалось ужасное пение.

Да это какой-то певчий, а не воин! Надо было захватить еще шерстяной платок!

Она стала готовить себе постель в углу, на сене, расстелила шкуры. В конюшне было тепло. Лошади нагрели небольшое помещение теплом своих больших тел. Радмила сняла свой выходной наряд и бережно положила на чистую сухую траву, затем надела длинную рубаху из грубого льна и легла, накрывшись сверху одеялом.

Она крепко спала, когда сквозь сон слышался мужской голос:

— Есть тут кто живой? — раздался низкий незнакомый голос уже где-то рядом. Радмила закуталась в одеяло — ей больше нечего было накинуть, и вышла. Голос принадлежал молодому мужчине, сидевшему на рыжей лошади. Он был богато одет, как и другой, совсем молодой парень. Они были похожи. Это явно были братья

— Здравствуй, красивая! Мы тут проезжали по лесу, смотрим — свежие следы, вот и подумали, куда же они ведут? Глянь — вот и изба виднеется. Может, примешь путников?

— Только рассвет начался, а вы уже по лесу разъезжаете! — Радмила не имела никакого желания разговаривать с незнакомцами.

— Спать хочешь, девица? Так ты ложись, а мы тебя согреем! — они, смеясь, переглянулись.

— А может, тебя уже кто-нибудь греет? А? Что-то ты негостеприимная! — мужчина неприятно ухмыльнулся.

— Езжайте, откуда приехали! Если нашли дорогу к моему дому, значит, и назад найдете! — Радмила уже было направилась обратно в конюшню.

Незванные гости вовсе не собирались возвращаться. Они слезли со своих лошадей и нахально рассматривали девушку.

— Смотрика! А она ничего! Пойдет! Как тебе? — мужчина, что был лидером, вопросительно посмотрел на своего спутника. Тот только кивал головой и смотрел на девушку с вожделием, слегка приоткрыв рот. Он напоминал слабоумного.

— А ты нам не груби! Язычокто можно и подрезать! Кому ты такая потом нужна будешь? Давайка с нами поласковому. Мы парни неплохие. Позабавимся малек, и уедем.

Радмила уже поняла, что им нужно. Она сразу заметила, что их богатая одежда была, как будто с другого плеча, и сшита на более крупных людей.

Разбойники! Ее сердце бешено застучало. Она бросилась в конюшню, хотела задвинуть засов, но разбойник опередил ее. Голуба, почувствовав неладное, нервно заржала. Ее настроение передалось вороному жеребцу. Он подал свой мощный голос и поднялся на дыбы. Еще немного — и он сорвется с привязи и разнесет весь загон.

Сильные руки схватили девушку за лодыжки и поволокли. Рубаха совсем задралась, обнажая стройные ноги и ягодицы. Радмила пыталась ухватиться за что-нибудь, но в руках оставались только пучки травы. Ее усилия были бесполезны, хотя она и сопротивлялась как могла.

— Хорошая девка, только худовата немного! Помогай, чего стоишь. Вали ее на спину и стаскивай одежду! Быстрее! — крикнул дурачку старший разбойник. Слабоумный послушно выполнил приказ. Бедная девушка царапалась и отбивалась. Справиться с двумя мужчинами было невозможно.

Их это только еще сильнее раззадорило. Идиот крепко держал ее сзади за локти и издавал нечленораздельные звуки, сродни ликованию. Волосатые руки уже грубо мяли ее нежную грудь.

— Ай, хорошато как! Совсем молодая... Как я соскучился по девичьим сиськам...сладенькие! — елейным голосом приговаривал разбойник

Радмила с ужасом наблюдала, как он полез в штаны. Лучше бы он ее убил! Он склонился над ней, возбужденно дыша. Его зловонное дыхание обдавало лицо. Радмила укусила его за мочку уха. Тот сразу резко схватился за покалеченное ухо, кровь потекла между пальцев.

— Ах ты, дрянь! Значит, не хочешь по-хорошему? — его лицо исказилось, и он размахнулся.

Тем временем Ульрих закончил свою работу и устроился на лежанке. Все лавки в этом доме оказались для него слишком узкими и скрипели. Ему не спалось. Сильный кашель душил его всю ночь, выворачивал наизнанку — простыл, видимо, когда промокший лежал без сознания в лесу. Еще эта чертова ворона все время каркает, не дает уснуть. Девчонка устроила такой скандал. И из-за чего? Он всего лишь помылся! Не ходить же ему грязным! Не повезет комуто с женой! Сварила какие-то помои. Он даже бы своей лошади такое варево не предложил. И никакого уважения к оружию! Надо же было умудриться довести неплохой меч до такого состояния! Вбила себе в голову, что он собирается ее изнасиловать! Ему стало смешно. Шесть лет, которые он провел в ордене, полностью изменили его образ жизни, его характер, закалили тело. За эти годы он из юноши превратился в мужчину с железной волей, управляющим своими чувствами и потребностями. Сейчас все его мысли были направлены только на служение Богу и Ордену. Он считал, что братья Ордена выполняют очень важную миссию. Сражаясь с язычниками и другими иноверцами, они просвещают население и несут ему истинную веру Христа. Правда, с годами он стал замечать подлинные цели гохмейстера ордена и епископов. Это была обычная экспансия, проще говоря, захват земель и грабеж.

«Но это же язычники, мы им несем свет истинной веры! Ничего, если они немного и пострадают при этом»!— объяснял он так себе, когда уж больно донимали сомнения.

Тевтонский орден по количеству своих земель и богатств уже мог поспорить с орденом тамплиеров, самым могущественным в те времена. Алчность руководства хоть и раздражала, но не подорвала его веры. Для себя он решил, что не всегда стоит беспрекословно подчиняться старшим по званию. Ульрих создал себе некий свой мир, где он сам был судьей, выносил приговоры и решал судьбу провинившихся подчиненных. О его некотором своеволии, естественно, было известно и магистру, и великому гохмейстеру ордена. Но они закрывали глаза на это, так как это был его единственный недостаток. Он никогда не переходил грань дозволенного, знал меру в своем неповиновении. При этом Ульрих был хорошо образован, что было большой редкостью среди братьев. Он свободно разговаривал на французском языке, хорошо знал английский; неплохо говорил на языке эстов — его часто просили быть переводчиком. Кроме того, он пользовался большим уважением среди рыцарей ордена, поддерживал образцовую дисциплину и никому из подчиненных не позволял распускаться. Не для кого уже было секретом, что большинство рыцарей ордена вели, мягко говоря, вольный образ жизни, соблюдали только внешние формы, у некоторых из них были даже незаконные дети. Не так давно Ульриху стал известен один такой факт, ему донес его сержант, о том что молодой братрыцарь, Андреас фон Швабен, находящийся под его началом, имеет тайную семью — содержит женщинучудинку и ребенка.

Ульрих не поверил. Он проверил сам лично и убедился в достоверности слов сержанта. Он мог созвать суд над Андреасом, но не стал предавать огласке это проступок молодого брата. Он сам решил вершить правосудие, ограничившись раскаянием со стороны легкомысленного юноши и хорошей поркой кнутом, после которой Андреас с неделю не мог, ни сесть, ни лечь на спину, ходил, будто кол проглотил, вызывая этим улыбки братьев. Это, конечно, было незаконно, он обязан был известить магистра, но братья, которые были в курсе этих событий, выразили молчаливое одобрение. Ведь они знали, что если узнает магистр, Андреаса, скорее всего, ждало либо жестокое наказание, либо изгнание из ордена. Этот обаятельный молодой человек был всеобщим любимцем, без его остроумных шуток становилось скучно и тускло в стенах мрачной крепости. Андреас после этого проникся к своему командиру самыми

теплыми чувствами, и, как только мог, выражал свою благодарность. Он из кожи вон лез, чтобы вернуть утраченное доверие. Его веселый нрав и старания довольно скоро пробили стену в душе Ульриха.

Да что там говорить! Ульрих в глубине души хорошо понимал юношу. Он напоминал ему о его молодости, о родном доме, о первой любви. Да и ему самому этого так не хватало!

«Интересно, остался ли он в живых после этого сражения? Эта девушка-дикарка чем-то напоминает Андреаса, такая же забавная», — Ульрих вспомнил, как она с ним расправилась, и улыбнулся. Сначала он обозлился на нее, а теперь со смехом представил эту комичную картину — как он с грохотом валится на пол, словно подпиленное дерево.

«Совсем не похожа на неженку Хильдегард. Она бы так никогда не смогла. Девчонка сущий демон! Глаза сверкают как молнии! Вбежала разъяренная! Что-то ее сильно разозлило! А какая красotka! Правда, готовить совершенно не умеет. Страшную бурду сварила, как она только ее ест? Если бы он только захотел, она бы уже давно оказалась на божьем суде. Глупая женщина, неужели она этого не понимает!» — Ульрих рассмеялся и перевернулся на другой бок, — да, она видная девица! Господи, прости меня за грешные мысли! — он слез с печи, стал на колени и начал молиться. Его молитву прервал шум за дверью, потом донесся мужской голос. Ульрих прислушался, посмотрел в окно. Начинало светать.

«Опять к ней какой-то знакомый», — и он продолжил.

За стеной громко, взволнованно заржала лошадь.

«Лотарь!» — Ульрих быстро поднялся с колен и взял меч. Он так и не дочитал до конца молитву.

Тяжелый кулак чуть не свернул Радмиле челюсть. В ее глазах потемнело от боли. Все закружилось вокруг нее: лошади, стены конюшни, сеновал, человек стоящий перед ней на коленях, потом медленно поплыло. Нет, ей нельзя терять сознание! Девушка сильно зажмурилась и потрясла головой. Понемногу сознание стало возвращаться. Сквозь темную пелену пред глазами она увидела, как на фоне восходящего солнца возник темный силуэт. Идиот, державший ее руки, издал тревожный звук и отпустил ее. И в этот миг горячая

пульсирующая струя ударила ей в лицо, и тяжелое тело придавило ее к сну. Она еще толком не пришла в себя.

«Что со мной» ... — Радмила прикоснулась к своей ноющей челюсти. Она ощутила на губах терпкий привкус крови.

«Кровь? Моя? Как тяжело»... — девушка с трудом выбралась из-под придавившего ее мертвого тела. Она еще плохо понимала происходящее. Голова раскалывалась на части. Она встала, оперлась на стену. Ноги тряслись. Радмила в забытьи побрела к дверям, держась за стену. Заметила обезглавленное тело, но ей все это представлялось каким-то страшным сном. Сейчас она проснется и все исчезнет! Быстрее к свету!

Девушка стояла в дверях. Оранжевое солнце поднялось над лесом. Радмиле оно показалось каким-то зловещим. Она его сейчас ненавидела. Почему она не просыпается? До нее донеслись испуганные вопли. Она уже поняла, что это не сон. Радмила прищурила глаза. Прочь от дома убегал слабоумный. Он то падал, то вставал, размахивая руками, оборачивался и снова падал. Следом за ним большими шагами шел рыцарь. Вот он настиг дурачка, который опять упал и закрыл голову руками, одним рывком за шиворот поднял с земли и занес высоко над собой меч. В свете лучей блеснуло лезвие. Радмила закрыла уши руками, чтобы не слышать страшного хруста. И рассеченное на две части тело рухнуло на снег.

В голове не было никаких мыслей. Она стояла и смотрела на солнце. Она не видела, как рыцарь вытянул за ноги из конюшни труп насильника. Как он отволол оба тела в лес.

Она бы еще долго стояла, если бы он к ней не подошел и не закрыл собой солнце. Он молча накинул на ее обнаженные плечи одеяло. Радмила опустила голову, крупные слезы потекли из ее глаз. Она вытирала их одеялом, но они текли и текли. Никто никогда ее не защищал. Она давно привыкла надеяться только на себя. Она никогда не была плаксой. Как-то, лет десять назад, она свалилась с дерева и сильно ушиблась. Вместо того, чтобы ее пожалеть, мать только отругала и сказала, что ни женщине, ни мужчине плакать не позволительно. Боги наказывают людей за слезы. Но в последнее время, оставшись совсем одна, Радмила чувствовала такое одиночество, что сдержать слезы не было никаких сил.

— Спасибо тебе! — тихо сказала Радмила.

Рыцарь ничего ей не ответил. Он взял ее за подбородок и немного приподнял.

Радмила посмотрела ему в глаза. Они возбужденно горели, как яркие звезды. Но это был не взгляд охваченного похотью насильника, а взгляд человека, возбужденного пролитой кровью. Он поправил сползавшее одеяло и отошел.

Радмила еще постояла немного. Она себя чувствовала такой грязной, что тихонько рыдая, бросилась бежать к ручью. Он смое с нее всю эту скверну! Зашла по колена в ледяной ручей. Ее бил озноб. Ладонями зачерпывала воду, лила на себя. Холод проникал в ее тело, сводил ноги. Она думала, что никогда не отмоеся от тех грязных лап. Радмила мысленно обратилась к богам, умоляя очистить ее тело. Где-то рядом заворковал дикий голубь. Девушка решила, что это знак, и ее молитва была услышана. Она поднялась из ручья и, дрожа всем телом, побежала к конюшне.

В помещении стоял тяжелый запах. Длинный багровый след тянулся через всю конюшню, разрытое сено было местами пропитано кровью. Радмила зажала пальцами нос. Она больше здесь не могла находиться, после всего перенесенного. Тошнота подступала к горлу. Ее одежда... где она? Радмила посмотрела по сторонам, еле сдерживая рвоту. Возле стены валялись ее помятый нарядный сарафан и остальные вещи. Надо как-то снять напряжение, успокоиться! Есть только одно средство. Девушка метнула быстрый взгляд на Голубу. Лошадь мгновенно уловила ее мысли и радостно застучала копытами. Бешеная скачка! Если бы ее хозяйке только было известно, как она это обожала! Ее неукротимая энергия требовала выхода. Девушка оделась и вскочила в седло.

Вокорение Воталя

Голуба вылетела из конюшни вихрем, и Радмила, чутьчуть не задев головой дверной проем, едва успела пригнуться. Вот кобылица уже на лесной дороге, и с нетерпением ждет команды хозяйки.

— Галопом! — крикнула отчаянная наездница и хлестнула кобылу плеткой.

Лошадь громко заржала, встала на дыбы, глаза у нее восторженно засверкали. Молодая всадница едва удержалась в стременах. Голуба задержалась на миг. Она снова почувствовала это потрясающее ощущение, когда они с Радмилой сливаются в одно целое. Сейчас она покажет себя этому лесу и его обитателям!

Через некоторое время, изрядно вымотавшись, девушка и кобылица вернулись домой.

Радмила с удивлением обнаружила в конюшне двух привязанных лошадей.

— Он их завел. Не оставил на холоде. Надо будет их комунибудь продать, — мелькнуло в голове.

Она долго не решалась зайти в дом. Напоила уставшую лошадь, накормила всех лошадей, убрала из конюшни испачканную солому, подавляя отвращение. Вороной конь стоял в загоне, значит, рыцарь еще здесь, как теперь смотреть ему в глаза? Ведь он видел ее обнаженной! Ей было так неловко перед ним! Девушка набросила на себя одеяло, она совсем застыла и дрожала от холода. Вся теплая одежда осталась в доме. Она вспомнила его бледное лицо. Он был еще нездоров. Как же его отблагодарить? Затаив дыхание, девушка тихо зашла в сени. Поразмыслив, спустилась в погреб, достала медовый квас, яблоки. Она поднималась по лестнице, пытаясь замедлить каждое свое движение. Еле слышно открыла внутреннюю дверь, сделала шаг — и чуть не споткнулась. На полу возле двери лежала разделанная тушка косули. В избе пахло жареным мясом. Мужчина сидел за столом, широко расставив ноги, и энергично уплетал за обе щеки.

«Когда он успел добыть косулю? Получается, я так долго отсутствовала? — Радмила еще минуту постояла на пороге и маленькими шажками подошла к столу. Поставила кувшин с квасом, миску с яблоками. Мужчина вытер рукой

рот и пододвинул к ней сковороду с жареными кусками дичи. Радмила присела и взяла самый маленький кусочек.

Рыцарь уже поел, встал из-за стола и, удовлетворенно вздохнув, сел на скрипучую лавку напротив девушки. Радмила медленно протянула руку за следующим куском. Она краем глаза посмотрела в сторону сидящего мужчины.

«По-моему, он улыбается, я что-нибудь не так делаю? — она почувствовала, как ее щеки стал заливать румянец. Радмила проглотила кусок не разжевывая, и, как следовало ожидать, подавилась. Кусок застрял у нее в горле. Она попыталась все-таки проглотить, стучала себя по спине, но злосчастный кусок так и оставался на месте. Радмила была в отчаянии и вся покраснела от стыда, вызванным ее безвыходным положением.

Рыцарь в это время покатывался со смеху. Он уже двумя руками держался за живот, не в силах смеяться. Старая лавка под ним страшно затрещала и сломалась. Он так и сел на пол, вместе с лавкой. Черный ворон сорвался со своей полки и стал летать по всей комнате, испуганно каркая, в поисках выхода. Мужчина тут же вскочил, громко выругался, пнул ногой трухлявое дерево. Он был сильно раздосадован.

Радмила еле сдерживала смех, закрывая рот рукой. Но это было выше ее сил. Кусок моментально выскочил из горла, и она от всей души рассмеялась. От смеха из глаз брызнули слезы. Давно она так не веселилась! Она не обращала внимания на его гневный взгляд. Она просто давилась от смеха! Все ее печали как рукой сняло. Она уже забыла про разбойников.

Он стоял над ней, скрестил руки на груди и сердито смотрел, как она хохочет. Ворон решил воспользоваться ситуацией и спикировал вниз за сочным куском.

«Как мне осточертела эта наглая птица, сейчас я ее прибью!» — Ульрих поднял полено и запустил в вора. Но немного промазал, и глиняный горшок с грохотом упал на пол. Ворон победоносно каркнул и приземлился на сундук. Девушка умирала со смеха. Она так заразительно смеялась, что он тоже не выдержал и стал смеяться. Потом она как-то резко замолчала, вытерла глаза. Он еще продолжал смеяться. Радмила с любопытством глянула на него.

« Как же меняется выражение его лица! Еще несколько минут назад он с высокомерным видом, не удостоив ее и взглядом, шваркнул ей под нос

миску, как будто она его прислуга. А теперь стал похож на вредного шкодливого мальчишку! Какой странный человек!» — Радмила задумчиво на него посмотрела. Смеется как ребенок! А какие он бросал на нее злобные взгляды, когда лежал на полу, и не мог встать!

Ульрих заметил, что она молчит, и тоже перестал смеяться. Улыбка сошла с его лица. Он снова стал надменным рыцарем. Между ними возникла напряженная пауза.

Тевтонцу было неуютно в обществе красивой девушки. Он слышал соблазнительный женский запах. А он уже давно не был с женщиной, и тело властно напоминало ему о своих потребностях. Ульрих гнал прочь от себя эти нечестивые мысли и образы. Он не связывался с постоянными любовницами, брал женщин, когда хотел, мало считаясь с их согласием. Но сейчас было несколько иначе. Ведь она спасла ему жизнь. Жалость, которую он испытал сегодня утром к девушке, сменилась яростью. На самом деле он больше злился на себя. Он думал, что способен управлять своей плотью. Он больше не поддастся этому искушению. Уставилась на него своими огромными глазами! Хоть бы постеснялась на мужчину так смотреть! Глупая! Наверно, она не понимает, как он борется с собой! Если бы он не прикрыл ее, она бы так и осталась стоять в чем мать родила! Чего от нее ждать? Язычница! Пресвятая дева, избавь его от этого наваждения! Завтра же он покинет ее жилище. А сейчас самое лучшее для него будет лечь спать. Впереди предстоит длинная дорога.

Ульрих вытер вспотевший лоб и направился к лежанке. Молча прошел мимо стоявшей девушки и забрался на печь. Приступы кашля один за другим совсем измучили его.

Радмила вздохнула. Опять ее ждала бессонная ночь. В конюшню она теперь ни за что не пойдет.

«Может, натереть его барсучьим жиром, это бы смягчило кашель. Еще неплохо бы снотворное принять. Если он, конечно, захочет. Он такой странный! Это единственное, чем я могу его отблагодарить,— подумала девушка.

Она ходила в чулан и вернулась с двумя маленькими горшочками. Содержимое одного развела водой и перелила в кружку. Радмила подошла к печке, встала на цыпочки.

— Слезь, прошу тебя, с лежанки! Я натру твою грудь, тебе легче станет! — Радмила дотронулась до его плеча. Ульрих вскочил как ужаленный. Радмила стала ему жестами объяснять, что она хочет натереть его. Она дотрагивалась до своей груди, делала круговые движения рукой, подносила к нему горшочек, показывала, что это всего лишь жир, глубоко дышала, чтобы как-то объяснить ему, что она хочет сделать.

— Какой ты несообразительный! Тебе же станет намного легче! Ты сможешь уснуть! — Радмила изобразила кашель. — И я тоже усну! — она указала пальцем в сторону своей кровати и закрыла глаза. — Понимаешь, я не могу больше ночевать в конюшне! Там так страшно!

Ульрих был поражен. Такого он еще не видел! Что она хочет этим сказать? Что пламя страсти кипит у нее в груди? И ей не спится одной? А эти снадобья для улучшения мужской силы? Видит бог, он не против облегчить ее страдания! — с этими приятными мыслями пораженный Ульрих упал на спину.

— Вот и хорошо! — Радмила улыбнулась и посмотрела на его покрасневшее лицо. — Тебе совсем плохо! Ладно! Лежи уже! Я не такая гордая, как ты! — Девушка подставила лавку к печи, забралась на лежанку и присела рядом.

— Да ты весь взмок! Вот упрямый гордец! Снимай с себя рубашку! — Радмила дернула за материю.

Он сразу понял ее намек и мгновенно сорвал с себя рубаху. По его мускулистому телу прокатилась дрожь.

— Сначала выпей! — девушка подала ему снотворное, — это поможет уснуть. У тебя озноб!

Ульрих взял из ее рук кружку. Самоуверенно улыбнулся и вопросительно поднял бровь. Если бы она опустила свою руку ниже, она бы убедилась, что ему это не понадобится. Радмила утвердительно кивнула.

«Что я делаю! Попробую все же этот напиток», — Ульрих осушил содержимое кружки. Оно оказалось приятным на вкус.

— Ложись на спину! — сказала Радмила строгим голосом и слегка толкнула его. Она всегда чувствовала свою власть над больными.

«Девчонка хочет поиграть, я ей предоставлю такую возможность»! — Ульрих подавил смешок. Ему стало интересно, что она же будет делать дальше, и с притворным послушанием откинулся на подушку.

Радмила достала из горшочка небольшое количество жира, нанесла на грудь крестоносца и легкими движениями стала втирать. Она посмотрела на красивое, с правильными чертами лицо. На высокий лоб падала прядь золотистых волос. Властные, идеально очерченные губы соблазнительно улыбались. Сильный, волевой подбородок указывал на решительный характер. Могучая шея плавной линией перетекала в широкие, красиво очерченные плечи. Какие-то незнакомые чувства возникли в душе девушки.

Он очень красив и хорошо сложен, ни у кого из знакомых парней не видела таких крепких рук, такой широкой груди....

От таких мыслей ей стало неловко. Не глядя ему в лицо, Радмила втирала лечебный жир, стараясь не задеть больное место. Потом, ощутив на себе его взгляд, подняла пушистые ресницы. Он неотрывно смотрел на нее своими зелеными глазами. Как будто молния пробежала по телу девушки, ей стало жарко, сердце сильно застучало. Что это с ней? Надо поскорей растереть его! Ее неудержимо влекло к этому красивому парню! Стыд-то какой! Он же враг! Она ускорила свои движения, стараясь быстрее закончить процедуру. А Ульрих замер от удовольствия. Как давно женские руки не дотрагивались до его тела! Он еле сдерживался. Она определенно сводит его с ума!

Радмила почувствовала, как он нежно взял ее руку и поднес к своим губам. Его горячие губы коснулись ее ладони и поднялись выше к запястью. Она чуть не вскрикнула от неожиданности! Он поцеловал ей руку! Ей еще никто из тех, кого она лечила, не целовал руки! Радмила прикрыла рот ладонью. Он смотрел на нее странным, незнакомым юной девушке, мужским взглядом. Его глаза только что метали искры ненависти, а теперь излучают потоки света, на губах блуждает чувственная улыбка!

Наконец снотворное начало действовать. Слабость теплыми волнами разлилась по его телу, потушив бушующий внутри жар. Веки с каждой секундой становились все тяжелее и тяжелее. Ульрих никак не мог понять, что же с ним происходит. Несколько минут назад он весь пылал от желания, кровь кипела в жилах, да так, что вотвот прорвется наружу. Он незаметно опустил вниз руку — его восставшее естество стало совсем мягким.

«Это божья благодать спустилась на меня... Святая дева сжалилась надо мной!»
— Ульрих с облегчением закрыл глаза и погрузился в глубокий сон.

«Засыпает»... — Радмила улыбнулась, осторожно подтянула одеяло к его шее.
— «Спи, я тоже пойду».

Она тихо, чтобы не разбудить спящего рыцаря, спустилась с лежанки. Спустя пару мгновений она лежала на своей набитой перьями перине. Перед глазами стояло красивое лицо крестоносца с распутной, соблазняющей улыбкой.

Что со ней происходит? Никогда в жизни не испытывала ничего подобного!

Ей хотелось, чтобы и он прикоснулся к ней, ласкал ее, обнимал. По ее телу разливался жидкий огонь, грудь сладко ныла, внизу живота стало влажно, — задыхаясь от необычайных эротических чувств, о которых раньше она не имела никаких представлений, взволнованная красавица так и не заснула, пролежав без сна до самого утра.

Утро началось как обычно. Животные требовали ухода. Напоить четыре лошади — это означало несколько раз сходить к ручью и обратно. А еще надо убрать в конюшне, в стойлах должно быть было чисто.

Радмила, совсем измучившись, сидела на скамье возле дверей сарая. Лошади разбойников, видимо, привыкли к частой смене хозяев. Она сразу обратила внимание на их покладистый нрав. Не то, что ее Голуба! Радмила и в страшном сне не могла себе представить, что произошло бы, если бы она шла у лошади на поводу. Эта непоседа сразу же убежит, попробуй ее только не привязать покрепче! Но несмотря на все шалости Голубы, Радмила не променяла бы ее ни на кого.

Лошадь и сейчас была настроена игриво, впрочем, как и всегда. Она тоже решила приласкать хозяйку, и любовно прихватила за плечо.

— Ах ты, разбойница! — Радмила тут же схватилась за место «поцелуя» — Больно! Ты меня укусила, противная шалунья! Ты не видишь разницы между моей кожей и своей толстой шкурой! — и шутливо замахнулась на Голубу. Она знала о лошадиных повадках, что они таким образом выражают свою любовь — легким покусыванием. Кобыла отпрянула, сделав вид, что ей очень страшно. Она чувствовала, что Радмила на нее ни капельки не сердится.

Погода сегодня была такая чудесная. Девушка с наслаждением слушала пение птиц и шум леса. У нее в этот день было прекрасное настроение. В голове мелькнула безумная идея. А что, если она оседлает вороного? Бедная покинутая лошадь совсем застоялась! Несколько дней безвылазно стоит в конюшне! Вроде бы он к ней привык. Этот исполинский конь может ей этого не позволить. Но почему бы не рискнуть? Радмила пришла в восторг от своего замысла и, предвкушая удовольствие, направилась к вороному коню. Голуба ревниво заржала.

— А ты еще вдобавок ревнивица! — Радмила обернулась на обиженную кобылу, — каждый раз я узнаю о твоём характере что-то новое!

Жеребец с полным безразличием отнесся к подошедшей к нему девушке. Но стоило ей протянуть руку, как он недовольно фыркнул и оскалился.

— Может, хватит уже так ко мне относиться? — с мягкой укоризной обратилась она к жеребцу. Он стал неистово рыть копытом солому. Дерзкая девчонка не собиралась отказываться от своей затеи. Главное — показать ему, что она его не боится. Радмила подошла еще ближе, положила правую руку на храп лошади и прямо посмотрела в центр его лба. Своего рода гипноз. Она должна с ним установить мысленный контакт, он должен понять ее намерения. Глаза жеребца налились кровью, но Радмила не отводила от него взгляд. Стоит ей это сделать — все потеряно. Животное сразу поймет свое превосходство. Их поединок продолжался несколько минут. Жеребец тряхнул гривой и потянулся к корыту с водой. Он сдался.

Радмила поставила ногу в стремя. Она колебалась. Кто знает, как это могучее животное поведет себя дальше. Он может ее запросто скинуть. Не останавливаться же ей на достигнутом!

И отбросив все сомнения, вскочила ему на спину.

Голуба, с взглядом, полным печали, проводила вороного коня с всадницей, глядя, как он, преисполненный достоинства, шагом направляется к выходу.

Жеребец вышел из конюшни и остановился. Радмила натянула поводья и хлопнула рукой по шее лошади.

— Так я и знала... — она слегка ударила хлыстом.

Жеребец рванул вперед, снова остановился, опустил голову и нервно заржал. Радмила не на шутку испугалась, ей были знакомы эти сигналы.

Жеребец метнулся в одну сторону, пытаясь ее сбросить, затем — в другую сторону. Он выгибал спину и подпрыгивал, но Радмила держалась изо всех сил. Перед ее глазами мелькали то небо, то земля, то лес. Спасало лишь то, что она была опытная наездница.

«Он ненавидит хлыст!» — догадалась Радмила. Она с силой прижала голени к крупу лошади и громко чмокнула. Тонкий слух лошади быстро уловил этот звук. Жеребец моментально успокоился и пустился рысью вокруг поляны. Радмила размеренно подпрыгивала в седле и переводила дух.

— Чтобы я еще раз на тебя села! Никогда в жизни! Голуба — золото по сравнению с тобой! — усталая девушка направила лошадь в сторону конюшни. Она не знала, что за ней наблюдают восхищенные глаза.

Рыцарь проснулся, лежал и обдумывал дорогу. Если девчонка его нашла в лесу, значит, где-то недалеко то проклятое озеро. Какой позор для Ордена! Он же предупреждал этого старого дурня комтура! Хитрый князь обвел их вокруг пальца, как малых детей. Умный полководец! Он все предусмотрел. Сначала пустил в центр, а потом окружил с обеих сторон и выманил на хрупкий лед. Кто бы мог предполагать, что их будет так много, против небольшого количества братьев и этих трусливых эстов. А датчане и епископ быстро сообразили, побежали, как паршивые псы, обратно! Ульрих тяжело вздохнул. Неприятные воспоминания нахлынули на него. Он не любил чувствовать себя побежденным и считал себя не лучше тех датчан, большинство которых успело убежать. Если бы не Лотарь, он бы сейчас был на небесах. Его подвел инстинкт самосохранения. Последнее, что он помнит — верный конь вытащил его, и он забрался на него. А дальше — провал в памяти. И вообще непонятно, как он оказался в лесу. Он не мог направить коня в сторону леса! Бежать с поля боя он считал позором для себя. Все в руках Господних! Он оставил его в живых, значит, его миссия служения во имя Его еще не закончена. Он коснулся еще не конца зажившей раны. Ноет! Девчонка искромсала ему всю грудь! Он, маловерный, чуть не поддался ее сатанинским чарам! Точно колдунья! Но Святая дева всегда рядом в трудную минуту.

Ульрих поднялся и приступил к сборам в дорогу.

«Девушка спрятала кольчугу в соломе, думает, я — последний глупец!»— Ульрих разложил на столе свои грязные вещи и критически осмотрел. — Да! Если я в таком виде появлюсь под стенами крепости, меня скорее примут за шута, а не воина! Все грязное! Нельзя ходить как свинья! — Ульрих, взяв пустое ведро, направился к двери и остолбенел. Девчонка сидела на его коне и размахивала хлыстом.

«Ничего, Лотарь ей быстро покажет, кто главный! Вот это зрелище будет»! — Ульрих бросил ведро, присел на порог и поудобнее устроился — вытянул свои длинные ноги и прислонился к дверному косяку. Насмешливо улыбнулся — скоро придется спасать нахалку.

«Колдунья! Определенно, колдунья!» — Ульрих приоткрыл рот, наблюдая за ловкой наездницей, как умно она управляет его лошадью.

«Еще чутьчуть, и Лотарь ее скинет, с чего это он ее послушался?»— ему стало неприятно.

— Эх, Лотарь! — рыцарь встал — желания смотреть это зрелище больше не было, взял ведро и пошел за водой к колодцу.

Он привел в порядок свою одежду, разложил ее возле печки сушить и присел отдохнуть перед длинной дорогой. Чем это она его вчера намазала? Горшочек с жиром стоял на лавке. Ульрих подошел, взял в руки и поднес к носу. Кажется, ему знаком этот специфический запах. Где-то он уже его слышал? Он вспомнил, как ее нежные ладони дотрагивались до его груди, и как он потом заснул. До него стало доходить, он еще раз понюхал содержимое горшочка, взял немножко жира и попробовал.

«Это же обыкновенный жир! Собачий или барсучий. Как я сразу не догадался! Вот глупец, она мне объясняла, как он действует, а я себе возомнил. Вечно не поймешь, что им нужно, этим женщинам! Странная она».

Ему стало немного досадно. Этой язычнице постоянно удавалось взять над ним верх. Не тем, так иным способом. То она его притащила раненого, хотя и мужчине было бы трудно поднять его в полном боевом снаряжении. То его боевую лошадь умудрилась укротить. Он и злился на нее, и в то же время не хотел ей причинять никакого вреда. Его раздирали противоречия. А главное — его мужская гордость была задета.

Разгоряченная и окрыленная своей победой над норовистым жеребцом, Радмила вбежала в дом как раз в тот момент, когда ее пациент пытался понять, что за загадочное снадобье находится в глиняном горшке.

— Ну, у тебя и конь, я скажу! Настоящий ураган! — девушка находилась под властью радостных эмоций и совсем забыла, что мужчина не понимает ни слова порусски.

«Он собирается уезжать», — она посмотрела на разложенную на полу одежду, — «вот и хорошо»!

Ульрих искоса посмотрел на нее — он был весь поглощен своими мыслями, потом перевел взгляд на горшок.

— Что ты его нюхаешь? Думаешь, я тебя отравить хотела? Можно, я поставлю на место? — Радмила подошла к нему и хотела забрать горшок.

— Отойди, женщина! — Ульрих только и успел ей сказать эти слова, как новый приступ кашля прервал его.

Кашель никак не мог остановиться, приступы только усилились, и к вечеру Ульрих совсем ослаб. Ночью почти не спал. Кашель раздирает грудь. Утром он с трудом слез с лежанки. Есть совсем не хотелось. Но нужно готовиться в дорогу.

Вечерне Ульриха

Вечер наступил очень быстро. Или, может, день пролетел слишком скоро, потому что Радмила много работала? Она старалась не заходить в избу лишней раз — почему-то становилось неловко. Появлялись какие-то странные мысли, которые раньше никогда не посещали девичью головку. О том, какие широкие у него плечи, как красиво перекачиваются бугры могучих мышц на руках, обтянутых старой тесной рубахой. Она никогда не думала, как она устроит свою жизнь дальше. Вообще не обращала никакого внимания на парней, не задумывалась, где она может встретить своего суженого. Мать ее никогда не торопила.

— Зоренька моя, да они тебя не стоят, вон ты какая у меня красавица, боярышня, да и только!

Радмила умирала от смеха — нашла боярышню, в лаптях! Но старуха многозначительно намекала, что, мол, придет время, и у нее такие знатные женихи будут! А когда деревенские бабы говорили:

— Ну, красавица! Ну и что? Чего ты так гордишься, Баяна? Князь на ней, что ли, женится? Если и женится, то только лесной! Ведь бесприданница она у тебя!

Под лесным князем подразумевался, конечно, хозяин леса — леший. Мать злилась:

— Ничего вы, дуры, не понимаете! Да вы! — тут она останавливалась. Как будто что-то ей застревало в горле, она долго откашливалась. А потом разговор уходил на другие темы — о семье гости, об ее болезнях, и так далее. А когда матушка умирала (ее поразил удар), она все время пыталась что-то сказать Радмиле, но ничего нельзя было разобрать. Такая мука была у нее в глазах, и только слезы катились по лицу. Мать глазами указывала ей на сундук. Радмила держала ее за иссохшую руку, покрытую пергаментной, в бурых пятнах кожей, и кивала головой — мол, все поняла, чтобы успокоить больную. Наверно, что-то дорогое для матери было в этом сундуке.

— Не переживай, матушка, я все сохраню.

Но мать волновалась и снова скашивала глаза в сторону стены, где стоял сундук. Так и отошла, ничего не сумев объяснить.

После ее смерти было пусто в избе, девушка долго привыкала к одиночеству. Но и тогда, никогда никакие планы на дальнейшую жизнь не посещали ее голову. А потом появился друг — Голуба. Так и шло своим чередом. Пытались деревенские парни заглянуть на огонек. Но она припугнула их тем, что лишит мужской силы, если не оставят ее в покое.

— А ну тебя, чертовка! Ну, и сиди здесь, пока мохом не покроешься, — злобно брюзжали ее ухажеры.

— Да хоть бы и чертовка, значит, черт мне пара, а не вы! — она вспомнила о своих словах и засмеялась. Вот и черта накликала, ведь ни слова не понимает. Вон сидит, нахохлившись, даже есть отказался.

— Далеко не уйдешь, если есть не будешь, — девушка со смехом показала крестоносцу, как он падает от голода. Тот встал, держась за стол. Матушка моя, да он пошатнулся и упал! Радмила подскочила к нему к нему. Вот напасть! Да у него жар... не помог барсучий жир. Ну, что теперь делать? Думала, что уйдет через пару дней. Девушка попыталась приподнять тяжелое тело.

— Да я весь живот сорву. Встань, прошу тебя, — теребила она его.

Ульрих посмотрел мутными глазами на девчонку — она требует, чтобы он встал с пола. Что с ним? Как же он устал! Она показывает на печь — надо туда лечь. Она права, валяться на полу не следует.

Цепляясь за девушку, он добрал до лежанки, с трудом забрался на нее. Это усилие лишило его остатка сил, тело покрылось липким потом.

— Ну что же мне с тобой делать? Опять возись с тобой?

Расстроенная Радмила уже поняла, что ранение, а потом еще и переохлаждение вызвали воспаление легких. Матушка учила ее, как лечить эту напасть, но всегда говорила, что нельзя опаздывать с лечением. А то и травы не помогут! «Но это же враг!» — старалась она себя убедить, но ничего у нее не выходило. Жалость, и еще какие-то незнакомые чувства мешали ей бросить борьбу за его жизнь. Два человека противоборствовали в ее душе.

— Помнишь бедную Марьяну? А сожженную деревню? — говорил один из голосов. Но она смотрела на него и видела больного, измученного человека. И вспоминала строгие слова матери:

— Лечить — это твоя забота, а судить — это дело богов.

И Радмила склонилась к милосердию.

«Первым делом надо заварить сбор трав, сбивающий жар. А потом — грудные настои. Да неясно, как там у него с раной!» — девушка отругала себя за невнимательность.

«Ведь он же тебя спас! И больной поехал на охоту, чтобы у нас было чего есть».

Пока травы настаивались, Радмила решила осмотреть рану.

Она подошла к лежанке. Подождав, когда кончится очередной приступ кашля, задрала рубаху. Рана не вызывала беспокойства. Значит, жар из-за воспаления в легких. Девушка растерла грудь лечебным жиром, и опять какие-то странные мысли закрутились в голове:

«Какое-то у него красивое тело! Я ни у кого не видела таких широких плеч... наверно, крепко обнимает он свою девушку такими могучими руками. А есть ли у него любимая? Говорят, что крестоносцы не любят женщин, а только друг друга! Наверно, врут бабы, как и всегда. Вон какими глазами он на меня смотрит! О чем я думаю? Как он горит! Надо ему срочно выпить отвар, он уже настоялся», — девушка положила прохладную ладонь на горячий лоб Ульриха.

«Совсем как мама! Когда это было?... очень давно! Милая мама, как мне нужна твоя любовь! Что я делаю в этой чужой стране. Если б не эта девчонка, я бы замерз в лесу, и только кости, обглоданные волками, белели бы на той поляне. Вот тебе и мечта стать магистром и показать Хильдегард, кого она бросила из-за этих проклятых денег и титула. Бог наказывает за гордыню. Неужели я тут и останусь, в этой чужой земле?» — рыцарь уперся в Радмилу полубессознательным взглядом.

Радмила хотела отнять руку, но мужчина задержал ее и что-то начал шептать.

«Бредит, наверно. Кого-то зовет. Муттер»? — нет, меня зовут Радмилой, — она ткнула пальцем себе в грудь.

— А тебя как зовут?

Он понял.

— Ульрих, — прошептав запекшимися губами, повторил, — Ульрих фон Эйнштайн. Если я умру, прошу тебя передать моим родителям. — И хотя он

говорил на своем языке, было ясно, о чем он просит. Сострадание охватило молодую девушку

— Не надо, милый, — она осторожно приподняла его голову, — вот выздоровеешь, сам все скажешь. Ты лучше выпей травки. Тебе легче будет! — девушка приложила кружку к его рту. Когда он, захлебываясь, выпил, положила холодную тряпицу на горящий лоб и хотела отойти. Но больной не отпускал:

— Пасибо, Радмила! Не надо уйти! — он взял ее руку своей, мозолистой и жаркой.

— О, ты и по нашему знаешь! — удивилась Радмила.

— Отшен плехо,— пояснил он.

— Тебе надо поспать, — я не отойду, посижу с тобой.

Большое мускулистое тело Ульриха лежало почти поперек кровати. Было нестерпимо жарко. Он оттолкнул в сторону горячую подушку, и голова его запрокинулась. По всему телу ручьями стекал пот, который намочил под ним простыню, и она стала липкой и противной. Но не было сил сдвинуть тело, хотя бы на пядь в сторону. Оно стало таким огромным. Руки, ноги превратились в громадные бревна стопудового веса. А грудь, как казалось Ульриху, — в широкую равнину. Даже пальцем нельзя было пошевелить.

Радмила суежилась где-то рядом. Он почти не видел ее, но ощущал ее присутствие каким-то боковым зрением. Вдруг он стал чувствовать, как будто поднимается вверх, под потолок. Он видел этот потолок совсем близко, его коричневые от времени, прокопченные доски, приколоченные к стропилам грубыми коваными гвоздями. И этот потолок не давал Ульриху лететь выше. Он взглянул вниз. Там распласталось на ложе громадное мужское тело. Оно было знакомо.

«Это мое тело!»—осенило Ульриха, и острая жалость к этому прекрасному телу пронизала все его существо. Он видел и чувствовал каждый волосок на широкой груди, каждый шрам на молодой коже, каждый мускул на могучих плечах...

— И это все будет брошено в могилу! — Ульрих страдал от неведомой раньше ему жалости.

Все остальные чувства покинули его. Голос Радмилы и другие звуки удалились куда-то далеко. Весь мир со своими звуками, запахами, цветами, страданиями как будто стал каким-то отрешенным, далеким. Он был словно за толстым стеклом.

Ульрих слышал, как плачет Радмила. Со слезами она обкладывала его тело мокрыми тряпочками, стараясь усмирить жар. По ее искаженному от страха лицу он понял, что умирает. Но смерть не страшила его. Больно не было, страшно не было. Лишь минутная жалость к распластанному внизу телу пронзила его сознание, да и то отступила. Все больше освобождаясь от реального мира, он теперь уже сам хотел уйти в неизведанное. Радмила с ужасом наблюдала, как заостряются черты молодого мужчины — был видно, что жизнь едва теплится в нем. Она зарыдала:

— Я не хочу, чтобы ты умирал, мне будет так тяжело! Это неправильно, что тебя больше не будет, я не могу больше жить одна в этом безучастном мире! — ей казалось, что если уберет она свою руку, смерть унесет его в призрачный мир богини Мары. Так и сидела возле постели, а он все не отпускал руку девушки, пока тяжелый сон не сморил его. Лишь тогда девушка осторожно разжала его горячие пальцы и отправилась спать тоже. Но заснула не она сразу, все думала, что же ей делать.

На следующее утро она снова напоила больного травами. Снова натерла и через некоторое время все повторила. Сварила похлебку из косули. Впихнула в него немного. Козье молоко с медом отлично лечит кашель. Молоко у нее было, а за медом придется съездить. Надо накормить лошадей, собаку ... она мигом слетает в деревню. Но поможет ли все это?

Когда она вернулась, с одного взгляда на него стало ясно — стало еще хуже. Больной метался в жару и, кажется, бредил.

— Радмила! Не бросай меня одного... — девушка среди чужих слов слышала свое имя и понимала, что он просит у нее помощи

— Господи, а ворон дедушки Земибора? — она схватила нож, отхватила прядку волос. — А ну, молодец, лети что было мочи!

Умная птица подхватила прядку золотистых волос и вылетела в открытую дверь.

И она снова вливала в него свои настои. И мед с молоком. Сама же не могла проглотить ни кусочка.

— И зачем тебе, дураку, дома не сиделось? Чего тебе не хватало? Что ты хотел у нас забрать? — злилась она, — вот напасть на мою голову! Ведь такой красивый! Наверно, все девки помирали из-за тебя... долетит ли этот ворон, и сколько дедушке надо идти? А вдруг он не успеет? — слезы снова полились у нее из глаз.

— Я устала терять... — то отец умер, то матушка! — она не хотела даже себе признаваться, что привязалась к этому чужому человеку. Страшилась той минуты, когда смерть заберет его в мир Нави. Радмила совсем запуталась, какого бога просить — своих богов или его бога, Христа или его мать. И молилась всем сразу, по очереди.

— Крышень, мой дорогой! Дева Мария! Помогите.... зачем ему так рано умирать? Я так намучилась от всех этих бед! Ведь никогда ни о чем вас не просила! — так, заплаканная, она и задремала, сидя на лавке возле лежанки и положив на нее голову. Очнулась она от чьих-то шагов.

— Дедушка Земибор! Слава богам! — подхватила Радмила.

— Я, кто же еще милая. Ну, что там у тебя? — сказал старик

— Не могу я его вылечить, не умею! — прошептала она. — Матушка не всему меня научила.

— Ладно, неси все запасы матери. Будем спасать, — дед пересмотрел все, перенюхал, отложил что-то и стал смешивать. Потом сказал:

— Держи его голову, да смотри, чтобы и капли не пролилось, а то мера будет не та.

Потом старик, взяв небольшой бубен, присел возле больного и стал петь какую-то странную песню. Голос его вибрировал. Он отбивал ритм на бубне, то медленно, то ускоряя его. И его песня в такт бубну то затихала, то усиливалась — голос старика поднимался все выше и выше. Наконец все закончилось.

— А ты везучая... Еле выпросил его у богов. Не хотели они вначале... Сильно гордый он! — у старика лоб был покрыт бисеринками пота.

А Ульрих в это время видел необыкновенный сон. Прекрасная женщина в необыкновенном белом платье, как будто сотканном из сверкающего лунного света, с алмазной короной на роскошных золотых волосах, выплыла из стены бедной Радмилиной избышки. В руках у нее был светящийся скипетр.

— Богиня Майя, Майя! — тихий восторженный шепот раздавался со всех сторон. Все живое, весь мир яви приветствовал свою повелительницу!

— Зачем ты меня потревожил, волхв Земибор?— она провела перед закрытыми глазами Ульриха призрачной рукой и он, не поднимая тяжелых век, увидел седого как лунь старика, одетого в длинную белоснежную рубаху и белоснежный плащ. Глаза у него излучали такую необыкновенную любовь и жалость, такое сострадание к Ульриху, что у того от переполнивших его чувств покатались слезы из-под закрытых век.

— Прости этого человека — он суженый дочки нашей Баяны. Он отстрадал свои ошибки. И потом, Майя, разве не ты поставила его в такие условия? Не будь так сурова, могучая богиня! — старик протянул просительно свои худые руки.

— Каждый выбирает сам свой путь. И богиня Майя здесь не причем. Она лишь следует его выбору, расставляет декорации, усиливает ощущения, делает выводы из его тайных подсознательных желаний! — богиня не размыкала губ, а слова отпечатывались в голове Ульриха. Потом она вдруг оказалась возле его постели, прекрасная рука опустилась на его горящий лоб.

— Я хочу с тобой поговорить. Все зависит от твоих ответов. Ты сам пошел в орден. Сам сделал первый шаг, сделав выбор.

— Я не мог поступить иначе. Бедность дохнула мне в лицо своим леденящим дыханием!

— Ты мог сделать и другой выбор. Пусть он показался бы тебе сложнее, пусть был бы тернистым! Но ты взял в руки меч! Ты пошел убивать! Ты надеялся, что страдания достанутся другим. А ты получишь деньги, славу, удовольствия.

— Но так поступали многие!

— Многие, но каждый одинок на суде перед Всевышним. И каждый ответит сам за свой выбор. Все не так просто. Взял — и убил. И на этом свете есть ответ, тем более там, в мире Правы.

— Другим повезло...

— Майя это все, иллюзия. У них нет счастья. Они заложники греха. Они обречены. Вот и ты на грани смерти. Ты понял хоть что-нибудь? Есть ли необходимость продолжать жизнь?

— Я хочу попробовать еще. Прошу простить меня.

— Ты пришел на чужую землю с мечом. Ты пришел убивать, чтобы захватить чужую собственность, землю, тебе не принадлежащую...отнять у этих людей все...

— Прошу... не надо...я знаю...

— Живи, несчастный! И помни — будешь держать ответ перед великой Сваргой. Я тебе дам возможность все исправить...

Призрачное видение богини как будто растаяло. Ульриха охватил глубокий целительный сон.

Вдруг он вновь ощутил себя на кровати. Было очень холодно. Сильный озноб бил все тело. Зуб на зуб не попадал.... Радмила накрыла его овчинами и еще какимито теплыми вещами. Принесла горький отвар пахучих трав. Заплаканные глаза ее стали потихоньку просыхать. Она все время что-то шептала и суетилась возле Ульриха.

Волна жалости подкатила к горлу рыцаря.

«Она так старалась, так плакала, когда я умирал», — думал он, — «зачем я ей? Проще было тогда бросить меня в лесу!» Краем глаза он наблюдал за славянкой.

«Как нежны ее прикосновения, как она добра, как красива»,— нестройной чередой плыли мысли Ульриха.

— Дедушка, уж не знаю, зачем я тебя потревожила, ведь он наш враг! — прошептала девушка.

Старик поднялся и подошел к лежанке.

— Будет жить. Пусть лежит на печи... подтапливай ее понемногу. Да, вот три маленьких пузырька. Давай раз в день, смотри, не пролей! И конечно, мед. Пои травами — все ты делала правильно. Но тебя боги не слышали — ведь нагрешил твой суженый, — старик сел за стол.

— Ну, покорми с дороги!

Покраснев, Радмила встрепенулась:

— Ну, что ты, дедушка, говоришь! Как тебе не стыдно такое сказать! Какой он мне суженый! Прохожий он! Матушка учила — надо всем помогать! А покормить — я сейчас... У меня и каша, грибы соленые, и мясо в печи томится.

Сели они за стол, и так хорошо стало на сердце у измученной девушки, как будто опять и отец жив, и матушка вовсе не умерла. От старого Земибора шло громадное тепло — все плохое отходило. Что он за человек? А, может, и не человек вовсе, а святой...интересно, сколько же ему лет?

— Не помню, милая. Да и зачем тебе обо мне, старике, думать. Ты вот лучше о нем помысли, ой, не простая у тебя судьба. Ладно, давай спать.

Старик, кряхтя, пошел к лавке.

Пораженная ясновидением старика, Радмила остолбенела. Но потом спохватилась и захлопотала:

— Нет, дедушка. Ты ложись на кровать! — накрыв старика теплым одеялом, она подошла к лежанке, потрогала лоб и замерла в удивлении: с больным произошли разительные перемены: дыхание стало ровным, жар спал, черты лица разгладились — он спокойно спал.

Ульрих проснулся, когда солнце давно уже взошло. Хотел встать, но пошатнулся.

Страшная слабость не давала ему возможности даже двинуть рукой или ногой.

«Что со мной? Я так разболелся», — и громко, как ему показалось, позвал:

— Радмила! — сиплые звуки едва вырывались из горла. Но в груди полегче, и кашель послабее. Прошлый вечер он вообще не помнил. Только почему-то становилось не по себе: перед глазами стояло лицо незнакомого старика в белоснежной одежде со сверкающими глазами. Может, он побывал на том свете? Но, если он умер, почему он оказался опять в этой избе? Потом мысли

потекли в другую сторону. Как там братья по ордену? Не ищут ли они его? Может, думают, утонул в этом чертовом озере? Кто же еще остался жив?

А Радмила, проводив старого ведуна, вернулась в избу. Мужчина сидел на лежанке, его настороженные глаза следовали за ней.

— Ульрих, ты будешь есть? Вот, выпей дедушкино снадобье и поешь. Я напекла блинов. А может, щей налить? Тебе нужно есть мед в сотах. Козье молоко тоже нужно пить, оно тебя быстро на ноги поднимет, — девушка весело щебетала, радуясь, что он стал потихоньку черпать ложкой кислые щи. — Ведь тебя друзья ищут, я думаю! Надо побыстрее вылечиться!

После завтрака она стала его растирать. Глубокое умиротворение нахлынуло на рыцаря.

«Надо будет отблагодарить ее за помощь. Но как же все-таки она красива! Жаль, что язычница. А то он бы забрал ее из этого дикого леса. И как же никто не тронул такую красавицу? Хотя откуда он знает, может она давно и не девственница? Но какая безобразная одежда у этих славянок! Не ясно, что там за этим балахоном!» — Ульрих засмеялся. Определенно, он выздоравливает — при мысли о том, какое тело у этой девушки у него припекло в паху.

Да, давно он уже не спал с женщиной. Хорошо бы ее уложить в постель.... такой красотишки никогда не встречал. Но все-таки он не негодяй. Она дважды спасла ему жизнь. А если предложить ей деньги? Но как? Она же ни одного слова не понимает по-немецки! Вот почему она ему помогала? Вначале шипела как змея, а потом стала лечить. От этих женских вывертов голова идет кругом. Вот с мужчиной проще, — если нет — значит нет, а не да, как у них. И все-таки долго он не выдержит. Да кто она такая, обычная крестьянская девушка. Должна быть рада, что ее возьмет к себе в любовницы немецкий рыцарь! А может, ей нужны деньги?»

Когда Ульрих решил, что Радмила согласится стать его любовницей, настроение сразу улучшилось.

Но вначале нужно подлечиться!

От скуки Ульрих стал развлекать себя воспоминаниями о крестовом походе. Вспомнил буйные развлечения рыцарей храма, крестоносцев-тамплиеров — соседей тевтонов по замку Атлит. Иногда и они, рыцаритевтоны, принимали в этих пирушках участие, если комтур был в отъезде. Пьянки, оргии. Гаремы,

захваченные у восточных вельмож, и доставшиеся им, крестоносцам. Только больно смуглы сарацинские девки. Да и слишком покорные, боялись их как огня, и быстро надоели.

Да, хорошо повоевали за храм господень!

«Интересно, а она быстро надоеет»? — он уже не сомневался, что обольстит девушку. Наука старого Хариша здорово ему пригодилась, когда их с Георгом и Бруно перевели в Германию — они обучились в школе бога Камы таким штучкам, что цивилизованные женщины не могли устоять, не то, что эта юная дикарка. Она будет довольна!

А Радмила и не подозревала, что за мысли бродят у ее больного в голове. День опять пролетел, переполненный работой. Вечером снова заставила выпить целебные настои. Опять растирание. Вдруг он взял ее руку и тихонько поцеловал. Она вскочила как ошпаренная:

— Зачем ты это делаешь?

— Пасибо, Радмила! — и вдруг его рука осторожно легла ей на грудь.

— Больно быстро ты выздоравливаешь! — она вскочила и выбежала на улицу.

«Что со мной, по рукам нужно надавать, так ведь болен он еще!» — посидела немного, успокоилась. — «Дай-ка, зайду я к Голубе»!

Любимица приветствовала ее тихим ржанием.

«Может, тут, с тобой остаться?» — и она с ужасом вспомнила насильников, их быструю смерть. — «Нет! Тут еще пахнет кровью. Вот дела, и тут нельзя, и домой нельзя! Подожду, когда уснет».

Через пару часов тихонько пробралась в избу. И быстро юркнула в кровать. Даже не решилась взглянуть, спит он или нет. Да и чего смотреть, тишина говорила сама за себя.

Но ее подопечный не спал. Бессонница одолела Ульриха. Когда стало немного легче, у него в голове встали всплывать странные видения: то прекрасной богини, то старика в белоснежной одежде. Они о чем-то спорили, как вспоминается, из-за него, Ульриха. Старик просил богиню сохранить жизнь рыцарю, она же упрекала Ульриха в неправильном поведении. Он обещал измениться, если ему дадут такую возможность. Да, он постарается больше

никому не причинять зла без причины, и поднимет меч лишь в том случае, когда ему или его друзьям будет угрожать опасность. Многие полегли от его руки. Правда, убивал он лишь в сражениях, никогда не обижал слабых и безоружных. Потом воспоминания нахлынули на него, и он стал перебирать все события своей не длинной, но насыщенной приключением жизни.

Гевтонский орден

Германия, город Магдебург, 1236 год

Наконец начало светать. Воздух наполнился неясными сумеречными тенями, звезды стали гаснуть, словно они уходили куда-то в глубь неба. Замок Марбург еще не проснулся. В предрассветной мгле его темные стены грозно нависали над зелеными водами рвов — зловеще для недруга, и приятно для того, кто здесь родился. Прошло еще немного времени, и кровавокрасная заря показалась на востоке. Ульрих остановил коня у места, куда опускался мост и, заложив пальцы в рот, озорно свистнул, пытаясь пересилить громкий щебет птиц, приветствующих наступление нового дня. Сонный стражник выглянул в узкое окно на самом верху одной из приворотных башен и, тряхнув взлохмаченной головой, исчез в недрах механизма подъема моста. С надрывным скрежетом широкое полотнище моста поплыло вниз, конь младшего сына барона фон Эйнштейна принялся нетерпеливо гарцевать. Сын барона вернулся слишком рано, — юноша не захотел ночевать в придорожной таверне и провел всю ночь в седле на опасной лесной дороге. Матушка будет очень недовольна таким безрассудным поведением дерзкого Ульриха. Сколько уж говорено ему, что следует быть осмотрительней! Но младший сын унаследовал бесстрашный нрав отца баронессы и мог запросто отправиться в самое опасное путешествие без сопровождающих. Юноша был высокого роста, широк в плечах, и для многих было достаточно одного его горделивого взгляда, чтобы отбросить всякие дурные намерения. Дед не зря потратил многие годы на воспитание своего любимца, и Ульрих мог мгновенно выхватить кинжал или нож, чтобы нанести молниеносный смертельный удар. Правда, никто еще не осмелился ощутить на себе его гнев, но руки молодого аристократа так и чесались, чтобы продемонстрировать свою силу и ловкость. Пока же только с помощью затупленного меча обращал он своих «противников» в бегство, а настоящие разбойники не встречались на его пути.

— Ну, что так долго возишься, Ганс! — закричал Ульрих, но стражник развел руками, показывая хозяйскому сыну, что в замке все еще спят, и не стоило бы орать на всю округу.

Ульрих только махнул рукой и натянул поводья. Трой вздыбил свой роскошный черный хвост и стал вышагивать по дубовым доскам, как будто он был

цирковой лошастью, а не боевым рыцарским конем. Ульрих, когда Трой был еще жеребенком, баловал своего коня, принося ему сладости со стола, и Трой отвечал своему хозяину преданной любовью, чувствуя и каждое его желание, и каждую мысль.

Замок спал, и Ульрих, проходя узким коридором, постарался не шуметь, чтобы не разбудить родителей, уж больно сладкий храп раздавался из их спальни. Молодой человек поднялся на третий этаж, и уже совсем было направился к своей комнате, чтобы насладиться крепким утренним сном на мягкой перине, заботливо взбитой служанкой. Но его внимание привлекли скрип кровати и стоны, раздающиеся из спальни его брата, Генриха.

«Вот гуляка», — с завистью подумал Ульрих, — «уже притащил себе девчонку из села и наслаждается, пока родители спят»...

Дверь в комнату Генриха была слегка приоткрыта, Ульрих не удержался и заглянул туда. Его взору предстала восхитительная женская спинка. Девушка восседала на Генрихе, которого и видно не было в перинах и подушках, только узкие босые ноги брата дергались в такт движениям любовницы. Молодая женщина вскинула изящные руки, поправляя рассыпавшиеся по плечам длинные волосы, и склонилась, осыпая поцелуями своего любовника. Но Ульрих оступился, дверь, за ручку которой он держался, резко скрипнула. Девушка оглянулась, и у Ульриха спазм сдавил горло, ноги молодого человека подкосились, а на спине выступил холодный пот.

— Хильдегард! — прохрипел он.

Возлюбленная Ульриха взвизгнула и, соскользнув с Генриха, юркнула за высокую спинку кровати, сверкнув голой попкой.

Ульрих никогда не видел обнаженные ягодички своей избранницы, но такая милая картина вызвала в нем только очередной приступ ярости. Он был не тем человеком, кто очень осторожно обдумывает свои действия, и в следующее мгновение сидел верхом на брате вместо Хильдегард, осыпая его ударами тяжелых кулаков.

— Сволочь, — кричал обманутый жених, — это было твое последнее удовольствие! Я убью тебя!

— Фрау Эйнштайн! — истошно закричала неверная невеста из своего укрытия, — фрау Эйнштайн!

— Молчи, сука, я еще и до тебя доберусь, — зарычал Ульрих, размазывая кровь брата по вспотевшему лбу.

— Не смей оскорблять мою невесту! — возмутился старший брат.

— Что за шум спозаранку? — дверь распахнулась и на пороге показалась невысокая фигура барона Конрада, хозяина замка.

— Госпожа баронесса, госпожа! — входная дверь спальни барона и баронессы фон Эйнштайн с грохотом распахнулась, и молодая девушка, одетая в коричневое домотканое платье, появилась на пороге.

— Ну, чего ты кричишь, Бригитта, ведь еще так рано! — баронесса фон Эйнштайн, немолодая рослая женщина с аристократическим, хоть и немного увядшим лицом, недовольно приподнялась с подушки.

— Госпожа баронесса! Идите скорее в спальню господина Генриха, а не то ваши сыновья поубивают друг друга!

— Святая Варвара! Ульрих уже вернулся? Что произошло? — вскочила баронесса с постели. — Ну, Бригитта, рассказывай, что случилось! —

Они бросились к лестнице, ведущей на третий этаж.

— Я не знаю! Господин Ульрих закричал на господина Генриха, а потом ударил его кулаком в лицо. Господин Генрих ответил тоже ударом, и тут началось!

— А где мой муж? — тучная баронесса едва поспевала за молодой служанкой.

— Господин барон уже там и послал меня за вами, он не может их остановить!

Когда запыхавшаяся баронесса вбежала в спальню старшего сына, перед ней предстала такая картина: рослый Ульрих, красивый парень с искаженным злобной гримасой лицом, оседлав полноватого коротыша Генриха, остервенело молотил кулаками по его окровавленному лицу.

— Вот тебе, толстая свинья, за гнусное предательство! Разве подлец может быть хорошим бароном? А вот еще за Хильдегард! Хотя эта дрянь тебя стоит!

Невысокий пожилой мужчина бегал вокруг, тщетно пытаясь остановить драку.

— Ульрих! Немедленно слезь с него! Ты ведь знаешь, что он слабее тебя! Конрад, что ты за отец! Не требуешь к себе уважения! — рассерженная баронесса пыталась прекратить дикую драку, наконец, ей это удалось.

— Я приказывал им прекратить драку — бесполезно... он тебе еще не все сказал, Берта, — старик вытер слезинки, которые скатились из его глаз. Старый барон держался как мог:

— Наш сын покидает нас, он хочет стать одним из братьев Тевтонского ордена, а это означает, что мы его потеряем навсегда. Я не могу его убедить. Увы.

— Ульрих! Почему ты так с нами жесток?! Ты же не привык скудно жить! Что тебя там ждет? А если тебя убьют? Я этого не перенесу! Прошу, останься, сынок! — женщина обняла сына и заплакала.

— Вы, мама, тоже были со мной жестоки, когда давали согласие на брак брата с Хильдегард. Вам было хорошо известно, что она была моей невестой, и брату тоже... А эта... я не знаю, как ее после этого назвать! Ее интересует только богатство и роскошь! Вы думаете, она любит брата? Она же клялась мне в любви! Стоило мне отлучиться на месяц, как она меня забыла. Ну конечно, зачем ей бедный Ульрих, когда у него есть старший брат, который когда-нибудь все унаследует! Просить моего присутствия на их свадьбе — это жестокая насмешка! — юноша с неприязнью посмотрел на брата.

— Но, Ульрих! Кто виноват, что такие законы! Не мы их принимали! Послушай, у меня тоже в молодости был молодой человек, которого, как мне казалось, я любила, но нам не позволили пожениться мои родители. Я тогда вышла замуж за твоего отца. И ни разу за тридцать лет не пожалела об этом. Найдешь себе другую девушку. Может быть, немного попроще, не такую красивую, как Хильдегард, но, возможно, она будет лучшей женой. Думаешь, тебе принесут счастье гордые красавицы? Лучше выбрать себе добрую хорошую девушку, которая будет тебя любить. Ведь столько девушек на тебя заглядывается! А насчет Хильдегард? Я не вполне уверена, что твой брат сделал хороший выбор. Но мы с отцом не смогли перечить твоему брату. Он сказал, что будет очень несчастен, если мы не разрешим им пожениться. И девушка утверждает, что очень любит его. Его, а не тебя, Ульрих! — баронесса повысила голос.

— Вы думаете, из-за нее? Нет, не в этом дело! Я больше не хочу быть в тени своего брата. Я выбрал свой путь, где не будет места ему. Этот толстяк с трудом взбирается на лошадь. Какой из него барон? Ладно, пусть! Он старший, ему все

достанется по закону! Я же сам добьюсь всего в жизни, чтобы эта алчная дрянь поняла, кого она потеряла! А вы не переживайте! Скоро у вас будут внуки. Все прекрасно! Молодая хозяйка. Нечего больше и желать!— Ульрих громко и презрительно усмехнулся

— Ты еще не осознаешь своего поступка, Ульрих. Но это твое решение! — сказал ему отец с горечью.

— Помиришь с братом, Ульрих, он не виноват, что девушка выбрала его Мы с отцом уйдем из жизни, у тебя будет только он из родных. Надеюсь, ты одумаешься и останешься дома. И брата расстроишь своим уходом, — баронесса умоляюще посмотрела на сына.

— Не думаю, что он сильно расстроится! А если даже и так, настроение его скоро улучшится перед таким событием! Как же! Он получил красавицу Хильдегард. Весь город ему будет завидовать. Простите меня, отец и мама! Если я не прав...— Ульрих расцеловал на прощанье своих родителей и направился к выходу.

— Конрад, а что если мы больше не увидим нашего мальчика?— пожилая женщина заплакала на плече мужа.

— Не плачь, жена, ты забываешь, что наш сын уже не мальчик. Он хочет доказать, что он настоящий мужчина, это его право...— барон старался не показывать своего подавленного настроения жене.

— Отец! Если ты хочешь хоть что-то для меня сделать, попроси своего друга барона фон Гессена дать мне рекомендацию гофмейстеру Тевтонского ордена. Если не захочешь мне помочь, пройду сам весь путь от простого брата до командора ордена, просто это будет дольше! Я уезжаю в Андернах. Пойду укладывать вещи. Хотя мне почти ничего не понадобится, — юноша вернулся, подошел к отцу и взял его руку. — Можно, я возьму с собой Отто? И трех лошадей

— Да, конечно, сынок! Ты должен помнить, что мы тебя любим. Когда-нибудь ты поймешь, что, согласившись на брак твоего брата с этой девушкой, мы поступили исходя из твоих интересов. И помиришь с братом, прошу тебя! — отец обнял сына.

Сильное волнение отразилось на лице старике, покрытом глубокими морщинами.

— Ни за что! Даже не просите меня, отец! Я еле сдержался, чтобы не задушить его. О ней я даже думать не могу, у меня внутри все клокочет! — юноша оттолкнул отца. — Все, пора собираться! — и быстро вышел из комнаты

— Ты не передумал, Отто? Не думаю, что мы еще с тобой скоро сюда вернемся
— Ульрих похлопал по плечу растерянного парня.

— Что вы, господин Ульрих, я тоже имею честолюбие. Хочу стать оруженосцем в Ордене. А мы одни едем?

— Нет. Георг фон Валленберг едет с нами, и слуга у него хороший парень. Зовут его Хельмут. Вы подружитесь. А как же Бригитта? Не жалко бросать ее? — молодой человек с усмешкой посмотрел на слугу.

— Это очень хорошо, что они с нами едут! А Бригитта... Конечно, жаль ее. Но что же, мне так и оставаться конюхом? А девушек всюду много, и я не буду давать обета отказываться от их любви, я же не такой герой, как вы, — веселое лицо парня расплылось в улыбке. — Я сейчас, мой господин! Мигом!

— Возьми еще черного коня! — смеясь, крикнул ему вдогонку Ульрих. Ему всегда нравился этот пылкий белобрысый юноша.

Тяжело заскрипели массивные цепи, и мост опустился, открывая дорогу в новую жизнь. Маленькая кавалькада неспешно спустилась с высокого холма, на котором располагался замок Марбург — наследственное владение баронов Эйнштайн. Ульрих в последний раз окинул взглядом стены своего родного дома. Через некоторое время он пять раз решительно скажет «да», представ перед лицом Великого магистра.

У окраины Магдебурга их ожидали два человека — закадычный друг Ульриха, Георг, третий сын небогатого барона фон Валленберг, здоровенный парень с рыжеватыми волосами. Он сидел на нетерпеливо переступавшем ногами крупном гнедом жеребце. Веснушки, сплошь покрывающие широкое красноватое лицо, небольшие глаза с короткими рыжими ресницами, полное отсутствие денег и каких либо перспектив на появление их в будущем — все эти огромные недостатки, по мнению магдебургских девушек, и заставили молодого человека выбрать судьбу воина. Теперь он сам будет выбирать себе

женщин, не особенно считаясь с их желаниями. Да и деньги рыцари не считали по копейке. Их с Ульрихом ждала великолепная жизнь!

Рядом на небольшой каурой кобылке гарцевал его слуга Хельмут, весьма пронырливый услужливый паренек, цель которого была разбогатеть и, вернувшись домой, заняться торговлей, к чему у него было призвание — он происходил из семьи небогатых торговцев.

— Ну что, в путь?— спросил Ульриха друг. — Надо спешить, а то не успеем к назначенному сроку.

— Да, конечно! Не волнуйся, спустимся по реке на барже.

Пришпорив лошадей, будущие воины Храма поскакали по широкой пыльной дороге, ведущей к новой прекрасной жизни.

Германия, город Андернах, 1236 год

Голубая лента Рейна причудливо петляла между обширных полей. Легкий ветерок принес запах созревшей пшеницы. Коегде уже начали убирать урожай, на зеленом пригорке возле реки пестрыми пятнышками были разбросаны пасущиеся коровы и овцы. Картина была мирная и идиллическая.

— А вот и Андернах!— указал на появившиеся из-за высоких деревьев могучие крепостные башни бородатый хозяин большой транспортной баржи. Здесь, на многочисленных мешках свежееубранной пшеницы, сидели в задумчивости два будущих тевтонских рыцаря, Ульрих и Георг. На душе было беспокойно

И в самом деле, на фоне голубого неба перед восхищенными глазами юношей предстали две башни мощного замка. Одна, квадратная, была повыше и тоньше другой, круглой. Башни соединяла внушительная крепостная стена.

— За этой стеной и закончится ваша юность, господа,— все не унимался разговорчивый баварец.

«И то верно»,— подумал Ульрих и продолжал молчать.

Видя, что разговор не получается, лодочник затих и только молча направлял баржу к небольшому причалу из черных досок.

— Благодарю! — сказал Ульрих, бросил монету лодочнику, и друзья бодро зашагали по скрипучим доскам на берег, не дожидаясь другой баржи, на которой находились оруженосцы с лошадьми Неширокая, мощеная крупными

камнями дорога привела их к большой башне у широкого рва. Одинокие желтые листья на застоявшейся поверхности воды напомнили о приближении осени. На воде отражались три арки прочного каменного моста, ведущего в крепость. Подъемный мост был опущен, но Ульрих задержался у входа. Высоко над его головой развевалось полотнище большого штандарта. На белом фоне в венке из замысловатых фигур трепетал черный двуглавый орел.

— Да, его высочество Фридрих Второй прибыл с визитом в Андернах, — бодро сказа стоящий у ворот охранник, закованный в стальной панцирь. Он показал оттопыренным большим пальцем вверх на штандарт и вопросительно посмотрел на Ульриха и Георга.

— Ульрих фон Эйнштайн, Георг фон Валленберг, — правильно отреагировали молодые люди.

Ульрих не совсем уверенно добавил, — прибыли для вступления в ряды Тевтонского ордена.

— Это хорошо, — подбодрил его стражник, — тогда вам, парни, туда.

И он показал пикой на узкое, серое здание с заложенными кирпичами арками. Назначение его было не совсем понятно. Лишь несколько небольших окон под самой остроконечной крышей неравномерно расположились на обширной стене.

— У нас сегодня важные особы, — добавил стражник, — сам Великий Магистр Герман фон Зальца гостит в нашем замке, заодно и примет участие в приеме кандидатов в орден.

Открыв широкую и низкую, дубовую дверь, Ульрих попал в узкий внутренний дворик.

— Вам следует пройти сюда, господа — вежливо сказал худой высокий монах, прочитав рекомендательное письмо Ульриха и Георга. — Другие кандидаты уже прибыли.

Друзья вошли в большую комнату с многочисленными дубовыми скамьями, по всей вероятности, приемную. Несколько узких окон под самым сводчатым потолком скудно освещали зал. Здесь было с десятков молодых людей, уже успевших между собой перезнакомиться. Появление новых лиц вызвало всеобщее внимание.

— Ульрих фон Эйнштейн, Георг фон Валленберг, — представились прибывшие и замерли.

— Похвально, господа, — сказал кудрявый брюнет и поудобнее расположился на скамье, забросив ногу за ногу, — можете присесть.

Его тон почему-то не понравился Ульриху, но все же он пристроился на скамье.

— Бруно де ла Дийон, — представился брюнет.

«Так и есть — наглый франк», — подумал Ульрих.

Было что-то несправедливое в том, как вел себя этот Бруно, как будто Ульрих приехал к нему в Орден, а ведь он такой же новобранец. Захотелось врезать ему хорошенько, чтобы съехала наглая ухмылка с бледной аристократической физиономии. Но формального повода не было. Все как бы в рамках приличия.

— А откуда вы родом, Ульрих? — продолжал француз.

— Магдебург, — односложно ответил немец, но в словах его уже можно было уловить недовольство.

— Там, наверное, разводят свиней? — улыбнулся Бруно, указывая тросточкой, которой он вертел в руках, на кусочек навоза, приставший неизвестно где к сапогу Ульриха.

— Этот кусочек прицепился в Дийоне, где я был проездом, — уже жестче отвечал молодой человек, — я уже успел заметить, что свиней там значительно больше, чем где-либо.

Румянец с розовых щек Бруно залил все его лицо. Он резко встал и ответил:

— Я с удовольствием расскажу вам о своей родине наедине, если вы соизволите пройти со мной.

— Георг, подожди здесь! — поднялся со своего места Ульрих.

Присутствующие с интересом наблюдали за развитием разговора. Но двое молодых людей, подобрав полы плащей, двинулись к дверям. На пороге они подчеркнуто вежливо уступали дорогу друг другу, что вызвало смех в зале. Наконец Ульрих шагнул первым.

« У него нет шансов », — подумал он, оценив рост и вес противника.

Они отошли подальше от главного здания и оказались около хозяйственных построек.

Зайдя в какой-то сарай, в его темном углу молодые люди без лишних прелюдий скинули плащи и закатали рукава. Француз выставил кулаки вперед, явно опасаясь здоровенного немца, а Ульрих нарочито принял свободную стойку, всем своим видом показывая превосходство. Видя, что их общение затягивается, Ульрих размахнулся правой рукой, чтобы нанести сокрушительный удар прямо в левый глаз наглецу. Казалось, удар неминуемо собьет Бруно с ног, а заодно и всю франкскую спесь. Но в тот момент, когда кулак уже засвистел у скулы, француз вдруг развернулся спиной к Ульриху и шагнул к нему, схватил обеими руками за разящую руку и одновременно правой ногой подсек ногу немца. Оба претендента в рыцари с грохотом повалились на груды каких-то корзин, наваленных в углу. Из этих корзин, громко закудахтав, вылетели потрясенные куры.

Из этого же угла выскочила девица с подоткнутой юбкой, видимо, только что присевшая с другой стороны груды по нужде. Не успев привести себя в порядок, она, голозадая, так и бросилась прямо через тела «титолованных особ».

Бруно не выдержал и громко рассмеялся. Не смог долго хмуриться и Ульрих. Он встал первым и подал руку французцу.

— Впрочем, если я не прав, могу принести извинения, — смеясь и отряхивая с одежды Ульриха перья и солому, сказал Бруно.

— Можешь меня звать просто Ульрих, — протянул ему широкую ладонь немец, — а насчет свиней я погорячился.

Спустя несколько минут свежеепеченные друзья с шумом ввалились обратно в приемную и уселись на скамьи под недоуменные взгляды остальных кандидатов в братья Тевтонского ордена..

— Достопочтенные рыцари, — в зал вошел богато одетый господин лет сорока, — прошу вас расположиться в отведенных для вас комнатах и отдохнуть. Великий Магистр назначил вам аудиенцию на завтра пополудни.

В тишине сумрачного костела потрескивали многочисленные свечи. Из-под резных темных сводов святые и ангелы взирали каменными пустыми глазами на новобранцев. Их как-бы ожившие от колебания теней суровые лица заглядывали в самую глубину души Ульриха. Они как бы спрашивали — а чисты ли твои помыслы? Веруешь ли ты всем сердцем? Будешь ли ты настоящим братом?

Наконец резкий голос Великого Магистра разорвал скорбную тишину:

— Сейчас каждый из вас предстанет перед капитулом. Вы должны будете приветствовать капитул и, сложив руки, преклонить колени перед тем, кто на нем председательствует. Затем вы произнесете слова, о которых вам говорили. Прежде чем произнести эти слова, вы должны со всей серьезностью обдумать предстоящий поступок. Брат Даниэль уже ознакомил вас с уставом Ордена и суровыми условиями жизни, которые ждут вас.

Великий магистр Герман фон Зальца окинул присутствующих суровым взглядом.

— Еще не поздно отказаться и удалиться отсюда. На этом этапе никто не осудит вас. Но, сделав следующий шаг, вступив на путь служения Господу нашему в рядах братства, вам уже не будет пути назад. И братья спросят с вас со всей строгостью за ложь и грехи ваши.

Магистр замолчал. Ничто не нарушило тишину под сводами храма. Только где-то, вдали, на солнечной площади города, в другом мире эфемерно слышались детские голоса и пение птиц.

Рыцари чувствовали, что прежний мир с его радостями и страданиями, с любовью и ненавистью остался уже там, за порогом храма. И пути назад уже не будет.

— Да благословит вас господь, дети мои,— перекрестил магистр новобранцев и огласил. — Собравшись с мыслями и приготовившись, вам надлежит в час по полудни явиться в капитул для совершения обряда посвящения.

Через час рыцари прибыли в указанное место. Два тевтонца проводили их в отдельную комнату и уселись напротив.

— Братья, — обратился к ним старший, — желаете ли вы присоединиться к нам?

— Да, герр,— дружно отвечали молодые мужчины.

Согласно обычаю, хотя и очень кратко, старший тевтонец сообщил новичкам о дисциплине Ордена. Он перечислил запреты, обязанности и задания всех видов. Затем он произнес:

— Братья, согласны ли вы терпеть все это ради Господа нашего? Окончательно ли ваше решение? Хотите ли вы быть слугой и рабом Ордена отныне и до конца ваших дней?

— Я вынесу все ради Господа нашего и хочу быть слугой и рабом Ордена навеки, — отвечал каждый по очереди.

— Сейчас помощник Магистра спросит вас, не помолвлены ли вы и не женаты ли, не произносили ли вы обетов в каком-либо ином монастыре, нет ли у вас долгов, здоровы ли вы телом, и свободный ли вы человек. Вам следует отвечать искренно, ничего не утаивая, ибо ваша ложь нанесет урон Ордену и навлечет на вас небесную кару. Не покривите душой, братья! Что вы ответите?

— Я свободен от обязательств и здоров, — отвечал каждый.

Тевтонцы проводили первого из кандидатов — Ульриха, в другую комнату и оставили его там одного. Сами они направились к капитулу, чтобы дать отчет о беседе. В небольшой часовне в замке на возвышении был установлен стол, застеленный белой скатертью. За ним на стульях с высокими спинками сидели трое мужчин. Головы их были обриты наголо, а на грудь ниспадали длинные бороды. Одеты они были в белые плащи с черными крестами. В стороне, с четками в руках, весь в черном, стоял капеллан. Самый старший из присутствующих обратился к вошедшему брату:

— Герр, мы говорили вам о честном муже Ульрихе, который ожидает снаружи. Мы познакомили его, как могли, со строгими правилами Ордена. Он утверждает, что свободен от обязательств и здоров, и что нет препятствий для принятия им монашества, если так будет в дальнейшем угодно Господу, вам, и нашей братии.

— Нет ли у кого-нибудь возражений против этого соискателя, — брат осмотрел присутствующих, — если хоть что-то препятствует его принятию, то лучше узнать об этом теперь, нежели позже.

Никто не произнес ни слова. Тогда он в последний раз задал вопрос:

— Желаете ли вы, чтобы он вступил во имя Господа?

И капитул хором отвечает:

— Пусть он вступит во имя Господа.

Началась церемония посвящения. Два брата вошли в комнату, где их ожидал Ульрих в позе смирения, сложив руки.

— Брат, — обращаются они к нему, — по доброй воле ли вы делаете такой шаг?

— Да!

— Сейчас вы предстанете перед капитулом. Вы должны будете приветствовать капитул и, сложив руки, преклонить колени перед тем, кто на нем председательствует. Затем вы произнесете слова, о которых мы вам говорили.

Наконец Ульрих вместе с провожатыми вошли в часовню. Белые язычки множества свечей дружно склонились в сторону позолоченного алтаря из-за порыва ветра, ворвавшегося в часовню через открывшуюся дверь. Их сияние ослепило Ульриха. Он увидел четырех рыцарей, сидящих за столом. Капеллан и брат, который привел его сюда, стояли в углу. Их белые плащи, накинутые поверх длинных туник, величественно ниспадали с широких плеч. Все они выглядели очень торжественно. Ульрих приблизился к этим людям, которые сейчас должны стать его спутниками на всю жизнь. Их суровые взгляды, изучающие и требовательные, устремились на него. Ульрих, следуя полученным инструкциям, встал перед ними на колени и сложив руки, сказал:

— Герр, я обращаюсь к Господу, к вам и к прочей братии, прошу и умоляю, во имя Господа и Пречистой Девы Марии, принять меня в Братство Тевтонцев и сделать соучастником ваших благих деяний.

Средний, из сидевших за столом братьев, председательствующий брат встал из-за стола и произнес глубокие и проникновенные слова:

— Прекрасный брат Ульрих, воистину вы требуете многого, ибо судить о нашем ордене вы можете лишь по его наружности, которая суть не что иное, как видимость. Ибо эта видимость, состоящая в том, чтобы иметь добрых лошадей и добрые латы, сладко пить и вкусно есть, иметь красивое платье, говорит о возможности жить в довольстве. Но вы не ведаете суровых заповедей, которые приняты в Ордене: ведь это суровое испытание, когда вы, будучи господином самому себе, должны будете стать рабом других. Ибо большого труда будет вам стоять получить то, что будет вам желанно: если вы пожелаете оказаться

на земле по эту сторону моря, от вас потребуют пребывания за морем, если вы захотите попасть в Акру, вас пошлют в Триполи, Антиохию или в Псков, либо же направят в Апулию, на Сицилию или в Ломбардию, во Францию, Бургундию или же в Англию, либо в иные земли, где имеются комтурства, земельные владения, а также поручения Ордена. Если вас будет клонить в сон, вас заставят бодрствовать. Если вы будете бодрствовать, вам прикажут отправиться отдыхать в постели. Когда вы сядете за стол и будете голодны, вас могут послать куда угодно, и вы сами не будете знать куда. Вам придется выполнять суровые приказы, которые вы услышите не раз. Подумайте же, сладчайший брат, согласны ли вы с кротостью переносить подобные тяготы?

— Да, герр,— ответил Ульрих и добавил,— я все стерплю, если на то будет воля божья.

Затем, опять же согласно Уставу, старший брат произносит слова торжественного наставления:

— Прекрасный брат Ульрих, вам не следует стремиться к вступлению в Орден Тевтонцев ради стяжания богатств, телесных наслаждений и мирских почестей. Но вы должны стремиться вступить в него ради трех вещей: первое — ради избавления от грехов мира сего, второе — ради служения Господу нашему, третье — ради обращения в Святую Веру Христианскую неверных язычников. Ради таких намерений вам следует стремиться в Орден...

Председательствующий выдержал паузу и закончил:

— Так желаете ли вы отныне и до конца ваших дней стать слугой и рабом ордена?

— Да, если будет на то воля Божья, герр.

— Согласны ли вы отказаться от собственной воли отныне, и до конца дней своих, чтобы делать то, что прикажет вам комтур?

— Да, герр, если будет на то воля Божья.

— Так соблаговолите же выйти и помолиться Господу нашему, чтобы он вразумил вас.

Ульрих повиновался и вышел, сопровождаемый одним из братьев. Капитул, братья и капеллан сели, и председательствующий возвестил им:

— Прекрасные братья, вы видите, что сей благочестивый муж одержим горячим желанием вступить в ряды нашего Ордена и утверждает, что отныне готов во все дни жизни своей быть слугой и рабом. Я уже спрашивал, нет ли среди вас коголибо, кому известно нечто, что может служить препятствием к принятию его в Орден, ибо потом будет поздно.

И снова все хранят молчание.

— Желаете ли вы, чтобы он вступил во имя Господа?

— Пусть вступит во имя Господа, герр.

Один из тевтонцев отправился к Ульриху и объяснил ему, как следует держать себя перед капитулом. Ульриха вновь привели в часовню, там он опустился на колени перед капитулом и, сложив руки, торжественно произнес:

— Герр, я предстаю перед Господом, перед вами и все братией, чтобы просить и умолять вас во имя Господа и Пречистой Девы Марии принять меня в ряды братьев и сделать меня, желающего стать слугой и рабом Ордена отныне и навеки, соучастником его благих деяний, как духовных, так и мирских.

Магистр спрашивает его, неукоснительно следуя церемониалу, предписанному Уставом:

— Твердо ли вы решили, прекрасный брат Ульрих, стать слугой и рабом Ордена Тевтонцев и отказаться следования собственной воле, чтобы повиноваться нашей? Готовы ли вы терпеть все тяготы, сопряженные с пребыванием в Ордене, и исполнять все приказы, которые вы будете получать?

— Да, герр, если на то будет воля Божья.

Старший из братьев поворачивается к капитулу:

— Прекрасные братья, восстаньте и восславьте Господа нашего и Пречистую Деву Марию, да будет на все воля Всевышнего.

Под сводами часовни зазвучал ритмичный речитатив молитвы «Отче наш».

Огромное старинное Евангелие в роскошном переплете дали в руки Ульриху и он, приняв его, с благоговением раскрыв его, ждет указаний.

— Прекрасный брат, — спрашивает руководящим церемониалом, — честные отцы, которые говорили с вами, сообщили наши неперемные требования, но

что бы вы ни ответили, это лишь суетные слова, и мы не понесем большого ущерба оттого, что вы утаили от нас. Но вот святые слова Господа нашего, и на наши вопросы отвечайте правдиво, ибо, если вы солжете, вы совершите клятвопреступление и должны будете покинуть Дом. Да храни вас от этого Бог!

И опять наступила продолжительная пауза. В тягостном ожидании Ульрих благоговейно прижимал к груди старинный фолиант.

— Прежде всего, мы спрашиваем вас: не имеете ли вы жены или невесты, которая могла бы претендовать на вас по закону Святой Церкви? Ибо, если вы лжете, и если случится так, что завтра или позже она явится сюда и сможет доказать, что вы были ее бароном, и потребует вас по Закону Святой Церкви, вас лишат чина тевтонца, закуют в железо и определяют на работы с рабами. После же отбытия постыдного наказания вас отдадут той женщине, и вы навсегда покинете Дом. Ульрих, нет ли у вас жены или невесты?

— Нет, герр.

— Не состояли ли вы в другом ордене, где давали обеты и обязательства? Ибо если вы это делали, и этот орден вас изобличит, вас лишат звания тевтонца и отдадут тому ордену, но прежде вас подвергнут постыдному наказанию, и вы навсегда покинете Дом.

— Нет, герр.

— Не имеете ли вы долгов, перед кем бы то ни было, которые не в состоянии заплатить самостоятельно или с помощью своих друзей без участия Ордена, ибо в таком случае вас лишат чина тевтонца и предоставят в распоряжение кредиторов, по отношению к которым Орден не может нести ответственности за ваши долги?

— Нет, герр.

— Здоровы ли вы телом, не повреждены ли какимилибо очевидными болезнями, ибо если будет доказано, что вы были больны до вступления в ряды нашей братии, вы покинете Дом, да хранит вас от этого Бог!

— Нет, герр.

— Не обещали ли вы и не давали ли какомулибо мирянину, или тевтонцу, или иному человеку деньги или что-либо ценное, чтобы он помог вам вступить в

Орден? Ибо это является симонией, и вы не можете иметь в том оправданий: если окажетесь виновны, вы покинете Дом.

— Нет, герр.

— Являетесь ли вы сыном рыцаря и дамы, рыцарского рода, и рождены ли в законном браке?

— Воистину так, герр!

— Не состоите ли вы священником, дьяконом или же субдьяконом? Если вы это скрываете, вы покинете Дом.

— Нет, герр.

— Не наложено ли на вас церковное отлучение?

— Нет, герр.

Магистр обращается ко всем остальным членам капитула:

— Нет ли еще вопросов?

— Нет, герр, — отвечают они.

Тогда Герман фон Зальца повернулся к Ульриху и, взглянув прямо ему в глаза, произнес:

— Прекрасный брат, на все вопросы, которые мы задали вам здесь, соблаговолите отвечать правду, ибо если вы допустите хоть каплю лжи, то навсегда покинете Дом, да хранит вас Господь от этого! Внимайте же, прекрасный брат, внимайте тому, что мы вам говорим. Обещаете ли вы Господу и Святой Пречистой Деве Марии отныне и во все дни вашей жизни повиноваться магистру и тем командорам, которые у вас будут?

— Да, герр, если на то будет воля Божья!

— Обещаете ли вы Господу и Святой Пречистой Деве Марии отныне и до конца ваших дней не иметь тайной от Ордена собственности?

— Да, герр, если на то будет воля Божья!

— Обещаете ли вы Господу Святой Пречистой Деве Марии отныне и до конца ваших дней следовать славным обычаям и правилам нашего Ордена — тем, которые есть и которые установят магистр и благочестивые отцы Ордена?

— Да, герр, если на то будет воля Божья!

— Обещаете ли вы Господу и Святой Пречистой Деве Марии отныне и до конца ваших дней, всеми силами и талантами, коими наделил вас Господь, что будете способствовать завоеванию Святой Земли и обращению северных язычников в христианство, а также сохранению и защите тех земель, которые завоеваны христианами?

— Да, герр, если на то будет воля Божья!

— Обещаете ли вы Господу и Святой Пречистой Деве Марии, что отныне и до конца ваших дней вы не смените этот Орден на другой, сильнейший или слабейший, ни ради лучшего, если только вам не будет дано разрешение Магистра и монастыря, которые имеют на то право?

— Да, герр, если на то будет воля Божья!

— Обещаете ли вы Господу и Святой Пречистой Деве Марии отныне и до конца ваших дней, что вы не окажетесь в той местности или городе, где ни один христианин не был напрасно и безосновательно подвергнут лишениям — ни по собственной воле, ни по своим соображениям?

— Да, герр, если на то будет воля Божья!

В часовне наступила торжественная тишина. Все братья встали, и Магистр наконец-то произнес:

— Именем Господа, и Святой Пречистой Девы Марии, и святого апостола Петра, во имя отца нашего папы и всей братии Тевтонского Ордена, мы располагаем на вас благодеяния, как те, что были оказаны Ордену с момента его основания, так и те, которые будут оказаны до его конца, — на вас, вашего отца, вашу мать и всех представителей вашего рода, которых вы пожелаете признать. И вы тоже распространите на нас благодеяния, которые вы совершили и еще совершите. Итак, мы обещаем вам хлеб и воду, бедное монашеское облачение, и много трудов и лишений.

Магистр берет белый плащ с черным крестом и подходит к Ульриху. Плащ торжественно опускается на широкие плечи парня, и Магистр завязывает шнур на покрасневшей от волнения шее. Раздается пение брата капеллана:

— Эссе куам бонум эт куам джукундум бабитаре фратрес....Воистину прекрасно и сладостно жить в братстве друг с другом... Словно драгоценное масло

проливается на голову и течет по бороде...Бороде Аарона и стекает на край его одеяния...

Затем капеллан читает молитву Святому Духу, и каждый тевтонец читает громко произносит Патер Ностер (Отче Наш). Магистр велит новому брату встать и целует его в губы в знак признания членом братства тевтонцев. И все присутствующие здесь и капеллан дарят поцелуй брату Ульриху, ставшему отныне и навеки рыцарем Тевтонского Ордена.

Побледнев от усталости и переживаний, Ульрих с благодарностью смотрит влажными от волнения глазами на своих новых покровителей. Над часовней раздается печальный звон одинокого колокола, возвестившего миру о вступлении в Орден нового брата

В высоких сводчатых потолках городского костела гулко отдавался сухой скрипучий голос Великого Магистра ордена Германа фон Зальца.

Ровной шеренгой стоят рыцари перед высокой кафедрой на каменном столбе, откуда вещает Великий Магистр.

— Варварские народы русинов, пруссов, угров, литвинов и прочих язычников заселяют необозримые пространства на севере и подпирают границы дружественных Священной Империи королевств. Сам Римский Папа, — ястребиные глаза Магистра блеснули с кафедры, и он повторил, — сам Римский Папа пожаловал нашему ордену Золотую Буллу, где утвердил наше право крестить язычников огнем и мечом, а земли, которые мы возьмем, объявил нашей вечной собственностью.

— Достопочтенный брат Бруно де ла Дийон! — неожиданно обратился он к французу, — каков девиз Тевтонского ордена?

— Помогать — Защищать — Лечить! — громко ответил новобранец.

— Кто покровители ордена? — и Магистр недвусмысленно посмотрел на Ульриха.

— Дева Мария! — ответил тот.

— И все?!

— Святой Георг и Святая Елизавета Венгерская, — бойко добавил немец.

— Мы все должны знать традиции и историю.

В этот момент на входе в костел раздались резкие звуки фанфар, и в храм вбежали десятки герольдов, наряженных в белые, шитые золотом камзолы. Затем, чеканя шаг, вошла вооруженная мечами и короткими пиками стража и выстроилась в две шеренги вдоль центрального прохода. Рыцари также заняли свои места в шеренге.

Наконец в ярко освещенном проеме центрального входа появился сам Император Священной Римской Империи Фридрих Второй, а за ним проследовала и многочисленная свита.

Император Священной Римской, мужчина лет тридцати, скорее вбежал, чем вошел. Его длинные прямые рыжие волосы и меч на боку раскачивались в такт энергичной походке. На нем был богатый синий наряд, расшитый золотом.

За ним важно вошла его свита.

— Император Священной Римской Империи Фридрих Второй! — громко объявил глашатай, но Фридрих оттолкнул его и быстро подошел к рыцарям.

Те невольно вытянулись при виде Императора и во все глаза смотрели на него. Фридрих неспешно прошел вдоль всего строя, внимательно вглядываясь в лица новоиспеченных Тевтонцев.

— В этом году славные рыцари Ордена Меченосцев, — обратился Император к стоящим перед ним и всем в зале, — завершат завоевание Ливонии. За это им будет честь и хвала!

Раздался одобрителный шум в свите. Император повернулся к ним.

— Но, — поднял он указательный палец кверху — курши напали в Балтийском море на наши корабли, нанеся им тяжелые потери!

Фридрих выдержал паузу.

— Ливы решили помочь куршам! — продолжил он, — готовится нападение на Ригу!

Император стал прохаживаться вдоль шеренги рыцарей.

— Я уверен — храбрые рыцари Тевтонского ордена научат язычников поклоняться Христу!

— К тому же наш верный друг, князь польский Конрад из Мазовии, — продолжил Фридрих, — терпит неисчислимые бедствия от прусских язычников и просит нас о помощи. С мечом в руке и жестким сердцем вы должны проявить христианское милосердие.

С этими словами Император обнажил свой меч. Рыцари встали на одно колено, и каждый по очереди поцеловал клинок.

— Наш отряд будет верно служить короне Священной Римской Империи! — четко произнес Ульрих и склонил голову перед Императором.

— Помогать — Защищать — Лечить! — хором произнесли рыцари.

Вскоре император со свитой покинули храм.

А свежее испеченные братья отправились на праздничный обед по случаю вступления в Тевтонский Орден молодого пополнения. Не прошло и двух недель, как Ульрих, Георг, Бруно и другие молодые рыцари, принятые в орден вместе с ними, были отправлены нести службу в палестинский замок Атлит.

Палестина

Палестина, замок Атлит, 1236 год

Широкий мыс с естественными укреплениями на севере, западе и юге высоко вздымался над яркосиним Средиземным морем. С востока мыс прикрывала мощная башня, сооруженная еще в прежние времена. Некогда башня служила надежной защитой паломникам, направляющихся в святой город Иерусалим, от грабителей, подстерегающих их в этом тесном проходе. Стояла она рядом с морем, на выступе горы, который и называли "Узким проходом".

Вот на этом мысе и был сооружен замок Атлит, или как его называли «Замок паломника». В нем и придется прослужить несколько лет молодым рыцарям, а затем — домой, в какоенибудь комтурство Германии.

Рыцари храма соорудили две башни перед фронтоном из четырехугольных отполированных камней, таких больших, что упряжка из двух быков едва могла тащить один из них. Каждая башня имела сто шагов в длину на семьдесят четыре в ширину; между ними стояла двойная крепостная стена. Новая и более высокая стена, заканчивающаяся зубцами, связывала обе башни, вооруженные рыцари могли подниматься и спускаться по лестницам, устроенным внутри. Другая стена простиралась от одного берега до другого и охраняла колодец с пресной водой, устроенный на конце полуострова.

Мощный замок был окружен со всех сторон высокой стеной с башнями. На внутреннем дворе находилась часовня Ордена с палатами, а также множество хозяйственных зданий. Главная задача этой крепости — позволить монастырю ордена Храма при отступлении из города Акры держаться здесь до тех пор, пока подготовятся к обороне города Иерусалима его защитники.

Крепость, столь гордо глядевшая в воды Средиземного моря, была сооружена из известняка; стены вырастали из самих волн. Позади крепостной стены, вокруг большого зала, огромного сводчатого помещения, украшенного изваянными из камня гигантскими головами наиболее знаменитых рыцарей Храма, сосредоточивались склады, конюшни, казармы. Атлит обладал единственной оборонительной линией — чрезвычайно толстой стеной, сооруженной из колоссальных каменных блоков, усиленной прямоугольными

башнями, с полукруглыми в плане фасадами. Донжоны — главные башни замка, стояли на самом опасном направлении, чтобы принять на себя натиск приступа. Атлит обладал морским портом, который позволял во время осады снабжать его обитателей всем необходимым. Когда прибывало пополнение, командор замка всегда с гордостью рассказывал, что замок практически неприступен

Несколько лет назад — командор тогда был простым братом, в 1220 году Атлит был осажден эмиром Аль Муазрамом, у которого были три катапульты и четыре баллисты. Их действие оказалось ничтожным из-за толстых стен крепости. Триста тамплиеров под командованием магистра Педро де Монтегаудо отважно оборонялись и даже сумели вывести из строя катапульту. Через месяц сарацины оказались от своих планов захватить Атлит. Эту осаду всегда с удовольствием вспоминали братьястарожилы. А молодежь, такие же юные рыцари как Ульрих, Георг и Бруно, готовы были часами слушать рассказы о прошлых сражениях. Вот и сейчас, освободившись от служебных обязанностей, друзья с удовольствием слушали воспоминания немолодого рыцаря о боях с сарацинами. Их дружный, заразительный хохот, вызванный насмешливым рассказом о боевых качествах кавалерии сарацин, поднял настроение Ульриху. Он с теплом подумал, как это хорошо, что у него есть такие друзья — без них жизнь в замке была скучной и монотонной.

Вдруг хлопнула дверь, и в зал, где собрались молодые рыцари, чтобы послушать рассказы о боевом прошлом Ордена Храма, вбежал брат Фридрих, молодой саксонец из Дрездена.

— Вы слышали новости? Через два дня будет турнир, где мы будем драться с молодыми рыцарямитамплиерами, англичанами и франками! Сам Великий магистр нашего ордена отдал приказ об устройстве турнира в замке Атлит! Он хочет проверить свою молодежь, то есть нас, как мы умеем сражаться! Но мы им покажем, правда, парни? Давайте попросим комтура, чтобы разрешил съездить в Акру. Мне надо купить новое седло — старое очень неудобное. Может, и вам что-нибудь надо?

— Да, конечно, мне тоже надо кое-что поменять в своем снаряжении! — подскочил Бруно. — Пошли, братья, к комтуру! Ульрих, а ты пойдешь на рынок?

Как и водится, Бруно после кратковременной стычки стал лучшим другом Ульриха. Молодых тевтонцев буквально тянуло друг к другу.

Пылкому франку очень нравилась рассудительность и обстоятельность немца. Ульрих всегда неукоснительно и четко выполнял всякое данное им слово, а если он брался за дело, то можно было быть уверенным, что все будет выполнено точно и в срок. Бруно дополнял своего друга веселым нравом, изобретательностью, авантюризмом.

Интересно было посмотреть на них со стороны, когда они вместе шли по узким улочкам Андернаха, Ульрих уверенно ступал по мощеным мостовым, глядя куда-то вперед перед собой, а его черноволосый друг забежал вперед, отчаянно помогая руками и мимикой своему повествованию — у него всегда было о чем рассказать. Немец отвечал односложно и коротко, иногда окидывая взглядом своих холодных зеленых глаз своего горячего друга.

Гомон толпы, блянье, мычанье животных, привезенных на продажу — весь этот привычный шум прервали пронзительные звуки длинных медных труб.

— Что это? — с испугом спросил арабторговец.

— Разве ты не слышал? — с удивлением ответил паломник в длинном черном плаще, — завтра будет турнир! Молодые рыцаритевтонцы, прибывшие из Германии, будут меряться силами с тамплиерами, англичанами и франками.

На залитую жаркими солнечными лучами городскую площадь Акры въехало несколько всадников с медными трубами. Старший герольд развернул свиток и начал торжественно читать:

— Именем Великого Магистра Тевтонского ордена барона Германа фон Зальца, и по его распоряжению, — все посетители рынка обратили свои взгляды на герольда, — завтра на рассвете по первому зову трубы объявляется рыцарский турнир.

Герольд усмирил нервно топчущегося под ним коня и продолжил:

— В турнире примут участие прибывшие из Германии, Франции, Англии молодые, но знатные рыцари. Им предстоит сразиться, чтобы выбрать наилучшего рыцаря среди своих рядов. Победитель изберет царицу турнира!

Королем турнира назначается могучий и справедливый рыцарь барон Эрхард фон Клюгге! Странствующие рыцари допускаются на турнир, если подтвердят свое благородное происхождение до четвертого колена. Желающие могут ознакомиться с Уставом турнира у господина барона.

А за спиной старшего герольда его помощники уже развешивали гербы будущих участников турнира на фасаде большого дома. Их помещали в соответствии со строгими правилами: в верхнем ряду — гербы самых именитых рыцарей. На этих гербах часто можно было увидеть изображение меха горноста — знак высшей власти; во втором ряду — гербы тоже знатных родов. Ниже расположились гербы также знатных воинов, но рангом пониже, а в самом нижнем ряду — простых рыцарей. После водружения гербов площадь стала намного наряднее, и вся обстановка на ней стала праздничной.

— Пожалуй, я пошлю слуг за дополнительным товаром, — засуетился торговец, — сегодня всю ночь наверняка будет хороший торг.

— Да, — недовольно протянул паломник, — не слушают наказы церкви эти рыцари христовы!

На переполненный рынок стали стекаться большие толпы народа. Предчувствие праздника охватило всех жителей Акры. Появились пышно одетые женщины, их сопровождали слуги и служанки. Они доставали из изящных кошельков золотые монеты и покупали ювелирные украшения, хрусталь из Кордовы, изящные изделия из серебра и золота, легкие шелка и тонкое сукно, сладости — словом все, что доставляет удовольствие женщинам. Повара из городских таверн стали срочно скупать пряности, фрукты, сладости — ведь после турнира будет пир! А скот угоняли с рынка целыми стадами. Куры, утки, индейки, рыба — все стало быстро раскупаться.

— Что за проклятый восток, — кричал на торговца-сарацина толстый повар с красным потным лицом, — мой хозяин любит поросенка, зажаренного на вертеле с травами и фундуком. А здесь свинины днем с огнем не найти!

— Смотри, вон наши противники тамплиеры! — зашептал Бруно, указывая на группу молодых людей в белых плащах с красными крестами, вовсю флиртующих с иерусалимскими дамами. Юноши-тамплиеры, наверное, хотели произвести на трех девушек неизгладимое впечатление, и их лица,

подернутые легким румянцем волнения, выражали учтивость и высокомерие одновременно.

— А не подскажет ли нам прекрасная Мари, как зовут ее подругу... — донеслись обрывки фраз до жадных ушей Ульриха и Бруно. Тевтонцы, хотя и выражали всем своим видом полное безразличие к происходящему, но на самом деле их тоже очень заинтересовали хорошенькие девушки, так как после продолжительных молитв и военных занятий даже маломальски приличная особа женского рода вызывала волнение в молодых сердцах. Но что ж, пришлось друзьям с независимым видом проследовать мимо — не влезать же в чужую беседу!

— А это тевтонцы, наши соперники на предстоящем турнире, тупой немец и его дружокподлиза франк, — услышал Ульрих, проходя мимо разговорчивых рыцарей храма, и обернулся, — ну и наломаем же мы им бока!

Его взгляд скрестился с нахальными глазами барона Армеля, тоже франка, как и Бруно, но обладающего совершенно другим характером. Надо сказать, что молодые тамплиеры, хотя и жили бок о бок с тевтонцами, почему-то считали себя выше по рангу, что неизменно вызывало разного рода конфликты с различными вариантами исхода.

— Вот сука, этот Армель, — прошипел Бруно, сжимая свои смуглые кулаки.

Барон Армель де Брувилль был неизменным заводилой среди молодых рыцарей соперничающего ордена. Высокий худощавый юноша не отличался большой силой, но был цепким и ловким. К тому же врожденная хитрость помогала ему неизменно выходить сухим из воды.

Красотки засмеялись в ответ на грубое замечание барона, и Ульрих побагровел, будто его кипятком ошпарило. Уже было направившийся к выходу с рынка, он вдруг резко повернулся и взглянул в черные глаза Армеля. Лишь на какое-то мгновение в них проскользнула искорка страха, да слегка побледнели острые скулы и орлиный нос на надменно-аристократическом лице, но франк мгновенно взял себя в руки

— Вам что-то угодно, господа? — предводитель тамплиеров издевательски изогнулся в подобии поклона.

— Нам угодно, чтобы нас не оскорбляли, — презрительно скривив узкие губы, процедил Ульрих, и сразу же почувствовал, как на плечо легла рука друга.

— Вы вмешиваетесь в чужую беседу и позволяете себе при этом делать замечания? — черные брови молодого барона взметнулись высоко вверх на узком пространстве лба.

— Просто он не обучен хорошим манерам, этот немец,..... в деревне, откуда он родом, он был приставлен к свиньям, — поддержали его приятели — они начинали наглеть, поскольку их было четверо против двоих.

Девушки прыснули от смеха, хотя через минуту постарались удержаться, видя опасную реакцию тевтонца. А Ульрих, потеряв последнее терпение, бросился на обладателя чересчур «острого» языка. Перед глазами Бруно только мелькнула широкая спина немца... размахиваясь, он чуть не свернул скулу своему верному другу.

«Наконец-то этот скот получит по заслугам!» — только успел подумать Бруно, как Армель полетел на гору овощей, с треском ломая прилавки. Ульрих настолько рассвирепел, что удержать его не было никакой возможности. Немец повернулся к остальным любителям пофлиртовать с девочками и широким замахом сразу свалил еще двоих. Четвертый тамплиер кинулся бежать, причем умудрился сбить с ног двух кухарок, направлявшихся на рынок. Разломав корзины и поскользнувшись на раскатившихся повсюду фруктах, он хотя и несколько раз кувыркнулся на мостовой, но все же умудрился избежать тяжелого удара каменного немецкого кулака.

Тем временем Армеля уже подняли сердобольные жители Акры.

Он позволил отвести себя в сторону, хотя и сделал вид, что хочет кинуться на обидчика. Однако его лицо быстро менялось, заплывая огромным синяком после мощного удара немца. Один глаз совсем потерял способность видеть и превратился в узенькую щелочку, а щека становилась все больше и больше, превратив узкое лицо в некое подобие груши. Девушки с восхищением поглядывали на могучего тевтона, а заодно и на его друга. Вскоре как из-под земли возник некий управляющий, который наблюдал за порядком на рынке, не забывая при этом взимать сбор.

— Что здесь происходит? — заверещал толстяк едким ехидным тенорком.

— Да ничего, молодые рыцари из Атлита повздорили, — отвечали из толпы.

Надзиратель рынка взглянул на Ульриха, потиравшего кулак, и на его противника.

— Ты мне сейчас за это ответишь, — завопил Армель и кинулся в сторону немца, но был благоразумно остановлен торговцами.

— Вы еще не закончили драку?! — возмутился управляющий, — то, что вы заплатите за сломанные столы и испорченные фрукты — это ясно, но если не разойдетесь похорошему, то я и штраф назначу, и сообщу о вашем поведении в ваш орден!

Последнее замечание совсем отрезвило драчунов, и Ульрих позволил Бруно увести себя с места побоища.

— Пошли, пошли, — приговаривал франк, — пусть эти скотытамплиеры платят.

Заунывный мотив одинокой восточной дудочки сменился пением нескольких менестрелей, ожививших площадь звуком лютни и тамбурина. У стены с гербами стоял герольд в разноцветной шапке и объяснял желающим символику гербов.

— Видите пурпурный цвет на гербе сэра Уинсвуда? — пояснял герольд случайным слушателям, — это символ власти. Лорд происходит из могущественного рода, который наделен большой властью в Англии. А вот две руки, одна в другой, на гербе отважного рыцаря Ульриха фон Эйнштайна, означают верность. Видимо, верность была одним из отличительных качеств баронов фон Эйнштайн.

— А почему тот щит такой фигурный, а тот совсем прямой? — спросил любопытный черноглазый мальчишка.

— Это щит немецкий, а тот — французский, — охотно пояснял герольд.

У стен замка Атлит уже полным ходом шли приготовления. Большую площадь у конюшен огородили под ристалище выкрашенными в разные цвета

оградами. Здесь будут сражаться участники турнира. Рядом с ристалищем строили обширные трибуны для зрителей, и главное — крытую ложу для шести дам и короля турнира.

— Три дамы будут раздавать рыцарям оружие, — читал вслух оруженосец Ульриха вывешенный на столбе устав турнира — он единственный оказался грамотным среди толпы зевак. — А еще три дамы будут вручать призы. Причем в каждой тройке одна дама должна быть замужней, другая — девицей, а третья — вдовой.

— Откуда в Атлите столько христианских дам? — удивился рыжий детина с сапогом хозяина в одной руке и щеткой — в другой.

— К нам на турнир съехалось почти все Иерусалимское королевство, — важно пояснял грамотный оруженосец, — такой праздник! Да и не только из королевства.....

Среднюю часть крытой трибуны украсили дорогими коврами и мехами, повесили золотые кисти, поставили живые цветы — здесь будет ложа королевы красоты и короля турнира, избранного, чтобы судить поединки и следить за исполнением всех правил, изложенных в уставе.

Всю ночь город был наполнен веселым гомоном. Никто не ложился спать. Повсюду горели костры, возбужденную толпу развлекали акробаты, жонглеры и фокусники, заезжие артисты с менестрелями. Молодые рыцари, тремя неделями назад впервые ступившие с качающейся палубы на святую землю, тоже не могли уснуть. Завтра важнейший день в их жизни. Кто-то обретет славу, а комуто суждено опозориться, упав с коня. Возможно, и смерть кого-то настигнет на этом веселом празднике.

Ворочался и Ульрих с боку на бок.

«Необходимо уснуть», — думал он, — завтра надо быть бодрым.

Но в голову лезли картины родного поместья — желтые пшеничные поля, лента реки, родной замок. Потом обдумывал, как нанести решающий удар копьем противнику. Хватит ли силы? Что будет с ним, если он проиграет? Значит, потеряет коня и все доспехи! Невозможно было избавиться от роя навязчивых мыслей. Только перед рассветом сон сморил молодого рыцаря.

Не успели разорвать утреннюю тишину десятки турнирных труб, а нарядная кавалькада уже нетерпеливо стояла у южных ворот замка. Возглавлял кавалькаду король турнира, барон Эрхард фон Ключге.

Он ехал на черном жеребце, покрытом красной попоной с четырьмя гербами над передними и задними ногами коня. В одной руке он держал жезл короля турнира, другой управлял своей лошадью. Красное перо плавно колыхалось в такт шагам могучего жеребца. Длинный меч барона, висевший на перевязи, поражал богатством отделки; на наручье меча сверкал большой рубин. Нагрудный панцирь был отделан великолепной золотой чеканкой.

За ним ехала первая тройка дам. Грациозно восседая на дамских седлах, они очаровательно улыбались. На их золотых поясах висели небольшие серебряные мечи, украшенные драгоценными камнями. За первой тройкой следовала вторая. А за ними — всадники с медными трубами, не забывающие оглушительно трубить каждую минуту. Дальше гарцевали на горячих скакунах знатные рыцари, причем у первых пар гербы были отделаны мехом горноста — знак высокого положения. За ними следовали рыцари рангом пониже. Рядом с конной процессией шли верные оруженосцы. Они несли штандарты с гербами своих сеньоров.

И уже позади всей этой великолепной колонны шли гости и зрители турнира, музыканты и менестрели, простой люд.

Оранжевые лучи выглянувшего из-за зубчатой стены замка, весело заиграли на латах короля турнира, когда он, выйдя на середину ристалища, достал свой свиток. Дамы заняли свои места в ложе, а участвующие в турнире рыцари расположились двумя отрядами на противоположных концах ристалища.

— Сегодня одни «жюте», — протянул один из зрителей, разглядывая готовящихся к сражению бойцов.

— Да, только что прибывшие новобранцы, — ответил его друг.

— Именем Великого Магистра барона Германа фон Зальца и по его распоряжению! — прервал шум толпы громкий голос барона Ключге. — Объявляю турнир вновь прибывших в замок Атлит рыцарей открытым!

Зрители огласили площадь громкими возгласами и аплодисментами. Вверх полетели гирлянды и хлопушки, гордо взметнулись штандарты. Рыцари подняли к небу свои копья с одетыми на них во избежание кровопролития деревянными наконечниками и разноцветными обрамлениями.

— Сегодня объявляется «тиост»! Битва на копьях! — продолжал король турнира. — Отряд славных рыцарей из Тевтонского ордена сразится с отрядом не менее славных рыцарей святого Храма! Упавший с коня считается проигравшим! Победитель выберет королеву турнира и получит награду из рук наших прекрасных дам!

Ульрих был участником первой пятерки. Битва вотвот должна была начаться, и волнение охватило его душу. Машинально молодой человек продолжал поправлять доспехи, хотя все вооружение еще до рассвета было тщательно проверено и закреплено. Рука немецкого рыцаря скользнула по поясу, рукояти меча...

— Отто, — неожиданно закричал он.

Долговязый верзила почти скрылся под конем, только его узкий зад выглядывал из-под крупа Троя, да видно было, как перекачиваются мышцы под натянутым сукном.

— Что ты там возишься, — нетерпеливо воскликнул рыцарь.

— Здесь беспорядок, хозяин, — оруженосец наконец вылез и растерянно тер затылок.

— Какой еще беспорядок, — разволновался Ульрих, — не хватало еще приключений перед началом боя. Никто не поверит, что он не струсил, было выделено достаточно времени, чтобы все тщательно приготовить.

— Смотрите, — пробормотал Отто и потащил своего господина под живот жеребца.

Теперь Ульрих и сам увидел, что ремень, удерживающий седло, был почти разрезан.

— Вот сволочи! Не успели бы вы и мечом взмахнуть, как полетели бы с коня! — возмутился Отто, — кто же мог это сделать? Я всю ночь не отходил от коня!

Ульрих вылез из-под Троя и оглянулся. И вдруг он поймал косой взгляд высокого рыцаря из отряда противника. Обладатель острого взгляда поспешно опустил забрало, но Ульрих все же заметил, что это был Армель.

— Да это он, герр Эйнштайн! — веснущатое лицо оруженосца исказилось от сильной ненависти, которая клокотала в его груди, — этот ваш недруг. Я вспомнил! — Отто сжал свои кулачищи, — когда я бегал за водой для Троя, эта скотина прохаживалась около конюшни! Мне бы сразу обратить на него внимание! А я подумал — это же благородный рыцарь.

— Как видишь, друг Отто, — Ульрих похлопал его по плечу, — не каждый рыцарь благороден.

— Надо бы рассказать королю турнира, барону Клюгге, о подлости некоторых участников турнира!

— Мы ничего не сможем доказать, друг мой, — Ульрих продолжал вглядываться в сторону отряда тамплиеров, — а иначе до конца дней своих не смыть ему бесчестья...

Две пятерки рыцарей выстроились в шеренги в противоположных концах ристалища. Лошади нервно били хвостами, отбиваясь от налетевших с конюшен мух; оруженосцы выстроились несколькими рядами за спинами своих хозяев. Вся публика застыла в ожидании начала боя, площадь охватила тишина, только дамы на трибунах плавно взмахивали веерами.

Ульрих провел рукой по шее Троя и даже через перчатку почувствовал жар, исходящий от коня и напряжение, которое испытывало животное. Рыцарь успокаивающе погладил своего скакуна по белой отметине между глаз, хотя и сам волновался не меньше. Левой рукой он покрепче сжал тяжелое копье и привстал на стременах, вглядываясь в отряд противника.

«Хорошо», — подумал он, — «этот подлец расположился как раз напротив барьера. Если я направлю Троя поближе к середине — мы неминуемо встретимся. Ну, тогда держись! Проклятый хлюст»!

Герольды подняли к небу медные трубы, и с их первым звуком шеренги ринулись друг на друга. Земля задрожала от топота тяжелых копыт, и через мгновение грохот скрещенных копий огласил ристалище.

Ульрих опять смог увидеть ненавидящий взгляд бездонных черных глаз, на этот раз через щели шлема. Армель направил свое копьё прямо в грудь немца, но Ульрих весь сжался, сросся с длинным оружием настолько, что как бы стал единым целым с громадным копьём и увесистым наплывом, защищавшим руку. Копьё франка скользнуло по этому выступу, но в последний момент зацепилось острием и изогнулось в страшном напряжении как дуга лука. Даже Трой привстал на дыбы от страшного удара и заржал. Но Ульрих натянул поводья и сделал еще одно невероятное усилие, наваливаясь вперед. Копьё хрустнуло и с треском раскололось — сначала вдоль на две части, а потом и каждая из них пополам. Один его конец, как пружина взвился в воздухе и ударил Армеля прямо по шее, в то место, которое не было защищено шлемом. Ремень крепления лопнул, и красочный шлем, увенчанный пышными перьями, отполированный до идеального блеска, слетел с головы барона и со звоном покатился под ноги набегавшей конницы. Армель бросил и остатки копья, и щит и схватился обеими руками за ушибленную шею. Трой промчался мимо противника, сзади на него напирала другие участники схватки. Но копьё немца тоже развернулось от страшного удара при столкновении и своим задним концом хлестануло франка прямо посередине груди. Второго удара, почти мгновенно последовавшего за первым, барон выдержать уже не смог и, откинувшись назад, сверкнул сапогами и вылетел из седла, едва успев откатиться в сторону, чтобы не оказаться под лошадиными копытами.

Когда Ульрих развернулся на другом конце ристалища, чтобы опять направить своего коня в гущу сражения, он увидел, что его враг уныло бредет прочь от места схватки. Красный плащ франка, накинутый поверх доспехов, был разорван, левой рукой он придерживал безжизненно повисшую правую, и сделав несколько шагов, остановился, пошатываясь.

— Ты не жилец! — услышал Ульрих, проносясь мимо побежденного франка, и обернулся. Такой ненависти, которую он заметил во взгляде Армеля, ему не доводилось видеть никогда.

Герольды подняли к небу медные трубы, и с их первым звуком шеренги ринулись друг на друга. Земля задрожала от топота тяжелых копыт, и через мгновение грохот скрещенных копий огласил ристалище. Оставшиеся в седлах рыцари проскакали дальше от места столкновения, но два бойца из отряда тамплиеров были выбиты из седла. Оруженосцы помогли своим сеньорам

встать и уйти с ристалища, пока остальные разворачивались. Резкие звуки труб опять возвестили о следующей атаке. Пятеро немцев грозно поскакали на тройку противников. Раздался хруст ломающихся копий и один из немцев, опрокинувшись на спину, уронил щит и шлем. Его конь так и унес его с поля боя. Вокруг раненого тевтонца засуетились оруженосцы и слуги, а остальные вновь разворачивались для очередной атаки. В результате третьей атаки на поле боя остались два немца и двое их противников из противоборствующего отряда.

— После трех атак объявляю перерыв! — раздался голос короля турнира.

Отто поднес Ульриху воды.

— Этот рыцарь Гарет Уинсвуд, — указал Ульрих в сторону противоположного отряда, — у него на гласном гербе появилась перевязь черного цвета. Или я ошибаюсь?

— Да, господин, — отвечал Отто, — мне его оруженосец вчера рассказал грустную историю. Рыцарь Уинсвуд похоронил недавно отца, а с братом, который стал графом Девона, у него отношения плохие. В общем — второй сын, вам ли не знать! С деньгами дело обстоит не очень хорошо — и лошадь, и все снаряжение куплены под честное слово — в долг. Поэтому он и отправился в Атлит. Черная полоса — знак печали.

Барон Ключге посовещался в ложе с дамами турнира и со своими помощниками, и вновь выехал на середину ристалища.

— Ввиду серьезного ранения рыцаря Арнольда фон Бюллов, — обратился к публике он. — А также по желанию наших дам...

Король повернулся к дамам, и они ему вежливо заулыбались.

— Турнир продолжится поединками! Оставшимся рыцарям выбрать соперников!

После этих слов медленным аллюром рыцари стали сближаться. Волей судьбы рыцарь Гарет Уинсвуд оказался как раз напротив Фридриха фон Дахенгаузена, молодого тевтонца из Дрездена. Своим тупым копьем Гарет дотронулся до панциря Фридриха. Это означало, что он вызывает немца на поединок. Ульрих вызвал на бой тамплиеранормадца Роджера де Во. Рыцари разъехались в разные концы ристалища, затем ринулись друг на друга. Гарет и

Ульрих одержали над своими соперниками быструю и убедительную победу. Настала очередь Ульриха и Гарета. Рыцари встали на краях ристалища и замерли в ожидании звука трубы. Поверх панциря Ульриха был надет двухцветный плащ из тонкого сирийского сукна черного и желтого цвета. Эти цвета доминировали и в остальном его убранстве. Пушистые черные и желтые перья развевались над стальным, украшенным серебряными вензелями шлемом. На лошади поверх лат была наброшена кованная попоная с черными и желтыми ромбами. Статный немецкий крестоносец, закованный в сверкающие на солнце латы, вызывал восхищение у прекрасных дам и уважение рыцарей.

Гарет Уинсвуд избрал красный с золотом основными цветами своего наряда; плюмаж из красных перьев украшал его боевой шлем.

Наконец раздался звук трубы, и кони помчались друг на друга тяжелым галопом. Ульриху показалось, что он увидел, как блеснули глаза соперника в тот момент, когда со скрежетом скрестились их тяжелые копыта. Под страшным натиском копыта изогнулись дугой, и сила столкновения была такова, что оба коня встали на дыбы. Ржанье испуганных лошадей разносилось по всему ристалищу. Почти одновременно копыта с хрустом сломались, и рыцари шлемами стукнулись друг о друга.

Шлем Ульриха с черными и желтыми перьями со звоном покатился под ноги коней. Гарет потянулся, было, рукой к мечу, но к всеобщему удивлению немец, сверкнув копной пшеничных волос, крепко ухватил обеими руками в стальных рукавицах за красный плащ англичанина и с силой толкнул его от себя. Испугавшись, конь Гарета сделал шаг в сторону и, поскользнувшись о немецкий шлем, повалился на зеленую траву. Его копыта задралась кверху и несколько мгновений беспомощно дергались в отсутствии опоры.

Рев восторга охватил площадь. Оруженосец и несколько служителей турнира окружили упавшего всадника, пытаясь оказать ему помощь.

Немецкий рыцарь поднял вверх закованную в сталь руку в знак благодарности зрителям и неспешно вернулся на исходную позицию. Произошла некоторая заминка. В толпе окруживших Гарета людей трудно было понять, что там происходит. В ложе бурно совещались король турнира, его помощники и приглашенные дамы. Ульрих молча наблюдал за происходящим, пока не подбежал возбужденный Отто.

— Что там? — спросил рыцарь.

— Могло быть и хуже,— сказал Отто,— но конь в порядке. Только англичанин пострадал.

— Так ведь он уже усаживается в седло,— удивился Ульрих.

— Его нога распухает на глазах, даже не помещается в доспех, — продолжал Отто,— но лорд Уинсвуд приказал снять доспех, и намерен продолжить поединок.

— Да у него и нет другого выхода, — добавил незнакомый светловолосый детина, — ну как же ему возвращаться домой без победы, коня и доспехов!

Одна из даму-строительниц турнира помахала платком Ульриху, и он немедленно приблизился к ложе.

На поцелуй изящной ручки она ответила рыцарю ослепительной улыбкой и произнесла:

— Я вас поздравляю, Ульрих фон Эйнштайн! Несомненно, вы — победитель турнира,— она сделала паузу,— но в Уставе сказано, что если рыцарь не выбит из седла, он не считается проигравшим.

Ульрих напрягся.

— Мы не сомневаемся, что, продолжив поединок, вы повергнете своего противника. Но рыцарь Дахенгаузен уже получил серьезное ранение на нашем турнире. И дамы не хотели бы продолжения кровопролития.

— Как старшая дама турнира,— продолжила она, — и по согласию с остальными, я прошу вас о милосердии. С этими словами она притянула к себе меч Ульриха и завязала на нем серебряную парчовую ленту — знак милосердия.

— Но окончательное решение, несомненно, за вами, сэр рыцарь,— уже другим тоном добавила она.

С мечом наголо и без шлема, немецкий рыцарь неспешным аллюром вернулся на свое место. Противоречивые мысли ворочались у него в голове. Еще пару добрых ударов, и англичанин будет повержен. До победы всего лишь один шаг. Тогда и слава, и ценное вооружение англичанина, и его конь — все достанется ему, Ульриху. Немец посмотрел в сторону Гарета. На бледном лице англичанина не было и следов страха. Возможно, его карьера на этом будет

закончена. Как возвратиться домой с поражением, с потерей коня и доспехов?

Отто отряхнул от пыли и разгладил свою самую лучшую тунуку, которую надел на турнир, и вышел на середину ристалища. Самым торжественным голосом, на который он был способен, он громко объявил:

— Могучий рыцарь Ульрих фон Эйнштайн отказывается от продолжения поединка и признает соперника равным! — в голосе оруженосца Ульриха явно слышались одобрительные и гордые нотки. Сзади Отто уже подпирал на коне король турнира. Своим громким голосом он продолжил:

— Согласно решению дам турнира, и по согласию с рыцарем Ульрихом фон Эйнштайн, он объявляется почетным героем Атлитского турнира. Славному рыцарю прекрасная дама, баронесса Беатрис фон Дагмар, вручает приз нашего турнира — серебряный шлем с золотым окладом!

С этими словами баронесса, поддерживая край юбки белой ручкой, вынесла и вручила под аплодисменты толпы серебряный шлем.

— Славный рыцарь Гарет Уинсвуд объявляется рыцарем мужества! И милейшая дама нашего турнира, леди Салина Скотт вручит приз мужества — золотые стремяна!

На ристалище вышла рыжеволосая дама в голубом платье, отделанном золотой парчой, и вручила Гарету золотые стремяна. Оба рыцаря обнялись в знак примирения и под рев толпы сделали круг почета вдоль трибун. На выезде с ристалища Гарет снял стальную перчатку, и, протянув руку немцу, с глубоким чувством произнес:

— Ульрих фон Эйнштайн! Прошу вас считать меня своим другом и должником всю оставшуюся жизнь.

Стальные латы не позволили двум рыцарям крепко обняться. Но души обоих воинов от этого рукопожатия ощутили небывалый подъем.

Король турнира попросил рыцарей, молодых и постарше, желающих поучаствовать в общем турнире, указать маршалам турнира, на стороне какой партии они собираются выступить. Общий турнир должен был состояться завтра, а на третий день турнира должны будут состязаться оруженосцы и лучники из числа простых воинов. После этого все рыцари, участники турнира и знатные гости приглашались на роскошный пир.

Палестина, Тивериадский оазис 1240 г.

На светлом фоне неба уже отчетливо вырисовывались тонкие силуэты нескольких пальм, растущих на берегу Тивериадского озера. Его темносиние, покрытые волнами воды манили к себе четырех конных рыцарей, измученных долгим переходом по раскаленным пескам. Наконец громадный алый диск солнца коснулся пологих пустынных холмов на противоположной стороне озера, — изнуряющий, адски жаркий день близился к концу. Стальные шлемы и латы, хоть и прикрытые тканью, раскалились под многократно отраженными от барханов пустыни палящими лучами, и причиняли боль при каждом движении. Но еще больше досталось верным коням. Пот струями катился под покрывалом и доспехами по крутым бокам, а ноги уже дрожали от каждого шага по каменистой дороге; усталые спины, казалось, проломаются под весом закованных в латы всадников.

Ульрих снял шлем и, взглядом оценив расстояние до живительной влаги, хмуро сказал:

— Мне кажется, что мы сдохнем, прежде чем доплетемся до этого озера! — посмотрев на своего коня, добавил, — но еще больше жаль этих бедных животных, которые, даже не зная, зачем они мучаются, покорно бредут к смерти.

С этими словами рыцарь, собрав все свои силы, спрыгнул со своего жеребца и, бряцая мечом, зашагал рядом с ним. Благодарное животное взмахнуло хвостом и побежало веселее, а Ульрих ожесточенно зашагал по уходящей вниз дороге. Гарет, Георг и Бруно последовали его примеру: вид пешего рыцарского отряда смутил бы любого встречного странника, если бы таковой здесь оказался.

— Смотри, — сказал Бруно, показывая на огонек под пальмой, — там кто-то есть!

И в самом деле, Ульрих увидел маленькие фигурки, даже издали хорошо различимые на фоне синих вод озера. Издали доносилось конское

ржанье. Да, передышка их лошадей была недолгой, — в следующее мгновение воины уже сидели в седлах, сжимая в руках мечи.

Люди у озера тоже вскочили на своих скакунов и с гиканьем поскакали им навстречу. Близлежащий холм на несколько минут скрыл нападающих, и четверо закованных в сталь всадников застыло в напряженном ожидании.

Но уже в следующее мгновение легкая конница вынырнула из-за холма.

— Бедуины! — воскликнул Георг и поднял свой щит до подбородка.

Четыре рыцаря продолжали стоять неподвижно как каменные изваяния, резко выделяясь на серых скалах, окрашенных алыми лучами заходящего солнца, лишь горячий ветер развеивал их белые плащи, да били нервно вздыбленные хвосты лошадей.

Бедуинов оказалось человек десять. Они цепью вынырнули из-за холма и, подзадоривая себя воплями, неслись на противника на невысоких тонконогих скакунах, от бешеной скачки их черные плащи раздувало ветром. Воины яростно размахивали короткими кривыми саблями, как будто уже рубили невидимого противника на мелкие куски. Наверное, эти действия должны были обратить рыцарей в бегство еще до начала боя.

Но тевтонцы продолжали стоять, невозмутимо ожидая противника. Такое хладнокровие, по-видимому, смутило восточную кавалерию, и бедуины изменили тактику. Фланги их стали окружать четырех крестоносцев и, наконец, замкнули их в кольцо. В ответ на этот маневр четверо друзей поставили своих лошадей крупами друг к другу, образовав плотный круг. Усталость от дневного перехода по раскаленным пескам мгновенно улетучилась, тела напряглись и налились силой в ожидании схватки.

Разбойники пустыни тоже остановились и напряженно застыли, не решаясь атаковать крестоносцев. Их нерешительность передалась большеглазым серым скакунам, и хвосты их вздыбились петухами. Один из бедуинов, по видимости, командир, смуглолицый молодой мужчина с окладистой курчавой бородой, гарцевал на широкогрудом жеребце, закрываясь круглым щитом, сплошь покрытым золотым орнаментом.

Он что-то громко рявкнул, и бедуины дружно взметнули к небу небольшие луки.

— Щиты! — командовал Ульрих, и рыцари, мгновенно опустив забрала, надвинули свои щиты таким образом, чтобы почти полностью закрыть себя и голову лошади. Они как бы превратились в небольшие крепости.

Туча стрел со свистом взмыла в небо и, отскочив от стальных доспехов и мечей, усеяла весь песок вокруг христиан

— Хорошо, что стрелы у них без стальных наконечников, — глухо прозвучал из-под забрала голос Бруно. В следующее мгновение одна из них снесла с его шлема пучок перьев.

Другая стрела чиркнула по защищенному броней крупу его коня, и он нервно затоптался на месте.

— Они расстреляют нас издалека, — процедил Ульрих, лихорадочно обдумывая, как найти выход из сложившейся ситуации.

Решение пришло мгновенно: неожиданно для своих друзей, он выхватил дамаский кинжал, который всегда носил на поясе, и с силой метнул его в сторону лучников. Кинжал зловеще засвистел в воздухе, но воины пустыни, поглощенные стрельбой из луков, не обращали внимания на действия рыцарей.

Дамаский клинок вонзился прямо в крутой лоб красавца скакуна командира бедуинов, он взвился на дыбы в последний раз в своей жизни и, захрипев, повалился на бок. Старший отряда гортанно вскрикнул от страшной боли — не успев выдернуть ногу из стремя, он был придавлен тяжелым телом упавшей лошади. Мусульмане бросились к нему на помощь, причем те, кто находился на противоположной стороне круга, неосторожно приблизились к защищенным стальными доспехами крестоносцам. Гарет и Бруно не заставили себя долго ждать и мгновенно снесли длинными мечами головы двух бедуинов.

Остальные разбойники к этому времени спешили и пытались освободить своего командира. Когда они опомнились, было уже поздно, — христиане бросились в атаку. Громадные, закованные в латы тяжеловесные кони топтали несчастных своими широкими копытами, а длинные мечи с легкостью разрубали прикрытые лишь кусками ткани головы.

Один молодой юркий бедуин умудрился выскочить из кровавой мясорубки и, бросив свой лук, поскакал вдоль озера. Его соплеменник

выхватил легкое копье с острым длинным лезвием и крючком на конце и с силой вонзил его в грудь Георга. Это опасное оружие соскочило со стального панциря и вонзилось в ногу, рядом с пахом. Разъяренный Георг коротким ударом рубанул вскользь вдоль копья и сильно ранил руку нападавшего. В запале он хотел, было нанести еще один, окончательный удар, но спешившийся Ульрих толкнул стоявшего на коленях бедуина стальной ногой и поднял правую руку вверх в знак окончания боя.

Повсюду среди камней в разных позах лежали мертвые бедуины. Рыцари сдвинули тяжелое тело лошади и освободили обезумевшего от боли их командира. У него была повреждена нога. Гарет поймал оставшихся без хозяев лошадей и привязал их к толстой пальме.

— Двое раненых пленников, один убежал, остальные семь воинов аллаха отправились в свой мусульманский рай, к гуриям, — бодро доложил Бруно Ульриху, — да еще трофеи — целый табун отличных скакунов.

— Им не потянуть нашу броню, — хмуро ответил Ульрих и, сбросив ненавистный панцирь, побрел к озеру.

Медленными шагами усталый рыцарь побрел к берегу. Тяжелые стальные башмаки глубоко погружались в мягкий песок, меч выпал из расслабившейся руки в нескольких шагах от кромки воды. Рыцарь сел на камень, стащил железную перчатку с правой руки и бросил ее к ногам. Отрешенный взгляд упал на поверхность палестинского озера, и он застыл в оцепенении, вглядываясь не в воду, а внутрь самого себя.

Вода в озере была удивительно прозрачной. Несмотря на мелкую рябь, было видно, как уходит далеко вниз песчаное дно. Там, на глубине, весело резвились в лучах вечернего солнца стаи мелких рыбешек; крикливые чайки с шумом садились и взлетали с поверхности воды. Вдали, за озером, на горизонте темнела ломаной линией гряда величественных гор. Гудело усталое тело, и мысли текли медленно. Взгляд рыцаря был околдован игрой ряби на воде. В ушах Ульриха до сих пор стоял предсмертный хрип умирающего бедуина, совсем еще мальчика. Тяжелый меч разрубил его почти пополам.

«Зачем пришел я в этот мир»? — думал Ульрих. — «Убивать? Страдать? Чего я добиваюсь? К чему стремлюсь?»

Он пристально вглядывался в глубь воды, как будто искал там ответ. В какое-то мгновение ему показалось, что там, в глубине, на самом дне озера, он увидел лицо женщины. Бледно-голубое, почти безжизненное, оно невозмутимо смотрело на него.

— Дева Мария!— прошептал он и перекрестился. — Как мне жить?

Глаза женщины как будто повернулись в сторону Ульриха. Призрачноголубые, они не выражали никаких чувств. Лишь цепко вглядывались в лицо рыцаря. А потом в них вспыхнул какой-то огонь, как будто она узнала его и, хотя ее губы были сомкнуты, Ульрих услышал, как прозвучал женский голос в его голове:

— Тебе досталось, рыцарь... Вот душа убитого тобой бедуина, она стучится в мир беспредельный... Она не таит злобу на тебя... Бой был справедливый. Они атаковали вас... но руки твои в крови... мое сердце стонет. Помни, Ульрих, — все эти люди тоже мои дети!

Потрясенный Ульрих не отрывал своих глаз от озера, но кто-то тронул его за плечо:

— Ульрих! Ну, чего ты стоишь, надо поскорее уезжать отсюда! Георг ранен! Иди сюда, его нужно срочно отвезти замок, к лекарю, — Гарет тормозил его уже сильнее, — да, вот еще что.... не знаем, что делать с тем бедуином, их командиром...

— А что, он еще жив?

— Да, на него страшно смотреть — корчится в судорогах, нога совсем распухла.... может, лучше прикончить его?

— Мы воины, а не палачи, брат, — тяжелая рука Ульриха легла на плечо друга, и рыцарь пошел туда, где лежал неудачливый вождь уничтоженного отряда.

Тевтонец подошел к сжавшемуся от боли бедуину и презрительно повернул его ногой. Сын Востока покорно откинулся на спину и раздвинул руки, открывая грудь. Его побледневшее лицо было преисполнено решимости достойно принять смерть. Глаза Ульриха и бедуина встретились. Рыцарь долго и пристально вглядывался в черные бездонные глаза, пытаясь отыскать в них хоть каплю страха. Но поверженный вождь не отвел взгляда, а, только

нахмурившись, растянул горловину кольчуги на шее, обнажая самое удобное место для последнего удара. Ульрих протянул правую руку и сказал:

— Гарет, дай мне его саблю!

Удивленный рыцарь вложил в руку Ульриха кривой сарацинский клинок. Вождь зажмурился, ожидая удара, но через секунду ощутил, что любимое оружие со звоном упало ему на грудь. Разбойник с удивлением распахнул свои черные ресницы.

— Братья, посадите обоих раненых на коней, и пусть едут с богом! — скомандовал Ульрих. — Дева Мария учила нас милосердию к поверженному врагу, — уже тише добавил он, — довольно с них и потери всего отряда. Если останутся в живых, значит, такова их судьба.

Раненый, казалось, понял слова своего врага, и в его глазах загорелась надежда. Тевтонцы усадили его на одного из скакунов и, хотя его нога уже превратилась в бесформенную колоду, тот не издал и звука. Второй житель пустыни самостоятельно взобрался на своего коня, еще до конца не веря в свое спасение. Гарет хлопнул рукой по крупу, и лошади помчались в направлении синюющих вдалеке гор. Через мгновение их уже и след их простыл.

Рыцари остались стоять в некотором недоумении.

— А вообще—то ты правильно поступил, — наконец прервал молчание Гарет, — убить раненого как-то рука не поднималась, только таких отличных коней жалко, да и саблю...

— Будь милосерден, и Бог вспомнит о тебе в трудную минуту, — улыбнулся Ульрих, его глаза стали почти бесцветными, как будто выгорели от неумолимого солнца, но в них засветилась доброта. — Как воину без оружия!

— Посмотрите, они обратно едут! — воскликнул Бруно. И вправду уже приободрившийся бедуин показался из-за пальм, уверенно двигаясь к милосердным победителям. Его соплеменник дожидался его в под пальмами. Приблизившись, он, обращаясь к Ульриху, стал что-то отрывисто говорить на гортанном неизвестном крестоносцам наречии. Но тот только удивленно поднимал свои белесые брови, силясь понять хоть что-то. Закончив свою речь, вождь бедуинов вознес к небу руки, вознося хвалу своему аллаху, и снял с пальца золотое кольцо с крупным рубином.

Довольные улыбки пробежали по лицам тевтонцев, и подарок перекочевал в руки Ульриха.

— Он благодарит тебя, — пояснил Бруно.

— Я и так это понял, — пробормотал немного смущенный Ульрих, рассматривая дорогое украшение.

— Это кольцо поможет тебе в трудный час, как сейчас спасло его, — Бруно развел руками, как бы извиняясь за неточный перевод, — он так вроде говорит. Он утверждает, что это древний родовой талисман...

Ульрих потер дорогой камень о грубое сукно плаща и спрятал подарок в поясной мешочек.

— Ладно, говорят, на востоке от подарка нельзя отказываться, — хмыкнул он и хлопнул по боку коня бедуина, как бы отправляя прочь. Тот не заставил себя уговаривать и лихо помчался, через несколько минут только легкое облачко пыли на фоне заходящего солнца напоминало о нем.

— Ворота! Ворота! — услышал голоса часовой внизу на дороге и, протиснувшись широкими плечами в бойницу, посмотрел со стены башни на дорогу.

А по ней, вздымая облако раскаленного песка, в направлении замка Атлит мчалась беглой рысью группа всадников в белых плащах с крестами. Они мчались с такой скоростью, что стражник, осмотрев, насколько он мог, всю дорогу, с удивлением не обнаружил погони. Однако он стал поспешно опускать подъемный мост, как этого требовал устав. Заскрипели железные цепи и, как бы нехотя, мост тронулся вниз. Всадники влетели в разверзнувшееся жерло главных ворот.

— Георг ранен! — осторожно снимая с коня друга, закричал Гарет.

— Что-то не очень заметно, — недоверчиво подумал стражник, осматривая Георга. Лишь по его бледному лицу можно было определить, что с ним произошло неладное. Но никаких следов ранения видно не было. Однако, сойдя с лошади, Георг зажал левой рукой пах и захромал в сторону казарм. На каменной мостовой остались следы крови.

— Бедуин хотел ударить Георга копьем в живот! Он отбил удар, но все-таки зацепило пах и ногу,— возбужденно рассказывал Гарет, потом улыбнулся, — рана, хоть и несерьезная, но может иметь большие последствия!

И он неожиданно резким движением схватил патрульного снизу за пах.

— Дурацкие шутки, англичанин! — охранник скорчился, пытаясь увернуться.

— Можно остаться без наследников!— констатировал Гарет, потом резко повернулся в сторону наблюдавших за происходящим оруженосцев, — я сказал — лекаря! Быстро!

Посыльные довольно поспешно привезли странного старика, на вид чужеземца. Его голова была чисто выбрита, одет он был в широкое шелковое одеяние желтого цвета. Местные жители, указав на него как на известного лекаря, предупредили, что обижать его не следует. Его личность была окутана ореолом колдуна или волшебника. Старик же, впервые попав в замок крестоносцев, с удивлением озирался по сторонам, рассматривая сложенные из грубого камня высокие стены и своды незнакомой архитектуры. Идущий впереди рыцарь толкнул ногой тяжелую дубовую дверь и, они, почти на ощупь, после яркого солнца, вошли в прохладное помещение, служившее крестоносцам спальней.

Георг сидел на столе, зажимая руками рану — из-под пальцев капала кровь. Старик отвел в сторону руку рыцаря.

— Да, — протянул он и, улыбнувшись, посмотрел на раненого. — Рана серьезная. Возможно, придется сделать обрезание, чтобы не было нагноения.

— Ни в коем случае!— взвыл Георг.

— Так будет безопаснее для здоровья. Тем более, что останется еще больше половины,— настаивал лекарь.

— Зачем мне половина!— закричал Георг, обратно зажимая пах, — лучше умереть!

Вся казарма просто умирала со смеха. Хотя испуганному рыцарю было явно не до шуток..

— Вы, наверное, опасаетесь за свои возможности после операции, достопочтенный рыцарь,— вежливо обратился к раненому смуглый старик. — Но вы зря волнуетесь. И с остатком этого важного органа вы будете желанным гостем в лоне любой женщины, если будете умело пользоваться своим орудием.

— Так я тебе и поверил,— Георг исподлобья глядел на старика.

— Я смогу обучить вас искусству любви в своей обители, чтобы вы хоть чем-то отличались в любовных утехах от того осла, — восточный лекарь указал на осла во дворе, которого можно было видеть через соседнее окно,— он даже лучше вас справляется со своим делом — вы же видите, какие у него данные! И мозгов столько же.

— Ты заговариваешься, старик!— решил вмешаться в разговор Ульрих, многозначительно положив руку на рукоять меча. — Делай то, для чего тебя привезли сюда! И никаких обрезаний!

Странный старик улыбнулся и, взяв небольшой кусок ткани, намочил его какой-то пахучей жидкостью. Затем протер драгоценную часть тела. Лицо Георга разгладилось — на его фаллосе не было ни царапины, просто он был сильно испачкан кровью. Тут уже поистине гомерический хохот охватил всех присутствующих. Георг с облегчением вторил братьям.

— Развод дневного караула! Развод дневного караула! — послышалась команда со стен Северной Башни.

Солнце уже сияло на ослепительно голубом небе, и Ульрих спешно заканчивал приводить в порядок свою амуницию.

— Опоздаешь, — сказал Георг и подал Ульриху ножны.

— Всунули в этот проклятый караул! — пробурчал недовольно Ульрих, но затянул потуже поясной ремень, поправил гребенкой гриву густых светлых волос — настроение резко изменилось. Бодрыми и энергичными шагами он двинулся по угрюмым галереям замка к месту развода караула. Из-под мрачных сводов подземелья на него безучастно взирали громадные изваяния рыцарей — героев прошлых поколений, мастерски вырубленные стародавними мастерами. Они, казалось, ожили от мерцающих бликов факела в руке Ульриха.

Их тени двигались по сводам в такт его шагам, а эхо от тяжелых ударов сапог многократно отдавалось в глубоких нишах. Статуи равнодушно провожали его своими каменными взглядами в продолжение этих трех сотен ярдов. Статный рыцарь с длинным мечом, достающим почти до самого пола, прошел до конца темного коридора, поднялся вверх по узкой каменной лестнице — и статуи вновь заснули во мраке галереи.

Караульные уже выстроились в шеренгу, и Ульрих поспешно присоединился к ним. Как и требовал устав, старший из братьев осмотрел каждого из заступивших в караул рыцарей. Внешность, состояние оружия, опрятность одежды — все было внимательно изучено.

— На что должен обращать внимание караульный? — перешел к проверке знания устава разводящий.

— На обстоятельства у стен замка на предмет присутствия сарацин и разбойников, а также на порядок на стенах, — бойко ответил Бруно.

— А если на стенах шум? — обратился уже к Ульриху командир.

— Разговоры запрещаются. « В многословии не избежать греха. Жизнь и смерть зависят от языка», — ответил цитатой из Латинского Устава Ульрих

— Похвально знание устава братом нашим! Тогда что же делать, коль шумно?

— «Не будь обвинителем и доносчиком в народе. Когда же кто узнает наверняка, что брат в чем-либо согрешил, пусть, согласно предписанию Господа, в мирном и братском благочестии он побранит его с глазу на глаз», — вновь процитировал Ульрих.

— Стоит отметить перед Магистром знание братом Ульрихом правил и уставов, — довольно отметил разводящий. — А как же ты будешь беседовать с братом : оставишь пост?

— Резким окриком с башни я прекращу болтовню!

— Слышал я, что некоторые из числа распутных женщин подумывали пробраться к братьям нашим, — перешел к другой теме командир, остановившись напротив Бруно и пристально вглядываясь в его карие глаза. Бруно вытянулся как струна и смотрел невидящим тупым взглядом прямо

перед собой, пытаюсь всеми силами изобразить воинскую исполнительность и подобострастие.

— Интересно, как бы им это удалось, когда на страже главного подъемного моста стоит храбрый рыцарь Бруно, — рассуждая вслух, он обходил француза со всех сторон, с нарочитой внимательностью изучая детали его одежды и снаряжения. — Тем более что стены наши неприступны даже для войска султана.

— Но, если бы это и удалось, каковы бы были действия братьев?— закончил свой обход командир и прямо задал вопрос Бруно.

— В главе 72 Устава сказано, чтобы братья избегали поцелуев женщин, — неуверенно вспоминал француз.

— На этот раз мы не удостоились цитаты, но понятие имеется, — заключил командир и, после небольшой паузы, задумчиво добавил. — Однако странно, что в уставе сказано только о поцелуях... ну что же, — его буква для нас свята!

После непродолжительной церемонии каждый караульный отправился к месту своей дневной службы. Ульрих прохаживался вдоль зубцов Большой Северной Башни. Сто неспешных шагов по каждой из ее стен — обход всего периметра занимал четверть часа.

Диск солнца закатился за горизонт Средиземного моря, в вечерних сумерках первой засверкала Венера, а затем и другие звезды. Скоро весь купол черного южного неба вспыхнул миллионами переливающихся звездбриллиантов. Пояс млечного пути широкой дорогой пересекал весь небосвод и уходил за горизонт. Было очень тихо, лишь со стороны города громко звенели цикады.

— Когда бы еще у меня было время любоваться этой красотой, — подумал Ульрих, — если бы не караул...

В замке тем временем закончилась вечерняя молитва, огоньки в комнатах братьев стали гаснуть. Затихли лошади, унялись служащие, все вокруг охватил умиротворяющий сон. Лишь цикады еще громче, на распев, завели свои ночные песни, как бы обрадовавшись, что затихшая природа нашла время послушать их хор.

— Скоро смена, — подумал рыцарь. Мерными шагами Ульрих отмерял знакомые стены, наслаждаясь прохладой палестинской ночи. Вдруг ему показалось, что, кроме него, еще кто-то есть на стене. Он посмотрел вокруг, прошел по всему периметру, — никого. Но ощущение присутствия какого-то живого существа не оставляло его.

— Ульрих! Мой милый рыцарь! — то ли шепот, то ли показалось? Но вдруг вдалеке он заметил силуэт девушки в голубом шелковом платье. Побежал — никого.

— Фу, чертовщина. Доболтались до того, что уже всякие видения появились. Как там наш причетник говорит — галлюцинации! Вот уж поистине в уставе правильно написано про распутную болтовню! — хмыкнул рыцарь и продолжил обмерять шагами стены башни.

Вернувшись в свою комнату, он уже ничего не думал о таинственной девушке, улегся спать и крепко заснул. Но вдруг среди ночи он внезапно проснулся. Через открытое окно была видна яркая луна. А возле входной двери стояла девушка в голубом с золотом платье. Светлоголубой шелк ее верхнего платья, скрепленного на узкой талии золотым поясом из соединенных колец, струился под легким ночным ветерком по изумительной фигуре. Нижнее, узкое платье было тоже из шелковой, затканной золотыми нитями ткани.

Глубокий вырез почти обнажал высокую нежную грудь. Ее мертвенно-бледное лицо обрамляли волнистые черные кудри, достававшие до бедер. Тонкие, изогнутые брови изящно подчеркивали огромные бархатисто-карие глаза. Полные, как бы припухшие губы, отдавали синевой, придавая всему ее прекрасному облику, освещенному призрачным светом луны, вид богини загробного мира. Ажурная диадема с крупными, сияющими в лунном свете бриллиантами, многочисленные ожерелья, перстни и богато украшенные браслеты восхитительно усиливали ее природную красоту.

Очарованный Ульрих замер. Легкий ветерок с моря приподнял край платья, и он увидел точеные ножки удивительной красоты. На ногах у нее была золотая цепочка. Он был поражен, но потом понял.

Это сон, просто хороший сон. И тогда на стене он придремал. Вот уж поистине, лошади спят стоя, а патрульный — шагая.

Объяснив все себе таким образом, он решил досмотреть сон.

— Кто ты, прекрасное создание? — спросил он во сне.

— Мое имя Лала! — прошептала она тихим нежным голосом.

— Как ты сюда попала? — спросил восхищенный Ульрих.

— О, я здесь очень давно. Больше тысячелетия. Я так устала от одиночества! Но первосвященник наложил заклятие, и у меня есть только одна неделя, когда я могу не охранять эту стену, а заняться своей судьбой. Прошу тебя, помоги мне. Я отблагодарю тебя.

— Чем же тебе помочь, красавица? — сострадание слышалось в голосе молодого мужчины.

— Первосвященник уверил царя, что для того, чтобы строящаяся крепость была неприступной, необходимо принести жертву. Невинную девушку надо, мол, замуровать в стены, и она станет духом-защитником крепости. Моя беда и моя сила — в моей девственности. Нет уже давно того народа, во имя счастливой жизни которого принесли меня в жертву. Я хочу освободиться. Лиши меня девственности, прекрасный воин! Ты мой спаситель, Ульрих! — прошептала она. — Ты мой избранник! Я твоя, Ульрих! Мой возлюбленный отдал свою невесту-девственницу в руки богини смерти. Первосвященник — страшный колдун — добивался меня, но я отвергла его приставания, и он отомстил! Я видела, как он говорил царю про необходимость жертвы и все время смотрел на меня своими страшными мстительными глазами. Я не познала счастья, радости любви. Подари мне радость любви! — умоляла она. — Милый Ульрих, тысячу лет я томлюсь здесь, в этой стене! Мой возлюбленный жених, сын военачальника, своими руками положил последний камень, замуровывая стену.

Лала горько заплакала, и Ульрих, не выдержав ее рыданий, подошел к ней и взял за холодную руку.

— Они замуровали меня! Нарядили в этот роскошный наряд и оставили одну в темноте! Мне было так страшно, так одиноко, так темно, когда последний камень закрыл дневной свет, — шептала Лала. — И это сделал мой жених!

Казалось, она была не в силах продолжить дальше. Слезы полились из ее прекрасных глаз. Ульрих не умел успокаивать плачущих девушек и, бормоча что-то невнятно, гладил ее по кудрявым волосам. Она становилась все теплее,

все нежнее и ближе. Он почувствовал запах ее тела, биение сердца, ее маленькие ладони сильнее и сильнее сжимали руки рыцаря.

— Я думала, что он придет... и выпустит меня! Я плакала. Было темно... и душно... я не помню, — лицо девушки исказилось от страшных воспоминаний.

Тугой комок от волнения подкатился к горлу рыцаря, и он стоял, не в силах вымолвить ни слова.

И вдруг Лала упала на руки Ульриха. Он держал перед собой стройное легкое тело и заморожено вглядывался в красивое лицо. Потом он прижал ее к своей груди и осторожно положил на кровать. Лала встрепенулась, пришла в себя и задержала ускользающую руку Ульриха.

— Да, я научу тебя любви, моя фея! Я готов сразиться за тебя с этим колдуном, чтобы не видеть слезы на этих чудесных глазах! — он стал осыпать поцелуями бледную красавицу.

И каждый поцелуй добавлял красок точеному лицу.

— О, поторопись, мой избранник. Лиши меня девственности! Разорви эту цепь на моих ногах, — девушка распахнула свой лиф, и чудесная маленькая грудь с прозрачной кремовой кожей предстала перед рыцарем.

— Люби меня! — она стала снимать свои златотканые платья. Обнаженная, она была безупречна. Никого красивей Ульрих не видел за всю свою жизнь. И молодая, пламенная кровь, и длительное воздержание моментально распалили его. Он страстно ласкал ее восхитительное лицо, перецеловал ее всюду, где мог дотянуться его жаркий рот. Взял губами ее коралловый сосок и с наслаждением жадно втянул его в рот, затем нежно начал ласкать языком, стараясь доставить красавице удовольствие.

«Какой чудесный сон!» — думал он. — «Но пора уже приступать к главному, а не то я взорвусь, так и не начав!» — резким рывком он разорвал золотую цепочку и, подхватив девушку за колени, раздвинул ее очаровательные ножки. Не выдержав такого искушения, он осыпал поцелуями внутреннюю сторону ее бедер. От девушки слабо пахло каким-то незнакомым, но явно цветочным ароматом.

— Все, сейчас! — он расположился между ее раскинутых ног и осторожно вошел в нее. Прекрасная Лала, как и все восточные женщины, была очень темпераментна. Она с восторгом отвечала ему. Он не помнил, сколько раз за эту ночь он слетал в бурный экстаз, но красавица была ненасытна. Наконец, начало светать.

— Мне пора, мой возлюбленный! Я испытала большое счастье. Ты освободил меня! Скоро я отправлюсь туда, где меня давно уже ждут. Лишь заклятия колдуна, да и это тело держат меня в этом мире. Я отблагодарю тебя, подарю клад, который зарыт у основания стены. Ищи теплое место в старой стене и прямо под ним рой на глубину человеческого роста. Чтобы не было вопросов и помех, сходи к старику комтуру и скажи, что тебе было видение девы. Пусть думает, что это была ваша покровительница Пресвятая Дева. Мол, она сказала, если он хочет, чтобы ваш пустой колодец, тот, что возле северной башни, наполнился водой, надо отрыть начало старой стены, пробить в стене нишу и положить туда святой крест. Да, скажи еще ему, что только вам, четверем друзьям, я разрешила копать, больше никто не должен даже близко подходить, а то вода вообще уйдет из замка. Затем надо прорыть колодец на глубину получеловеческого роста — вода пойдет фонтаном. Тут нет никакого чуда, просто вы не докопали до водяных пластов. Но старому фанатику не говори всей правды. И еще вот что — я запрещаю отдавать мой подарок Ордену, у него и так денег много. Золото клада чистое, оно у меня под ногами пролежало более тысячи лет. А деньги ордена кровавые! Их нельзя смешивать! Заберите себе золото и драгоценные камни, пустите их на благородные дела, — она немного помолчала. Потом продолжила. — А той женщине, что станет твоей женой, от меня подарок. Передай своей супруге мою диадему, и когда диадема будет на ней — никакая беда не коснется ее! Сила моей благодарности всегда защитит твою избранницу! Последний твой поцелуй! — и прекрасная узница растворилась в стене комнаты.

«Жаль, что сон закончился. Но что-то я очень устал», — с этими мыслями Ульрих сладко заснул. Наутро он очнулся от грубых толчков.

— Вставай, комтур тебя сгноит! Ты проспал утреннюю молитву! — Бруно яростно его тряс, а Ульрих все никак не мог открыть глаза. Он проснулся, только когда брат плеснул на него холодной водой.

— Что это с тобой? Часов десять проспал, а выглядишь, как будто всю ночь мечом махал! — спросил Бруно

— Я и махал мечом, только тем, что между ног! Ну, Бруно, надо искать старого лекаря, что обещал девочек. Я уже с ума схожу, если ночью такие сны снятся. Во сне раз пять на красотку залазил, вымотался, ни ногой, ни рукой не могу пошевелить!— Ульрих с трудом встал с постели.

— Ты что, во сне не выматываются! Просыпаешься свежим как огурчик! А какая девчонка во сне была? — Бруно, как истинный француз, очень любил поговорить про прекрасный пол.

— Богиня! И темпераментная, заездила как жеребца в бою! — зевнул Ульрих.

— Везет тебе, даже сны хорошие видишь. А я, как упаду на матрац, так и сплю без единого сновидения,— сказал друг завистливо. Ульрих стал заправлять ложе. И вдруг увидел хорошо знакомые пятна на простыне, остающиеся после жарких ночей.

— Господи, уже и во сне уже из меня брызжет! Надо срочно к старому лекарю, — удивленно пробормотал он.— Да, дела, пошли, Бруно!

Вечером, вспомнив сон, Ульрих пошел на Северную башню. Вдруг снова увидит этот сладкий сон? Он остановился, пытаясь определить, откуда ему послышался шорох, и прислонился к стене. Вдруг тевтонец неожиданно почувствовал, что стена теплая. Все было прогрето раскаленным солнцем пустыни за день, но уже успело отдать большую часть тепла ночной прохладе. Ульрих провел рукой по шершавой поверхности гранита — так и есть! Теплое пятно. Он проводил еще и еще раз — да оно почти горячее! Ульрих отошел несколько шагов назад и посмотрел. В темноте было ясно видно — пятно светится!

Ульрих подошел к южной стене башни, прикрепил к копыю свой плащ в качестве флага и помахал им над головой. Бруно знал этот тайный знак. Через пару минут он подошел к другу и спросил

— Что случилось?

— Смотри! Стена!

— Да, светится!— удивленно пробормотал Бруно.

— И теплая,— показал рукой Ульрих.

Друзья с восхищением разглядывали и щупали пятно на стене. Ульрих пересказал сон и слова прекрасной Лалы. Подозвали Гарета с Георгом. Высказывались различные предположения. Потом вся компания ушла на молитву. После молитвы Ульрих с Бруно вернулись на Северную башню. Гарет с Георгом спустились вниз посмотреть, есть ли возможность копать там, где указала красавица. Им не терпелось узнать, как там пятно. На вертикальное вопросительное движение копьем вверх-вниз Ульрих отвечал плавным взмахом шлема:

— Все по-прежнему! — таков был тайный язык их знаков.

Ульрих вновь и вновь возвращался к заветному месту, и ему показалось, что пятно все больше светится и становится более горячим.

В это время дня все братья старались укрыться гденибудь в каменных лабиринтах замка. Там было прохладней. Комтур разрешал даже спать в полуденные часы. Белый диск южного солнца в полдень поднимался почти в зенит, и камни мостовых и стен обители братьев превращались в жаровню. Пришлось перенять у сарацин их манеру отдыхать днем.

— Проклятая жара, — бубнил себе под нос Фридрих, вертя в руках большую деревянную кружку, — и воду вообще нельзя пить!

— Да, какая-то муть с глиной, де еще соленая, — отозвался Георг.

— В этом колодце почти нет воды, — виновато оправдывался повар из служащих братьев. — Скребу ведром по самому дну.

— Что же ты хочешь, последний дождь был в еще апреле,— заметил Гарет.

— Сейчас самое время, — подумал Ульрих и отправился к комтуру, — пора приступить к поиску сокровищ Лалы.

Конечно, подозрительный комтур не очень-то поверил рассказу Ульриха. Что-то было не то в желании брата самому углубить колодец. Да и рассказы про ночные видения... — Не морочит ли мне голову этот баварец? — думал он, теребя край льняной скатерти.

Но выбора не было, отсутствие воды в замке грозило серьезными последствиями в случае осады. «Пусть ищут», — вяло шевелились его мозги, расплавленные солнцем. — «На всякий случай неплохо бы проследить за ними»...

— Говоришь, Пресвятая дева требует, чтобы в старой стене установили святой крест?— переспросил он уже вслух.

— Да! — запальчиво подтвердил Ульрих. — Но она только мне и моим друзьям доверила тайну. Сказала, что вода не откроется, если будут ненужные свидетели.

— Скажика ты, как она тебе доверяет! — процедил комтур и подумал, — «пусть ищут вчетвером! Что видело больше одной пары глаз — уже не тайна! Кто-нибудь, да и проговорится»!

— Завтра начинайте, — одобрил он вслух затею Ульриха.

— Феликса к комтуру! — услышал окрик стражника Ульрих, спускаясь по каменным ступеням к друзьям.

Его встретили вопросительные взгляды друзей.

— Завтра начинаем, пораньше, до рассвета,— успокоил их он.— И приготовьте все необходимое.

— Каждое ведро глины из колодца, — настоятельно выговаривал стоящему по струнке перед ним слуге Феликсу комтур, — каждый камень или предмет не должен пройти мимо твоего вездесущего носа незамеченным! Обо всем мне доложишь!

— Слушаюсь, господин! — ответил Феликс и поклонился.

Еще звезды не погасли на небосклоне, а рыцари принялись за дело.

Спустившись по веревке в колодец, они и вправду убедились, что воды не более, чем по щиколотку.

— Надо копать, пока прохладно, — заметил Ульрих. — Вы ройте колодец, а мы с Гаретом откапываем фундамент старой стены.

— К тому же за нами слежка! — отдался эхом в каменной трубе колодца сверху шепот Бруно. Он недвусмысленно сделал жест куда-то в сторону.

Ульрих махнул головой и принялся ожесточенно долбить киркой. Ведра с каменистым грунтом высыпали в стороне. Гарет наверху время от времени прикладывал отвес — камень на длинной веревке — к теплomu месту на стене. Оно было действительно теплое в эти предрассветные часы!

«Не быть бы беде», — засомневался мысленно Ульрих, но вслух ничего не сказал.

—Что-то тут, кажется, есть,— прошипел друг.

Он стоял на коленях в выкопанной ими яме, весь измазанный в глине, и нащупывал что-то перепачканными в глину пальцами внизу, в крошечной темноте. Потом Ульрих заменил его.

Действительно, и он нащупал в открывшейся стене внизу большой квадратный камень с кольцом в углублении посередине. Рыцари пропустили через кольцо веревку и дружно дернули. После третьей попытки камень сдвинулся. Гарет потянулся к факелу. Ульрих приложил палец к губам и указал вверх.

Светить нельзя, понял его Гарет.

Через открывшееся отверстие пролезли в маленькое помещение, выложенное из обожженного кирпича странной формы

Только забравшись внутрь помещения, друзья зажгли огонь. Картина, открывшаяся перед ними, потрясла рыцарей. На большом, напоминавшем трон кресле слоновой кости, в углу каменного мешка, сидела, опустив на плечо голову, прекрасная девушка, одетая в голубой с золотом наряд. Ее черные волнистые волосы струились по изумительной формы плечам и груди и ниспадали до самой талии. Мертвенно-бледное лицо украшала ажурная золотая диадема. Крупные алмазы, рубины и изумруды сверкали на ней при свете зажженных факелов. Шея, руки, пальцы, талия, щиколотки изящных ног были украшены драгоценными ожерельями и браслетами. Глаза ее были скрыты под большими густыми ресницами. И все прекрасное лицо и поза выражали невыразимое страдание, которое она испытала в момент смерти.

— О, Пресвятая Дева! — воскликнул Гарет и сделал шаг к девушке.

В этот момент тело страдальцы рассыпалось в прах. Лишь драгоценные украшения, со звоном падая на сиденье и каменный пол, остались лежать на сиденье смертного трона и вокруг него. Рядом с креслом Гарет увидел большую деревянную шкатулку из кедра. Как только он приоткрыл крышку, шкатулка моментально рассыпалась в пыль. На пол кельи покатались драгоценные камни и золотые монеты неизвестной чеканки.

— Это она! — скорбно сказал Ульрих товарищу и, повернувшись к трону, добавил, — прости нас, милая, что мы нарушили твой покой.

— Но она же сама просила тебя, — удивился Гарет.

— Да, и приказала забрать эти богатства, — подтвердил Ульрих. — И не отдавать их ордену.

Ульрих достал припасенные заранее нитки и иголки, и друзья, распоров подкладку своих промокших и измазанных одежд, зашили все найденное. Еще что-то блеснуло в темноте.

Ульрих приблизился к этому месту и осветил его факелом. На камне лежал золотой браслет Лалы. Он таинственно мерцал в тишине. Ульрих вспомнил, как он целовал ее руки, на которых увидел это украшение. Сердце его сжалось, он наклонился на одно колено и взял немного праха — то, во что обратилось тело несчастной красавицы.

— Улетай в рай, моя дорогая! Может, там тебе воздаст Господь за ту подлость, что сотворили над тобой люди из-за того, что ты была так прекрасна! — и вдруг он ощутил, как кто-то нежным прикосновением коснулся его губ, — он узнал знакомый аромат. В голове отпечатались слова:

— Спасибо, мой возлюбленный, за то, что помнишь обо мне! Когда рассыпалось мое тело, больше ничего меня не держит здесь! Я тебя никогда не забуду! Прощай!

Рыцари установили святое распятие в месте последнего успокоения несчастной жертвы.

Выбравшись из подземелья, они отправились к колодцу. Бруно и Георг давно подкопали на указанную глубину дно колодца. Георг, который копал последним, едва успел выскочить из темного жерла — в него хлынул поток

кристально-чистой воды. За небольшое время колодец был наполовину затоплен открывшимся потоком.

— Да — восхищенно бормотал слуга комтура Феликс, каким-то образом оказавшийся у колодца рядом с Бруно, — воды будет много!

Довольные рыцари стянули с себя мокрые, сплошь измазанные глиной кафтаны и шутливо швырнули их прямо в руки стоящего тут же Отто. Отто проворно исчез с тяжелыми одеждами в недрах замка. Они заранее приготовили место для найденных сокровищ. Начинаясь восход знойного солнца Палестины. Через пару минут высохли на каменных плитах замка четыре глинистых следа победителей воды. Они ушли под одобрительнее возгласы братьев в свои покои.

Индийская школа

Уже остались далеко позади неприступные стены замка. Слева, немного поодаль от узкой дороги, катило свои иссиняголубые волны Средиземное море. С грохотом обрушивались они на прибрежные скалы. Небольшая группа молодых воинов с крестами на белых плащах, вздымая тучи пыли, рысью мчалась по дороге, ведущей к Акре.

— Как тебе удалось отпроситься у комтура?— спросил Бруно у Ульриха.

— Старый пень зауважал меня после того, как колодец наполнился водой. Получается, что действительно Пресвятая Дева выбрала нас для передачи сведений о воде. А сейчас я ему сказал, что у меня было видение, что для ордена будет очень полезно, если мы подружимся со стариком лекарем. Мол, потом она откроет, в чем будет эта польза.

Дорогу к дому старика показал знакомый Ульриху торговец лошадьми Хасан. Недавно у него рыцарь купил вороного жеребца исключительной красоты и мощи. Жеребец сразу пришелся по сердцу. Лишь только он косил свой лиловый глаз на парня, тот сразу понял, что у него с жеребцом получится дружба, и он даже не стал спорить о цене за лошадь. Рыцарь давно мечтал о таком коне, но за таких ценных лошадей просили слишком много. И вот он осуществил свою мечту. В этом здорово помогли золотые монеты Лалы. Друзья честно разделили клад. Досталось даже оруженосцам по изрядной сумме. Лишь у Ульриха и Гарета не было необходимости помогать семье, остальные планировали передать золото своим родителям и не могли тратить его на свои нужды.

Жеребца Ульрих назвал Лотарем. А с торговцем у него сложились хорошие отношения — Хасану нравился щедрый крестоносец. И в ответ на просьбу рассказать, где живет странный лекарь-чужеземец, отправил с молодыми воинами своего племянника показать дорогу.

Слуга в длинной белой рубашке и странных штанах, завязанных спереди узлом, отворил небольшую незаметную дверь в высокой стене, и рыцари оказались во внутреннем дворике дома знаменитого в Акре лекаря из Индии,

далекой восточной страны. Дом прилепился к краю поросшей невзрачной растительностью небольшой горы, находившейся на окраине города. Но, во внутреннем дворе было прохладно и уютно. До слуха рыцарей доносилось журчание бьющего прямо из скалы холодного ручейка, раздавались крики павлинов и щебетание разнообразных птичек в красивом оперении, вольно разгуливающих и летающих в этом оазисе покоя. С решетчатой крыши свисали гроздья винограда, ветки с инжиром и другими мало известными рыцарям фруктами. Уставшие путники присели на прохладные мраморные скамьи, и дух умиротворения охватил их сердца. Всю дорогу Ульриха, Гарета и других рыцарей одолевала тревога. Куда приглашал их старик? Не в западню ли? Пообещал приобщить их к древним восточным тайнам обладания женщиной — Кама сутре. Молодые, истосковавшиеся по женской ласке воины, не смогли устоять перед таким соблазном, вопреки строгому уставу Ордена. И не столько их интересовало искусство обольщения и наслаждения, как горели они неукротимым желанием обладать нежными красавицами, вдохнуть аромат их тел, насладиться их ласками.

Слуга исчез за ажурными решетками внутренних помещений. Оттуда доносились волнующие рыцарей женские голоса и смех. Слуганегритенок принес мужчинам несколько кувшинов прохладного, освежающего сока из неизвестных им фруктов. Совсем расслабившись, рыцари отложили в сторону оружие и распустили тугие ремни.

Вдруг появился знакомый старик, тот самый лекарь, что приглашал их в свою школу. Приветливо сложив ладони, он сказал:

— Я рад, господа рыцари, что вы нашли время посетить наш скромную школу. Это правильное решение. После нашего обучения вы будете желанными на ложе принцессы.

Рыцари восторженно зашумели.

— Уважаемые господа! От вас несет запахом осла! Никакая женщина не сможет приблизиться к вам и на шаг, не то, чтобы заниматься с вами любовными играми, — с этими словами старик, несмотря на гневные взгляды рыцарей — как посмел ничтожный безбожник грубо обращаться к хранителям гроба господня — и продолжил, — всем в купальни! Это и будет первый урок!

Мраморные купальни были великолепны. Вода в них была теплой, и очень приятной из-за аромата эссенции кипариса, добавленной в воду. Но

перед купанием специальные слугибанщики дочиста вымыли и выскоблили мускулистые тела будущих учеников школы, предварительно распарив их и натерев благовонными маслами. Волосы были аккуратно подстрижены, ногти тщательно подпилены. И лишь тогда было получено разрешение поплавать в ароматном бассейне.

Весело гогочущие рыцари брызгались и игрались как дети, но внезапно замолчали, когда в залу вплыло несколько восточных красавиц. Их стройные фигурки были многократно закручены в тончайшие полупрозрачные ткани. В полной тишине, нарушаемой только журчанием воды, девушки плавно спустились в бассейн к мужчинам. В руках их были какие-то предметы.

Вода сделала ткань на их телах еще более прозрачной, и рыцари затаили дыхание от восторга, любясь соблазнительной красотой женского тела. Нежными движениями девушки начали гладить и массировать тела рыцарей специальными губками, шепча им ласковые слова на неизвестном языке.

Гарет не смог больше сдерживаться и резко притянул девушку к себе.

— Вы не должны делать этого сейчас! — вскричал появившийся неизвестно откуда старик, — иначе никаких уроков!

— Я прикончу его! — рявкнул Гарет, но тяжелая рука Ульриха легла на его плечо.

— Давай послушаем старика. А то придется ограничиться лишь одним уроком. Да еще и до гохмейстера могут дойти наши похождения.

Гарет нехотя отпустил женщину. Она потерла место на руке. Видимо, рыцарь причинил ей боль, она бросила свою губку и ушла. Как-то неловко стало мужчине за свой грубый порыв, и он опустил голову. Но массаж продолжился. А к Гарету подошла другая девушка — видимо, их здесь было много.

После этих приятных процедур рыцарей пригласили обратно во двор. Здесь старик долго и нудно объяснял, как нужно готовить свое тело к встрече с женщиной.

— Для бога любви Камы наше тело источает невыносимую вонь, — говорил старик, — уже потому, что мы едим плоть животных. Нам трудно отказаться от мясных блюд. Но, мы можем хоть немного уменьшить зловоние

тела, тщательно вымыв его и умастив благовониями. При этом массаж обострит все ваши чувства. Чакры начнут источать фонтаны энергии...

— Мы и так их источаем, — перебил молодой рыцарь, — скоро из ушей потечет!

Все грубо рассмеялись.

— Вы не получите истинного наслаждения, если Кама не посетит ваше ложе в момент высшей фазы соединения! — невозмутимо продолжал старик. — Служанки подготовили ваши тела к специальному массажу. Сейчас жрицы сделают вам массаж, и вы уйдете отсюда. Вы будете мучаться ночью, вам будут сниться вожделенные сны. И тогда своими желаниями вы привлечете к своему ложу Каму, и многих других духов и богов. И они возвысят ваши страсти до своих божественных небес, и, наполнившись Камой, ваши души будут трепетать, слившись воедино с душой возлюбленной!

Разгоряченные мужчины расположились в просторной комнате. Она была отделена от внутреннего дворика ажурной решетчатой перегородкой, увитой виноградными лозами и устлана пушистыми восточными коврами. Тихая музыка, казалось, струилась из-под потолка. Вошла, как вплыла девушка, мягко утопая босыми ногами в коврах. Она была очень красива, лет около двадцати, с лицом каким-то мудрым и детским одновременно. Ее тело было облачено в полупрозрачную одежду из желтого шелка. Руки, ноги и голова были голыми, если не считать золотых украшений, которые звенели при малейшем движении. Она начала танцевать. Красавица излучала сексуальность, в каждом маленьком подергивании ее румяных губ, каждом жесте рук, каждом повороте головы, каждой перестановкой ног, каждым вращением глаз. Движения ее ноздрей, волнующие изгибы прямого и гибкого тела были изумительны.

Рыцари застыли в восторге. Георг от восхищения открыл рот, да забыл закрыть, и так сидел, даже челюсть отвисла от изумления. Красавица поочередно приближалась к каждому из посетителей и, как-бы нечаянно, касалась их в танце своим прекрасным телом. Запах благоухающего женского тела, источающего пряный аромат любви, возбудил в молодых мужчинах неукротимое желание обладать ею. Каждый из них готов был броситься на нее и подмять под себя желанное тело, но присутствие товарищей и завороченность необычной обстановкой сковывало их.

— Знакомьтесь, это Амрита, — произнес материализовавшийся из тени старик, — мое имя Хариш.

В зал вплыли еще молодые девушки, по числу рыцарей. Танцуя, они приблизились к мужчинам и расположились на коленях подле кушеток каждого гостя.

— Вы прибыли сюда не насытить грубую похоть, а научиться предаваться наслаждениям от любовных утех согласно древнему искусству, данному нам богом Камой. Акт любви посвященного в шестьдесят четыре искусства наслаждения отличается от вашего поспешного освобождения от семени, как пир царя от скудного завтрака нищего, — Хариш продолжил свою, слишком длинную на взгляд молодых мужчин, речь.

Женщины запели и, мягко уложив на кушетки мужчин, начали натирать благовониями и массировать их тела.

— Они поют гимн любви бога Камы. Вот о чем он, — старик перевел слова незнакомого языка:

При виде стрелы страсти,
натянутой на Цветочный лук,
Драгоценного камня,
наполненного молоком амброзии,
Отливающего маслянисто-красным
коралловым цветом,
Даже дочери богов падут наземь.
Одно касание кончиком
драгоценного камня дает вкус.
Проникновение подобно сахарной патоке.
Трение и прижимание — сладчайшему меду.
Дай мне насладиться разнообразием
приятных вкусов!

Натирания и пение были чрезвычайно приятны. Мужчины не могли сдерживать вырывающиеся у них стоны и хрипы. И, слыша друг друга, еще более возбуждались.

— Скрепите свои члены! Зажмите свои желания, рыцари креста и бога вашего страдающего! — продолжал тише и нараспев старик, — эти растирания семи важнейших чакр ваших приведут в готовность всю энергию любви в вашем теле...

— Она давно в готовности, — прошептал Ульрих, стараясь скрыть от товарищей свой возбужденный член.

— Чтобы энергия, заключенная в вас, слилась с земною праной, соединилась с космической энергией и, слившись с потоком энергии возлюбленной вашей, вулканом изверглась до небес! — не обращал внимания на страдания мужчин Хариш. — Наши танцовщицыдевадаси введут вас в великий мир любви, мир бога Камы, сына Вишну и Лакшми. И вы падете жертвами его от пяти цветочных стрел: из голубого лотоса, жасмина, чампака, ириса и цветка манго. Древко его лука сделано из сахарного тростника, тетива — из роя жужжащих пчел. Его небесные спутники — танцовщицыапсары и музыкантыгандхарвы.

— А мое древко сделано из железа! — рыцари хрипло рассмеялись неприличной шутке Гарета.

Тем временем растирания продолжались. То обнаженной грудью, то локтем, то бедром девушки, как-бы невзначай, нежно касались самых интимных частей тела возбужденных мужчин. Они уже были в изнеможении. Ульрих почувствовал острую боль внизу живота.

— Больше не могу терпеть... — думал он. Но тихое монотонное бормотание старика гипнотизировало волю и усыпляло закономерный гнев, возникающий в затылке.

— Он колдун, право... — думал сонно Ульрих. — Надо изрубить его потом на мелкие кусочки.

— Тогда не будет этих прекрасных фей, — отвечало подсознание.

— Пусть колдует, — покорно соглашался он и старался расслабиться.

— Расслабьтесь и получите удовольствие, а завтра будет продолжение...
Старик переводил дальше чарующее пение:

Возжелай глаз, возжелай бедер!

Глаза твои и волосы, вожделяющие

Ко мне, да пожухнут от любви!

Льнущей к дланям моим

Тебя я делаю к сердцу льнущим,

Чтобы ты попал под власть мою,

Чтоб склонился к моему желанью.

О, пусть те, в чьей природе лизание,

Те, в чьем сердце согласие,

Сольются в наслаждении!

Да сделают тебя для меня могучим!

Наверное, аромат благовоний и воскуриваний был не простым запахом, и рыцарей всех до единого сморил тяжелый сон.

Проснувшись через несколько часов, они обнаружили, что лежат уже во дворике, на мраморных скамьях, абсолютно обнаженными. Одежда их лежала рядом. После бани и благовонных растираний она показалась им настолько несвежей, что только стыд от пробуждения обнаженными в незнакомом месте заставил их поспешно одеться.

— Проклятые язычники!— шипел Георг, разминая низ живота,— семя из ушей ползет!

— Где этот Хариш? Я разрублю его на десять частей, по числу заповедей господних,— рычал другой рыцарь.

Но старика не было. Одноглазый длиннолицый слуга, на вид евнух, молча поджидал рыцарей у ворот.

—Хариш завтра ждет вас,— неожиданно резко прозвучал его голос на чистом французском языке,— в три пополудни.

Каменистая дорога к замку вернула их к реальности. Солнце уже садилось за изрезанные веками скалы, а на закате ветер обдавал сухим зноем с запахом песков жаркой Аравии.

«Проклятая страна,— думал Ульрих, раскачиваясь в седле.— Где-то далеко наши милые равнины с полями пшеницы и белыми домиками, крытыми черепицей! Как хочется туда! Но наши женщины не такие утонченные... эти чужеземки доставят куда больше удовольствий!

— Послушай, Георг!— уже вслух продолжил Ульрих,— надо что-то притащить в замок. Как объяснить наше долгое отсутствие?

— Вон араб пасет коз,— указал рыцарь в сторону озера.— Пойдет на ужин... хотя и вонючая же эта козлятина!

— А мы возьмем бабьего племени, они поприятней,— загоготали остальные.

— Только не было бы сарацин, — пробормотал Ульрих.— С этой болью в животе только боя не хватало.

С козой, притороченной к седлу, победители пастуха застучали копытами своих лошадей по гостеприимно спущенному подъемному мосту.

— Ульрих! У нас в замке нет дамского седла?— спросил Бруно, держась за низ живота и морщась.

— Зачем?

— После вчерашнего урока я, наверное, не смогу ехать в седле!

Дружный хохот остальных рыцарей заставил покраснеть кудрявого француза.

— Если и второй урок закончится ничем — придется разогнать эту школу и вздернуть старого плута на воротах,— поддержал француза Георг

Пятеро молодых воинов креста вскочили на лошадей и двинулись к южным воротам Атлита.

— На этот раз с вас бычок! Козлятиной не отделаетесь!— недовольно пробурчал караульный, спуская подъемный мост.

Грандиозные стены Атлита скрылись за очередным поворотом, и отважная пятерка въехала прямо в гущу восточного базара. Чужеземцу невозможно было не заблудиться в хитросплетении кривых и узких восточных улочек. Однообразные стены и калитки сведут с ума кого хочешь. Поэтому на рынке рыцарей поджидал одноглазый привратник Хариша. Ульрих тщетно искал, пока тот сам неожиданно не вынырнул из толпы, и не взял коня под уздцы. Гордый жеребец Ульриха вздрогнул о такого панибратского обхождения, но немец успокоил его, погладив за ухом рукой в латной перчатке, и он покорно пошел за язычником по узким улочкам.

Кавалькада вновь оказалась у знакомых ворот. Молодые люди с нескрываемым удовольствием вступили в дворик. На этот раз знакомые им девушки уже ждали их в дворике.

Бруно было присел в поклоне перед Дилип, чтобы галантно, пофранцузски поцеловать ей ручку, но девушка грациозно склонилась перед ним до самой земли и, поводя пальцем по пыли у сапог рыцаря, нарисовала ему точку у себя на лбу между глаз. Остальные последовали ее примеру.

— Она считает тебя своим мужем,— сказал Хариш

— Но это уж слишком,— оробел Бруно,— не так сразу...

— Так ей легче подарить тебе свою любовь, всю, без остатка... Впрочем, тебя это ни к чему не обязывает, — продолжил старик.

— Смотри только, чтобы и ты сам не нарисовал у себя такую точку после окончания обучения, — поддержал его Ульрих под смех остальных.

Рыцари разоблачились и парами, с уже выбранными ими девушками, расположились на кушетках.

— Достопочтенные рыцари,— начал старик,— сегодня мы посвятим наше занятие поцелуям.

Было видно разочарование, пробежавшее по лицам молодых людей.

— Не расстраивайтесь! По Прачехаде известно больше сотни видов поцелуев ртом. Наслаждение, которое могут доставить поцелуи, входит в число шестнадцати наслаждений и высших степеней экстаза. Вот поцелуи рта, они различны по значению и выполнению. Простой поцелуй рта называется «нимга». С применением языка именуется «самьяна». А поцелуй с

применением пальцев — «авакумбана». Поцелуйные игры получили название «юдха», — с удовольствием рассказывал старый индус. И приказал танцовщицам:

— Девушки, покажите своим избранникам поцелуи «нимга»

И девушки принялись нежно целовать молодых мужчин различными способами. При этом Хариш пояснял, как называются эти поцелуи. Все более и более распаялись ученики, и вовсе им бы не уйти с урока живыми, но перешли в конце занятия они к поцелуям «юдха».

Ульрих нежно целовал благоухающие и разгоряченные ушки Гиты, затем по команде старика перешел на нежную шею, с пульсирующей жилкой посередине, и, наконец, спустился к давно вожделенным бугоркам упругих грудей. Он долго целовал их, не в силах оторваться, блуждал по нежным набухшим соскам, зарывался между ними носом, вдыхая благословенный аромат. Гита отвечала стонами и ласками на каждое его движение, и это возбуждало его еще больше.

Ненавязчиво старик предложил мужчинам спуститься ниже, и Ульрих стал страстно целовать нежный живот, и без приказа быстро спустился к тому месту, где находился вожделенный шелковистый треугольник. Но страстные смуглые руки Гиты сдерживали ему голову, лаская и гладя его при этом.

— В любовных утехах не должно быть поспешности... — шептал старик, — всем местам надо уделить достаточно внимания. Надо не забыть вернуться назад. И не один раз вернуться. Эти маленькие груди — они уже опять скучают без мужской ласки. Тихие слова неслись как будто из сна. В них всегда менялась интонация. Они то были нравоучительно громки, то замирали тихим вкрадчивым шепотом, навсегда поселяясь в подсознании. И казалось, это уже не его слова, а твои мысли, обрывками летящие как стаи легких облаков.

Руки Гиты судорожно ослабли, и Ульрих достиг желанного бугорка. Он был сильно возбужден и горяч. Она вся трепетала, и изнемогала от неги.

— Эти поцелуйные игры юдха—а—а...Нужно целовать везде...Уже не надо сдерживаться...Доведи ее до экстаза...Целуй ее сокровенный кончик... —плыли прямо в подсознание тихие слова.

Ульрих прильнул к сокровенному месту Гиты с несдерживаемой страстью. И тело ее покрылось испариной и забило в нежных конвульсиях.

Гита, милая Гита, вцепилась зубками в подушку, протяжно стонала и извивалась.

Ульрих получил огромное удовольствие. Он не знал раньше, что наслаждение, подаренное им девушке, принесет и ему такую радость. Она обмякла, прижалась к нему не только всем телом, но как будто всем своим существом. Вылила на него всю нежность, на какую была способна ее душа. Глаза ее сияли любовью и благодарностью. Их сердца стучали в такт, и казалось, они слились теперь в единое счастливое существо.

— При занятиях любовью я всегда думал только о себе, — думал Ульрих, перебирая ее шелковистые волосы, — и как много я терял...

— Высшая радость для мужчины, — старик приостановился и оглядел пары, — тем более для рыцаря, — доставить величайшую радость возлюбленной. Но и они не должны забывать своих избранников. Бала! Теперь ты целуешь Георга. Покажи, Бала, как нежны женщины Индии.

Бала и все остальные девушки взобрались на мужчин и начали нежно, но активно ласкать и целовать их. Без подсказок Хариша они знали всю очередность. Бала впустила свои маленькие пальчики в рыжие волосы на груди Георга и стала нежно целовать его в подбородок. Она поочередно покрыла поцелуями могучие плечи, руки, и кончики пальцев. Затем долго целовала живот, казалось, перебрала на нем каждый волосок. И, наконец, впилась в нежную внутреннюю поверхность бедра. Восставший член его запутался в ее кудрях, и это было так приятно! Наконец она в своих ласках добралась и до самого сокровенного места Георга. И нежными поцелуями покрыла каждый его дюйм. Наконец она прильнула к самой чувствительной верхней части его возбужденного копья. И он, уже не в силах больше сдерживаться, выплеснул всю страсть, накопленный за эти невыносимо долгие дни. Все затуманилось в его голове — гроздь винограда и пробивающиеся сквозь лозы лучи вечернего солнца засияли разноцветными радугами. По всему телу побежали волны сладкой истомы, и непереносимое наслаждение сдавило горло, не давая дышать.

« Как она прекрасна! » — билось в мозгу, — « как она приятна! »

В вечерних сумерках, когда уже зажглась Венера, медленно брела кавалькада из пяти всадников к Южной башне. Все молчали. Переживания пережитого наслаждения еще не утикли в их телах и не давали мыслям

вернуться к строгой реальности жизни. Лошади чувствовали настроение всадников и также еле перебирали копытами. Им тоже не хотелось в душное стойло. — Что, сегодня с пустыми руками? — гневно встретил их стражник на воротах. — Ну и задаст же вам командор! Он уже спрашивал, где вы шлетесь.

Уже несколько месяцев рыцари посещали школу Хариша. Девушки-танцовщицы довольны были своими любовниками и не меняли их. Отношения между ними были полны свежих чувств, как будто они были новобрачными. Ульрих как-то даже спросил у Хариша, изменяют ли им их любовницы. Тот серьезно ответил, что пока они встречаются с ними, никто больше не приходит к этим девушкам. Поскольку, мол, смена партнеров не способствует появлению высшего удовольствия. Этот ответ вполне удовлетворил крестоносцев. Они предавались чувственным наслаждениям, а тем временем девадаси деликатно обучали их искусству любви, так что через пару месяцев рыцари изучили пусть не всю науку бога Камы, но весьма преуспели в ней. И каждое посещение дома Хариша приносило им огромное удовольствие. Вот и сейчас, получив от командора разрешение отлучиться, они радостно предвкушали встречу со своими смуглыми учительницами: вот они подъезжают к дому Хариша, вот входят в прелестный дворик, навстречу выбегают их любовницы и бросаются им на шею. А затем — жаркие поцелуи и страстные объятия!

Но что-то беспокоило их. Почему-то было не так как обычно, сердца предчувствовали беду. Почуввав неладное, даже кони ускорили свой бег. Заметив их беспокойство, рыцари встрепетались и быстро спешили к знакомых ворот. И вдруг, прямо под ноги лошадям, с диким воплем метнулась одна из служанок старика. Обученные животные осторожно переступали ногами, стараясь не наступить на женское тело.

Девушка вскочила и с криками:

— Туги! — понеслась вниз по улочке. Соскочив с лошадей и выхватив мечи, мужчины бросились во двор. Их глазам предстала страшная картина.

Все было перевернуто в уютном некогда дворике. Везде лежали тела слуг Хариша. Георг при входе споткнулся о труп одноглазого привратника.

— Амрита! — вскричал Гарет, увидев девушку, лежащую с безвольно раскинутыми у фонтанчика руками. Англичанин подскочил к любовнице, осторожно приподнял ее голову. На нежной девичьей шее четко просматривался багровый след. Ее задушили — мелькнула ужасная догадка.

Дикая волна ненависти охватила Гарета и, уже не помня себя от бешенства, он ринулся внутрь дома с обнаженным мечом. Остальные тоже кинулись за ним. В комнате, застеленной огромным пушистым сине-красным ковром, в той самой, где они с таким восторгом наслаждались прекрасными танцами девушек-девадаси, пятеро бородатых мужчин с искаженными от экстаза темными лицами стягивали просмоленные веревки на шеях у нескольких девушек из числа жриц храма бога Камы. Старик отбивался кривой сарацинской саблей от широкоплечего, смуглого человека в тюрбане и расшитой восточной рубахе. Но силы были явно неравны, душителей было слишком много против слабого старика и беспомощных девушек. При виде ворвавшихся в дом рыцарей, убийцы бросили свою страшную работу и, вытащив из-за широких кушаков кинжалы со странными волнистыми лезвиями, стали осторожно продвигаться к выходу. Их миндалевидные глаза и плавная манера двигаться выдавали в них представителей того же народа, к которому принадлежали Хариш и его танцовщицы. Полузадушенные девушки, упав на колени, натужно кашляли, схватившись руками за поврежденные шеи. Гарета невозможно было удержать. Обезумевший от вида своей удушенной возлюбленной, он бросился на убийцу и коротким выпадом прикончил крепкого, заросшего густой черной бородой мужчину, а затем зарубил другого. Его друзья добились остальных.

— Туги! — прохрипела Бала, показывая рукой на несколько фигур, выскочивших из коридора и метнувшихся в дальние покои. Ульрих и Георг бросились за ними. Вскочив в комнату, Георг сразу же был сбит с ног молниеносным кошачьим движением одного из чужеземцев. Клубок из переплетенных тел покотился по ковру. Тяжелая кольчуга не давала простора движениям, но и спасла его от предательского бокового удара волнистого кинжала — он со звоном отскочил от стальных колец. Оба противника вскочили на ноги. Но в следующее мгновение туг оказался сзади, на спине рыцаря. Он как коня оседлал могучего мужчину. Ловким отточенным движением он выхватил шелковый оранжевый платок, к концу которого была привязана просмоленная веревка. Серебряная монета выпала из платка и покотилась в угол. В следующее мгновение петля уже стянула горло Георга. Руками он попытался ослабить веревку, но цветные круги поплыли у него перед глазами — душитель был не из слабых, в его действиях чувствовался приобретенный с годами опыт. Вдруг петля ослабла, и Георг устоял на ногах. Душитель как-то

весь обмяк, осел и свалился на пол. За ним показалась фигура Ульриха с окровавленным мечом в руках.

— Я видел,— шептал индус бледными губами,— шакал перебежал дорогу, не надо было сегодня...

— И одноглазого было убивать нельзя, — прошептал он и испустил дух.

— Ну, а двухглазых тем более,— произнес Ульрих, хладнокровно вытирая меч об его одежду..

— Положите ее на живот, — прошептал Хариш. Он был тяжело ранен и потерял много крови, но с помощью Ульриха и Георга он добрался до ложа и руководил спасением Амриты.

— Бала! Ила! Сделайте согревающий массаж!! Дилип! Согревай ее голову горячей грелкой, — подруги бросились спасать девушку. Тем временем старик делал какие-то пассы над обмякшим телом и напевал себе под нос незнакомые слова тайных заклинаний. Рыцари сидели чуть поодаль и с грустным вниманием следили за происходящим. Вдруг Гарет заметил, что лицо девушки стало розоветь, она начинала тихонько дышать и, к всеобщему восторгу, через несколько минут открыла глаза. Счастливый Гарет присел перед ее ложем. Он гладил ее ладони, вглядывался в милые глаза. Чувства такой силы сдавили ему горло, что он даже не смог ничего произнести.

— Слава тебе, Пресвятая Дева! Ты не оставила прекрасное создание без помощи и направила нас вовремя! Пусть она и язычница и верит в своих богов, но ведь она просто заблуждается! Велико твое сердце, найдется там место и для потерявшихся во тьме детей твоих! Ведь мы все твои дети! Спаси и помилуй нас! — так Гарет произносил слова благодарственной молитвы за спасение его прекрасной любовницы, которая шла прямо из его сердца.

Девушки испуганно жались к своим спасителям. В их огромных глазах плескался ужас от недавно пережитого. Молодые мужчины не могли понять, кому нужна была смерть этих прелестных созданий и их дряхлого учителя.

— Учитель, — закричала Бала, указывая на бок Хариша, — из вас льется кровь!

— Вы ранены, Хариш, — подтвердил Бруно. Да, со стариком дела было плохо. Он с трудом добрался до широкой скамьи, застеленной цветастым ковром, и лег, тяжело дыша. Ульрих присел возле него и с состраданием держал его холодеющую морщинистую руку в своей ладони, теплой и могучей. Ему было очень жалко старика, он привязался за время их встреч. Ему нравился его живой ум, доброта и веселый характер.

— Ведь ты же лекарь, Хариш! Нельзя ли что-нибудь найти в твоих запасах лечебных трав, чтобы спасти тебя?

— Нет, невозможно, это был отравленный кинжал! Я слишком стар. Чтобы справиться с ядом, нужно быть хотя бы лет на тридцать моложе. Да и рана слишком серьезна! Но послушайте меня! Судя по тому, как холодеют ноги, я умру часов через пять-шесть. Господа! Я понимаю, что я стар, и скоро моя жизнь закончилась бы и без этой раны. Неизвестность страшит, и я тоже, как любой другой человек, пугаюсь неведомого мира. Но хочет человек или нет, его судьбу решают боги. Каждому в этом мире приходится много раз умирать и вновь воплощаться — так устроен мир наш, великий мир иллюзий богини Майи. И поэтому не надо горевать из-за меня, у меня это воплощение закончилось! Но я переживаю за своих воспитанниц. Среди них есть дочь моей сестры, неважно, кто из них она. Мне все мои девочки дороги. Умру я — и они останутся без защиты. Я прошу вас, отвезите их в Каир. Там есть наш храм, и великий султан поддерживает порядок на землях, подвластных ему. Подлым служителям богини Кали трудно будет безнаказанно добраться до них. Я знаю, что моя просьба очень затруднит вас, вы люди несвободные. Но этот вопрос решаем. Передайте магистру мою мольбу и вот этот алмаз. Он разрешит вам эту поездку. Этот ларец с драгоценностями разделите пополам, одну отдайте жрецу, который позаботится о девочках, другую возьмите себе. А сейчас я прошу всех выйти, останется только господин Ульрих.

— Если у вас, Ульрих, есть вопросы, быстро спрашивайте. Мое время истекает, — слабым голосом сказал старик. — После этого я изложу еще одну просьбу.

— Кто такие туги? Почему они напали на вас? — с недоумением спросил немец.

— Туги, или фансигары, как они себя называют, поклоняются богине Кали,— продолжал старик,— еще ее зовут Бовани. Она родилась из горящего глаза во лбу Шивы и вышла уже взрослым и совершенным существом. Кали олицетворяет злых духов, наслаждается видом человеческой крови, она наводит моровые язвы и чуму, направляет бури и ураганы и всегда стремится к разрушению. Лицо у нее лазоревого цвета с желтыми полосами, взгляд свиреп, распущенные, склоченные и щетинистые волосы стоят, как павлиний хвост, и переплетаются зелеными змеями. На шее у нее — ожерелье из человеческих голов, тело покрыто кровью, медленно сочащейся из них.

Ульрих улыбнулся.

— Тут нет ничего смешного, мой мальчик,— сказал Хариш,— душители-фансигары убили сотни тысяч людей, принося жертвы своей богине Кали.

— И они тысячи миль добирались до Палестины, чтобы принести еще несколько жертв,— скептически промолвил рыцарь.

— Это дело немного сложнее, — прошептал старик, и было видно, что ему становится все хуже. — Мы поклонники бога любви Камы. Наши храмы соседствуют в Эллоре. Это город в Индии. Многие богатые и бедные люди приносили жертвоприношения в наш храм. Они просили бога Каму о любви, о счастье! Их дары предназначались прекрасному, любящему богу. Многие из них пропали по дороге, попав в кровожадные лапы этих убийц. Но этого им показалось мало, и они похитили сокровища из нашего храма, заявив, что все в мире принадлежит Кали, — старик замолчал, чтобы отдохнуть. — Нам удалось выкрасть свои сокровища обратно.... пришлось бежать вместе с ними. Душители преследовали нас до самого Тебриза, но нам удалось скрыться от них. Нет, не удалось! — вздохнул старик, — нашли и в Акре.

— Я слабну, Ульрих, — после паузы продолжил Хариш,— поэтому буду краток. Он обвел взглядом вокруг и продолжил шепотом:

— Сокровища в Петре. Ты должен забрать их, воин! Слушай меня! Пойдешь прямо по дороге в Петру. Найдешь там большую квадратную скалу — идол бога Душара. Когда родится новый месяц, положи ночью в щель с восточной стороны идола у его основания эту рупию царя Ашоки.

И старик протянул дрожащей рукой рыцарю золотую монету с дыркой, в которую был продет желтый шнурок..

— Следующим вечером на закате тебя будет ждать у дома Хазны брат мой Чандан, — продолжал старик, — у него на шее будет висеть эта рупия. Вот тебе половина карты. Другая у него.

Тут Ульриху показалось, что кто-то еще находится в коридоре. Он бросился туда и увидел, как слуга Хариша, встав на колени, вытирает кровавые пятна на полу. Успокоившись, он вернулся к умирающему. Старик, поняв его беспокойство, стал шептать ему на ухо:

— Он тебе ее передаст. Когда карта будет у тебя, нанеси вот эту жидкость на карту. Ложные знаки исчезнут. Она станет несколько иной и укажет дорогу к кладу. Заберите ценности и пустите на правое дело. Это благодарность вам за спасение моих девочек. Передай половину сокровищ моему брату. Он передаст их нашему народу. Стоимость половины клада так велика, что сделает вас счастливыми на всю оставшуюся жизнь. Не говори пока никому, не подставляй никого под удар богини Кали. Сразу не нужно ехать в Петру. Возможно, за вами следят. Через год. Или через два. Если с братом что-нибудь случится, его заменят. Этот ритуал передадут, как и положено, другому жрецу. Это наш секретный камень для связи, и он действует сотни лет. Главное, сохрани эту рупию древнего царя, волшебника Ашоки. На ней специальный знак. А теперь уходи. Пришло мое время!

Оперник

Русь, Псковское княжество, 1242 год

Прошло несколько дней. Ульрих стремительно шел на поправку. Почти не кашлял, хорошее настроение не покидало его. Во время процедур вел себя как послушный ребенок. Он понял, что напугал ее и решил не торопить события. Рыцарь согласился с ее небольшой просьбой — отрекомендоваться эстонцем — посланцем ее двоюродного брата из Ревеля. Мол, заехал известить, что брат скоро заберет ее, Радмилу, к себе в Ревель. Но потом простыл и заболел. Так, мол, и застрял в ее доме.

В сосновом лесу, окружающем избу Радмилы, наступила настоящая весна. Природа как будто понимала, как мало отпущено теплого времени на севере и спешила изо всех сил. Моментально появилась молодая листва, и убогость маленького домика была надежно прикрыта роскошной буйной зеленью.

« Еще неделька — и в орден», — думал Ульрих. Но отчего-то все время откладывал день отъезда. Почему он не спешит домой, к братьям, рыцарь и сам до конца не понимал. Даже в глубине души он не желал себе признаться, что его спасительница и есть основная причина такой медлительности. Зарождающее чувство к прекрасной язычнице пугало его и настораживало. После разбитой первой любви Ульрих наглухо закрыл свое сердце, а с женщинами встречался лишь в случае крайней необходимости.

Перестав его опасаться, Радмила тащила мужчину в лес. С восхищением показывала выводок куропатки, маленьких лисят, гревшихся на солнце. Все это время Ульрих спрашивал у нее слова незнакомого языка. Записывал на кусках бересты, чтобы получше запомнить непривычносложные чужие слова. В свою очередь, и Радмила не отставала от него. Они с удовольствием обучали один другого. И уже довольно хорошо понимали друг друга.

Как-то раз они поехали на речку, где Ульрих наловил рыбы, а Радмила, подвесив котелок над костром, сварила вкуснейшую уху. Май выдался в этом году теплым, и они, расстелив дерюжку на молодой зеленой траве, улеглись на солнышке, греясь в его ласковых лучах. Вокруг было очень приятно, цвели полевые цветы, летали нарядные бабочки, жужжали трудовые пчелы. Цветы,

на первый взгляд не очень роскошные, благоухали необыкновенно сильно и сладко. Эти запахи, безмятежная жизнь всевозможных маленьких существ, стрекочущих, порхающих возле разомлевших на солнце молодых людей, вызывали у Ульриха странные, никогда раньше не посещавшие его мысли.

Молодой мужчина, шесть лет проведя среди жестоких, фанатичных воинов-монахов, с этой стороной жизни уже совсем распрощался. Оказывается, мир самодостаточен и прекрасен, и люди, которых они считали язычниками, живут в гармонии с ним. Они были бы счастливы, если бы проповедники распятого бога, который и сам себя не смог защитить от страданий, оставили их в покое. Радмила спасла его из сострадания — чужого воина, человека, который был послан алчными вождями, чтобы забрать у ее народа право на ту жизнь, какую они выбрали для себя сами.

«Интересно, как бы поступила немецкая женщина, если бы в таком же положении оказался русич»? — он не сомневался, что, например, Хильдегард, сразу же сдала бы раненого русича властям. Значит, он видит солнце, голубое небо, цветы, слышит журчание воды в реке лишь потому, что у этой девушки другие представления о том, кто должен жить, а кто умереть?

Опираясь на локоть, он искоса наблюдал за красавицей. Она лежала, прикрыв ладонью глаза от горячих лучей солнца. Было жарко, и она немного развязала свою рубашку. Ее очаровательное лицо было безупречным. Золотистокаштановые локоны выбились из косы и крутыми колечками обрамляли слегка вспотевший высокий лоб. Длинные шелковистые ресницы, небольшой носик, изящно очерченная линия подбородка.... алый рот восхитительно мал, так и манил к поцелуям.

Он стал водить травинкой по пухлой нижней губке. Потом тихонько прикоснулся губами к соблазнительному рту. Моментаально взметнулись опахала ресниц, и васильковые озерца с укоризной посмотрели в нахальные зеленые глаза Ульриха.

— Но я не виноват, что ты так красива, дорогая! Это просто не в моих силах — находиться рядом с тобой и не мечтать о поцелуе. Тебе говорили русские парни, что ты прекрасна?

— Ульрих, тебе было когда-нибудь жаль тех людей, у кого ты и твои друзья отнимали жизнь? Ведь они тоже мечтали о счастье, о любви? — вдруг

внезапно задала она странный вопрос, который совершенно не соответствовал этому чудесному дню и романтическому настроению рыцаря.

— Но ведь все мужчины убивают, дорогая! И здесь я ничем не отличаюсь от русских. Такими нас создал бог! — серьезно ответил он.

— А бог ли? Может, это змей Индрик соблазнил вас гордыней и алчностью! Каждый сам должен сделать свой выбор, не оглядываясь на других! Ты, конечно, не можешь не защищаться от разбойников, но жить убийством, строить свое счастье на крови? Неужели нет никакого другого выхода?

— Какие грустные разговоры ты заводишь в такой чудесный день! Обещаю подумать о твоих словах, если разрешишь поцеловать себя! Это очень хороший способ перевоспитания мужчин! — распутный взгляд Ульриха спустился ниже, где рубашка, развязанная из-за сильной жары, открывала пухлые белоснежные бугорки. Рука совершенно самостоятельно, без какого-либо приказа с его стороны, пробралась под девичью рубашку и стала поглаживать полную грудь девушки. Желание, так долго подавляемое рыцарем, становилось неуправляемым — от боли даже скрутило низ живота.

— Ах, какой ты коварный! — испугалась Радмила. Злонамеренная рука моментально была удалена с девичьей груди. Но парень одним ловким движением приподнял красавицу и уложил на себя, покрывая бешеными поцелуями лицо девушки, нежную шею. Затем страстно впился в возмущенный ротик.

— Пусти меня! Это неправильно! — Радмила перепугалась не на шутку. Ее так никто не целовал, она не была знакома с этой стороной жизни. Она почувствовала что-то твердое внизу своего живота — ее охватила паника. Но сил отбиться от могучего рыцаря ей явно не доставало. Тогда она трогательно попросила:

— Милый Ульрих! Прошу тебя, отпусти меня! Ведь неизвестно, будешь ли ты моим суженым! Я никогда не была близка с мужчиной!

Эта тихая просьба лучше всякого сопротивления охладила возбужденного рыцаря, и ему стало неловко за свое недостойное поведение. Он с сожалением опустил испуганную Радмилу и лег на живот, чтобы своим восставшим естеством еще больше не напугать невинную девушку.

— Прости, что испугал ... но хотелось только поцеловать тебя! Ну почему ты все время так меня боишься? Я рыцарь, а не насильник, и без твоего согласия не трону тебя. Но все же надеюсь, что хоть немного нравлюсь тебе, и ты не откажешь мне в одном поцелуе, — он нежными поцелуями убирал слезинки на испуганных синих глазах.

Шли дни. За этот месяц Ульрих так привязался к девушке, что твердо решил забрать ее и поселить поближе к орденскому замку. Ей не придется лечить людей за деньги, чтобы заработать себе на жизнь. За шесть лет службы у него скопились изрядные суммы. Хватит, чтобы содержать не одну женщину, а целый гарем.

В общем-то, за время службы в ордене он подзабыл и свою злобу на родных, да и на обидчицу Хильдегард. Возможности, которые предоставлял орден, уже перестали казаться такими бесценными. Ульрих несколько раз был серьезно ранен. И никто не навещал его, потому что он находился далеко от родного дома. Пустая жизнь. Ради чего они проливали свою и чужую кровь? Он давно понял, что высшие чины не говорят всей правды, а в основном все эти громкие слова прикрывают обычное желание пограбить. После шестого крестового похода орден сильно разбогател. Он сам, как проверенный рыцарь, долго и верно служивший ордену, был посвящен в тайну хранилищ, где находились награбленные на Востоке ценности. Ульрих понимал, что эти средства предназначены для верхушки ордена. А они, простые братья, получают ничтожное вознаграждение за свою пролитую кровь и отречение от простого человеческого счастья. Правда, в бога он верил и считал, что все, кто нарушает законы божьи, будут жестоко наказаны. И тут же вспоминал несчастного брата Фридриха, наверно, самого верующего из всех его друзей. Где он сейчас, в раю ли? Хорошо, если мертвым ушел под лед, а если живым?

Но встреча с языческой богиней Майей и чудесное исцеление сильно поколебала его веру. Он никогда не видел своего бога, которому так истово служил, а прекрасная богиня язычников как живая стояла у него перед глазами. Или это был всего лишь сон? Он молил своего бога показаться ему хотя бы во сне, чтобы укрепить его веру. Но его просьбы не были услышаны. И молиться он стал теперь не каждый день, и как-то более формально. Прежней страсти в его обращениях к богу уже не было. Мысли его крутились возле того как

хорошо утром никуда не спешить, никому не подчиняться, иметь свой дом, а не постылую казарму.

Да и влечение к красивой язычнице стало перерастать в большое чувство, ранее им не испытанное. В прошлом рыцарь никогда не задумывался, есть у женщин душа или нет. Он просто удовлетворял свои мужские потребности, а разговоры насчет вечной любви и верности считал просто болтовней слабаков. В конце мая Ульрих был абсолютно здоров. Часто ездил на охоту, приносил много дичи. Радмила была в восторге. Отношения между ними были прекрасные. Ульрих осторожно продвигался к намеченной цели. Приучал девушку к себе, к своим прикосновениям. Садил ее на Лотаря, а сам устраивался сзади. Она неуверенно протестовала, но он не обращал на это никакого внимания. Да и в общем-то, и Радмиле было приятно в крепких мужских объятьях, нравилось ощущение безопасности и спокойствия, чего она давно не ощущала после смерти родителей. В тоже время какое-то неведомое чувство разливалось по телу девушки, когда Ульрих, снимая ее с коня, так притягивал ее к себе, что Радмила плотно укладывалась на его могучую грудь. Он прижимал ее к себе так близко, что она чувствовала его восставшее мужское естество. Ощущая прикосновения твердого фаллоса, девушка вспыхивала стыдливым румянцем, а бессовестный совратитель нахально усмехался. На большее рыцарь пока не отважился, и ругал себя за непривычную нерешительность.

Как-то раз он не выдержал. Будучи очень опрятным, Ульрих топил баню через день-другой и мылся по русскому обычаю — с вениками и парилкой. Радмила приносила холодного квасу из погреба — им хорошо было охлаждаться после жара парилки. После парилки он шел в избу, следом мылась Радмила. Но однажды он забыл свой кувшин в предбаннике и вернулся за ним. Радмила, уже искупавшись, вытирала влажные волосы. Увидев его, она замерла. Наконец рыцарь смог рассмотреть ее без этой бесформенной одежды. Девушка была сложена как греческая богиня, скульптуру которой он видел, будучи проездом в Риме. Высокая грудь прекрасной формы, увенчанная розовыми сосками, тончайшая талия — он, наверно, мог обхватить ее двумя руками. Крутые бедра изящной формы плавно переходили в стройные длинные ноги с маленькими, совершенными по красоте ступнями. Нет! Не могла родиться в крестьянской семье такая красавица! Тут что-то не так.

Как зачарованный, он подошел к ней, обхватил ее лицо двумя ладонями и припал к ее губам в страстном поцелуе. Этот поцелуй был таким долгим, что у бедняжки остановилось дыхание. В маленьком предбаннике, наполненном влажным воздухом, пахнущим березовыми листьями, было очень тихо, только было слышно, как учащенно и гулко стучат их сердца. Радмилу уже не держали ослабевшие ноги. Ульрих, почувствовав, что ее тело стало податливым, подхватил на руки, обернул тканью, которой она вытиралась, и понес. Ногой толкнул дверь избы и положил на кровать. Кровь бешено пульсировала в висках, от охватившего его желания мутилось в голове. Встав на колени, он отбросил ткань и покрыл бешеными поцелуями ее лицо, нежную шею, потом поднял голову

Девушка молча смотрела на него испуганными, огромными глазами, ее щеки горели жарким румянцем. Он склонился к ее груди и тихонько подул на один сосок, а потом на другой. Ульрих лизнул один, потом другой, затем стал осторожно посасывать. Затем он уделил внимание другой груди, что вызвало у девушки удовлетворенный вздох. Рука его осторожно легла на мягкий холмик, покрытый каштановыми кудряшками. Осторожные пальцы раздвинули нежные лепестки и, проникнув внутрь, стали поглаживать чувствительный бугорок. Тело Радмилы будто пронзила молния, она испытывала острое удовольствие. Голова кружилась, все плыло перед глазами. От блаженства она томно стонала. И только чей-то голос сурово говорил ей:

«Убери его руку, распутница! Он тебе не муж и не жених, и скоро отсюда уедет!» — Радмила попыталась убрать тяжелую руку. Но все ее попытки были тщетны.

«Все, пропала», — мелькнуло в голове. — «Нет.... Не надо, прошу тебя!» — она стала отталкивать его изо всех сил. Но распаленный мужчина легко, одной рукой сводил на нет все ее усилия. Другая рука медленно раздвигала ее ноги.

— Уступи мне, дорогая! Я доставлю тебе большое удовольствие! Заберу тебя из этой бедной избы! Не надо так сопротивляться, я ведь нечаянно причиню тебе боль!

— Радмила! Где ты, старой боярыне худо, за тобой посланы! — раздался со двора гнусавый голос сельского старосты.

— Пусти меня! — шепотом сказала она и закричала:

— Сейчас выйду!

Девушка вскочила, оделась, быстро собрала свои травы, села в тележку и уехала. Неудовлетворенное желание так скрутило мужчину, что некоторое время он не мог даже двигаться.

Дьявол бы ее взял эту старую рухлядь! Теперь начинай все сначала, ведь почти моя была. Ну, ничего, девушка горячая, не удержится! Но какая красавица, лучше ее у меня никогда не было!

Радмила задержалась в селе на целый день. Там был целый переполох. Приехавшая из города боярыня Авдотья Никитична Путятинна остановилась у старосты. Ей нужно было увидеть, в каком состоянии было село после пожара. Случилось непредвиденное. Грузная боярыня поскользнулась во дворе на вылитых глупой девкой помоях и поломала ногу. Пока Радмила вправляла сломанную кость, ставила лубки, наливала снимающую боль травку, — так и день прошел. Про происшествие в бане она пыталась не думать, но стыд разливался ярким румянцем у нее по лицу. Вся в мыслях об этом случае, она не сразу заметила, что на нее с интересом смотрит молодой, плечистый, хорошо одетый мужчина. Потом, почувствовав его пристальный взгляд, спросила у служанки старосты:

— Кто это?

— Да это молодой боярин вернулся из Новгорода, мать сюда привез. Он служит сотником в дружине князя Александра Ярославича, с немцами на Чудском озере бился. Герой! Юрий Всеволодович — так его зовут. Какой видный, Радмила! — с восторгом сказала девушка.

«Да, парень хоть куда!» — подумала Радмила. Рослый, широкий в плечах, чернокудрый, со жгучими черными глазами, которые он не отрывал от Радмилы, пока она занималась со старой боярыней.

В конце дня ее накормили, наградили за честный труд, и сам молодой боярин взялся ее отвезти домой, хотя она и не соглашалась. По пути он подсел поближе, попытался обнять:

— Да ты вон какая красивая, что же кавалера нет?

— Да еще молода. Рано мне! — сказала девушка.

— Говорят, одна живешь? — парень придвинулся ближе.

— Нет, не одна! Двоюродный брат из Ревеля прислал мне весточку со своим человеком — он у меня живет. Скоро брат сам за мной приедет. Пустите меня, мы уже приехали, а то его человек увидит и брату перескажет. Брат заругает меня! — испуганная девушка отталкивала наглеца что было сил.

— А чего заругает? Я тебя к матушке в услужение заберу. Будешь в Пскове жить! Только слово ласковое скажи мне, хоть одно! — он спустил ее с тележки, но руку ее не отпускал. Девушка испуганно вырывалась — боярин держал крепко.

— Пообещай, что позовешь к себе на ночь, тогда отпущу! — чувственно улыбался наглый красавец.

Ульрих увидел все это из открытого оконца, безудержное бешенство охватило его. Он выскочил из избы и гневно сказал поэстонски:

— Отпусти девушку! А не то я сообщу ее брату! — Кто ты такой, чтобы со мной так разговаривать! Не забывайся, смерд! — молодой боярин гневно обернулся.

— Я не смерд, а свободный человек! Меня попросили защищать ее, и, если ты не отпустишь девчонку, я снесу твою глупую голову! — от волнения Ульрих перешел на ломаный русский. В руках у него зловеще поблескивал тяжелый меч.

Против меча с кинжалом не поспоришь. Боярин отпустил руку девушки, дернул поводья.

— Ну, ладно, пока твоя взяла, а девка все равно моя будет, — свистнул, лошади понеслись галопом.

— Тебе нельзя жить одной! Ты должна уехать со мной, — кипятился ужаленный острой ревностью немец.

— Куда ты меня заберешь? И в качестве кого? Ты же крестоносец! Сам говорил, что у тебя нет своего дома!

— Зато у меня есть деньги, чтобы купить хороший дом и достойно содержать женщину. Тебе не надо будет ждать, когда кто-нибудь пригласит тебя полечить его. Ты сможешь иметь прислугу. И будешь счастливо жить в своем домике, и все, что я потребую от тебя — быть мне верной! Я хочу тебя... никогда не звал никакую другую женщину стать моей постоянной подругой, ты

первая! — сказал Ульрих, удивляясь хмурому выражению ее лица. О такой судьбе и мечтать не могла бедная селянка.

— Я знаю, я тебе не безразличен! Как иначе объяснить то, что ты дважды спасла мне жизнь? Может даже, позже ты меня полюбишь, — он приподнял ее грустное личико за подбородок.

— Да. Я тебя люблю, поэтому и спасала. Я всех люблю! И любого человека спасала бы, и коня, и собаку — всех! Так велит бог Крышень, ибо он сам любовь! В каждом существе живет он! Мы считаем, что все живое имеет душу! А по вашей вере даже женщина, которая вас родила, не имеет души. Вот вы и клянетесь своему богу, что не испачкаете себя женитьбой! — яркосиние глаза горели возвышенным огнем.

— Ой, не ври, девушка, придумала — спасала бы и коня, и собаку! Зачем ты сама себя обманываешь? Ты что, никогда не хотела побыть с мужчиной? Если бы нам не помешали вчера вечером, сама раздвинула бы ноги. Хочешь, я тебе докажу, что тебе желанны мои ласки? И как ты думаешь, почему я задержался в твоём доме... что вообще здесь делаю? Я день и ночь только о тебе и мечтаю! Но при том хочу, чтобы ты сама загорелась желанием! — Ульрих подошел к девушке и подхватил ее за упругие ягодицы, прижимая к своему возбужденному естеству.

— Чувствуешь, как я мучаюсь, если твой бог говорит, что нужно быть добрым — облегчи мои страдания, уступи! Мне ничего не стоит взять то, что мне нужно силой, но я твой должник! — мужчина подхватил ее на руки и усадил к себе на колени. Испуганная Радмила поняла, что надо действовать какой-нибудь хитростью.

— Подожди, Ульрих! Я очень устала — занималась со старой боярыней весь вечер и день, — она попыталась соскочить с его колен.

— Я думаю, любая усталость пройдет от удовольствия, которое ты сейчас получишь! — он задрал подол ее платья, и его рука стала поглаживать внутреннюю сторону ее бедер, затем добралась до пухлого холмика.

— Я вижу, у тебя нет никакой воли. Похоть сильнее тебя. Пойми, я отдам свою невинность только тому мужчине, кому принесу клятву, и буду ему верна всю жизнь. Почему ты мне отказываешь в праве сохранить свою честь? — ведь это будет так важно для моего мужа!

— Ты отлично знаешь, что я связан обетом и не могу ни на ком жениться! Я предложил тебе все, что я имею!— распаленный мужчина спустил ее с колен и стал стягивать с нее одежду.

Девушка поняла — если он ее разденет, она его уже не остановит.

— Послушай! Через неделю праздник Ивана Купалы! Пусть боги укажут, что ты мой суженый, и я уеду с тобой. Мне не нужно твое христианское венчание, ты будешь моим мужем перед моими богами... я буду хранить тебе верность всю жизнь, что мне отпущена в мире Яви! Если нет, ты не будешь принуждать меня. Обещай мне ...

Ульрих вздрогнул, услышав эти слова, болезненная судорога пробежала по лицу. Руки его опустили подол ее одежды, он несколько раз тяжело вздохнул, чтобы успокоиться.

— Хорошо. Но помни и свое обещание. Я тебя не пощажу, если ты меня обманешь.

— Если на то воля богов, я буду верна тебе до тех пор, пока Мара не заберет меня к себе!— девушка легонько прикоснулась к его губам.

После сегодняшних событий у Радмилы не было никаких сил, и она решила взбодрить себя вечерней прогулкой. Походив возле дома по лесу, она вернулась. Уселась на скамейку — боялась идти в избу. А потом подумала: все равно! Если не крестоносец увезет, то от боярина уже точно не отбиться! Кто ее защитит? Что же этот двоюродный брат запаздывает? Все же она была вынуждена честно признаться сама себе, сильно тянуло ее к пригожему Ульриху. Правду он сказал. После ужина он не пошел как обычно, на свою лежанку, а молча повел к кровати. Снял с нее верхнее платье, оставив одну нижнюю рубашку, затем сбросил с себя рубашку. Подхватил ее и посадил к себе на колени.

— Ты сказала, что у меня нет воли, но я тебе докажу, что у меня она есть: все неделю до вашего праздника буду обнимать и ласкать тебя, но не трону твоей девичьей чести. Так что не бойся меня. Даю слово, что в течение недели ты сохранишь свою невинность. Наслаждайся моими ласками без опасения. Сегодня я буду учить тебя правильно целоваться и ничему более.

Праздник Ивана Купалы

Радмила очень любила праздник Ивана Купалы — весьма важное событие в ее монотонной жизни. На этот радостный летний праздник собиралась вся молодежь из окрестных селений. Утром, собрав цветы и красивые листья, девушки наплели венков. Они заранее припасли травоберегов, полыни, зверобоя, крапивы, чтобы хватило всем участников праздника. Разрумянившись от удовольствия Радмила принимала активное участие в этих веселых трудах. Даже Ульрих помог ей сплести пару венков. Девушка закончила плести венки и стала наряжаться на праздник. Она надела свою любимую рубашу из тонкого белого льна с красивой вышивкой. Сложный орнамент, вышитый разноцветными нитями в виде волн, покрывал края рукавов, горловину, подол рубахи. Поверх надела шерстяную пеструю поневу — юбку, состоящую из трех несшитых прямоугольных полотнищ. Туго заплела толстую косу голубой лентой.

Девушка с замиранием посмотрела на себя в любимое серебряное зеркальце.

— Чего-то не хватает...ага...еще обруч! И колты !

Радмила достала свои украшения из серебра с чернью — венец со сложными таинственнопрекрасными переплетениями и массивные подвески с изображениями загадочных птиц с женскими лицами. Эти украшения были очень ценными, они принадлежали ее матери, а до матери — бабушке. Когда Радмила одевала их, ее посещало странное чувство приобщения к какой-то тайне. Она каждый раз с интересом вглядывалась в прекрасно злые лица этих чудовищных птиц с женскими головками. Ей было так интересно узнать об этих существах — кто они? И почему их больше нет? Радмила была уверена в том, что они раньше существовали. Она думала о тех женщинах, которые когда-то владели этими украшениями. Представляла их судьбы. Их первая владелица не могла быть простой горожанкой. Может, кто-то из ее предков нашел древний клад? Люди рассказывали, что в лесах должны еще быть клады, покрытые проклятьем. Говорили, что кто-то давно нашел клад, но не смог им воспользоваться. Клад свел с ума этого человека.

Радмила аккуратно надела венец, завязала сзади под косой тесемками, прикрепила к нему эти загадочные подвески. Она была готова. Для Ульриха у нее тоже был наряд. Матушка как-то привезла из Пскова красивую мужскую одежду — белую вышитую рубашку с косым воротом, хорошие шерстяные штаны, сапоги. Когда девушка спросила, кого она собирается наряжать, она с усмешкой сказала:

— Будешь замуж выходить, подаришь жениху!

И одежда, и сапоги были впору рыцарю, что очень удивило девушку. Как на него шили, вот чудеса!

С шумом и гамом парни поставили заранее срубленную березку высотой в два человеческих роста. Ее установили на берегу реки. Девушки украсили дерево цветами и разноцветными лоскутами. Дерево теперь называлось «купала». Под деревце усадили изображение Ярилы — куклу из веток величиной в половину человеческого роста. Ярилу облачили в одежду, украсили венком, цветами и лентами. Впереди у него был приделан символ мужского достоинства и плодородия — деревянный гой внушительных размеров, окрашенный в красный цвет. Перед Ярилой на блюде располагались яства. Неподалеку от деревца были сложены два костра. Один, большой, Купалец, высотой до четырех ростов человека — в середине его установили высоченный шест, на вершине которого было прикреплено деревянное просмоленное колесо. Другой костер, сложенный в виде колодца, был не столь велик, лишь до пояса мужчины. Этот костер был погребальным, для сожжения лика Ярилы.

Праздник начался два часа пополудни. Все выстроились вокруг березки. Приехавшие из города боярские сыновья тоже пришли поучаствовать в веселом празднике. Каждый из них выбрал себе зазнобу из числа хорошеньких селянок и надеялся, что девушка не обидит отказом. В прошлые годы Радмилу всегда окружала толпа поклонников, но на этот раз злобные взгляды молодого боярина Юрия Путятинна и Ульриха сразу отбивали желание крутиться возле красавицы. Ульрих не стал строиться вместе со всеми, объяснив, что он христианин. Он уселся поодаль на камне, ревниво наблюдая за черноглазым соперником. По рядам пустили ковш с хмельным напитком. После прославлений Ярилы вокруг деревца завели хоровод, заиграли гусли, стали

ударять в бубны, звонить в колокольцы Все запели песни проводов Ярилы. Когда спели обрядовую песню, один из парней, пляшущих внутри хоровода, ненароком задел чучело Ярилы, и оно упало. Девушки стали кричать, что Ярила умер. Хоровод остановился. Мужчины подняли Ярилу, и стали тормошить его, стараясь разбудить. Девушки запричитали:

— Ой! Помер он, помер!

Шествие дошло до погребального костра, поверх которого положили идола. Костер зажгли и, пока он горел, Ярилу поминали, пили медовый напиток, ели яства, говорили о его возрождении по весне.

Проводив весну, стали встречать красное лето. Все выстроились вокруг березки. Старик волхв, встав перед Богами и подняв руки к небу, обращался с просьбой к Купале об удачном годе.

— Гой Купале Сварожичу! Гой!

Волхв от каждого собрал подарки Купале: хлеба, блины, пироги, зерно, печенья и положил их на капище. Затем, выбрав самый большой каравай, прошел с ним вдоль ряда. Каждый коснулся хлеба правой рукой, загадав желание. Радмила, поглядывая на хмурого Ульриха, тоже коснулась каравая. Какое-то желание загадала девушка? Она просила Купалу подтвердить ее выбор своим знаком, просила Бога дать счастья с возлюбленным, просила мира для своей измученной войной земли.

Но вот девушки завели хоровод вокруг березки и запели веселую песню. Парни на этот хоровод совершали «набеги», не в полную, конечно, силу, стараясь выхватить березку.

Первому удалось это ловкому боярину Юрию, он побежал к реке, где дождался остальных. Деревце кинули в воду, а девушки и парни стали бросать в воду цветы, освященные травы, и обнажившись, начали купаться, потом прыгать через костры. Но Радмила, как и всегда, не стала участвовать в купании, ей было неловко. Она подошла к Ульриху:

— Ну, чего такой невеселый?

— Я наблюдаю за вашим обрядом. Раньше не видел. Радмила, как может женщина показывать свое тело посторонним мужчинам?— хмуро спросил он.

— Мы не считаем, что смотреть на женское тело постыдно. Ваш бог не любит женщину, он ее не считает равной мужчине. Ее винят за то, что она вводит его в грех. А сами эти хулители не родились в результате греха? Или их родили мужчины? И вообще у нас это таинство происходит один раз в году, на праздник светлого Бога! — запальчиво возразила девушка.

— Все равно я не хочу, чтобы тебя видели обнаженной! — надменно заявил он.

— Я никогда не купалась ни с кем в озере, потому что не выбрала никого из парней, и венки мои ни с кем вместе еще не плыли. Прошу тебя, не сиди тут один, пойдем пускать венки, я хочу знак от Бога получить! — девушка поцеловала Ульриха в губы.

— Ну, пойдём!

Поцелуй все решил. Сразу поднялось настроение.

— Хорошо, я, пожалуй, искупаюсь. Особенно, если ты обнажишься для меня. Но пойдём чуть дальше, где тебя никто не увидит. — Мужчина сгреб девушку в охапку и быстрыми шагами направился к реке.

Когда они добрались до пологого берега, их внимание привлек какой-то странный звук. Чей-то сладострастный смех, будто пение русалки, доносился из густых зарослей. Голос определенно был женский, хотя потом Радмила услышала хриловатый, явно мужской, стон. Ульрих со странной усмешкой потянул ее за рукав платья:

— Уйдем отсюда, выберем другое местечко! Мы наверняка им помешаем.

Но Радмила присела за кустами и осторожно раздвинула ветки.

Среди зарослей кустарника, на небольшой, поросшей густой зеленой травой полянке, белели два обнаженных тела. Мужчина так придавил женщину своим тяжелым телом, что сначала Радмила подумала, что он ее насилует, а неизвестная женщина — тень от кустарника скрывала лицо незнакомки — не в состоянии с ним справиться. Но на самом деле, никакого сопротивления с ее стороны не было. Мужчина упорно двигался, его мускулистое тело было напряжено как натянутая струна, темная рука сжимала

белоснежную грудь незнакомки. Ульрих уже не тянул ее, предоставив любоваться необыкновенным зрелищем.

Вдруг раскинутые белые руки обхватили широкие плечи мужчины, пальцы впились в загорелую спину любовника, стройное тело задрожало.

— Прошу тебя! — слышался глубокий стон. Мужчина резко ускорил свои движения, казалось, он разорвет тонкое тело пополам. Но она не возражала, лишь жалобно постанывала, обхватив белыми изящными ногами мускулистые ягодицы мужчины, и вдруг закричала. У ее любовника также вырвался дикий хриплый стон, по его телу прошла судорога, и он замер, обмякнув на покорном теле любовницы.

Радмила была потрясена и, в то же время, заморожена этим зрелищем. Она была совершенно не знакома с этой стороной жизни, но ее женская суть шептала:

— Ах, как хотелось бы узнать, что она чувствовала! — Все ее юное тело было возбуждено и пылало незнакомым жгучим огнем. Сердце стучало и, казалось, выломается из груди.

— Вот видишь, они не стали дожидаться знака от Бога! — прошептал ей Ульрих, обдавая теплым дыханием ее маленькое ушко, когда они тихонечко отошли от укромной полянки.

— Это решает каждый за себя сам, я не волочайка, и выбираю себе суженого один раз! — сладострастный угар постепенно покидал ее тело.

— Ладно! Давай искупаемся! — молодой человек стащил рубаху и принялся за штаны.

— У, бессовестный! — девушка залилась румянцем и стыдливо отбежала в сторонку.

— А чего стесняться? Все равно ты скоро станешь моей! — он мгновенно нырнул в прозрачную голубую рябь.

Время шло, а он все не появлялся. Испуганная Радмила быстро сбросила свой наряд. Серьги и ожерелье — это все, что осталось на ней. Бросилась в реку и поплыла.

Нужно его спасать! Видимо, судорогой свело ноги, ведь он не привык к такой холодной воде!

Внезапно с громким всплеском тевтонец появился из-под воды, вздымая мириады сверкающих брызг, и Радмила, зардевшись, успела заметить его обнаженный живот и то, что она никогда раньше не видела.

Повернувшись, он снова нырнул, чтобы вскоре опять оказаться на поверхности. Он подплыл, взял девушку за руки, и настойчиво потащил ее за собой. Она сопротивлялась, однако Ульрих с веселым смехом продолжал увлекать ее дальше. Вода уже доходила им до пояса. Тогда он, схватив Радмилу в объятия, вдруг лег спиной на воду и поднял ее над собой. Уложив ее на себя, он прижал ее ягодицы к своему телу. Его восставшее естество упиралось в низ ее живота. Лицо у Ульриха было искажено, он с трудом сдерживал страсть. Она не ожидала такого нападения и с визгом стала отбиваться. Ульрих отпустил ее и стал покрывать шею и лицо девушки жаркими поцелуями, добрался до торчащих о холода сосков, глубоко вобрал один в рот и стал жадно посасывать. Одна рука поддерживала ее за талию, другая нахально пробралась вниз и, осторожно, кончиками пальцев ласкала очень чувствительное местечко внутри ее лощинки, высекая вспышки томного огня, разбуженного его умелыми ласками.

— Ой, отпусти, я замерзла! — девушка хватала воздух раскрытым ртом, руки ухватили мужчину за бугристые плечи. Радмила боялась поскользнуться на илистом дне речки.

— Мы сейчас согреемся! — он приник к ней страстным поцелуем, буквально смяв ее нежный рот.

— Нет, нет, после! Если венки соединятся, ты же обещал! — Радмила наконец вырвалась и побежала к берегу, вздымая кучи брызг.

Ульрих глубоко вздохнул и поплыл на середину реки — ему нужно было срочно охладиться.

Она определенно сведет меня с ума... чтобы я когда-нибудь связывался с этими целомудренными девственницами!

Он опустил руку вниз. Его естество было твердым как древко у боевого копья.

Радмила вытерла своей рубашкой мокрые волосы и стала их расчесывать, искоса наблюдая за пловцом. Тот лежал на спине, могучие мышцы блестели в золотистых лучах заходившего солнца. День закончился. Наконец он последний раз нырнул и быстро поплыл к берегу.

Вдоволь насладившись купанием, все собрались возле костра. Разжигать его полагалось девушке.

— Пусть Радмила подожжет! — красавец Юрий протянул ей горящую ветку.

— Пусть Ульяна! — толкнула она к боярину хорошенькую селянку. Та взяла горящую ветку, и яркое пламя озарило все вокруг.

Тут уж и началось гулянье. Шум да гам, рожки да бубны, трещотки, девушки запели песни.

Праздник удался на славу, — ходили ряженые, устраивали игру в ручеек, парни бои на потеху показывали. Повеселевший Ульрих принял активное участие в поединках. Это уже он умеет, с десяти лет военное дело изучает. Равного ему по силе и ловкости среди сельских парней, конечно, не нашлось.

Девушки наблюдали, как бьются их суженые. И Радмила также исподволь посматривала, как ловко сражается тевтонец. Молодой боярин заметил, что Радмила отправилась купаться с белобрысым «эстонцем». Бешенство скрутило ему душу:

— Что, чужак, вольно тебе мальчишек молоденьких побарывать? А с мужчиной справишься? — засучив рукава, он принял боевую стойку. Радмила придержала Ульриха за рукав, он мягко оторвал ее руку.

— Не вмешивайся в мужской спор, женщина, — резким рывком он стащил рубаху, — не хочу испортить твой подарок.

Ульрих всматривался в черные глаза русича, тщетно пытаясь найти там хоть искорку страха. Либо хоть мгновенное сомнение, неуверенность в своих силах. Это бы придало еще больше энергии Ульриху. Но жесткие глаза Юрия пылали ненавистью, и еще какая-то насмешка чувствовалась в них. Как будто смеялся русич над ним. Знал заранее, что побьет нещадно чужестранца.

«Кураж», — вспомнил русское слово Ульрих и подумал. — «Вот она, причина наших неудач. Мы идем неумолимой железной стеной, как боевая машина! А эти смельчаки смеются, им весело в бою, они бьются играясь»...

Мужчины в боевой стойке передвигались, как бы очерчивая круг. Никто не решался первым броситься и нанести удар — не было очевидного превосходства ни у кого. Вдруг Юрий чуть споткнулся, и Ульрих, уловив момент, бросился в атаку. Мощный удар пудового кулака был направлен прямо в лицо Юрию.

— Прямо в «хлебалово»!— с восторгом закричали из толпы.

Но косым тычком сбоку левой рукой Юрий сбил направление удара чужака, и тот всей своей массой полетел мимо русича в сторону. Правой же рукой Юрий с сильным замахом хотел нанести сильнейший удар прямо сверху по затылку. Он, несомненно, лишил бы сознания «эстонца», но промахнулся и гулко ударил по спине между лопаток. Ульрих под дружный хохот полетел лицом вниз. Но вовремя подставил руки и выпрямился. Нагнавший его Юрий замахнулся сзади, но его остановила поднятая вверх рука старейшины.

— Не трошь сзади!

Юрий усмехнулся и отступил. Оскорбительный удар по спине вывел Ульриха из себя. С удвоенной силой он бросился на русича, неистовая злоба помутила сознание. Не помнил, как и удары наносил. Опомнился только, когда его схватили парни за руки — Юрий лежал под ним и закрывал лицо руками.

— Не бей лежачего!— старейшина с негодованием взглянул в лицо Ульриха. Было видно, что он недоволен развитием боя. Праздник превращался в зверское побоище.

Опять бойцы топтались друг против друга.

— Теперь ты мой!— думал Ульрих, крепче сжимая кулаки.

Но в этот момент Юрий выпрыгнул вперед, резко присел низко, как танцуют русские, и мгновенно ударил ненавистного соперника снизу ударом в челюсть. При этом удар был такой силы и такой неожиданный, что Ульрих почти оторвался от земли и полетел в пыль. Но в следующее мгновение остервеневший Ульрих вскочил на ноги и, как тигр, бросился на молодого

боярина. От неожиданности бойцы почти ударились разъяренными вспотевшими лицами и схватились бороться.

— Не чапать кулаками!— вскричала толпа. И сражающихся растащили.

Они уже хрипели от ненависти друг к другу. Соленый пот заливал раскрасневшиеся лица. Еще мгновение — и каждый был готов зубами вцепиться в горло противника.

— Кончай потеху!— поднял обе руки старейшина.— Не дам в праздник крошить друг друга. Купала обидится крови. Чего не поделили? Девицу? Ей решать, а не вам, бугаицам. Силушку свою на ворога оберните, а не калечьте своего. Баста кулакам!

Когда костер прогорел да сел, начался выбор суженых. Девушка хлопала парня по плечу и убегала, а тот бежал ее догонять. Поймав, вел ее к костру, через который они прыгали, держась за куклу на палке. Если при прыжке руки не разойдутся, то пара составила. А разойдутся, то каждый искал себе другую пару. Радмила хлопнула Ульриха по широкому плечу и, взвизгнув, бросилась в лес. Возбужденный мужчина бросился за ней. Теперь и праздник ему нравился, и кровь бурлила у него в жилах. Как будто вернулась его юность, и не было этих шести прожитых жестоких лет и в помине, все отошло напрочь. Что-то дикое запылало в душе. Может, память прошлых жизней всплыла в душе, когда он, распаленный дикарь, гнался по сумрачному лесу за полуобнаженной девушкой.

Радмила бежала изо всех сил, при одной только мысли, что он сделает с ней, если поймает, ее лицо пылало жарким румянцем. Тело помнило о тех сладких прикосновениях его рук и шептало ей:

— Ах, остановись, так хочется ощутить его жаркие ласки! — дальше девушка боялась думать, что он с ней будет делать, если поймает. Все кончилось довольно быстро. Через пару минут бега он догнал ее, притянул к своему мускулистому телу и стал покрывать неистовыми поцелуями. Страсть скрутила его, мелкие судороги пробежали по его могучему телу.

— Ах, девушка, какая ты жестокая! Ты меня сведешь с ума! — он взял себя в руки, поднял свою извивающуюся добычу и легко понес к костру.

Когда все пары составились, старейшина спросил:

— Все ли простили обиды? — и сурово посмотрел на молодого соперника Ульриха. Чтобы избежать прилюдного суда, боярин подтвердил:

— Нет обиженных! — он бросил недоброжелательный взгляд в сторону обнявшихся Ульриха и Радмилы.

Подле костра устроили пир — медовые пироги, яйца, сало, блины, пиво. Каждому в руки дали по куску освященной еды, принесенной с капища. После, в ночи, зажгли деревянное колесо и покатали его к воде. На реке суженые обменялись венками, после чего каждый положил свой венок на плотик из веток и соломы и пустил его по воде. Девушки запели:

«Ой на святого

Ой на Купалу

Девки гадали

Венки кидали

Кидали в воду

В воду быструю

Скажи, Лелюшка

Про жизнь молодую

С кем, Купалушка

Век вековати

Кого из парней

Любым назвати

Неси Желча венок

Не дай потонути»

Пустили свои венки на плотиках и Радмила с Ульрихом, молодой боярин тоже отправил свой венок по реке. Все с волнением стали наблюдать за волей богов. Когда венки влюбленных, встречаясь, продолжали плыть вместе, раздавались радостные крики, благодарящие Купалу. И, о чудо! Три плотика, Радмилы, Ульриха и Юрия, поплыли рядом, покружились немного, сцепились

вместе, ласковое течение подхватило их и понесло...вот она, воля Купалы! Ульрих, потрясенный этим таинством, приподнял подбородок Радмилу и осторожно прикоснулся сухими жаркими губами:

— Теперь ты моя навсегда! — обнял за узкую талию и повел с берега речки.

— Купала не дал ясного знака, — возразила Радмила. — Помни о своем обещании.

На берегу зажгли огонь, остальные пары, обнажившись, стали купаться в ночной реке, а после, обнявшись, скрылись в укромных местечках, чтобы заняться любовью. Не нашедшие пары устроились при костре — Купальце. Кто спать пошел, кого старейшина отрядил до утра стоять на страже — охранять праздник от ворогов. Волхв стал собирать целебную купальскую росу. А среди влюбленных пар послышалось дерзкое предложение:

— Кто тут смельчак? Пошли, поищем в ночи цвет папоротника. Несколько пар направилось в сторону густого подлеска, темной таинственной стеной окруживший ярко горевший костер.

— Пойдем, милый! Вдруг Купала укажет цветок! Это к счастью, если отыщем,— Радмила потянула его за руку.

— Я подарю тебе этот цветок! — Ульрих был уверен, что найдет это волшебный подарок чужого Бога. Никогда еще он не чувствовал себя таким живым и могучим, он сравнил с этот праздник язычников с его грустной жизнью в комтурстве, наполненной молитвами по несколько раз в день. Неужели он рожден для того, чтобы служить ревнивому суровому богу с его обещанием расчета в загробной жизни, о которой никто и не мог ничего рассказать, поскольку с того света никто не возвращался.

— Обожди. Я позову Лотаря, сразу и домой поедем,— он свистнул, и верный конь подбежал к хозяину. Оказывается, он пасся невдалеке. К седлу было приторочены и оружие, и теплый плащ крестоносца, с которого предусмотрительной Радмилой был спорот черный крест. Так вместе они и направились в таинственный лес.

Радмила стала объяснить Ульриху, почему так важно найти этот дивный цвет.

— Купальская ночь самая короткая в году, этой ночью никто не должен спать. В эту ночь деревья переходят с места на место и разговаривают друг с другом. Их разговор — это шелест листьев, шелест ветвей. Беседуют между собой животные ...а травы этой ночью наполняются чудодейственной силой. Ночные травы цветут Огнем. Иной цвет пылает неподвижным, сильным пламенем, иной имеет вид молнии, призрачного огня. Такова черная папороть, царцарь, травалев, — говорил дедушка Земибор, тот, что тебя от смерти сберег, — росточком невелика, а видом как лев кажется. В день ее и не заметишь, сияет она по ночам. На ней два цвета, один желтый, а другой красный, ночью как свеча горит. Около нее поблизости травы нет, а которая и есть, и та преклоняется перед ней. Она раскрывается сильным огненнокрасным цветом только на несколько мгновений, в Купальскую Ночь. Тому, кто найдет его, волшебный цветок дает возможность узнать его будущее. Но надо, чтобы сам Купала захотел ее указать тебе, иначе ни за что не покажется. Но нельзя никому рассказывать, что тебе цветок поведаст. Иначе большое горе будет.

Все дальше и дальше углублялась молодая пара в темные заросли. Верный Лотарь брел рядом и, настороженно фыркая, нервно прядал ушами. Радмила и сама была не рада, что попросила парня поискать цветок папоротника. И уже придумывала, как бы отказаться от этой затеи. Вдруг Ульрих дернул ее за рукав.

— Тихо. Остановись! Ты внимательнее посмотри! — и показал на маленький огонек, который передвигался в густой траве,— это же маленькая фея!

— Что ты! Это же обычный светлячок,— облегченно рассмеялась испуганная девушка.

Молодой мужчина опустился на колени и осторожно прикоснулся к живому огоньку. Это действительно была прекрасная маленькая фея, в чудесном переливающимся платьице с прелестными крылышками. Она удобно уселась на краю мужской ладони, и в голове у Ульриха раздался тоненький голосок.

— Идем за мной, Ульрих фон Эйнштейн! Моя госпожа Майя поручила мне указать дорогу к цветку! Оставь здесь девушку. Ей не откроется папоротьцветок. Но поспеши! А то пропустишь цветение!— фея соскочила с

ладони и полетела вперед, указывая дорогу своим светящимся крошечным тельцем.

— Милая, подожди меня тут. Так велит фея. Побудьте с Лотарем на этой поляне,— и он устремился за светлячком.

Фея так быстро летела, что мужчина едва успевал за маленькой проводницей. Наконец она остановилась на большой поляне. Посредине поляны светился небольшой красный огонек. Ульрих подошел поближе. Да, это было невысокое растение со светящимся холодным красным светом цветком. Именно таким, как рассказывала Радмила.

Фея описывала круги, махая нежными крышками.

— Час настал! — раздался голос. Он явственно прозвучал у молодого мужчины в ушах, но он не увидел никого, кто бы произнес эти слова.

— Час настал, час настал, настал! — звенело и переливалось отовсюду. Шептали травинки, шелестели листья, пели невидимые колокольчики. Возле маленькой феи закружились сонмы таких же, как и она, восхитительных крошечных созданий.

И вдруг яркий свет озарил всю поляну. Зачарованный Ульрих перевел взгляд на красный огонек. О чудо! Он весь, горел, переливался ярким алым пламенем.

— Расцвел!— мелькнуло в голове.

На темном, безлунном небе появилась маленькая звездочка, она росла, увеличивалась, превратившись в яркий луч. Он ударил прямо в середину папоротьяцветка, превратившись в большой, светящийся бледным светом столб. Он раздвинулся и из него заструился мерцающий туман. И вдруг туман сконцентрировался, и оказалось, что на поляне стоит невероятной красоты женщина в роскошном красном сарафане. Великолепный головной убор богини, ее одеяние, казалось, были изготовлены из пылающих красных рубинов; прозрачные руки держали пылающий алый скипетр.

— Богиня Майя!— он моментально узнал свой сон.

— Да, это я, Ульрих фон Эйнштейн! Боги разрешили тебе узнать свою судьбу. Но ты сам будешь принимать решения, как тебе действовать, чтобы предсказания сбылись. Боги не будут делать того, что ты должен сделать сам.

Твоя воля и упорство решат все. Но помни — нельзя ничего рассказывать о том, что поведает цветок! Иначе все изменится для тебя.

Да, волшебный цветок заговорил! Его ответы на вопросы рыцаря звучали в голове молодого мужчины так явственно, как будто кто-то стоял рядом и разговаривал с Ульрихом. Лишь несколько минут цвел прекрасный цветок, потом все погасло, чудесное видение растворилось, лишь рой светлячков кружился на поляне возле небольшого кустика. Богиня исчезла так внезапно, что стало казаться, а была она на поляне вообще? Вышла луна и осветила место, где стоял Ульрих неяркими, сумеречными лучами. Он вздохнул и пошел назад. Но радость от чудесных предсказаний переполняла его.

Радмила терпеливо ожидала Ульриха, сидя на белом рыцарском плаще, пока он узнавал у царя цветов свою судьбу. Полянка, на которой они расположились, была невелика; могучие ели, попеременно с белоствольными березками и стройными соснам, почти смыкались над ней, оставляя небольшой кусочек неба, на котором виднелась яркая луна, заливающая бледным призрачным светом все небольшое пространство. Где-то поодаль смачно похрустывал травой конь крестonosца. Наконец под тяжелыми ногами Ульриха захрустели сучья, и тевтонец, отодвинув колючие еловые лапы, вышел на поляну.

— Ну, что?— взволновано спросила девушка.

— Нельзя ничего рассказывать, ты же сама знаешь!— сказал молодой мужчина. Но его счастливое лицо говорило само за себя.

— Да, да, конечно, я знаю. Ну, если все, тогда поедem домой. Вон и конь заждался,— торопливо сказала девушка, отводя глаза от его лица. — Становится холодно!

Сора

Голуба и Лотарь быстро нашли общий язык. Только вот ставили их в разные загоны, «чтоб не баловали», и лошади тревожно втягивали воздух ноздрями, ловя запах друг друга. Голуба иногда тихонько ржала таким нежным голосом, что у Радмилы даже сердце сжималось. Жеребец отвечал своей подруге гулками ударами мощных копыт в заднюю стенку конюшни и дерзким храпом.

— Кось, кось, — успокаивала лошадей Радмила, зайдя на конюшню с большой охапкой душистого клевера.

Даже любимое лакомство не могло отвлечь влюбленную пару от острого желания быть вместе.

— Я тебе! — пожурила жеребца Радмила и вздрогнула: ей показалось, что сзади что-то скрипнуло.

Но, оглянувшись, девушка никого не обнаружила и, проверив на всякий случай запоры, пошла в дом.

— Ой! — вскрикнула она, только успев отворить тяжелую дверь.

За дубовым столом, широко расставив ноги, сидел боярин Юрий Путятин. Незванный гость вцепился в Радмилу жадным неотрывным взглядом, громадные кулаки свои он залихватски упер в колени и поигрывал носком красного сафьянового сапога.

— Ну, чего остолбенела, девка? — ухмыльнулся нахальный ухажер, — принимай гостя!

Радмила быстро взяла себя в руки и прошла мимо парня с независимым видом, сложив для смелости на груди руки. Только пятнами пробившийся на щеках румянец, да прерывистое дыхание выдавали ее глубокое смятение.

— Чего пожаловали, Юрий Всеволодович? — наконец сказала хозяйка дома, — прилично ль так запросто к девице в избу вваливаться? Что теперь люди скажут?

— Конечно, страшно людской молвы! — Юрий тяжело оперся на край стола, и посмотрел исподлобья на раздумывавшуюся от волнения девушку, — но немец этот живет у тебя, и ты не боишься людского слова.

— Это родственник мой, все знают, — резко ответила Радмила, — и болен он был, лечила я его...

— Еще надо разобраться, какой он такой родственник — ни бельмеса по русски не понимает. Что-то тут не так!

Сердце девушки как будто провалилось в глубокую яму, да так и осталось там.

— Вам-то зачем разбираться в моем роду? — все же выдавила она, — знаю, куда вы клоните, почему он вам так не нравится. Если бы я одна в доме жила...

— Ладно, хватит! — перебил ее боярин, — все я понимаю, чай не маленький. Не хитри со мной, я тебе другое пришел сказать. Иди-ка ты лучше в мои хоромы жить, — неожиданно выпалил Юрий, и как-бы смутился чуть-чуть. Опустив глаза вниз, погладил широкие доски столешницы, — мила ты мне, девка, день и ночь только о тебе и думаю...

Радмила тихонько присела на скамью у другого конца стола, стараясь быть как можно дальше от незваного гостя.

— Чего молчишь? Чем этот немец лучше меня? Он все равно тебя скоро бросит и уедет к себе на родину.

— Он эст, а не немец, — тихо пробормотала Радмила себе под нос.

— Ладно, пусть эст! — махнул рукой боярин, — разве это что-то меняет?

— А что вы мне предлагаете? — неожиданно резко ответила Радмила, подняв на гостя огромные обжигающие глаза, — возьмете к себе наложницей? А потом за скотиной ходить отправите, когда рэзонравлюсь?

— Да что ты? — протянул Юрий и попытался пододвинуться ближе к девушке, но та напряглась как струна и отодвинулась на самый край скамьи. — Я же к тебе с любовью! Будешь как сыр в масле кататься, нужды никакой не знать. Буду любить и миловать... подарки дорогие дарить...

Радмила угрюмо молчала, внимательно разглядывая что-то в дальнем углу избы.

— Я понимаю, почему ты молчишь, — продолжил боярин, — жениться не обещаю, не могу я... — вдруг мужчина сделал резкое движение и мгновенно оказался рядом с девушкой. Он схватил ее руку и прижал к своей щеке. От неожиданности Радмила даже не успела отшатнуться. Лицо Юрия пылало как горящий уголь.

— Слышишь, уж больно мила ты мне, — жарко зашептал он, — никогда не брошу тебя. Не могу жениться, не знатного ты рода, но и без тебя жить не могу. Даже плотики наши в Купальскую ночь вместе сцепились...

Радмила тщетно пыталась вырвать руку.

— Разве лучше будет, если выйдешь за какого-нибудь нищего.... будешь всю жизнь горбатить в поле да за скотиной ходить! — почти зарычал боярин и, обхватив за бедра, притянул Радмилу к себе и уткнулся лицом в блестящие локоны цвета темного меда, — а со мной проживешь в роскоши, не зная ни забот, ни печали!

После нескольких минут отчаянной борьбы красавице все же удалось вырваться и, отскочив, она проговорила:

— Не знаете вы женского сердца, Юрий Всеволодович! Да и себя до конца не понимаете! Вы не меня любите, а просто гордость ваша задета... до меня сколько девок испортили! А тут не получается, промашка выходит! Вот вам и кажется, что я понадобилась!

Ошеломленный боярин так и остался стоять посреди избы, не веря в ее окончательный отказ.

— Все, уходите, Юрий Всеволодович! — почти закричала Радмила, — сейчас мой родственник с охоты вернется, негоже будет, если увидит вас. Что, если брату перескажет?

— Плевал я на брата твоего! — закричал Юрий так, что затряслись стены, — вот что я скажу тебе, красавица, — молодой боярин стоял, широко расставив ноги, и заткнув большие пальцы рук за пояс, — будешь и дальше отказывать мне, снесу голову твоему хахалю. Разберемся, какой он тебе родственничек. Весной, после битвы с крестоносцами, мужики в лесу рыцарского коня

усмотрели. Видать, тот конь и крестоносца из воды вытащил. Говорят, вроде как сгинул и этот конь в лесу, и тот немец живучий тоже, но вот только конские доспехи с крестами Назар в кустах нашел, — и боярин вдруг посмотрел в сторону конюшни, где перекликались тихим ржанием Лотарь и Голуба, — а у тебя вдруг и лошадей прибавилось...

Радмила вздрогнула и закрыла лицо руками. Она почувствовала, как холодная волна пробежала по телу от головы до ног и вернулась обратно.

— Думай, Радмилка, — рявкнул боярин, — не желаешь быть моей, так и его не будешь! Еду в Переславль к князю, недели на две, как вернусь — зайду за ответом! — и хлопнул дверью с такой силой, что из укосины посыпался песок. Радмила услышала, как он уходит, ступая по тропинке тяжелыми грозными шагами.

Ульрих нанизал трех тетеревов на бечевку, вырезанную из толстой сыромятной кожи, и перекинул их через плечо. Птицы уже нагуляли жирок, и веревка сильно врезалась в тело.

«Хороша добыча»! — подумал удачливый охотник и зашагал по лесу, насвистывая веселую немецкую песенку, — «а то все косули да кабаны. Жаль только тетерочку не удалось поймать, она повкуснее тетеревов будет»...

Ноги в кожаных лаптях, которыми одарила его Радмила, чувствовали каждую веточку и корешок. Зато идти было легко, совсем как босиком, и через легкие подошвы в тело входила могучая энергия, исходящая от земли.

« Как хорошо здесь, в лесу», — расслабленно думал Ульрих, — «вдали от людских страстей, неумной алчности, честолюбия».... — рыцарь провел рукой по рукояти верного меча, с которым никогда не расставался.

Люди — вот главная опасность в жизни, никакой зверь не страшен, кроме человека.

Лукавишь! Ты и есть тот самый страшный зверь. Пришел в чужую землю с мечом..... что тебе надо от этих мирных людей? Ульрих тяжело вздохнул и поправил свою добычу на плече.

Так устроен мир, каждый должен защищаться. Горе слабому, ему остаются только глаза, чтобы плакать!

А эта девушка — она ведь тоже слабая, — подсознание уже вступило с ним в прямую беседу.

Женщины не в счет, они просто добыча, достаются сильнейшему мужчине. Их могущество в красоте. Пусть эти русские защитят свое право обладать красивыми женщинами. Не смогут.... что же, у них заберут все.... их женщин тоже.

Ульрих улыбнулся и зашагал быстрее. Ему нравилось быть сильным и распоряжаться жизнью по своему усмотрению. Приятно, что вот сейчас он принесет в дом много дичи. Радмила будет довольна, она встретит ласковым любящим взглядом, обнимет его! Наконец лес стал светлее, затем совсем поредел, и из-за стволов стала видна широкая поляна с домом и обширным сеновалом. Лотарь призывно заржал, чувствуя приближение хозяина. Но в его голосе Ульрих услышал тревогу и остановился. Прислушавшись, он услышал громкий удар двери и чьи-то порывистые шаги. Мимо него, ничего вокруг себя не замечая, поспешно прошел боярин Путятин. Вид у русича был какой-то растрепанный, волосы взъерошены, сам он раскраснелся.

Что он здесь делал? А что, если он занимался любовью с Радмилой в его отсутствие... как тогда Генрих с Хильдегард?

Жаркая волна злобы поднялась в груди Ульриха и подкатила к горлу, почти лишив его возможности дышать. От волнения у крестоносца даже затряслись руки. Он медленно стянул с плеча свою поклажу и, бросив ее в траву, шагнул на тропинку.

— Ты, я вижу, очень спешишь, Юрий? Придется задержаться немного! — то ли прохрипел, то ли прорычал ревнивец, нещадно коверкая русские слова.

Боярин резко остановился и пошатнулся от неожиданности, увидев прямо перед собой разъяренное лицо соперника.

— Могу и задержаться чуток, — наконец процедил он — секунды хватило русичу, чтобы вернуть самообладание.

Неожиданно Юрий подскочил, и широко расставив крепкие ноги в мягких сафьяновых сапогах, принял боевую стойку.

— Должок за тобой, чужак, — рявкнул он, сжимая здоровенные кулаки, и как бы готовясь к прыжку.

Не дожидаясь ответа, боярин махнул правой рукой, но Ульрих отступил шаг назад, и огромный кулак в кожаной перчатке просвистел мимо его виска.

— Хвайтит шьютить! Говарил — не надо ходить моя фройляйн! — сплюнул крестоносец и демонстративно вынул свой меч. При этом он немного помедлил, давая противнику время, чтобы тот обнажил и свое оружие.

Боярин слегка побледнел — дело принимало серьезный оборот и, тоже вынув меч, машинально провел по клинку большим пальцем. Это движение скорее было обманным, и на секунду отвлекло внимание рыцаря... вдруг меч Юрия со свистом рассек воздух, и если бы опытный Ульрих не отпрянул в сторону, то покатила бы его белокурая голова в густой кустарник.

Боярин замахнулся еще раз, но не рассчитал, оступившись, и клинок вонзился в толстый белый ствол березы, да так сильно, что и вырвать его оказалось непросто. Ульрих сначала было замахнулся мечом, но в последнее мгновение отвел клинок в сторону и нанес сильнейший удар рукой, сжимающей рукоять меча прямо в челюсть врагу. Послышался хруст, и боярин полетел в сторону. Свой меч, однако, русич из рук не выпустил, и, падая, высвободил его из ствола. Как разъяренная пантера, тевтонец прыгнул вслед кувыркающемуся противнику и навис над ним с поднятым к небу мечом.

— Льежачего не бият! — наконец презрительно процедил он и опустил клинок.

Боярин воспользовался секундной паузой и вдруг резко ударил противника ногой прямо в колено. Ульрих взвыл и повалился на землю. Юрий прыгнул на него, выхватив из-за пояса узкий кинжал.

— Не-е-е-т!!! — громкий крик Радмилы будто разорвал все вокруг.

Девушка неслась по тропинке, размахивая руками и помогая своим быстрым ногам истошным воплем.

— Стойте! Не надо никого убивать!

Мужчины оторопели от резкого крика и разжали сцепившиеся руки.

— Убийцы! — кричала Радмила, награждая ударами своих маленьких кулачков и одного, и другого бойца, — схватились как хищные звери! Не можете жить мирно! Места им мало! Вцепились друг в друга!

Радмила уже заплакала, и по ее щекам полились обильные слезы. Она провела рукой по лицу и на нем остались грязные полосы. Ульрих и Юрий молча стояли перед ней.

— Уходите оба, я не хочу видеть никого из вас!— девушка махнула рукой и с рыданиями побрела к дому.

Ульрих услышал, как громко хлопнула входная дверь.

Радмила долго не могла успокоиться. В доме было непривычно тихо, и девушка невольно прислушивалась к звукам на улице. Но пение птиц и монотонный шум леса не нарушал никакой посторонний звук.

— Где они? — с тревогой думала девушка, — может, зря я прогнала Ульриха? Сердце ее сжалось. Теперь она поняла, что переживает больше за тевтонского рыцаря, так внезапно ворвавшегося в ее размеренную жизнь, чем за русского боярина. Вдруг они пошли драться дальше, и Юрий убил его? Он же грозился... Радмила тревожно прислушивалась к каждому шороху. Может, опять лежит крестоносец где-нибудь в лесу? Но теперь уже мертвый!

Начало темнеть, и становилось страшно.

Всего за два месяца одинокая красавица привыкла к надежной защите сильного мужчины, и теперь она почувствовала, как его не хватает. Стало тяжело на душе, и девушка, вытянув руки вдоль стола, печально положила голову на запястья. Гулкие удары в висках не давали ей успокоиться.

— Что с ним? Может, погиб? — Радмила никак не могла отогнать назойливую мысль.

Вдруг ей показалось, что на крыльце послышался легкий шорох. Она вскочила как ошпаренная, но потом взяла себя в руки и осторожно прокралась к двери. Радмила прильнула к узкой щели возле неплотно закрытой двери и увидела, что Ульрих сидит на крыльце, сгорбившись и обхватив голову руками. На секунду ей показалось, что он ранен, и Радмила, мгновенно распахнув дверь, бросилась к нему.

Немец поднялся во весь свой огромный рост и с довольным видом прижал девушку к своей широкой груди. Радмила от облегчения расплакалась.

— Ничего, ничего, — шептал Ульрих, поглаживая ее по волосам, — все хорошо.

Вдруг ее пронзила страшная мысль: это Ульрих расправился с молодым боярином, — и она отпрянула от него как от горячей печки.

— Где Юрий? Ты убил его? — со страхом спросила Радмила, вспомнив быструю смерть разбойников.

— Почему его жизнь так тебя интересует? А если бы и убил, так что? — злобно перекопился тевтонец. — Он что, твой любовник?

Оскорбленная Радмила вырвалась из его рук, вбежала в дом и уселась на лавке в углу возле кровати. Ульрих посвоему понял ее порыв и вошел вслед за ней тяжелыми недобрыми шагами. Тевтонец опустился на скамью и угрюмо уставился в темный угол, где притихла Радмила.

— Что ты шарахаешься от меня? — вдруг его резкий голос нарушил застоявшуюся тишину, — ты что, крутишь с этим Юрием?

— Какое тебе дело? — вдруг неожиданно для самой себя рассердилась Радмила, — ты что, муж мне?

— Вы все женщины обманщицы! — не ответил на прямо поставленный вопрос крестоносец, — я это по себе знаю.

— Я не давала тебе никаких обещаний, и ничего тебе не должна! — взволнованная Радмила встала и вытянулась от волнения.

Немец медленно повернул голову и вцепился в непокорную язычницу тяжелым жестким взглядом. Вдруг он вскочил и, схватив Радмилу за руку, с силой дернул ее к себе, так, что затрещал рукав ее рубашки.

— Нет уж! — заревел он, заглядывая в бездонные синие глаза, — я здесь второй месяц обхаживаю тебя, а ты крутишь с другим? Не выйдет!

Радмиле было больно от жестких пальцев рыцаря. Он схватил ее обеими руками за плечи и так сильно прижал к себе, что девушка ощутила гулкие удары его сердца. Рука мужчины скользнула по ее спине и, нащупав завязки ее одежды, с силой дернула вниз, понева с треском полетела на пол. Радмила ахнула и, подхватив остатки своего наряда, бросилась к двери, на выход. Но немец мгновенно настиг ее и окончательно сорвал с нее верхнюю рубашку

— Нет! Ты же обещал! — взвизгнула полураздетая девушка, но Ульрих уже потерял над собою контроль и, крепко сжав ее запястья, захватил их в одну

ладонь и удерживал за спиной. Его жесткие губы впились в ее рот, не давая вымолвить ни слова. Другой, свободной рукой, мужчина продолжал раздевать девушку, срывая последнее, что осталось на ней — нижнюю рубашку.

— Оставь меня в покое! Вспомни свое обещание!— закричала Радмила, наконец, освободившись от его жадного рта.

— Прекрати это дурацкое сопротивление! Я безумно хочу тебя! — прохрипел Ульрих. — тебе мил этот русак? Какое обещание обманщице? Ты ведь спала с ним? Я же видел, какой он растрепанный уходил из твоего дома!

— Какое тебе до этого дело? Еще не хватало, чтобы каждый мужик командовал моей жизнью!— завопила взбешенная девушка, изо всех сил пытаясь отодвинуть от себя горячие губы насильника.

Ульрих на мгновение остановился, но опять набросился на нее с еще большей яростью.

— Это я-то — «каждый мужик»? — зарычал он, тяжело дыша, — да я с ума схожу по тебе! Боюсь притронуться к ней, ну как же «девственница», а она вон что выделяет! Больше ты меня не обманешь! — тевтонец дрожащей от напряжения рукой вытер пот со лба.

Ульрих страшно измучился из-за ее строптивости. Он хотел ее с тех пор, как увидел ее обнаженной в конюшне, но сдерживал себя изо всех сил. Он просто извелся за эти долгие недели, когда она отказывала ему, и теперь, когда Радмила, обнаженная, стояла перед ним, прикрытая лишь густыми золотисто-каштановыми локонами, он просто сошел с ума от вожделения. Тевтонец подхватил обнаженную девушку на руки и швырнул ее на кровать. Потом навалился на нее сверху, встал на колени и стал поспешно сдирать с себя рубашку, надежно придерживая ее крепкими бедрами. Еще быстрее получилось у него развязать шнурок на штанах и высвободить твердый тяжелый член. Навалившись на нее сверху, Ульрих с низким, почти звериным стоном накрыл ее рот безумным поцелуем. Он весь пылал, и, казалось, стремился сделать Радмиле больно, впиваясь в ее рот все с большей жадностью. Жесткая рука больно мяла нежную девичью грудь, и Радмила пролепетала, едва он освободил ее рот:

— Мне больно, Ульрих...

Он сразу же ослабил свой натиск. Но после этого затяжного, возбуждающего поцелуя Радмила со стыдом почувствовала, что необузданная атака мужчины ей приятна. Что-то неизведанное всколыхнулось в ней, какая-то странная теплота разлилась по всему телу, вызывая неведомое, неясное томление. От ужаса Радмила стала сопротивляться еще сильнее, но на самом деле боролась она уже с собой, — оказывается, ей нравилось прижиматься к сильному мускулистому телу, хотелось его ласк, страстных поцелуев и еще чего-то большего с его стороны ... вот только чего?

Но это означает, что она распутница? Или же просто сходит с ума? Скорее всего, это временное затмение!

Сгорая со стыда, она уперлась руками в твердые мышцы его груди, пытаясь оттолкнуть.

— Отпусти меня, здоровый бугай! Я не хочу этого!

— Что, твой любовник Юрий уже насытил тебя? Он был нежен с тобой?

— Он не такой грубый зверь как ты! — от злости она уже не замечала, что и говорит. Но почему-то даже злость не приносила облегчения. Наоборот, непонятное напряжение в ее теле все время возрастало.

Ульрих втянул в рот верхушку груди, не позволяя Радмиле отодвинуться, пока его язык и губы осыпали ласками хрупкое тело. Когда его влажный язык коснулся груди, Радмила со стоном выгнулась, таким острым оказалось удовольствие. Огненная вспышка пронзила ее тело, непривычно стягивая низ живота, пока не сосредоточилась в интимном месте между ног. Его горячий член жестко уперся ей в живот. Уже знакомое блаженное ощущение прожгло Радмилу с головы до ног, заставив ее ахнуть, — почему-то было приятно ощущать на себе тяжесть жаркого мужского тела.

Что с ней происходит?

Ульрих жестким коленом раздвинул ей бедра. Его поцелуи стали страстно-требовательными.

Радмила несколько раз видела, как жеребцы покрывают кобыл. Безумное нападение Ульриха напоминала поведение охваченного неодолимой потребностью жеребца, и должно было вызвать у нее лишь отвращение, а не возбуждение. Радмила много раз пыталась выяснить, какие

чувства испытывает женщина при близости с мужчиной. Благодаря разговорам с опытными подружками ей удалось узнать, как этот происходит. Но что испытывает при этом женщина, осталось загадкой.

Ульрих устроился между раскинутыми ногами девушки, еще шире раздвинул их и навалился на нее всем телом. Какое-то мгновение он лежал неподвижно, затем распухшие губы Радмилы снова обжег страстный поцелуй.

Она почувствовала, как его руки приподнимают ее ягодицы, и горячий мужской орган стал медленно входить в нее.... по телу прокатилась судорожная волна экстаза. Поначалу, когда он осторожно входил в нее, было очень приятно, и Радмила почему-то жаждала вобрать его в себя как можно глубже. Так вот как это бывает... ей хотелось, чтобы этой усадле не было конца! Ее томные мысли прервал хриплый стон, вырвавшийся из горла Ульриха, и ее неожиданно пронзила острая, резкая боль. Блаженство пропало в один миг.

— Прекрати, мне очень больно! — она стала сталкивать его с себя.

— О Боже... — прохрипел он, — так ты и в самом деле девственна!

Но это открытие уже не могло остановить его, но движения мужчины стали медленными и бережными, он осторожно входил в нее все глубже и глубже и, войдя полностью, затих.

— Сейчас не больно? — нежно спросил Ульрих, находясь глубоко в ней. Он полулежал, опираясь на локти, и не двигался, хотя это ему стоило огромных усилий.

Боль постепенно прошла, и когда он стал выходить из нее, опять накатила истома. Радмиле было приятно ощущать его в себе, и она обхватила его крепкие ягодицы ногами. Почувствовав перемену в ее настроении, он резким толчком снова погрузился в ее тело.

Он входил и выходил из нее, все глубже проникая внутрь тесного лона. Покрытый бисеринками пота, Ульрих сдерживался изо всех сил, тяжело дыша, как загнанный зверь..... нужно было и ей доставить удовольствие. Это было невероятно трудно, после стольких месяцев воздержания. И конечно, он не смог удержаться...

Девушка перепугалась, когда он вдруг напрягся всем телом и издал хриплый рык. Его тело забилося в судорогах, он обмяк, излив себя в огненном взрыве ошеломительного оргазма.

Радмила же застонала от болезненного ощущения неудовлетворенности, расходившегося по ее телу от того места, где глубоко внутри нее пульсировало мужское естество

— Слишком быстро! — хрипло пробормотал он, довольный, хотя и измотанный, — прости! Ты не успела... ну ничего...я немного отдохну и доставлю тебе удовольствие.

— Ты бессовестный, наглый грубиян... мне от тебя ничего не нужно!

Приятная нега разлилась по всему телу, когда Ульрих вышел из нее и, еще дрожа от наслаждения, откинулся в сторону на край кровати.

Радмила свернулась в клубочек, лишь через несколько минут осторожно потянула на себя край одеяла. Ее глаза смотрели в потолок, губы были прикушены, что придавало ее лицу такой вид, как будто внутри у нее затаилась огромная боль, и она боялась пошевелиться, чтобы не испытать ее снова.

Ульрих молча встал, отчего издававшая виды кровать заскрипела, и, захватив с собой свою одежду, пошел к выходу. Радмила услышала, как стукнула дверь бани.

Тевтонец посмотрел на свои руки, живот у него тоже был испачкан доказательством невинности Радмилы. Казалось, он получил желанную разрядку, испытал большое удовольствие, о котором мечтал все эти дни, но все произошло как-то не так. Где-то затаилась холодная тягучая тоска. Она постепенно разливалась по всему телу, заполняя собою и грудь, и сердце, и Ульрих понял, что это глубокое сожаление. Почему оно так тяготит, он так и не мог себе объяснить. Потом понял — это чувство вины. Радмила оказалась девственницей, а он решил, что она изменяет ему с этим боярином. Да и почему изменяет? В конце концов, она ведь ничего ему не должна. Наоборот, это он ее должник.

Мужчина тщательно отмывался. Как-то не очень хорошо получилось с соблазнением девицы. Вроде и не назовешь это насилием — она и сама трепетала, Ульрих это чувствовал, но все же он навалился на нее как дикий зверь. Сказались долгие недели воздержания, да и разрядился он слишком

быстро. Скорее всего, девушка испытала только боль и горькое разочарование от своего первого опыта любви с мужчиной. Ульрих даже не знал, что и думать... может, он был слишком груб? Почему она отвернулась и замолчала?

«А почему ты сам ничего ей не сказал»? — спросил его внутренний голос.

А что я должен был сказать?

«Ну, что обычно говорят в таких случаях»! — возмутился кто-то внутри.

Что обычно говорят в таких случаях, Ульрих не знал и мысленно промолчал. Его горло словно сдавил сильнейший спазм. Но все же мужчина взял себя в руки и пошел к дому. Дверь оказалась распахнутой, и в душе рыцаря шевельнулась тревога.

Он быстро вбежал в избу и увидел, что Радмилы нет. Около кровати на полу печальным холмиком валялось изорванное платье. Мужчина кинулся искать по всему дому, — девушки нигде не было. Взволнованно заржал Лотарь, и тевтонец побежал на конюшню. Так и есть! Ни Радмилы, ни ее Голубы!

Нескольких секунд хватило рыцарю, чтобы накинуть седло и вскочить на жеребца. Лес встретил его тревожным шумом высоких крон и порывами свежего ветерка вперемешку с редким морозящим дождем.

«Сейчас я догоню ее», — подумал Ульрих, но, проскакав с сотню сажений, притормозил коня.

Крестоносец прислушался. Где-то далеко перекликались птицы, шумела листва под порывами ветра, но никаких других звуков он не услышал. Куда ехать? Где искать? Немец в сердцах дернул поводья, Лотарь оглянулся на него и медленно побрел по мягкой траве.

«Как мне быть»? — размышлял расстроенный тевтонец, — «я уже не могу без нее. Даже сам не думал, что так затянет эта простая девчонка! Жениться? Но я же обещал принять обет. Придется покинуть орден. К тому же она не благородной крови, и никакого приданого за ней не будет.... Может, хватит и того, что и ему не досталось никакого наследства? Не жить же в этой нищей избе в лесу! Нет, жениться надо разумно. А как жить без нее?»

Ульрих прислушался. Вдалеке послышался треск веток падающего дерева, и сердце его дрогнуло. Мужчина натянул поводья, и жеребец послушно пошел рысью, уклоняясь от ветвистых стволов. Но и целый час поисков не дал ничего. Лес становился только гуще и непролазней. Впереди он уже потемнел и ощерился колючим стлаником на чужеземца.

«И бросить ее не могу», — продолжал размышлять рыцарь, — запала в сердце. Как представляю, что надо уезжать — «все сжимается внутри. Хорошо хоть, что с этим русаком у нее ничего не было».

Ульрих довольно улыбнулся. Ему было приятно, что Радмила оказалась девственницей. Но сразу же стало жаль ее, и глаза тевтонца опустились вниз. Как она останется одна в этой избе?

«А что, разве надолго она здесь останется»? — опять съехидничал каверзный голос, и тугой комок подкатил к горлу рыцаря.

«Она действительно одна не останется», — подумал он, — «этот красавчик боярин быстро приберет мою лесную фею к своим рукам»...

Ульрих представил, как Юрий обнимает Радмилу, как она сначала сопротивляется, а потом стонет в его объятьях от острого наслаждения, которого он сам не смог ей доставить. Теперь уже она стала женщиной, и у нее появятся потребности в мужчине. Раскроются новые яркие чувства. Ульрих знал это. И она, конечно, не будет жить одна в лесу, слишком она красива и чувственна.

От таких мыслей крестоносец совсем расстроился, соскочил с коня и опустился на траву. Мужчина присел на корточки и обхватил гудящую голову руками. Лес безразлично шумел, не обращая внимания на его страдания, а Лотарь недоуменно поглядывал на своего хозяина, забыв даже про соблазнительную траву. Потом тихонько заржал.

Удивленный Ульрих посмотрел на него, и увидел, что конь побрел куда-то в сторону. Странно, жеребец никогда не бросал своего хозяина, особенно в трудные минуты, а теперь вдруг куда-то направился. И вдруг его осенило. Надежда всколыхнула душу рыцаря, он потихоньку поднялся и последовал за жеребцом. Лотарь как будто понял мысли хозяина и пошел быстрее.

— Ладно, парень, постой, — пробормотал Ульрих, и тот покорно позволил забраться себе на спину.

Теперь крестоносец не управлял конем, а, отпустив поводья, позволил ему бежать, куда он вздумает. И Лотарь, потягивая воздух возбужденными ноздрями, перебирал копытами все веселей и веселей.

«Как же я сразу не догадался», — Ульрих похлопал жеребца по мускулистой шее, — «у тебя же тоже есть зазноба, Голуба-красавица! И твое сердце, паренек, разбито на этой Руси».

Скоро лес стал редеть. Где-то блеснула между стволами серебристая рябь воды, и потемневшая от дождя дорожка вывела на крутой обрывистый берег. В лицо рыцарю ударил разгулявшийся ветер. Он осмотрелся, — серая поверхность большого озера простиралась до самого горизонта.

«Где-то здесь, под этими волнами лежат мои братья», — с грустью вспомнил крестоносец.

Лотарь тем временем отыскал потаенную тропку среди гигантских лопухов и стал спускаться вниз, к воде, заставив своего хозяина вцепиться ему в гриву. Впереди послышалось нежнолюбовное ржание...

Тоненькая фигурка примостилась на крутобоком мшистом камне, наполовину скрытом в воде. Радмила задумалась и не заметила, как подъехал ее любовник. Ее узкая рука уперлась в холодную поверхность валуна, а другой она смахивала набегавшие слезы. Она вздрогнула и подняла на Ульриха огромные синие глаза, когда он опустился на колени, прямо в воду, возле ее промокшего подола.

— Не плачь, дорогая, — прошептал он, — не надо. Прости меня!

— А я и не плачу, — прошептала беглянка, смахивая слезу, — это просто дождь пошел. Чего это мне плакать?

— А почему ты убежала?

— Просто прогуляться захотелось, — Радмила отвернулась и высвободила холодную ладонь из настойчивой руки Ульриха, — здесь мое любимое место. Я сюда часто прихожу.

— Здесь ты и меня нашла, — пробормотал тевтонец, — я узнаю эти камни, хотя они тогда были занесены снегом.

— Не здесь.... лучше у Лотаря спроси, куда он тебя в лес затащил. Нашла на свою голову...

— Почему на свою голову, я ведь люблю тебя!

Радмила вдруг повернулась к рыцарю и заворуженно посмотрела в жесткое красивое лицо, но в следующее мгновение резко оттолкнула его и отвернулась.

— Что мне с любви твоей, рыцарь? Одно горе, — прошептала она.

— Мы будем вместе, дорогая!

Девушка испытующе посмотрела на Ульриха и глаза ее опять наполнились слезами.

— Этот боярин правильно сказал, — наконец пробормотала она, — ты уедешь домой, а я останусь здесь. Не нужно было делать этого, Ульрих.

— Говорю тебе, что заберу с собой, — он со стыдом вспомнил, в качестве кого он планировал забрать красавицу-язычницу. Раньше он сам возмущался, когда его подчиненные вступали в долгосрочные отношения с эстонками.

— И кем же? — скептически улыбнулась сквозь слезы Радмила, — возьмешь наложницей или содержанкой? А потом бросишь! Да и нельзя тебе, сам говорил!

Ульрих обнял девушку с такой силой, что что-то хрустнуло у нее в хрупкой спине.

— Я никогда тебя не брошу.

Радмила мягко освободилась из его крепких объятий и, поднявшись с камня, ступила прямо в воду.

— Нет, милый, это мне решать, — девушка наклонилась и, взяв пригоршню воды, смочила пересохшие губы, — чем на чужбину ехать, на птичьих правах, лучше я дома останусь... жила до тебя, проживу в своем доме как-нибудь и сейчас! — Радмила, не оборачиваясь, вышла на песчаный берег и взялась за стремя Голубы.

— Или к этому волоките боярину пойду в экономки, все же на родине... если совсем невмоготу будет...

— Нет! — заорал Ульрих и метнулся к девушке. Тевтонец подхватил легкое тело на руки и прижал к своей крепкой груди.

— Я люблю тебя, поверь же ты мне, наконец! Не отдам тебя никому, ни за что не отдам! И пойду на все, даже из Ордена уйду, чтобы видеть тебя счастливой! Я пока не знаю, как это сделать, но ты не должна сомневаться в моей любви!

— Я не хочу, чтобы ты потом пожалел о своем поспешном обещании. Ты должен все хорошенько обдумать и лишь тогда принять решение. Но все я равно рада твоим словам. Потому что я тоже люблю тебя... но мне все равно, беден ты или богат, знатен или нет... мне нужен только ты, а не твои деньги или звания. Но портить тебе жизнь не хочу, не пропаду и без тебя, если ты и уедешь, — девушка в эту минуту была так прекрасна, что Ульрих не выдержал и бросился жарко целовать ее. Радмила вся промокла и сильно дрожала, то ли от сильных чувств, то ли от холода. Он закутал девушку в свой плащ и усадил на холку своему жеребцу, потом и сам устроился рядом, как будто боясь, что опять ее потеряет.

Лотарь неспешно брел по лесной дорожке, ведущей к дому Радмилы. Взволнованная Голуба бежала рядом с жеребцом, все время норовя ткнуть мордой в ногу девушки. Кобылица тревожно заглядывала в глаза тевтонцу. Даже животное опасалось, что он обидит ее хозяйку. Ульрих не торопил жеребца. Да и куда было торопиться, ведь обнимать друг друга можно было и сидя на его широкой спине. Радмила обвила руками крепкую шею мужчины. Он, придерживая одной рукой и девушку, и поводья, страстно целовал ее, другой же, запустив в распахнутый ворот рубашки, гладил и мял упругую девичью грудь. Рыцарю было приятно прижимать девушку к себе, ощущать ее тепло, запах нежной кожи, аромат волос.

« Что за чудеса, только что я овладел этой женщиной, а горю снова, как семнадцатилетний юнец! И блаженство испытал необычайное, не припоминаю, чтобы опытные дамы доставляли такое же. Прекрасная богиня назвала ее моей судьбой, но не сказала, как же это мне все осуществить. Думал, окончу жизнь или на поле боя, или в больнице ордена. Так бы и состарился в этой глуши, став комтуром в Дерпте. Вот как освободиться от обещания принять обет? Попросить отца, чтобы помог? Нет, не стоит. Я знаю, как добиться, чтобы орден отпустил. А дальше надо найти Гарета и остальных,

если они живы, и отправиться в Акру, за подарком старика Хариша. Если, конечно, найдем этот клад. Ведь уже год прошел!» — размышлял Ульрих.

Мысли девушки не простирались так далеко. Прижавшись к сильной мужской груди, она наслаждалась и ласками, и чувством надежности. Дальше она ни о чем не думала, оставив это на будущее. Ее хрупкое тело налилось сладкой истомой, глаза у нее закрывались, вот, вот заснет на руках у возлюбленного. Она и сама не знала, хочет ли она продолжения любовных ласк или перенести все это на завтра. Потом вообще перестала думать, что ей делать. Это было так непривычно, — позволить другому человеку заботиться о себе, и в тоже время так приятно!

Вдруг Радмила ощутила себя в совсем незнакомом и странном мире. Небо здесь было почти темнофиолетовое, с переходом в оранжевые тона ближе к горизонту. Как будто ночь — но все освещено каким-то внутренним светом. Вся поверхность простирающейся перед глазами равнины состояла из хорошо обработанных камней различных форм и цветов. Это были трехгранные, четырехгранные, многогранные и круглые каменные изделия, идеальные лестницы, уходящие куда-то вниз, обелиски, выемки и грандиозные возвышения цилиндрической и прямоугольной формы. Все поверхности были идеально отполированы, имели самые различные цвета и оттенки, и как-бы светились изнутри.

«Забавно», — подумала Радмила и провела рукой по поверхности шара, наполовину выступавшего из земли рядом с ней. Шар светился оранжевым цветом и был тепловатым на ощупь. А вот пирамида по соседству с ним — голубой и прохладной.

Передвигаться по равнине было трудно. Ровной земли не было нигде. Она то карабкалась, то сползала по полированным поверхностям. Цеплялась руками за острую вершину пирамиды, а через шар вообще перебраться было невозможно. В изнеможении затихла она между какимито замысловатыми фигурами и вдруг ощутила свое полное одиночество в этом строгом мире. Всем своим хрупким телом она чувствовала абсолютное отсутствие живого в этом каменном окружении. Безмолвно и безразлично взирали на нее идеально выполненные фигуры. Они и были обитателями этого мира. Нестерпимо захотелось быстрее выбраться отсюда. В свой родной земной мир. Где все формы неповторимы и своеобразны. Где каждый листочек — оригинальный в

этом живом и быстро меняющемся мире. И он наполнен жизнью и приветливо трепещет тебе!

На фиолетовом небе стало постепенно проявляться женское лицо. Как-бы сотканное из тонкого эфира, оно колебалось в вышине как северное сияние. Звезды сияли в короне и серьгах женщины, а вокруг шеи вились ленты из комет.

— Великая богиня Ася!— воскликнула Радмила

— Я дарю тебе этот совершенный мир, Радмила. Здесь ты обретешь покой!

— О, великая Ася! Несравненна красота твоя! Велика мощь твоя! Но преврати тогда уже и меня в цветной камень, лиши чувств и желаний, размышлений и мыслей, надежд и разочарований. Чтобы я соответствовала этому миру.

Богиня улыбнулась.

— Ты так красива, так чутка и игрива, как горная лань. Твои движения грациозны. Я не хочу превращать тебя в куб или шар.

— Тогда верни меня в мой мир!

— Но там суета! Там боль и страдания.

— Там любовь!

— От любви часто и погибают, девочка,— глаза богини, казалось, заглянули в самую глубину души Радмилы,— в том мире царствует страдание и боль.

— Здесь и так все мертво,— воскликнула Радмила.

— Они не рождались — поэтому и не умрут...

— Уж лучше умирать, чем не родиться.

После продолжительной паузы богиня Ася вновь взглянула на Радмилу.

— Ты сделала свой выбор,— улыбнулась она,— когда будешь умываться слезами — вспомни нашу беседу! У тебя всегда будет воля вернуться сюда!

— Камнем быть легче, — уже как бы издалека, из космоса послышался голос, и лицо богини растаяло среди мерцающих звезд.

Задумавшись, Ульрих и не заметил, что жеребец доставил их к воротам Радмилиного подворья.

«О, да она уже спит!» — мужчина разнял тонкие руки, обвивавшие его шею, соскочил с коня и снял спящую девушку. Потом отнес ее в избу, раздел и положил на кровать, прикрыв одеялом. Отвел Лотаря и Голубу на конюшню, пошел к беззаботно журчащему «Сварогову» ручью и освежился. Он долго сидел на берегу ручья, вслушиваясь в волшебную тишину чудесного вечера. В природе чувствовалось какое-то напряжение, туман над водой поднимался все выше и выше, и вдруг пошел теплый, тихий дождь. И сразу же на душе Ульриха стало спокойно и легко. Спать совершенно не хотелось, слишком много произошло в его жизни в этот необыкновенный день. Теперь он уже не один, у него есть смысл в жизни, есть женщина, которая любит его, стремится к нему, а не к его деньгам или титулу. С этими приятными мыслями он отправился в дом и улегся рядом с Радмилой, обхватил ее за талию и прижал к себе. Непривычное ощущение рядом с собой нежного девичьего тела не давало ему заснуть.

«Нет, похоже, я сегодня вообще не усну!» — Ульрих повернул спящую девушку на спину, раздвинул ноги и стал потихоньку возбуждать ее. Стоило ему прикоснуться к ее потаенному местечку, как по ее телу прокатилась волна экстаза. Ульрих с удовольствием услышал, как неясный стон сорвался с ее губ, когда он осторожно погрузил палец в горячую глубину. Приподняв изящную ножку, он принялся целовать ее, поднимаясь все выше и выше по внутренней стороне бедра. Полусонная Радмила не смогла удержаться и выгнулась к нему навстречу, своими томными стонами разжигая его вожделение. Поняв, что она проснулась и разделяет его желание, мужчина прильнул к ее губам в жарком, глубоком поцелуе. Не получив разрядки с первого раза, Радмила извивалась в пароксизме страсти, терлась упругими холмиками по поросшей жесткими волосами твердой груди, обвив ногами мускулистые ягодички. Ульрих подхватил ее под мышки, приподнял над собой, так что ее груди оказались прямо перед его лицом, обвел языком затвердевший сосок и втянул его в рот. Затем — второй. Придушенный вопль вырвался у Радмилы из-за

необычайно острых ощущений, она притянула его голову поближе, вдавливая набухшую грудь в жаркий рот.

Он опустил девушку, потянулся к ее руке и положил хрупкую ладошку на вздрагивающий от напряженного ожидания фаллос.

— Поласкай меня немного! Почувствуй его!— нежно шепнул ей.

«Такой твердый... но бархатистый!»— Радмила осторожно погладила гладкий кончик, затем сжала пульсирующий стержень.

— Все, больше не могу! — он поспешно отодвинул ее руку.

Жесткое колено повелительно скользнуло между ее бедер. Радмила почувствовал, как горячий фаллос, проникнув внутрь ее влажной лоцинки, начал осторожными рывками входить в нее, сначала медленно, затем, почувствовав ее ответ, все решительнее и быстрее. Неведомая, но мучительная жажда, накопившаяся в ней, разгорелась, вспыхнула, и стала нестерпимой. Все ее чувства свелись сейчас к одному — к удовлетворению жгучего желания, и она цеплялась за Ульриха, стремясь освободиться от невероятного напряжения. Беспорядочно извиваясь в его крепких объятьях, она была так охвачена вожделением, что ему показалось, будто он заглянул в пропасть. Сейчас Ульрих был в состоянии удержаться и, навалившись на нее всей тяжестью своего сильного тела, вонзился в нее с дикарской свирепостью и стал двигаться, резко, мощно, размашисто. Радмила, все сильнее распаяясь от нарастающего наслаждения этим чудесным ритмом, бессвязно вскрикивала и стонала. Дыхание, как и у него, стало прерывистым, воздух короткими толчками вырывался из горла. В самый последний миг она приподнялась, сильно изогнулась под ним и страстно выкрикнула его имя:

— О, Ульрих! — И больше ничего. Но он сердцем ощутил всю силу ее чувства.

Блаженство освобождения прокатилось по телу волнообразными толчками, но самым приятным было то, что и она кончала вместе с ним, извиваясь и содрогаясь. Ульрих на мгновение перестал что-либо ощущать, ошеломленный полученным наслаждением, а Радмила закрыла глаза и замерла, предаваясь восхитительному чувству полного насыщения. Да, теперь она знала, что от удовольствия можно умереть

Солнце уже давно стояло на небе и заливало землю своими ласковыми лучами. Радмила проснулась от совершенно непривычных ощущений. Ее тело было просто захвачено в плен могучих рук. Ульрих просунул свою мускулистую руку так, что голова девушки располагалась на широкой, поросшей светлыми жесткими волосами груди. Другая рука покоилась чуть ниже живота.

Было немного неудобно, но так приятны были эти крепкие объятия. И ранее никогда не испытанное чувство полной защищенности обволакивало, согревало, наполняло все существо девушки сладкой истомой и безмятежностью. Она зашевелилась — он моментально проснулся, его зеленые глаза с нежностью смотрели на милое личико с распухшим от его безумных поцелуев ртом. Радмила от неловкости закрылась своими шелковистыми ресницами. Ульрих показался ей совершенно незнакомым человеком. Вспомнив, что он проделывал с ней этой ночью, она моментально залилась восхитительным, стыдливым румянцем. Он понял ее и довольно больно шлепнул по голым ягодицам.

— Ну, женщина, ты совсем уморишь меня голодом, в животе так урчит, что, наверно, на улице слышно!

Она возмущенно взвизгнула и набросилась на Ульриха, стуча маленькими кулачками по широкой груди. Ее обнаженные груди соблазнительно покачивались у него перед глазами. Захватив в рот розовый кончик, он стал его посасывать, невинно глядя в возмущенные синие глаза. Безмерное удовольствие опять пронзило неопытное тело Радмилы.

— Ах! — она со стоном откинулась назад.

Он подхватил ее за ягодицы и, усадив к себе на бедра, ловко вошел в нее. От необыкновенного блаженства она вскрикнула, ухватилась за бугристые плечи, а он с хриплыми стонами, размеренными движениями сильных бедер подбрасывал ее вверх, пока восторженный вскрик не сообщил Ульриху, что теперь можно побеспокоиться и о своей разрядке.

Потом был чудесный завтрак. Сидя на коленях у мужчины, Радмила кормила его, перемежая сладкими поцелуями. Он перецеловал все ее изящные пальчики, осторожно посасывал припухшие губки. В общем, остаток дня любовники провели приятно и интересно, познавая друг друга совершенно в ином качестве.

Дрoзья Ульриха

Радмила мгновенно вскочила.

— Кто там?— спросила она, не открывая дверь.

— Это я, Ульяна! — услышался знакомый голосок.

Хорошенькая русоголовая девушка с игривыми серыми глазками, одетая в вышитую рубашку, туго подпоясанную пестрым витым поясом, показалась в проеме распахнутой двери.

— Радмила, я приехала тебя кое о чем попросить. Давай выйдем во двор! — дочка старейшины умоляюще посмотрела на девушку. — Я тебя очень прошу, помоги! Твоя матушка давала зелье для приворота, словато нужные я знаю, а зелье кончилось. Потратила не на того, кого надо. Бегает теперь, не отцепишься!— ее личико скривилось в презрительной гримасе. — Сын купца Волкова теперь ухаживает за мной. Хочу, чтобы посватался!

— Ах, глупая! Приворот-то подействует! Если бы он был ровня тебе, то и жизнь была бы нормальная. Но ты селянка, а он — купеческий сын. Сколько у него девок было! — Радмила покачала головой.

— Не твое дело, подружка! Я сама за свою жизнь в ответе! — с этими словами Ульяна потянула Радмилу за рукав. — Пошли, нальешь пузырек.

Выходя из дома, она оглянулась на Ульриха, и проговорила:

— А коня этого черного, что у тебя в конюшне стоит, немцы ищут. Приехали двое на здоровущих конях... сообщают, жеребец у них, мол, пропал, вороной с белой отметиной на одной ноге. Я спросила, — со звездой на лбу? — говорят, со звездой. Где мол, видела? Я-то смекнула, что про того жеребца спрашивают, что ты в лесу нашла, и объясняю — нет, не видела! Они и поехали восвояси, — затараторила Ульяна.

Вдруг в мягкий шелест соснового леса вплелся сначала тихо, потом громче, и громче топот тяжелых конских копыт.

— Ой, а они уже тут, гляньте в оконце. Ну, я поехала. Мамка заругает, что долго! — и побежала к своей повозке.

Когда Ульрих, склонившись, выглянул в маленькое окошко, земля уже содрогалась от тяжелой поступи боевых коней, скачущих по дороге в направлении их дома. Рыцарь вышел на крыльцо, и его лицо озарилось радостной улыбкой. Спешившись, всадники тоже заулыбались и двинулись ему навстречу.

— Ульрих! А мы тебя уже почти похоронили!

— Георг! Бруно! Как я рад вас видеть!

Мужчины уселись за широким дубовым столом. Радмила подавала на стол жареную оленину, пироги с рыбой и капустой, глиняные плошки с клюквой, кислой капустой, словом — все, что было в доме.

— Ну, расскажи, чего тут застрял. А мы ноги сбили, пока тебя нашли. Твой оруженосец, когда меняли пленных, сказал, что тебя подстрелили, а Лотарь вывез куда-то в лес. Если бы не эта глупышка, — Георг кивнул на задержавшуюся от любопытства Ульяну, — не нашли бы! Вон в какой глуши спрятался! Мы так рады, что ты жив, брат!— друзья радостно хлопали Ульриха по широким плечам.

— Вот ее надо благодарить, дважды от смерти спасла. Вначале рану вылечила, а потом, когда от простуды чуть не умер, тоже она лечила. Простыл, целый день пролежал мокрым на снегу. Лотарь охранял!— Ульрих нежно обнял Радмилу за узкую талию.

— Наверно, ты сейчас каждую ночь считаешься за лечение, я бы тоже согласился, чтобы меня подстрелили, если лекарь будет с такой внешностью,— весело загоготал Бруно.

— А она получше твоей Гиты будет, эта славянка,— ухмыльнулся веснущатый Георг.— Та уж больно смугла.

Ульрих приложил палец к губам, показывая друзьям всем своим видом друзьям, что Радмила понимает понемецки, и добавил громко:

— Мою девушку зовут Радмила!

Радмила улыбнулась гостям, вытирая руки фартуком.

— Этот рыжий — Георг, а черный — Бруно, — сообщил рыцарь.

— Ну, уж пофранцузски она точно не понимает, — заговорил на своем языке Бруно. — Но как хороша! Огонь в глазах!

— И умна! Как быстро научилась понашему, — добавил тоже пофранцузски Георг.

— Ну-ну, довольно похвал моей женщине, заведите своих и восхищайтесь! — недовольно пробурчал Ульрих.

Вечер сгустился над домиком в лесу. Трое мужчин сидели за уютным столом при свете одинокой лампадки — они были очень взволнованы этой встречей.

— Мы уже и не рассчитывали найти тебя, но Бруно приснился сон, — сказал Георг.

— Прекрасная богиня приказала мне продолжать поиски. Как она красива! — Бруно с восторгом стал описывать внешность богини. Ульрих сразу узнал в описании свою покровительницу Майю.

Друзья стали вспоминать свою прошлую жизнь, про то, как они познакомились, подружились.

— Да, пролетело шесть лет! — прислушалась к их разговорам грустная Радмила.

Рыцари пришли за другом. Пришли вернуть его могучему ордену, распространившему свою власть чуть ли не по всему миру. Ордену, который привел ее Ульриха на русскую землю с мечом, чтобы освободить от русов эту землю. Она видела, что Ульрих не хочет расставаться с ней. Но долг перед Орденом? Перед друзьями? Как он поступит? — терзалось девичье сердце.

— Я должен сказать вам, Георг и Бруно, — тихо говорил Ульрих, глядя на друзей, — вы помните наш поход по русским деревням? Тогда мы много набрали и ржи, и меда, и сала, и много другой снеди. Но наш комтур, барон Альфред фон Вюнсдорф, объявил тогда перед строем, что мы отправляем это все в дальний замок, на берега Сицилии. Там, мол, в осаде голодают наши братья. И надо им доставить продукты. А мы сами, ты знаешь, Бруно, как питаемся.

— Очень скромная еда, — процедил Бруно.

— Потом я видел вот, что, — голос Ульриха стал тише — Командор продал это все градоначальнику эстов!

Бруно и Георг опустили глаза к столу.

— И деньги он тоже присвоил!— зловеще продолжал Ульрих,— я сам возил казну в ковент, в Монфор. Этой суммы там не было. Он послал копейки и, наоборот, требовал помощи от ордена для нашего пропитания.

— Но, может, и посылали, эту помощь,— задумчиво процедил Бруно.

— Мне все равно уже, — сказал Ульрих.— Нас послали на верную смерть. Разве не его была обязанность проверить лед? Да и Фридрих перед атакой кричал, что лед не выдержит.

— Вот и остался на дне, — с жалостью добавил Георг.

— И сколько там осталось наших братьев!— сказал Ульрих. — Лютой смертью умерли.

— Нам повезло, что наш отряд стоял в засаде,— виновато сказал Бруно,— мы все видели. Как стал крушиться лед под копытами, как затягивались знамена между льдинами...

— Винить себя за то, что остались живы? Надо винить за павших! И хоть бы в бою, а то по глупости, по тупости начальника! — возмущался Ульрих.— Мы не должны жертвовать собой ради их корыстных интересов. И в Палестине я видел, куда отправляются корабли с награбленным добром. В Венецию! В тайные хранилища!

— Чтобы ссужать под проценты!— добавил Бруно.

— Я покидаю орден. У меня появился другой взгляд на нашу жизнь.— Ульрих с грохотом опустил кружку с медовым квасом..

— Еще слышали вы, что сказано древним: « не преступай клятвы, но исполняй пред Господом клятвы твои »— сказано то в святом писании,— пробормотал Бруно.

— А еще сказано: «А Я говорю вам — не клянись вовсе: ни небом, потому что оно престол Божий, ни землею, потому что она подножие ног Его, ни

Иерусалимом, потому что он город великого Царя» — добавил Ульрих, — и еще: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют, и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют, и где воры не подкапывают и не крадут».

— «Никто не может служить двум господам, ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить, или одному станет усердствовать, а о другом не радеть. Не можете служить Богу и мамоне» — это уже про комтура, — сказал Георг.

— А чем жить? — спросил Бруно.

— Помнишь в Атлите старика Хариша? — обратился к нему Георг.

— Правильно, — сказал Ульрих. — Не пора ли проверить, действительно ли существуют сокровища бога Камы? Помнишь, он дал нам план?

— И обе части его нужно соединить, — сказал Георг — но у нас есть только половина карты.

Еще долго за полночь мужчины обсуждали план предстоящих действий. Надо было покинуть орден, добраться до Палестины, найти и вывезти оттуда сокровища. Везде в этих местах и по дороге бушевали войны, в морях искали добычу викинги и пираты, на Руси, в Ливонии и, да и в Палестине рыскали отряды противоборствующих сторон. Да и орден так просто не оставит их в покое — они понимали это.

Самый тяжелый разговор предстоял у Ульриха с Радмилой. Он все никак не решался начать его. Уже настало утро. Мужчины позавтракали и готовились к отъезду. А Ульрих все не мог найти в себе силы подойти к любимой и объяснить ей, что она пока остается. Уже накинута седла на коней, уже сумки с едой, приготовленной Радмилой в дорогу, брошены на крупы, а горло сдавила неизвестная сила — не дает слово вымолвить. И Радмила молчала. Гордая девушка только грустно посмотрела на рыцаря, укрепляющего сумки на коне, и побрела на конюшню, к своему единственному другу. Там она обняла Голубу за шею, припала лицом к покатоному боку и молча стояла, изо всех сил сдерживая слезы.

В дверях показался Ульрих. Он подошел к девушке и обнял ее. Радмила оттолкнула его. Но он настаивал:

— Прости, милая, но я должен ехать! — и вновь прильнул к ней.

Она молчала.

— Я считаю тебя своей дамой, и даю тебе слово тевтонского рыцаря, что вернусь за тобой.

Радмила взглянула на него глазами, полными слез.

— Ты должна понять, я связан клятвой с орденом!

— Я тебя не держу, — отвечала она.

— Какова будет моя клятва тебе, если я так легко нарушу другую, — воскликнул Ульрих.

— Мы могли уехать отсюда, Русь велика...

— И как долго мы будем прятаться? Я сын барона фон Эйнштайна, и не привык бегать по лесам от закона. И ты не представляешь, какие длинные руки у ордена. Они не позволят нам быть счастливыми. Они отпустят меня! Я добьюсь этого! Тебе только нужно будет немного подождать.

— Я вернусь за тобой, любимая, через неделю приеду за тобой, — уже более нежно продолжал он. — Я знаю, как раздобыть много денег. Целые сокровища! Мы будем богаты, мы будем счастливы. Мы поженимся. У нас будет замок в Англии, слуги. Много детей.

Слезы стали просыхать на глазах Радмилы.

— Я буду ждать тебя, милый. Ты только береги себя, — шептала она, целуя Ульриха.

— Я клянусь тебе словом рыцаря, — и Ульрих снял с пальца перстень с большим зеленым камнем и одел на палец Радмилы. Затем он снял платок, завязанный на тонкой талии молодой женщины, бережно сложил его и спрятал его на груди под доспехами. Вскоре топот копыт стих в утреннем шуме леса.

Ливония, Дерптское комтурство 1242 г.

Большой замок комтурства встретил друзей настороженно. Патрульные опустили тяжелые, из мореного дуба ворота и кавалькада въехала на широкий двор. Подчиненные Ульриху люди с радостными возгласами бросились навстречу ему.

— Слава пресвятой Деве, вы живы!— оруженосец Отто радостно улыбался. — Столько рыцарей погибло в этом бою! Не повезло нашему комтурству, половина погибших — наши братья. Сейчас вот пополнение привезли. Молодые рыцари, неопытные. Так что, господин, это большая удача, что вы снова с нами.

— Ладно, ладно, Отто! Скоро ты узнаешь еще кое-какие новости! — рыцарь с удовольствием смотрел на бесхитростное лицо добродушного малого.

— Ульрих фон Эйнштайн! Как мы рады, что ты нашелся! Да, кстати, тебя просит зайти комтур!— братья хлопали его по плечу.

За небольшим столом, накрытым скатертью из сурового льняного полотна, сидел дерптский комтур барон Альфред фон Вюнсдорф. Немолодой коренастый мужчина был в длинной шерстяной тунике коричневого цвета, на ногах — мягкие полусапожки. Ульрих знал его давно, но вдруг он показался совершенно незнакомым человеком. Черные с проседью волосы ниспадали до плеч, коротко постриженная челка открывала высокий, изборожденный морщинами лоб, глубокие складки у ястребиного носа, тщательно выбритый квадратный подбородок — это было суровое, очень жестокое лицо.

— Пресвятая Дева, да я смотрю на него глазами Радмилы, — ужаснулся он и припомнил давнишний спор о смысле крестового движения.

— Ты можешь объяснить причину такого длительного отсутствия, брат Ульрих? — сурово спросил комтур.

— Да, господин комтур. Я был тяжело ранен, после того, как с раной стало полегче, от переохладения воспалились легкие. И я пролежал почти месяц, — прямо посмотрел в ястребиное лицо Ульрих.

— Но, ведь прошло два месяца! — брови пожилого мужчины взметнулись вверх. — Я вижу, что ты не спешил к своим братьям.

— Тот человек, который дважды спас меня от смерти, попросил остаться до середины июня. Я был связан долгом благодарности по отношению к нему и согласился. — Ульрих не хотел рассказывать о своих чувствах черствому комтуру.

— У тебя нет ни перед кем не никаких обязательств, брат Ульрих, кроме как перед богом нашим! И перед своими командирами, которые являются для тебя представителями господа нашего и Пресвятой Девы Марии! — глубокие складки на лице у комтура заострились, нос выдвинулся вперед.

«Точно, настоящий гриф-стервятник, что кружились над полем после боя. Вот сейчас ринется и выклюет глаза!» — подумал Ульрих. — «Мы, наверно, все тут стервятники. Ведь Радмила права. Не существует никакой благой цели... Если бы мы несли им только просвещение...это наша верхушка борется за лучшую жизнь для себя — за счет других».

— Но, господин комтур, во время тяжелой болезни мне явилась прекрасная Дева, и сказала, что теперь моя жизнь принадлежит моей спасительнице. Я не могу не подчиниться святой деве, вы сами сказали, что только она и Господь наш распоряжаются нашими жизнями. И я дал ей обещание, что попрошу гохмейстера Ордена отпустить меня и уйти в свет, чтобы служить моей спасительнице. Вы знаете наш род, господин комтур, не было еще такого случая, чтобы представитель рода фон Эйнштайн не сдержал свое слово. Моя жизнь отныне принадлежит ей! — молодой мужчина прямо смотрел в глаза комтура.

— Вот это новости, брат Ульрих! Ты же находишься на хорошем счету, — удивленно воскликнул комтур. — И тебе полагается большое вознаграждение, помимо того, что тебе уже выделено!

— Брат Фридрих тоже был не на плохом счету, а свое вознаграждение, видимо, получит на дне русского озера. Нет, я твердо решил отказаться от чести быть членом ордена, я дал ей обещание, что уйду в свет! — лицо Ульриха стало каменным.

— Видимо, твоя спасительница очень красива, что ты дал такой обет. Ах, женщины, женщины! Как мудры были отцы-основатели нашего ордена, что внесли в устав статью о целибате. А то наша великая цель распространения истинной веры так бы и осталась лишь бы в планах и мечтах! — и лицо комтура приняло неприятное елейное выражение.

«Точнее, наш план захвата чужих земель и обращения населения в бесправных рабов. А ведь они так хорошо живут и без нашего бога!»

— Ладно, можешь обратиться к гохмейстеру с просьбой разрешить тебе уйти в мир. Ты, конечно, знаешь, что половина причитающегося тебе имущества отойдет ордену. Второй половиной можешь сам распоряжаться, также и своим земельным наделом. Но тебе еще придется послужить своим братьям, в последний раз. Приказываю тебе принять командование над двадцатью братьями и отправиться в Бранденбургское комтурство, которое изнемогает, отбиваясь от озверевших язычников. Отдохни день, и в дорогу! Все братья, что будут под твоим командованием, уже готовы! — комтур взял со стола какой-то документ, давая понять, что разговор окончен.

— Но я обещал ей вернуться через неделю! — воскликнул раздосадованный молодой мужчина. — Пусть Бруно или Георг примут на себя командование этим отрядом.

— Ты отлично знаешь, что братья из Ордена меченосцев недовольны, что тевтоны на всех руководящих постах. А выдержать Бруно, француза и тевтона, они просто не в силах. Георг хороший рыцарь, но командовать никогда не сможет. И почему ты обсуждаешь мой приказ? Пусть Бруно возьмет оруженосца и съездит к твоей женщине, заберет ее сюда, раз ты дал слово. Все! Выполняй!

Сидя на Лотаре в полном боевом облачении, с длинным мечом, пристегнутом с левого бока, Ульрих выглядел грозным и беспощадным воином. Осмотрев подчиненных ему братьев, оруженосцев и вспомогательных служебных братьев и придя к выводу, что сборы прошли успешно, он направился к комтуру.

— Господин комтур, вы сдержите свое обещание разрешить Бруно со своим оруженосцем съездить за моей женщиной? Я снял в Дерпте для нее дом. Пусть она будет под присмотром брата Бруно, пока я съезжу в Бранденбургское комтурство. Я также намерен отправиться в Монфор за разрешением оставить орден. После этого у меня есть план заехать к графу фон Гессен, другу нашей семьи. А если хватит времени, посету своих родителей в их родовом замке Марбург. Я думаю, у меня все эти дела займут примерно шесть месяцев. Если, конечно, язычники не изменят моих планов стрелой или хорошим ударом копья, — лицо рыцаря скривила холодная усмешка.

— Не беспокойся, все договоренности в силе! Я благодарен тебе, что ты принял командование на себя в этом походе, — комтур не скрывал своего

удовлетворения, что нашел хорошего командира, способного выполнить поставленную перед ним задачу и сберечь подчиненных ему братьев. — Твоя женщина получит все необходимое.

— Бруно! Я прошу тебя через два дня выехать за Радмилой. Объясни, что я поехал за разрешением в ковент. Покажи ее платок, она поймет, что это я тебя послал. Отвези ее в тот дом, что я для нее снял, ты знаешь где. Денег для Радмилы я тебе оставил, на шесть месяцев. С прислугой я тоже вопрос решил. Как только нас отпустят, поедем в Петру, ты знаешь зачем. Если окажется, что у нее будет ребенок, удели полное внимание ее нуждам. Я приеду еще задолго до рождения малыша. По приезду в Дерпт она должна принять христианскую веру, чтобы у нее не было никаких проблем. И еще! Если я узнаю, что кто-нибудь из вас слишком внимателен к ней, ну, ты понимаешь в каком смысле, я не посмотрю, что вы мои друзья. Как вернусь, женюсь на ней. Если, конечно, останусь в живых. — Ульрих был серьезен как никогда.

— Не беспокойся, брат! Я клянусь тебе честью рода де ла Дийон, что с твоей девушкой будет все в порядке. А насчет твоей жизни — у меня было видение, что мы в Петре. Значит, за эту поездку с тобой ничего не случится! — Бруно обнял друга, потом Георга. — Ну, удачи!

— В путь! — крикнул Ульрих, и отряд выехал из ворот комтурства.

Встреча

Ливония, город Дерпт, 1243 год

Затемно выехав из гостеприимного Оденпского комтурства, Ульрих и Георг рассчитывали часам к шести вечера добраться до Дерпта. Шел приятный, легкий снег. Изящные снежинки, плавно кружились и таяли, упав на лица всадников и морды лошадей.

— Хотя бы метель не началась! — переживал осторожный Георг.

Но радостному Ульриху было не до таких мелочей. Приближалась его встреча с любимой, и он постоянно пребывал в приподнятом настроении. Взошло холодное зимнее солнце. Дорога, проходившая через густой еловый лес, стала казаться не такой угрюмой, и настроение стало вообще превосходным. Все вышло просто великолепно — и разрешение получил, и встретился с отцовским другом, бароном фон Гессен, повидал семью, и даже с братом помирился. Посмотрел он и на его семейную жизнь. Тогда и понял слова матери о том, что они ему желали счастья, когда дали согласие на брак Генриха с Хильдегард. Какой же он был влюбленный дурак! Даже внимания не обращал на то, какая Хильдегард злая и эгоистичная особа. Какая разница между доброй и самоотверженной Радмилой! И хотя у них двое детей — две девочки, счастья и тепла в своей семье брат не нашел. Дом у них чопорный и холодный, взрослые равнодушно относятся друг к другу, девочки запуганы матерью. Та помешана на правилах поведения для детей, а сама вовсю заигрывала с красивым деверем, помня об его былой влюбленности. Хотя уже и прошло шесть лет, его невестка по-прежнему интересная женщина, ухоженная и умеющая хорошо себя показать. А Генрих сильно потолстел, и имеет большую склонность к пиву. Интересно, сколько же он должен выпить, чтобы ему хватило? Жена, по-видимому, ему изменяет. От злости у Ульриха сжались кулаки, — почему-то стало жаль старшего брата. Подлая гадина! Хильдегард ночью пришла к нему в спальню, почти голая, в одном лишь халате. Наглая шлюха, как она посмела подумать, что его устроят объедки! Она, видите ли, думает, что он по-прежнему в нее влюблен. Но главное, что его оскорбило, что эта плебейская девка решила, что из-за похоти сын барона фон Эйнштайн унизится до того, что заберется в постель к своему старшему брату!

Ульрих вытащил ее из своей спальни и едва удержался, чтобы не дать пинка по голой заднице.

Поговорив с родителями, он стал собираться. Баронесса, обычно такая суровая, не сдержала слез:

— Мой милый сын! Когда мы тебя еще увидим? Доживу ли я до этого? Я так рада, что нашлась девушка, что заставила тебя уйти из Ордена! Как я ей благодарна! Я бы очень хотела увидеть внуков, твоих детей. Мы с отцом выделим приличную сумму для тебя и твоей семьи. Генрих не возражает, — пожилая дама ни за что не хотела расставаться со своим младшим сыном.

— Мама, я не нуждаюсь в деньгах. Моя девушка любит меня не за деньги. Тех средства, что я привез из Палестины и передал отцу на хранение, достаточно на достойную жизнь, пусть и не на роскошную. Кроме того, Орден мне выдаст приличную сумму при уходе. Гохмейстер только попросил держать его в курсе по некоторым вопросам, которые важны для Ордена. Ты знаешь, мой друг граф Девон приглашает меня к себе в Англию. Я получу титул барона, и буду иметь свое поместье с замком. Вскоре я с женой заеду к вам. Знаешь, мама, жизнь мне кажется прекрасной! А насчет внуков? Я постараюсь выполнить твою небольшую просьбу! — под смех отца и брата он закончил свою речь.

Он ехал и улыбался своим приятным воспоминаниям, а верный Лотарь неспешно шествовал по заснеженной дороге.

— Послушай, Георг, — вдруг встрепенулся Ульрих. — А как распорядилась твоя семья теми деньгами, что ты привез из Палестины?

— О, все резко изменилось! Наконец-то я увидел свою любимую мамочку счастливой! Сестру удалось хорошо выдать замуж. На лице у отца исчезло беспокойство. Как все-таки помогли нам деньги и драгоценности бедной красавицы, которую замуровали в стене! Пусть хоть на небе ей бог воздаст за те страшные муки! Как подумаю, ужас охватывает душу!

— Я положил ее прах в ладанку и ношу его, посмотрю на ладанку и возношу молитву за бедную девушку! Ей же было всего шестнадцать лет! — помедлив, сказал Ульрих.

— Ну, что вы все о грустном, господин Ульрих! — вмешался оруженосец Отто, — лучше я расскажу, как я хорошенькую девчонку увел у кузнеца Ганса.

— Ну, ты и смельчак, мы тебе скажем! А что, девчонка так хороша? У нее, что с золотыми бережками, что ты так жизнью рискуешь?— смеялись рыцари.

— Не такая уж и красавица, но, как подумаю, что у самого верзилы Ганса отбил, кажется, будто к черту в пекло залез. Возбуждает здорово! — на губах у озорного оруженосца засверкала распутная улыбка.

Так разговаривая понемногу обо всем, посмеиваясь над немудреными шутками Отто, добрались до Дерпта. Солнце только что успело скрыться за горизонтом, когда они оказались на заснеженном дворе Дерптского комтурства. Друзей радостно встречал Бруно.

— Ну, как, отпускают нас? А к моим заехали?— он по очереди обнял приехавших братьев, затем приветливо поздоровался с оруженосцами. Остальные братья тоже приветствовали возвратившихся рыцарей.

— Все хорошо, просто отлично. Подробности позже. У тебя тоже все нормально. Живут хорошо, рады, что тебя отпустили. Мать твоя просила тебя заехать домой. Я пообещал. Вот и все пока, остальное позже. Ты мне лучше скажи, съездил за Радмилой, выполнил мою просьбу? Где моя девушка?— Ульрих заглянул в огорченные глаза друга.

— Выполнить-то я выполнил, но понимаешь, в чем тут дело...— и Бруно рассказал, что произошло с Радмилой.

Как и обещал Бруно, через два дня после отъезда Ульриха он отправился в путь со своим оруженосцем, и к вечеру был возле Радмилиной избы.

Из-за угла выскочила рыжая собачка, остервенело лая. Отворилась дверь, и из дома вышла совершенно незнакомая Бруно женщина, изможденная и бедно одетая.

— А Радмилу можно позвать?— на ломаном русском языке спросил рыцарь.

— Проходи, батюшка, в избу. Радмилушка просила не впопыхах все рассказать. Посидим, поговорим. Поужинаете с дороги, — пригласила женщина.

Накормив путников похлебкой с мясом, заготовленным Ульрихом для своей возлюбленной, она сказала:

— Уехала наша красунюшка, повезло ей, увез ее молодой красивый боярин! А богатый какой! Дружина вся в хороших кольчугах, а кони под ними — звери, не подходи. А какой стати молодец, прямо Финист Ясно солнышко! Увидел нашу красу, упал в ноги, выходи, мол, за меня замуж, жить без тебя не могу!— льстивая речь легко лилась из уст Марьяны.

— А как же мой друг, она же ему дала обещание, вот и платок подарила на память! Он меня послал ее забрать. Сам не смог за ней приехать, его послали по военным делам! — вскочил огорченный Бруно. — Она же его любила, сама же говорила!

— Любила, а потом разлюбила! Боярин-то сильно ладный и пригожий, увез ее в Псков — сболтнула, не подумав лишнее, селянка. Раньше она планировала не говорить, куда уехала Радмила.

— А как имя боярина?— спросил расстроенный Бруно.

— Не ведаю, батюшка! Радмилушка просила передать, пусть простит, если сможет! Мол, сердцу не прикажешь. И вправду, пусть отыщет себе любушку по себе, со своей земли. А наши девки пусть за своих выходят. Так что, переночуете?— спросила хитрая селянка, рассчитывающая на подарок от молодого боярина Путятина.

— Нет, какая ночевка!— вскочил в сердцах Бруно. Но, посмотрев на усталого оруженосца, согласился скрепя сердце. Рано утром они поехали назад. Бедный Бруно с ужасом думал, что он скажет Ульриху. Зная его много лет, он понимал, что у друга серьезное чувство.

Его друг был потрясен, даже слова не мог вымолвить. После длинной паузы Ульрих сказал:

— Я все-таки не верю! Это на нее не похоже! Ты, наверно, не так понял, или же это какая-то ошибка! Я сам должен с ней поговорить! Едем в Псков, найдем ее! Там все и выяснится!

Русь, город Псков, 1243 год

Солнце только что скрылось за горизонтом, и закат окрасил небо в синеваторозовый цвет, облака же приняли неяснопурпуровую окраску. Справа от наезженной санной дороги светлой полосой змеилась река. Начинался Псков. То там, то тут из сугробов выглядывали деревянные дома, уютно дымили трубы. Далекий смех да поскрипывание снега под копытами коней слегка нарушали тишину. Три всадника медленно ехали по заснеженной улице. Они представляли, по-видимому, интересное зрелище для горожан, особенно для горожанок, поскольку все оглядывались на видных иноземцев. Одетые почти одинаково в черные шапки в виде ступки, отороченные мехом бобра, черные сюрко из плотной шерстяной ткани, по рукавам и вороту также отороченные тем же мехом, мягкие меховые сапожки. Белоснежные плащи с черным крестом, броско диссонируя с черным цветом одежды, подчеркивали ширину плеч. Они ниспадали вниз эффектными складками, покрывая все тело всадника и круп коня. Длинные мечи, закрепленные у широкого кожаного пояса, имели простые, не украшенные самоцветами наручья.

Ульрих залюбовался красотой великолепной зимы. Его Лотарь тоже притих и осторожно ступал по санному следу. Жеребец Георга остановился и стал нюхать белый искристый снег.

— Никак не могу привыкнуть к этой северной зиме! Правда, холодно чертовски, но зато как нарядно! Как будто серебром все засыпало!— Бруно радостно засмеялся.— И воздух такой чистый, хоть и морозный. Ну, брат Ульрих, хватит злиться! Найдем мы твою женщину. Ведь всего три дня ищем. Еще мало кого расспросили!

Неожиданно Ульрих получил сильнейший удар в левое ухо, да так, что и шапка покатила в сугроб. Снег больно залез в ухо и залепил глаза. Пока Ульрих пытался освободить лицо от снега, второй удар пришелся в белую звездочку на лбу Лотаря. Конь взвился на дыбы, и от неожиданности Ульрих чуть не вылетел из седла. Раздался звонкий девичий смех, и Ульрих увидел слева в сугробе нескольких русских девушек, весело кидающих снежки в немецких посланников. У рыцаря в последнее время настроение было не из лучших, он разозлился, но понял комичность своего положения и решил сойти с коня. Не оставалось ничего другого, как тоже отбиваться снежками. Друзья быстро спешили и принялись лепить снежки, готовясь нанести решающий удар.

— Бежим! — закричали девушки и исчезли среди сугробов. Побитые снежками бросились вдогонку. Весело визжащие девушки быстро бежали впереди, но, конечно, куда им было справиться с крепкими молодыми мужчинами! Те неотвратимо их настигали. И тут Ульрих получил возможность рассмотреть лица молодых разбойниц.

«Пресвятая дева, да это же Радмила!»— сердце гулко застучало в груди рыцаря.— «Но как она прекрасно выглядит! Или это другая девушка, и мне уже мерещится? Одета она как богатая русская боярышня»!

И вдруг какой-то противный голосок пробубнил у него в голове:

«Конечно, любовница богатого боярина получит от него подарки, и такую красавицу он хорошо оденет»!

Да, девушка была чудо как хороша! Роскошная соболиная шапочка с богатым жемчужным понизовьем ловко сидела на обвязанной прозрачной кисеей изящной головке. Огромные синие глаза звездами сияли на раскрасневшемся от быстрого бега личике с полуоткрытым маленьким ртом. У рыцаря даже судорога пробежала по телу при воспоминании, как соблазнительно выглядел этот алый ротик, распухший от его страстных поцелуев. Сшитый по фигуре кафтанчик из темно-синего бархата, отороченный по вороту, бортам, низу и рукавам соболиным мехом, выгодно подчеркивал тонкую талию красавицы. Широкая юбка из расшитой золотой нитью парчи указывала на высокое положение девушки. На ногах были узорчатые меховые сапожки. Вдруг они столкнулись взглядами, и по ее потрясенному виду Ульрих понял, что она его узнала. Ее красивое лицо исказилось, словно от боли, и она бросилась бежать еще быстрее.

— Радмила, стой, подожди!— закричал он. Но за большим сугробом, оказывается, стояли низкие боярские сани, запряженные тройкой лошадей с бубенцами. Девушки с визгом повалились на меховую накидку, покрывающую всю поверхность саней. И лихой кучер дернул поводья.

«Это Радмила! Это Радмила»,— билось в мозгу у Ульриха, когда он бежал, пытаясь догнать сани. На скользком снегу пеший рыцарь упал, — погоня была обречена на провал..

— Чья эта боярышня? — спросил предприимчивый Бруно у толпившихся рядом зевак, которые откровенно радовались победе русских девушек над неловкими тевтонами.

— Боярышня Шумилина! — мужичок в зипуне и заячьей шапке сразу догадался, о которой из трех девушек идет разговор.

Крестоносцы быстро вернулись к своим лошадям и вскочили на них. Георг хотел было направить коня в сугроб, но Ульрих указал рукояткой плети на излучину реки. Река, обрамленная заснеженными старыми ивами, поворачивала вправо, но дорога, вьющаяся по крутому берегу среди домов, была, несомненно, длиннее.

— Тебе мало Чудского озера? — со смехом отозвался Георг.

— А, — махнул меховой рукавицей Ульрих, и небольшой отряд поскакал по заснеженному льду.

За излучиной реки пришлось резко натянуть удила. Кони чуть не упали на скользком льду. С криком и гиканьем сотни мужиков, молодых и постарше, молотили друг друга кулаками.

Приглядевшись, можно было определить — бились стенка на стенку. Одна ватага напирала на другую и явно побеждала. Среди дерущихся выделялся один богатырь в расхристанном меховом полушубке. Без шапки, с кудлатой бородой, он махал громадными, словно оглобли, ручищами в меховых рукавицах и налево, и направо. Все, кто попадался под могучие удары, летели в разные стороны. Победа была не за горами. Вдруг сзади к нему подобрался небольшой коренастый мужичонка в овчинном тулупе и треухе и резко ударил сзади чем-то, мелькнувшим в его руке. Богатырь пошатнулся и ткнулся в снег вперед лицом.

— Кистень, кистень! — закричали в толпе, и все, уже без деления на первоначальные отряды, кинулись на нарушителя правил. Мужичонка бежал весьма проворно, но толпа настигала его и слева, и справа. Тогда он повернул в сторону рыцарей вдоль реки.

— Надо отступить, — сказал Георг, — а то достанется и нам.

— Давай влево, к колодцу, нам нельзя вмешиваться, — согласился Ульрих.

Выбравшись на берег, рыцари оглянулись. Ватага драчунов рассеялась по берегу в поисках ловкого мужичка — он прятался где-то среди огромных сугробов и сараев. Богатыря тащили по снегу товарищи, взвалив себе на плечи его тяжелые руки. Он уже начинал приходить в себя и что-то злобно кричал.

Рыцари уже хотели продолжить погоню, но увидели, что они окружены. С десяток мальчишек, вооруженных деревянными мечами и копьями, с победными криками заняли позиции на сугробах и перекрыли все пробитые в снегу тропинки. Они махали мечами и что-то кричали визгливыми голосами.

— Требуют выкуп,— с улыбкой сказал Бруно.

Ульрих раскрыл ладонь, и рыцари положили туда по одной монете. Командир бесстрашных бойцов подбежал к Ульриху, и горсть монет исчезла у него за пазухой.

— Путь свободен! — указал он мечом на освободившуюся тропинку.

Перед рыцарями раскинулся покатый берег городских предместий. Весь берег был покрыт группками веселящихся людей. К реке катилось зажженное колесо, за которым бежали девушки, парни, неслись сани. На горе горело чучело из соломы. Слышались песни, смех, визг девушек.

Кругом стояло веселье. Среди сотен людей трудно было найти беглянок.

— Погоня не удалась,— сказал Ульрих, одевая рукавицы.

— Неплохо было бы к ним присоединиться,— заметил Бруно и добавил, — а девицы были очень хороши!

— Это была она!— воскликнул Ульрих,— Радмила!

Рыцари поскакали к саням у чучела Масленицы. Они выехали на большую покатую поляну, спускающуюся к реке. На западе медленно угасала заря. Посиневший воздух приобрел сонную неподвижность. Природа как бы затихла в преддверии перелома после зимнего солнцестояния. А люди, напротив, веселились изо всех сил. Весь огромный спуск к реке был покрыт группками развлекающихся людей. Слышались песни, звуки бубна, переливы колокольчиков. В этом месте река образовывала большую излучину с расширением, и на льду, поодаль от берега, была сооружена снежная крепость.

— Эгей!— кричали всадники и на неоседланных лошадях, нещадно скользящих по льду, пытались взять крепость. Защитники встречали их градом снежков и кусочков льда, а всадников, приблизившихся вплотную к стенам снежной крепости, пытались скинуть с лошадей с помощью метел. Среди защитников крепости было больше девушек и ребятишек. Они с визгом отражали атаки конных и пеших мальчишек и парней. Один из них, наиболее лихой боец, пробил стену и на полном скаку ввалился в крепость. Вместо того, чтобы остановить его, защитники поддали лошади метелкой под зад, и она бросилась в середину крепости еще быстрее. К удивлению всадника, в середине крепости оказалась прорубь, и он вместе с лошадей, под визг и хохот его противников, ввалился прямо в ледяную воду. Во всеобщей свалке коекак вытянули дружными усилиями ошарашенного всадника и обезумевшую лошадь. Нападавшие с позором отступили.

— Смотри сюда!— дергал за рукав Ульриха Бруно

Слева под засыпанной снегом столетней ивой расположился маленький кукольный театр. Забавные куклы изображали тевтонских рыцарей и князя Александра Невского. В разгар баталии появился комтур тевтонов, и князь мечом зарубил его под улюлюканье зрителей.

— Осталось кинуть куклы в прорубь,— недовольно проговорил Георг,— для полной реалистичности.

Зрители не разделяли его настроения и хохотали до упаду. Завидев настоящих крестоносцев, они жестами приглашали их присоединиться к просмотру спектакля, но тевтоны решили удалиться.

Мимо них пронесся с песнями богато украшенный санный поезд. На первых санях сидела красивая нарядная девушка. Алые щеки ее то ли были натерты свеклой, то ли и вправду она так раздумянулась от мороза и веселья. На голове у нее была высокая, расшитая жемчугом кика. Она была прикрыта тонким полупрозрачным платком, а одета была очень нарядно, как невеста.

— Масленицу везут! Масленицу везут,— кричали ребятишки с сугробов.

— До чего хороши русские девушки,— плотоядно зацокал языком француз.

Вместо ответа Ульрих указал ему рукояткой плетки на дюжих молодцов, сидящих по обе стороны от Масленицы. К санному поезду пристраивались все,

кому не лень. И богатые сани, застланные персидскими коврами, и бедные с цветными лентами и дерюгами.

Вдоль его пути бежали дети, кидали в ездоков снежками, цеплялись за оглобли.

На горе вокруг большого костра взрослые и дети водили хоровод. С песнями девушки и парни кружились у костра, то сжимали круг, приближаясь к костру, то расширяли, отдаляясь от него. Красные сполохи вечернего огня освещали их возбужденные, веселые лица.

Бруно и Георгу тоже передалось всеобщее чувство праздника и веселья, и они уже хотели было присоединиться к хороводу, или ринуться в атаку на снежную крепость.

Ульрих же был расстроен, и немного отъехал от веселых друзей. Вдруг он почувствовал, что сзади кто-то дергает его за край одежды. Все трое обернулись. Дородная краснощекая девушка с блюдом, покрытым расшитым полотенцем, и седобородый дед с бочонком под мышкой и ковшиком в руке окликнули их.

— Угощайтесь, гости дорогие!— торжественно сказал дед, и девушка, сбросив полотенце, протянула полное блюдо румяных блинов.

— Запейте сбитнем медовым,— добавил старик и протянул друзьям по очереди полный ковш вкусного напитка.

Видя, что рыцари чувствуют себя неловко, красавица свернула по нескольку блинов и сунула каждому в руку.

— До чего вкусно,— продолжал восхищаться Бруно.

— Одевай морду козла и оставайся,— оборвал его восхищения Георг и показал на группу ряженных, ведущих еще одного в костюме козы на поводке.

— Мы чего сюда приехали? Развлекаться на праздниках язычников? — поторопил друзей Ульрих. — Поехали, переночуем, а завтра найдем дом этого боярина.

Все-таки день выдался удачным! Нашли все-таки ее! Странно только, что она не захотела даже поговорить со мной. Видимо, права эта Марьяна, нашла

себе другого. Ну, я отобью этому Шумилину охоту чужих невест уводить! На всю жизнь запомнит!

«А может, и не любила вовсе»,— отвечал голос из темных закоулков души.— «Может, ты все это выдумал?»

«Шутки шутками, а надо найти Радмилу»,— лишь одна мысль стучала в голове Ульриха.

Он прислушался к своим чувствам и с удивлением обнаружил, что жаждет встречи с ней больше всего на свете. О чем бы не думал рыцарь, его мысли вновь и вновь возвращались к ней. А после этой неожиданной встречи еще сильнее все всколыхнулось в душе.

Где она? Почему сбежала? Она же меня узнала, могла поговорить, объяснить. Нет, он найдет ее и добьется ответа. Пусть посмотрит прямо ему в лицо и ответит!

Ульрих вспомнил ее прекрасные глаза. Они с такой нежностью смотрели на него, она так жалела его, когда он умирал.

«Она мне дала слово, как она могла разлюбить меня и уйти к другому?»— думал Ульрих.

— Мы искать русский боярынь,— прервал ход его мыслей Бруно, обратившийся к седобородому старцу.

— Она проехала на тройке лошадей,— более уверенно помог ему Ульрих,— средняя белая.

— Туда!— все же пытался показать свое знание русского языка Бруно.

— Их было трое,— уточнил немец.— Мы ищем ту, что в синем наряде.

— Это ж боярышня Шумилина!— воскликнула краснощекая девица с блинами.

— Знать, тевтонец не дурак!— посмотрев на Ульриха, многозначительно протянул дед.— Самую красивую девку Пскова высмотрел!

Девушка уже было открыла свой нетерпеливый рот, но старец жестом ладони остановил ее.

— Но ведай, рыцарь,— с важным видом начал он сам. — Мы, русичи, своих девиц в обиду не дадим! Помни о славных походах князя нашего!

— Как найти ее?— обрадовался Ульрих и постарался придать своему суровому лицу более учтивое выражение. — Очень надо говорить. Прошу вас, отец, скажите, где ее дом.

— Вон, там, за ветлой,— удовлетворенный его вежливостью продолжил старик.— Начинается улица Великая. Пройдешь по ней из Окольного града в Средний. Вон, видишь, за стеной, вдали три маковки Троицкого собора, средняя золотая?

— Вижу,— ответил Ульрих.

— Тебе туда не надо. А по Великой пойдешь — попадешь в Захабье, там погреба. Ну, тюрьма по вашему. Там давеча двадцать немецких купцов сидело.

Рыцари удивленно смотрели на старика.

— Ну, вам туда еще рано,— опять путал старик.

— Да ладно вам, дедушка,— вмешалась девушка,— в среднем граде спросите дом бояр Шумилиных, всяк покажет.

Старик с шутливым осуждением взглянул на свою внучку и добавил:

— Ну, добре, молодцы, чай, найдете без труда.

— А ты, рыжий,— обратился он к Ульриху.— Помни, что сказывал!

Но тройка друзей не отправилась тотчас на подворье Шумилиных. В столь поздний час это было неприлично.

На следующий день, поутру, бодро бежали их кони по подтаявшему от оттепели снегу по улице Великой. Большое подворье бояр Шумилиных состояло из двух господских домов — каменного и деревянного, а также многочисленных домиков служивого люда и хозяйственных построек. Деревянный терем находился в глубине двора. Каменный дом выглядывал белыми стенами из-за высокого забора. Крыша из черных досок была окаймлена резными полотенцами, а наверху задорно выглядывал на зимний Псков разноцветный деревянный петух. Редкие глубокие окна на обширной

оштукатуренной стене были застеклены ромбиками из цветных стекол. Толстые каменные столбы подпирали тяжелую крышу над широким, как бы прилепленным к дому, каменным крыльцом. Тройка всадников въехала в открытые по случаю праздника ворота и остановилась у крыльца. Дворовые люди, остолбеневшие от вида неожиданных гостей, с интересом рассматривали тевтонцев. Их угловатые черные кресты резко диссонировали с округлой русской архитектурой и красочными нарядами русских. Вот на крыльце появился слуга, одетый в красный кафтан, и вопросительно посмотрел на тевтонцев.

— Рыцарь Ульрих фон Эйнштайн,— представился Ульрих — Со своими друзьями. Хотел бы встретиться с боярином Шумилиным!

Долговязый слуга кивнул и исчез на уходящих вверх ступенях. Через мгновение он появился вновь и, старательно изображая улыбку, пригласил:

— Прошу заходить!

При этом он неуклюже изобразил поклон, чуть не упав с каменных ступеней.

Рыцари спешили и вошли в покои. Под белыми сводами каменного потолка с большого резного стула с высокой спинкой им навстречу поднялся молодой статный русич и приветливо улыбнулся,

— Рады гостям,— произнес он.

Страшная ревность потрясла рыцаря, даже сердце защемило.

Да, он хорош... и дом у него богатый. Боярин — это барон. Теперь ясно, почему она меня бросила.

Тевтоны представились, и Ульрих объяснил Добровиту Славутичу, что он ищет боярышню Радмилу Шумилину.

Брови боярина поднялись от удивления.

— Должен объяснить,— подбирал слова немец,— Радмила спасла мне жизнь. Я хотел бы благодарить ее.

— Сестра мне ничего такого не сказывала, — еще больше удивился Добровит. Ульрих развел руками

— Так она ваша сестра? — от радости сердце чуть не вырвалось из груди у бедного влюбленного.

— Да, нас разлучили враги, но я ее отыскал!

Посмотрев на напряженное лицо немца, он все же сжалился:

— Эй, Голован, — из-за двери выглянул знакомый слуга в красном кафтане, — кликни Радмилку.

Дворовый исчез, но через минуту появился вновь:

— Не желают боярышня никого видеть.

Ульрих побледнел и опустил глаза вниз. Бруно и Георг переглянулись и застыли, не зная, что делать дальше. Видя замешательство тевтонцев, Добровит прервал возникшую паузу:

— Ладно, дорогие гости, сам пойду, позову сестру.

— Как же она издевается надо мной, — горестно думал Ульрих и почувствовал тяжелую руку на своем плече.

— Все равно ты должен поговорить с ней, — сказал Георг, — пусть даже в последний раз.

Добровит вернулся, его открытое лицо выражало растерянность.

— Никогда не видел ее такой! — проговорил он, — может, обидел ты ее чем?

— Ульрих фон Эйнштайн благородный рыцарь, — вступил в разговор Бруно. — И он никогда не обидит даму!

Ульрих печально посмотрел в голубые глаза Добровита, и русич смягчился.

— Посидите, гости дорогие, — показал он рукой на широкие лавы. — Квасу-меду отведайте. Пирогов попробуйте. Может, девица одумается? Не могу я ее принуждать, больно долго в разлуке были.

— С вашего позволения, мы поедем, — отказался от угощения Ульрих, и, откланявшись, рыцари покинули покои.

Громко стуча каблуками о каменные ступени, тевтонцы сбежали по лестнице. Погруженный в свои невеселые мысли, Ульрих и не заметил, как столкнулся плечом с поднимавшимся по ступеням нарядным Юрием Всеволодовичем Путятиным. Они оба одновременно повернулись и вплотную взглянули друг другу прямо в глаза. Ульрих мгновенно узнал своего соперника и железной рукой схватил его за роскошную меховую свиту. Юрий отшатнулся в удивлении, но рыцарь притянул его к себе и сквозь зубы произнес:

— Говорил же, не ходи за моей девушкой! А ты опять за Радмилу взялся?

С этими словами немец так рванул боярскую свиту, что и пуговицы серебряные зазвенели по крыльцу, и боярин полетел с крыльца в утоптаный грязный снег. Ульрих бросился было вслед за упавшим соперником, но подоспевшие вовремя друзья схватили его за руки.

— Ульрих, не надо,— говорил Георг.— Здесь все-таки Русь. Мы должны быть благоразумны.

— Совсем одурел ты с этой Радмилой, — отряхиваясь от снега, возмущался Юрий — Не желает она пока замуж выходить! От ворот поворот мне! И княжичу тоже отказала! Задается сильно девка красотой своей!

Ульрих силился понять смысл русских выражений. Через минуту он улыбнулся.

— Чего лыбишься, белобрысый? — в запале кричал Юрий, счищая грязь с колен.— Тебя, я вижу, тоже развернули! А я своего добыю! Уговорю все-таки девку за меня выйти! Хоть год буду сватов посылать, а уговорю!

Рыцари оседлали своих коней и тронулись со двора. Завтра нужно было срочно возвращаться в Орден

Похищение

По возвращению из Пскова Ульрих не находил себе места. Жуткие картины стояли у него перед глазами. Вот она кокетливо улыбается и подставляет свой очаровательный пухлый ротик, который так восхищал рыцаря своей свежестью и красотой, молодому черноглазому боярину, вот он снимает с нее одежду и... нет! Это уже не боярин, а сам княжич, роскошно одетый в дорогой русский кафтан, отделанный соболиным мехом. И шапка у него тоже оотменная. Из драгоценных сибирских соболей. Только сам-то он жидковат, одного удара в наглое лицо хватило бы, чтобы сбить с него спесь. Эх, если бы русские устраивали турниры! Ульрих обязательно вызвал бы этого наглеца на поединок. Интересно, как бы понравился он своей даме, когда от удара его копыя вылетел бы из седла! Рыцарь представил, как ненавистный соперник, мощным ударом выбитый из седла, несколько раз переворачивается на земле, каждый раз загребая ладонями полные пригоршни песка. И удовлетворенно засмеялся.

— Ты чего? — с удивлением посмотрел на друга Бруно. Настроение Ульриха вызывало в последнее время у них беспокойство. То молчит как сын, ходит с угрюмым лицом, на обращения отвечает сухо и резко, то вот хохочет без всякой причины.

Это красивая русская ведьма свела его с ума!

Георг и Бруно затащили его на пирушку, которая проводилась в тайне от комтура у одного знакомого купца. Были приглашены доступные женщины. Ульрих вроде бы согласился, даже повеселел. После того, как он уединился с одной довольно симпатичной эстонкой, весь вечер просидевшей у него на коленях, на него было страшно смотреть. Побыл пару минут и ушел, громко хлопнув дверью.

— Что там у вас произошло? — шепотом спросил Бруно у знакомой ему женщины.

— Бруно, ты меня знаешь, я не уродина, и не лентяйка в своем ремесле, — тут она кокетливо подмигнула крестоносцу, — но у твоего друга, наверно, проблемы по мужской части после ледяной воды этого озера, где вы дрались с русскими, как там оно называется, Чудское, что ли?

— Все, хватит, рассказывай, что с тобой?— друзья подхватили Ульриха под руки и силой усадили на кресло. Сами уселись рядом.

— Не знаю, что и сказать, не могу я без нее. Наверно, чары наложила, ни с одной женщиной больше не получается. Как узнал о том, что этот русский боярин ее увез, сразу пошел к одной хорошенькой вдовушке, как там русские говорят, клин клином вышибают, и... — обхватив голову руками, он замолчал.

— Ну?— осторожным шепотом спросил Бруно.

— А ничего, ровным счетом ничего. Вроде все нормально шло, ну как положено: и целовались, и всякие там нежные объятия, все, как учил старый Хариш. А как до основного дошло, у меня ничего не вышло. Я теперь эту вдову обхожу, как увижу, за версту. Ну, думаю, дела. Но не испугался. Думал, случайность. Но эта случайность теперь каждый раз... а как увидел ее в Пскове, теперь и по ночам плохо сплю, а главное, как представляю ее, такое бешеное желание! Не знаю, что и делать теперь. Явно заколдовала!

— А зачем это ей, если за ней княжеский сын волочится? Он-то побогаче тебя будет, да и так женихов у нее очень много. И редкая красавица, и брат богатый,— резонно заметил Георг.

— Все, спасибо, успокоили!— расвирепел после этого справедливого замечания Ульрих.

— Да ты не кипятись! — примирительно сказал Бруно, — вот что я тебе скажу. Запомнились мне слова одного сарацина, да будут всегда гурии вокруг него.— «Когда я спросил отца — почему у меня нет ничего? Отец ответил: сын, я дал тебе меч, иди и возьми себе сам, что тебе нужно!»! Тебе нужна эта девушка, так пойдди и возьми ее.

— Жениться на ней, после того как она меня бросила? — вспыхнул Ульрих.

— Не хочешь жениться, не надо, сделай ее своей наложницей, пока страсть не пройдет, только пожалей нас, тех, кто тебя любит. Потом еще и смеяться будешь над собой.— Бруно протянул руку.

Ульрих положил свою руку на его протянутую ладонь и посмотрел в его верные глаза.

— Я пойду с тобой, Ульрих,— сказал Бруно.

— А меня вы не забыли пригласить?— обиженно спросил Георг.

— Но успех любого дела зависит от составления разумного плана и тщательной подготовки, — оживленный Ульрих сразу же стал тщательно продумывать предстоящую операцию.

— Да, хороший немецкий план нам не помешает! — франк весело похлопал по плечу приободрившегося влюбленного. После длительного обдумывания, споров и советов план принял вот такой вид. Во-первых, надо договориться с комтуром, не говоря ему об истинной цели, о поездке в Псков. Во-вторых, боярин Шумилин, брат будущей пленницы, очень часто вместе с дружиной ездит к своему сеньору, князю Александру Ярославовичу. Так что надо получить сведения о том, когда намечается эта поездка. Осведомителей в Пскове у Ордена было сколько угодно, так что в этом не было проблемы. Продуман был также план действий и на боярском подворье. Эта часть плана тоже не вызвала затруднений, поскольку крестоносцы были в гостях у боярина Шумилина и хорошо рассмотрели расположение всех построек. Дома, где жили дворовые мужики, а именно: сокольничие, псари, конюхи — те, которые могут помешать осуществлению плана — находились далеко от боярского терема. В тереме было больше прислуги женского рода — сенные девушки, служанки, поварихи. Приготовлена была также крытая повозка на санях, внутри обтянутая медвежьим мехом и отапливаемая маленькой печуркой.

Не прошло и недели, как трое заговорщиков вместе со своими верными оруженосцами находились на посольском дворе, в Пскове.

Дождавшись, когда все лягут спать, друзья стали собираться. По обоюдному согласию решили, что броская одежда тевтонских рыцарей будет излишней в предполагаемом мероприятии. Надели простую темную одежду, взяли по кинжалу и длинному мечу. Тайно выскользнув из ворот посольского двора, пятеро всадников поскакали в темную морозную ночь. Шестой, оруженосец Отто, сидел, закутавшись в огромный русский тулуп, на облучке крытых саней.

Повозку и лошадей оставили поблизости от боярского подворья, в ельнике, а сами потихоньку прокрались вдоль высокой стены из частокола.

Они старались двигаться бесшумно, но промерзший снег предательски хрустел. Георг показал рукой вперед. Благодаря высокому сугробу стена в этом месте была не так высока. Друзья двинулись к этому удобному месту. Ветра сбили на сугробе плотный наст, и рыцари, не проваливаясь, подобрались к стене. Ульрих достал испытанную еще в Палестине веревку с крюком на конце и набросил его на острые концы бревен. Крюк надежно впился в высохшее дерево. Попробовав натянутую веревку, Ульрих убедился, что путь в подворье Шумилиных проложен. Ловко перебирая руками, Ульрих быстро перекинул свое сильное тело на ту сторону ограды. Перед ним стояла задача отыскать свою возлюбленную и вынести ее к дверям, на красное крыльцо. А Бруно и Георг должны были заняться сторожем. Когда же Ульрих зажжет сигнальный фонарик в комнате девушки, ворота следовало быстро распахнуть, и на лошадях подъехать к крыльцу.

Сторож сделал небольшой обход вдоль ограды, но поленился идти дальше, чем, впрочем, и спас свою жизнь. Он убедился, что покой во дворе не нарушен, и через некоторое время занял позицию вблизи центральных ворот в теплой маленькой сторожке.

Ульрих замер в тени частокола, изучая путь к заветной цели. Невдалеке от того места, где он перелез через ограду, стоял высокий нарядный терем. На массивной деревянной подклети расположились три яруса здания с замысловатыми башенками и богато украшенными окошками. К основной постройке примыкали более низкие, двухъярусные и одноярусные. Разнообразной формы крыши были увенчаны башенками и резными петухами. Вход в терем был крытый и располагался на толстых резных столбах. К нему вела также крытая, длинная лестница, украшенная ажурной резьбой; внизу она тоже начиналась богатой беседкой.

Почти все окна терема были темны. Лишь на нижнем ярусе светились три маленьких окошка, да внизу в подклети одно.

Это хорошо, почти все спят. Те три окошка не в счет.

Он хорошо знал, где находятся комнаты Радмилы, осведомитель добросовестно нарисовал примитивный, но вполне понятный план шумилинского терема. Он даже указал на чертеже окна светлицы и спальни боярышни.

Громко скрипнула дубовая ступенька на лестнице под тяжелой ногой Ульриха, и собака с лаем бросилась в его сторону. Ульрих торопливо достал заранее припасенный кусок мяса и бросил далеко в угол двора. Собака взвизгнула и бросилась за куском. Дверь в нижней части терема приоткрылась. Ночной двор прорезал луч света из подклети. Ульрих замер.

— Пошто лаешь, Белян?— раздался из двери хриплый мужской голос.

Белян не отвечал, лишь повизгивал в углу двора, жадно глотая мясо.

— Видать, на кота,— заключил голос, и дверь, скрипнув, затворилась.

А Ульрих тем временем уже карабкался по крутой крыше над крыльцом. Ноги соскальзывали с обледенелых деревянных черепиц, и приходилось продвигаться по коньку.

«Только бы бревна сруба не были скользкими»,— думал Ульрих, продвигаясь к стене терема. Бревна оказались сухими, и после обледенелого конька на ощупь казались даже теплыми. Крестоносец ловко взобрался по углу сруба и замер, затем заглянул в крайнее окошко. Там было немного светло от дров, горящих в огромной, украшенной нарядными изразцами печи.

«Успех атаки обеспечивает мгновенный и решительный натиск. Не думайте, атакуя — думать будете после победы!» — вспомнил слова комтура рыцарь.

Ульрих осторожно вставил тонкое лезвие дамасского кинжала в узкую щель оконной рамы и резко отворил окно. Дальнейшие передвижения уложились в одно мгновение: крепко ухватившись левой рукой за какое-то украшение над окном, Ульрих перекинул ноги через подоконник и оказался в девичьей спальне.

Было сложно в темноте что-либо рассмотреть, но тут взошла луна и осветила неярким светом всю небольшую комнату. Своды потолка был разрисованы золотом. На них было изображено ночное небо с россыпью крупных и мелких звезд. Двурогий месяц сиял прямо над девичьей кроватью. Возле оштукатуренных и выбеленных стен стояли богато разукрашенные сундуки. В промежутке между окнами, в резные рамы которых были вставлены разноцветные стекла, стоял небольшой туалетный столик, заставленный различными баночками, флакончиками, гребешками и прочими женскими безделушками. Пол в комнате был сделан из широких деревянных

плах, плотно сбитых и хорошо отполированных. Выложенная изразцами печь завершала убранство спальни.

Всю неделю после встречи с Ульрихом Радмила плохо спала. Вконец измученная бессонницей, она приготовила себе снотворное из запасов старой ведуньи. И уснула мертвецким сном. Радмила видела чудесный сон, где все было хорошо и прекрасно. Был теплый летний вечер, они с Ульрихом сидели на берегу реки Желчи, и он перебирал ее волосы, говорил нежные слова о том, как она красива, и как он любит ее. Она чувствовала его теплое дыхание на своем лице, ей хотелось, чтобы его жаркие губы прикоснулись к ее жаждущему рту, ей хотелось еще более смелых прикосновений. В этом чудесном сне все было ясно и просто, не было его жестокого обмана, не было такой длинной разлуки. Была только чистая, незамутненная любовь.

— Радмила, Радмила,— услышала она его голос, и кто-то стал ее бесцеремонно расталкивать

«Почему он меня так грубо трясет»?— думала девушка. И не просыпалась.

Потеряв терпение, Ульрих сорвал одеяло, чтобы, наконец, она проснулась. Пресвятая Дева, лучше бы он этого не делал! Картина, которая открылась перед ним, потрясла всю его исстрадавшуюся душу. Молодая женщина спала обнаженной, и все его ночные грезы оказались перед ним наяву. Нежный запах юного тела разжигал желание, роскошная грудь с затвердевшими от прохлады розовыми сосками манила к поцелуям, маленькая раковина на впалом животе навевала воспоминания о былых ласках. Не выдержав, он присел на кровать и стал осыпать поцелуями бархатистый живот. Грудь просто разрывалась от гулких ударов сердца. Во рту внезапно стало сухо, по телу пробежали мелкие судороги. Ульрих опустил руку — фаллос был тверже камня! Не мудрено, за полгода воздержания! Неистовое вожделение скрутило его, отменяя все разумные доводы.

«Это не займет много времени, а ты убедишься, что у тебя нет проблем», — шептал кто-то у него в голове.

«Так можно погубить все дело!»— сурово выговаривал он этому второму Ульриху, — «займешься этим, когда будем в безопасности. Она может

закричать, поднимется шум, нужно будет защищаться, погибнет несколько человек из ее дворовых, разразится скандал, и в конечном итоге все это дойдет до Гохмейстера».

Но жадная рука сама по себе поползла по бедру и оказалась между стройных ножек — пальцы ощутили любовную влагу в желанной ложбинке. И, окончательно потеряв здравый смысл, он стал поглаживать чувствительный бугорок внутри влажного лона.

Невзирая на все эти действия, Радмила упорно желала досмотреть восхитительный сон. Ее молодое тело радостно отозвалось на смелые ласки, она раздвинула пошире ноги и томно застонала. Этот сладострастный стон победил все сомнения. Ульрих сбросил подбитый мехом кафтан, сапоги и стал лихорадочно развязывать штаны, выпуская на волю восставший фаллос. Разгоряченная Радмила недовольно простонала, когда он отодвинулся, чтобы раздеться.

— Я сейчас,— лихорадочно шептал рыцарь и, уже не контролируя свое вожделение, приподнял ее ягодицы и одним толчком ворвался во влажную глубину.

Это резкое вторжение разбудило молодую женщину, огромные глаза распахнулись, и мужчина понял, что сейчас раздастся вопль. Он мгновенно накрыл поцелуем раскрывшийся от удивления рот, и стал двигаться, вонзаясь в Радмилу в страстном, настойчивом ритме. Его фаллос, оказавшийся внутри желанного тела, был твердым как сталь и неумолимо стремился к высшему наслаждению.

«А как там она, не отстает от меня? Надо, чтобы сегодня она получила удовольствие, легче будет договориться»,— мелькнула мысль. Но было видно, что и она безмерно наслаждается любовным сражением.

Разбуженная таким оригинальным способом, Радмила моментально узнала дерзкого любовника. Это был Ульрих, но не во сне, а наяву. Сразу вспомнилась злая обида, нанесенная им, и в первое мгновение она попыталась крикнуть, позвать слуг. Но он крепко запечатал рот таким жестоким поцелуем, что не было возможности не то, чтобы крикнуть, а даже дышать было трудно! Горячий язык моментально заполнил весь рот, ласкал, дразнил, искушал. А предательское тело просто извивалось от восторга, ощутив внутри себя долгожданного гостя. Эта великолепное ощущение наполненности

принесло огромное удовлетворение. И хотя мощные толчки вначале причиняли легкую боль ее узкому лону, сладостное наслаждение перекрывало ее с лихвой. Уже ни о чем не думая, она обхватила жесткие бедра своими ногами и стала помогать его резким толчкам.

Сильная рука больно мяла грудь, но она совершенно не замечала боли, тело горело в предвкушении удовольствия, ожидающего впереди. Ульрих ускорил свои движения, и вскоре оба оказались в волшебном царстве восхитительного экстаза. Мужчина поцелуем приглушил вопль, едва не вырвавшийся изо рта изнемогающей от наслаждения Радмилы. Его освобождение было просто потрясающим по силе и блаженству.

— Слава богу, со мной все в порядке — подумал восхищенный Ульрих, когда сердце немного успокоилось. Удовольствие от столь прекрасной близости и мысль о том, что с его мужской силой все хорошо, привели его в полный восторг. Освободив ее рот и отдышавшись, Ульрих, повернул молодую женщину к себе лицом и прошептал ей:

— А наши роскошные грудки сегодня не получили своей доли удовольствия! — и стал легонько прикусывать розовые кончики белоснежных холмиков.

Молодая женщина, едва начавшая выходить из любовного угара и вознамерившаяся серьезно поговорить с нахальным соблазнителем, опять впала в сладкую истому. Он ласкал языком упругую плоть, она извивалась под ним, постанывая и проталкивая грудь еще глубже ему в рот, пока он не начал сосать ее.

«Какой же он чудесный любовник, — восхищалось ее разгоряченное тело, беспокоящееся только о своих потребностях! Кончилось это тем, что он подхватил ее ноги, закинул себе на плечи, и снова твердый фаллос оказался глубоко внутри ее тела, и снова блаженство заполонило ее.

«Бессовестный искуситель», — запоздало думала Радмила. Ее безвольно раскинутые руки показывали, что она полностью подчинилась смелому победителю. Наконец сильнейший экстаз снова потряс их разгоряченные, вспотевшие тела.

— Нам надо кое-что обсудить, — отдохнув, Ульрих обнял Радмилу и, дыша ей в затылок, сказал, — я хочу, чтобы ты со мной сейчас уехала в Дерпт.

— Куда?— встрепенулась девушка.

— Ведь мы с тобой еще раньше все обговорили! Я хочу тебя, можно сказать, что с ума схожу от желания! Ты, наверно, наложила какое-то заклятие, что все время только о тебе и думаю! Полгода я не был ни с одной женщиной, и не потому, что не хотел. Ты заколдовала мой меч, и он жаждет только тебя,— он стал целовать ее в нежный изгиб шеи.

— Перестань меня соблазнять, Ульрих! Я не колдовала, и ни в чем перед тобой не виновата! Разве только в том, что дважды спасла тебя от смерти! Почему ты не женишься на своей высокородной немецкой невесте и не оставишь меня в покое?— возмутилась Радмила.

— Я люблю тебя и хочу, чтобы ты была со мной! Ты вроде тоже не против нашей любви, — и он тоненько передразнил, — ах, как хорошо, Ульрих, скорее, Ульрих!

— Ты путаешь похоть с любовью! Сам совратил меня, а сейчас насмехаешься!— слезы покатались из ее прелестных глаз. — Я не собираюсь никуда с тобой ехать, мне и у брата хорошо живется! У меня нет проблем с женихами, но замуж не хочу.... я всем им отказала, даже княжичу!

— Просто ты боишься, что после свадьбы муж сразу же поймет, что ты не девственна..... потому и отказываешь всем женихам!— взбешенный упоминанием блистательного соперника, рыцарь уже не разбирал, что и несет.

— Тебя это не должно заботить! Я не стану твоей наложницей, пусть твои немки тебя развлекают! Немедленно уходи, пока дворовых не позвала! Стоит только мне закричать...— широкая ладонь надежно запечатала ей ротик.

— И что будет? Разве что на твоей совести появится смерть нескольких человек, твоих слуг? Нас тут около десяти человек, твоим защитникам не выстоять против опытных воинов. Погубишь их, да и только! Так что одевайся, и побыстрее! — он протянул ей ночную рубашку, которая лежала на кресле, возле кровати.

— Нет, ни за что! — рассерженная красавица соскочила с кровати, чтобы позвать слуг, но рыцарь быстро поймал ее и ловко всунул в маленький рот кляп, скрученный из куска тонкого льняного полотна.

— Похоже, дальнейшие переговоры не имеют смысла,— подытожил Ульрих и быстро закатал ее в шерстяное одеяло.

Не обращая внимания на отчаянные попытки своей коварной возлюбленной освободиться, перебросил легкое тело через плечо и двинулся к выходу, предварительно трижды мигнув слюдяным фонариком. Уже не скрываясь, сильным ударом ноги рыцарь распахнул дверь и побежал вниз по дубовым ступеням.

В темных сенях он заблудился и ввалился с бьющимся свертком на плече в людскую. Громадный бородатый мужик с ложкой щей в руке просто остолбенел при виде Ульриха и глуповато-удивленно разинул рот; а толстая женщина в широком красном сарафане истошно завопила. Похититель проворно выскочил обратно в сени и толкнул уже нужную дверь. Свежесть морозной ночи ударила в разгоряченное лицо. Ульрих быстро сбежал по ступеням. Бруно и Георг уже открывали ворота

—Тать! Тать! Боярышню украли! — истерично вопила выскочившая на крыльцо расхристанная толстуха.

Где-то в глубине двора послышался звук резко открываемых запоров, и к парадному крыльцу, не разбирая дороги, помчались по снегу несколько полураздетых мужиков в нательных рубахах. Кто держал в руках вилы, а кто размахивал топором. Рыцари, открыв ворота, отвязывали лошадей, которые дожидались своих хозяев возле ограды.

Ульрих передал сверток с девушкой подбежавшему раньше других оруженосцу Бруно, выхватил меч и, повернувшись, приготовился к обороне. Подбежавшие мужики увидели рослого воина с длинным мечом и остановились в нерешительности. Вдруг из темноты вылетел еще один смельчак. Он размахивал тяжелой цепью. Цепь была длинной, и нападающий, желая использовать это преимущество, замахнулся издалека. Оробевшие дворовые воспрянули духом и, подняв свое незамысловатое оружие, уже приготовились броситься в атаку. Ульрих выбросил вверх правую руку в меховой рукавице навстречу летевшей на него цепи, и цепь со звоном намоталась на нее. В следующее мгновение он с силой рванул цепь на себя, и здоровенный детина со всего размаха шмякнулся мордой в снег. Правда, бросив цепь, он живо вскочил. Самый смелый из дворни все же бросился на рыцаря с вилами наперевес. Но быстрый удар меча перерубил древко, и весь

гурт с ревом повернул вспять. Напоследок Ульрих больно ударил мечом плашмя по заднице мужика, нападавшего с цепью. Тот снова кубарем покатился в снег.

Радмила ничего не видела. Только слышала крики дворни, звон металла, ей было больно на твердом мужском плече. Потом чьи-то сильные руки подхватили ее и уложили на теплую спину лошади, сзади кто-то вскочил и тронул коня. Она слышала довольный смех Ульриха, храп лошадей, скрип снега и насмешливое немецкое улюлюканье.

Добраться до крытого возка было делом нескольких минут. Рыцарь осторожно снял с Лотаря сверток с пленницей и перенес в повозку.

Начиналась метель, и нужно было быстрее отправляться в дорогу. Хорошо, что до датского постоялого двора было часов шесть езды. Но мороз был не сильным, так что эта поездка не обещала каких-то особенных потрясений.

— Георг, привяжи поводья Лотаря к своему седлу, я поеду в повозке!— Ульрих, согнувшись, забрался в уютный домик на санях. Там было тепло и темно. Этот возок был предназначен для зимних поездок знатных женщин и детей, и был снабжен маленькой печуркой, которую нужно было топить заранее припасенными сухими поленцами, чем оруженосец Отто и занимался, дожидаясь возвращения рыцарей.

Подождав, когда глаза привыкнут к темноте, он посмотрел на пленницу. Но темнота мешала рассмотреть выражение ее лица. Тогда он зажег слюдяной фонарь. Она сидела, завернувшись в одеяло с отрешенным взглядом, лишь ее искривленный в недовольной гримасе, распухший от его жарких поцелуев рот выдавал возмущение красавицы.

— Тебе надо одеться, я купил в Дерпте подходящую одежду, — он протянул ей сверток.

— Для кого подходящую? Для твоей наложницы? Тогда я одета надлежащим образом!— зло сказала девушка.

— Послушай, женщина! Ты должна уяснить, что твоя жизнь сильно переменилась, и если я захочу, чтобы ты ходила голышом, можешь не беспокоиться, я сам сдеру с тебя все тряпки! А пока вот возьми и надень эти вещи, а не то сильно пожалеешь! И перемени тон! Я видел дураков, которые за

один ласковый взгляд своей наложницы готовы ей пятки целовать, так вот уясни — со мной такое не пройдет!

Радмила была потрясена. Хорошо знакомый ей ласковый Ульрих превратился в холодного надменного крестоносца, каким он ей казался в первые дни их знакомства. Поразмыслив, она решила пока подчиниться. Как и всякой женщине, Радмиле было интересно, что за одежду он ей купил. В свертке была хорошенькая нижняя рубашка из тонкого, расшитого мелкими цветочками полотна — «камиза», как пояснил Ульрих. Поверх нижней рубашки нужно будет надеть «коттэ», верхнее платье из синей шерстяной ткани, украшенное вышивкой и мехом, с длинными узкими рукавами. Его полагалось стягивать на талии шнурками. Впереди был вырез, чтобы можно было показать красоту вышивки нижней рубашки. Вместе с этими вещами в свертке находились длинные чулки выше колена и льняные штанишки, к завязкам которых и подвязывались чулки. Кожаные полусапожки, опушенные мехом, меховая круглая шапочка и плащ с капюшоном, подбитый теплым лисьим мехом завершали наряд. По красоте вышивки и качеству материала было видно, что это одежда богатой горожанки. Значит, Ульрих не пожалел денег, чтобы хорошо нарядить свою пленницу. В душе молодой женщины шевельнулась некоторая признательность.

— Я понимаю, что ты привыкла к собственной одежде, но среди людей, одетых иначе, тебе будет некомфортно, — сказал рыцарь.

— Отвернись! — попросила она.

— А чего тебе стесняться, ведь я видел все твои прелести! Ты давай, одевайся, а я полюбуюсь! — мужчина поудобнее устроился и приготовился к приятному зрелищу. Рассудительная Радмила решила не выказывать обиду на столь бесцеремонное обращение. Она решительно сбросила одеяло и стащила ночную рубашку, в которой унес ее похититель. Странно, но она не почему-то не злилась на него, гораздо глубже уязвило его шестимесячное отсутствие. К тому же, она даже себе не хотела в этом признаваться, он разбудил в ней жажду любви. Все эти долгие месяцы девушка скучала по его сладким поцелуям, и, как не стыдно было признаться, не только по ним. Ульрих разбудил в ней дремлющее женское начало, и, пробудившись, оно не желало молчать. Но почему же Радмила была так холодна ко всем своим поклонникам? Получается, именно в его объятьях она нуждалась, только его поцелуи доставляли ей огромное наслаждение.

«Значит, я его люблю»?— подумала девушка и ужаснулась, ведь в его поведении была только похоть и уязвленная гордость! — «Ну, ничего, у меня есть брат! Он меня обязательно отыщет и заберет домой. Но Ульрих не может со мной плохо поступить, ведь я его вылечила, он мой должник»!

«Не ты, а дедушка Земибор»!— сообщила Радмиле ее совесть.

Глубоко погруженная в такие грустные мысли, она и не обращала внимания на своего захватчика, который во все глаза рассматривал обнаженное девичье тело.

Одеваться было неудобно из-за того, что повозка ехала по неровной дороге, и все время наклонялась, — было очень трудно попасть ногой в чулок. Она склонилась к полу, пытаясь расправить его на ступне, и перед взором Ульриха предстал очаровательный круглый задик. Это было невозможно вынести нормальному мужику и он, обхватив ее за узкую талию, посадил обнаженную, в одних только чулках молодую женщину к себе на колени. Расстроенная Радмила не готова была к таким его действиям и, взвизгнув, стала отбиваться, чем еще больше распалила мужчину. Он бросил ее на живот поперек сидения и быстро, без всяких ласк и поцелуев, вошел в извивающееся тело. Сильная рука грубо, больно тискала грудь, толчки его фаллоса не вызывали никаких ощущений, кроме боли, правда, не очень сильной. Разум убеждал ее смириться, принять его, тогда она, по крайней мере, не почувствует еще большей боли. Слезы сами по себе потекли из глаз, она терпела и ждала, когда же все закончится. А он откровенно наслаждался, его рывки стали резкими и частыми. Наконец он притянул ее к себе поближе, глубоко вошел в нее, причиняя боль, и хрипло зарычал, излившись.

Молодая женщина не могла понять причины превращения ласкового любовника в грубого насильника. Она свернулась в клубочек на меховом сидении и молча плакала, глотая слезы.

Не выносящий женских слез Ульрих процедил:

— Я вижу, тебе нравится меня соблазнять своим красивым телом.

— Я тебя не соблазняла... — тихонько прошептала она.

— Не хотела соблазнять, а соблазнила, выставив мне перед глазами свою очаровательную попку. Хватит реветь, давай помогу одеться! — и ловко, — оказывается, у него большой опыт, — натянул на нее незнакомую одежду

Потом они молча сидели и смотрели в окошко. Их уютный домик на санях быстро летел по заснеженной дороге. Его друзья не имели возможности согреться и хотели поскорее добраться до ближайшего постоянного двора. Все верховые устали, замерзли и были очень голодны. Но еще не менее двух часов всадникам нужно было оставаться в седле.

«Нет, тут что-то не то! Он почему-то очень зол на меня, хотя это я должна обижаться!» — она посмотрела на суровое лицо с крепко сжатыми губами и вспоминала то весеннее утро, когда зашла в сарай и увидела, как он пьет воду из кадки; вспомнила, как была потрясена его упорством и силой воли.

«Нет, мириться придется мне», — грустно подвела она итог своим размышлениям и стала придумывать, с чего бы начать разговор. Упреки только ухудшили бы и без того сложную обстановку. И наступив себе на гордость, она обняла его за крепкую шею и прильнула к груди.

— Я не могу понять, почему ты так сердишься? — девушка прижалась своим хорошеньким ротикам к его губам и стала неумело целовать. Рыцарь обхватил изящное личико большими ладонями и возвратил поцелуй. Правда, это был совершенно другой поцелуй — глубокий и жгучий. Он просунул свой жаркий язык в девичий рот, поцелуй был такой силы, что молодая женщина ощутила его страстное, болезненное влечение к ней.

— Я не сержусь, я ужасно злюсь на тебя! — он впился болезненным поцелуем в ее нежную шею.

— За что, мой милый? — она терпела эти жестокие поцелуи. — Чем же я тебя так обидела?

— И ты еще спрашиваешь? Пресвятая Дева, вот уж поистине у женщин нет чести! Ты помнишь наш разговор перед моим отъездом? Для меня все обеты, которые я дал, были очень серьезными. И я сдержал их! А ты? Ты ничем не лучше моей первой невесты Хильдегард, она тоже променяла любовь на титул и деньги. Возвращаясь с Монфора, я заехал домой. Ее мужа, моего старшего брата, Генриха фон Эйнштайна не было в замке, так эта дрянь забралась ночью ко мне в постель! Не знаю, как удержался, чтобы не вытрясти из нее душу, удовольствовался пощечиной! Так спешил сюда, в эту холодную Ливонию, думал, впервые за семь лет меня ждут и любят! Приезжаю — Бруно прячет глаза, мол, не знаю, как и сказать, уехала твоя невеста с боярином! А мы с братьями уже и разрешение покинуть орден получили, Гарет нас

приглашает к себе в графство. И все зря! Не было смысла менять орден, мой дом, где у меня есть и заслуги, и уважение, на тающую, как снег под лучами весеннего солнца женскую любовь!— гневная гримаса скривила его лицо.

— Ты ошибаешься! Все было не так! Это ты отказался от меня ради богатой немецкой невесты!— волнуясь, проговорила Радмила.— Я думала, мое сердце разорвется! И она рассказала все, что произошло с ней после его отъезда.

Убийство

Русь, Псковское княжество, 1242 год

Прошло четыре дня после отъезда рыцарей. Радмила оказалась как будто в пустоте. Ведь жила же одна целый год, а сейчас затосковала. И желание вновь ощутить его страстные поцелуи не давало покоя.

«Но ведь осталось всего несколько дней — и он приедет за мной!»! — она так была уверена в этом, что нисколько не удивилась, когда гостившая у нее Ульяна закричала, выглянув в распахнутое окошко:

— Радмила, сюда кто-то едет!

Сердце сильно застучало, дыхание остановилось, даже воздуха не хватало. Она выбежала на улицу встречать любимого. Но во двор въехало несколько вооруженных незнакомых ей мужчин. Хотя они были одеты в русскую военную одежду, воины переговаривались на незнакомом языке. Это был не немецкий, на котором бегло разговаривать научил ее Ульрих.

— Александра! — к ней бросился молодой, красивый парень крепкого телосложения.

— Я не Александра, а Радмила! — огорченная, что это не Ульрих, молодая женщина не смогла сдержать раздражения.

— Да, конечно! Александра — это имя, которое тебе дали при крещении! Ты так похожа на матушку, такая же красавица! Какое счастье, что я тебя нашел! А ты меня не узнаешь? Я Добровит, ты меня звала Добрушкой. Я обещал бабушке Баяне за тобой приехать... наконец я тебя отыскал! Жаль, что добрая ведунья умерла, — парень крепко обнял Радмилу. — Как же далеко вы забрались!

— Не знаю я тебя, парень! Ты меня с кемто путаешь. Я дочь Баяны-ведуньи и Микулы-охотника.

— Старая Баяна дала тебе зелья, чтобы ты память потеряла. Ведь ты была совсем малышкой! Никто не должен был знать, что у нее живет дочка боярина Шумилина. Но ведунья предупредила, что наложила заклинание на матушкино ожерелье. Оно в старом сундуке — как его оденешь, сразу прошлое

вспомнишь. Пойдем, отыщем сундук Баяны!— молодой мужчина схватил Радмилу за руку и повел в избу.

— А чего его искать, вот он стоит. Но я не знаю, где ключ.

— Бог с ним, с ключом! Не до него!— ловко поддев замок кочергой, стоявшей рядом с печью, он поднял тяжелую крышку. И начал лихорадочно выбрасывать из сундука лежавшие в нем вещи. Увидев деревянную шкатулку, он обрадовано закричал:

— Нашел, слава богу! Я знаю, это мамина шкатулка! Баяна говорила, что мама перед смертью попросила ее взять эту шкатулку с собой, она передала тебе в приданое все свои драгоценности.

Когда сломали и маленький замочек на ларце, и открыли крышку, перед Радмилой предстала великолепная картина. Чего там только не было! Жемчужные ожерелье и серьги, расшитые драгоценными камнями повязки на голову, роскошные понизовья к головному убору, бусы, перстни. А самым красивым, конечно, было ожерелье из крупных, сверкающих камней, подобного которому Радмила никогда ни на одной боярышне не видела.

— Вот оно, мамино любимое ожерелье. Нука, одень его!— и Добровит ловко застегнул застежку на шее у Радмилы. И сразу же сильно закружилась голова, да так, что бедная девушка вынуждена была сесть, а не то бы упала! К рту подступила резкая тошнота, в глазах появились какие-то цветные вспышки. Радмила ощутила всепоглощающий страх. С ней что-то произошло, она ощутила себя маленькой девочкой, которой почему-то очень страшно. Но в тоже время девушка знала, что эта девочка и есть она, Радмила.

Псков, подворье бояр Шумилиных, 1229г.

Ей послышался жуткий стон, который доносился откуда-то издалека. Взрослая Радмила не могла понять, чей это стон, но маленькая Радмила хорошо знала этот голос.

Этот стон, негромкий, но всепроникающий, пронзил маленькое тельце Радмилы и, разбежавшись по всем его клеточкам и закоулкам, заставил ее биться в ознобе. Девочка подняла голову с подушки и открыла глаза. Кромешная тьма покрыла все кругом. От последовавшей за этим зловещей тишины стало так жутко, что она покрылась холодным, липким потом и застыла, напряженно вслушиваясь в доносившиеся шорохи. Со стороны

спальни родителей опять стали возникать страшные звуки. Несколько глухих ударов, стоны и предсмертный хрип, вонзившийся в голову девочки острым кинжалом.

— Отец! — поняла она.

— Гады! — истошно закричала мать, — А—а—а!

И вновь слышались глухие удары, стон, звуки падающих предметов.

Радмила вскочила и, как была в одной рубашечке, побежала к двери.

— Мама! Что с тобой? Почему ты так ужасно стонешь? Мне страшно! — кричала девочка.

— Тише, дитяtko, тише, — в комнату вбежала хорошо знакомая ей знахарка, бабушка Баяна. Она обняла малышку, закрывая ее своим телом, зажала ее рот рукой и гладила по волосам.

— Тихо, милая, — шептала она. — А то придут убивцы ночные!

Она схватила маленькую ручку девочки и куда-то повела темными коридорами, Радмила послушно перебирала босыми ножками по холодному полу. Казалось, все вынули из ее хрупкого тельца эти страшные звуки, остались только холодная ручонка и непослушные ножки. Холод и слабость разливались по всему телу. Скрипнула дверь, и Баяна затолкала девочку в какой-то чулан. Там уже сидел ее брат, двенадцатилетний Добровит. В темноте она ощущала, как бьется в судорогах его худенькое тело, как слезы заливают невидимые ей глаза.

— Смотри за сестренкой, боярин, я потом за вами приду! — старуха осторожно прикрыла дверь.

— Добрушка! Что там случилось? — простонала Радмила

— Видел дворового боярина Твердилы, остальных не знаю, — сдавленным слезами голосом ответил братишка, — они батюшку с матушкой убили...

— Кто? По што?

— Не знаю. Но я их морды запомнил! — внезапно рыдания брата затихли. Он сжал озябшие ручонки сестры своими худыми руками и зловеще прошептал:

— Я найду их... когда вырасту... я их всех отыщу! Поубиваю всех! Ответят за что!— девочке показалось, что в темноте вспыхнули зловещим огнем его голубые глаза. Он обнял сестру покрепче и замолчал.

А дом продолжали пронзать непривычные звуки — глухие выкрики на непонятном языке, топот сильных мужских ног, хлопанье дверей, грохот попадавших кресел. Знахарка исчезла где-то в недрах старого дома.

Дети сидели тихо. Они всем своим существом стремились стать невидимыми, слиться с вещами, находившимися в чулане.

Послышались тяжелые шаги.

— Ты, главное, мальчика мне сыщи, а то ведь выдаст, гаденыш! Он видел Ванькину морду!— грубый мужской голос раздавался совсем рядом. Дети тихонько зарылись в какую-то рухлядь. Добровит судорожно натянул на их лица старую шубу. Вдруг дверь приоткрылась. Колеблющийся свет факела озарил кладовку.

— Нет никого! — взорвал тишину резкий хриплый голос. И удар кованого сапога вновь затворил дубовую дверь. Ночные убийцы похозяйски обыскивали дом. Тела родителей Радмилы так и оставили на кровати в спальне, а сами с факелами стали разыскивать детей — свидетелей преступления. Почти вся челядь успела убежать.

— Ну и черт с ними! Морд ваших все равно никто из взрослых не видел!— сказал один. — А кто детей слушать будет!

— Смотри, вот еще одна сука! — рявкнул рыжий бородач, потянувшись за коротким мечом. Под деревянной лестницей сидела на мешках бледная старуха в рваной одежде. Это была Баяна, натянувшая на себя какие-то обноски. Она раскачивалась из стороны в сторону всем телом, напевая какой-то, одной ей известный напев. В глазах и в голосе чувствовалась полная отрешенность.

Бородач размахнулся и ударил ее плетью через всю спину. Ни один мускул не дрогнул на лице старухи — она продолжала свой угрюмый напев.

Мужчина взмахнул еще раз, но его руку задержал остроносый, с ястребиным лицом широкоплечий верзила.

— Довольно, Ванька, — миролюбиво промычал он, — она блаженная! Сам же видишь!

Семеро убийц двинулись дальше по многочисленным покоям боярского дома. Когда шаги стихли, Баяна бросилась к детям. Все трое вылезли через оконце во двор и залезли на сеновал. Там дети глубоко зарылись в душистое сено и тихо сидели, подчинившись приказу ведуньи. Сама она куда-то ушла. Во дворе при мерцающих всполохах факелов убийцы оживленно искали, чем бы поживиться. Вдруг дверь скрипнула, и, к ужасу детей, в сарай вошли двое мужчин. Добровит раздвинул солому, и к своему величайшему удивлению увидел в красном свете факела лицо своего родного дяди — Замяты Микуловича. Мальчик еле удержался от вскрика.

— А грабить дом я не позволю! Сделали дело — уматывайте! Понял, Рудольф?

— Мы думайт, ты не платил.

— Вот ваши деньги, как и обещал, а вещи вернуть на место — Замята грубо сунул расшитый гаманец в окровавленные руки бандита.

От такого обращения Рудольф встрепенулся, и рука его сама легла на кинжал.

— Только свиснуть мне, — прошипел в ярости Замята, и тоже положил руку на короткий меч, поведя глазами в сторону дороги. — Висеть вам на дыбе!

Рудольф неохотно глянул в сторону ворот. Там, за излучиной дороги слышалось нетерпеливое фыркание коней. Видно, его дружина стояла наготове. Мужчины убрали руки с рукоятей оружия.

— В доме есть кто? — спросил дядя.

— Найд! Только старая сумасшедшая, — ее бы на костер!

— Юродивых мы не бьем, это грех, — процедил Замята сквозь зубы.

— А брата убивайтт — святное дело! — рассмеялся Рудольф.

— Пшел вон, пес! — закричал Замята.

Недобро блеснув глазами, Рудольф и остальные бандиты растворились в темноте.

Все стихло. Только поскрипывала на ветру тяжелая не прикрытая дверь, да трещал одинокий факел, воткнутый кемто в крышу колодца.

Вдруг с другой стороны сеновала послышался скрип раздвигающихся жердей. Это была Баяна. Шепотом она позвала Радмилу и Добровита.

В темноте на опушке леса стояла небольшая повозка. Сивая кобыла нервно била хвостом по крутым бокам. Дети залезли внутрь повозки. Старуха накидала на них сверху соломы, бросила пару овчин, взобралась сама и дернула поводья. Колеса резко заскрипели в тишине ночи. Полная луна предательски осветила повозку, но в следующее мгновение ее уже покрыла тень от растущих на опушке сосен.

— Стой! — резкий окрик остановил повозку. Свет многочисленных факелов вырвал из темноты группу вооруженных всадников. В темноте зловеще поблескивала сталь кольчуг и шлемов. Неровное пламя факела осветило жесткое лицо Замяты.

— Это старая Баяна! — узнал он старуху. — Куда ты прешься ночью и зачем?

— Вызвала матушка боярыня. На сносях она. Время родить пришло, батюшка!— прошамкала старуха.

— Убийство! Убийство! Тати всех позабивали, и боярина с боярыней! — из леса выбежал верзила в одной длинной рубахе и, размахивая длинными ручищами как оглоблями, подбежал к дружине.

— Черт с ней, со старухой! Езжай назад, домой, старая ведьма. Не до тебя. — Замята выхватил меч, — за мной, робяты, поймаем убивцев!

Топот копыт и крики стихли за поворотом.

Маленькая Радмила открыла тяжелые веки, когда птицы весело защебетали на рассвете. Все-таки сморил ее под утро тяжелый сон. Телега гроыхала и переваливалась по черным кореньям, исковеркавшим дорогу. Темные густые ели нависли над головами беглецов. Было страшно смотреть по

сторонам, такой дремучий лес обступал их со всех сторон. Внезапно дорога кончилась, как будто уперлась в непроходимую стену из огромных елей. Баяна спустилась и начала распрягать кобылу.

— Где мы, бабушка Баяна? — жалобно простонала Радмила.

— Дальше пойдем пешком. Телегу спрячем, — Баяна прижала головку девочки к своей груди. — Поплачь, родная. Пусть их души пойдут в Правь, прямо к Световиту. Мученики бедные! — И слезы потекли по щекам старухи.

— А нам спрятаться надо. Пойдем болотом, по гати. Она тут в тине спрятана. Не бойтесь, дети. Там остров есть, среди болот... никто вас не найдет. Старый Земибор нас пока приютит.

— А мы и не боимся, — уже совсем повзрослому ответил Добровит. Он сильно повзрослел за эту ночь. Будто стал уже юношей, а не мальчиком. В глазах появилась жестокость и решительность. — Почему это нам надо прятаться? Пусть Замята прячется. Он убийца.

— Пока поберегись его! Подрасти еще немного, — Баяна взяла мальчика за руку. — После найдешь его, когда вырастешь!

— Я убью его, бабушка! — и мальчик отвернулся к лесу, стараясь скрыть побежавшую по щеке слезу.

— По пути Криви пошел Замята, продал душу бесам, — вздохнула Баяна, — не будет ему покоя. Пусть помучается, пока ты подрастешь. Ну, ладно, молодой боярин! Я сестричку твою спрячу, а тебе дам проводников. Мой муж с братом отвезут тебя к дядьке, брату твоей матушки, датскому барону Герардсену. Иначе погубит тебя Замята, если отыщет. А за сестру не беспокойся, будет за дочку нам с мужем. Когда вырастешь, справишься с Замятой! А сейчас в большой чести он у псковского посадника Твердилы Иванковича. Никакого суда для него не будет.

Добровит

Дания, окрестности Ревеля, 1242 год

Раздались резкие звуки небольших медных дудочек, и десятки лошадей почти одновременно вырвались из осеннего леса на широкую просеку. Их копыта взорвали мягкую сырую землю, почти сплошь покрытую желтыми листьями. Всадники большей частью были одеты одинаково. Черная шляпа и красный широкий камзол, а вместо штанов — мягкие вязаные шоссы, заправленные в черные высокие сапоги. Как военный отряд, они одновременно развернулись и помчались вдоль просеки. Издалека, из глубины леса, доносился многоголосый собачий лай.

— Вы сегодня мастер, дядюшка Игнас, — скачущий почти впереди всей команды охотников кричал, Добровит. — Вас обгонять нельзя!

— Обгоняй, если получится, — ответил Игнас и дал шпоры своему красавцу рысаку. Его гунтер, специальная лошадь для парфорсной охоты на лис, был прекрасно подготовлен. Лошадям сильно доставалось на такой охоте, целый день нужно скакать по пересеченной местности. Бешеная скачка через канавы, плетни, ограды, ручьи, то в гору, то через кусты. Целый день без передышки. Поэтому и кони требовались крепкие, хорошо обученные. В большом поместье барона Игнаса Герардсена нашелся неплохой гунтер и для племянника. Лошадей специально тренировали и усиленно кормили перед изнурительной охотой.

«Кавалерия» пробивалась через колючие кусты в конце просеки — пригодились кожаные ногавки, одетые на ноги лошадей, иначе ноги у них были бы исцарапаны. Лиса пошла через ручей. Хорошо, что он оказался неглубоким и узким, — собаки не потеряли зверя.

— Святой Хубертус нам помогает сегодня, — сказал Добровит, вспомнив имя покровителя охоты.

— И собаки у вас, дядя, хорошие, — продолжал он, — вязкие и чуистые

— Да, — наконец-то ответил тот, тяжело было пожилому полному мужчине скакать по лесам и полям, — фоксхаунды отборные. Лиса не уйдет.

Было видно, что у собак проблемы — стая гончих стала метаться в растерянности около каменного забора какого-то хозяйского двора. Видно, лиса юркнула где-то в дыру в ограде, и собаки потеряли след. На помощь пришли охотники. Многочисленные всадники лихо перескочили через каменную ограду и понеслись прямо по кочанам капусты на огороде. Не помогли хозяину закрытые ворота. Видно, проклятия крестьянина долетели до ушей Девы Марии, и один всадник вывалился из седла. Полетели в капусту и арапник, и медная дудка, а в другую сторону — черная шляпа.

— Похоже, Ганс сломал ногу,— хладнокровно заметил Игнас и продолжил погоню.

— Если возьмешь лису,— прокричал он на горе,— пуговица Хубертуса будет твоей!

— А Бастиану твоему, — он посмотрел на коня,— красная попона!

Все вышло как сказал дядюшка Игнас. Бедная лиса совсем выбилась из сил и начала кружить по большой поляне. Деваться ей было некуда. Угораздило ее вернуться в то самое место, где начиналась охота. Здесь все норы были предусмотрительно заткнуты. Собаки тоже устали, но близость зверя поддало им азарта. Они носились кругами за рыжим хвостом, мелькавшим между деревьями и кустами. Гибель лисы была неизбежна. Тогда Добровит вскочил в стаю борзых на своем коне и, изогнувшись, наклонился почти до земли. Он выхватил практически из зубов рассвирепевших псов рыжую виновницу собачьего неистовства и ловко сунул в кожаную сумку у себя на седле.

— И то верно,— похвалил его дядя,— лучше использовать ее на следующей охоте. Тебя можно поздравить с победой!

На большой поляне усталые охотники расположились на привал. Кони мирно пощипывали травку, а на многочисленных вертелах, источая невыносимо соблазнительные запахи, жарились специально припасенные домашние утки и кролики.

Добровит и дядя Игнас согрелись хорошими кубками доброго старого вина, так кстати поднесенного егерем в этот прохладный осенний день.

— Ты уже совсем взрослый,— начал давно задуманный разговор Игнас,— вижу, как ловко управляешь конем. И меч я научил тебя держать.

Дядюшка с гордостью посмотрел на Добровита. Молодой мужчина был широк в плечах и высок ростом. В глазах молодца горели огоньки необузданного нрава, а в ловких движениях была заметна природная удаль.

«Как взял лису!»— подумал Игнас.— «Никто из моей свиты не смог бы так».

Но вслух старый датчанин не похвалил племянника. От рыжего датчанина Игнаса не очень-то дождешься похвалы. И эти его слова на вес золота. Это Добровит знал, и очень гордился его скупым замечанием.

— Даже конь всю жизнь помнит обидчика,— после такой долгой паузы продолжил мужчина, что несведущий человек мог бы подумать, что разговор уже окончен,— а мужчина, воин, обязательно отомстит.

Добровит хмуро смотрел на дядю.

— Я бы сам рассчитался за сестру,— продолжил дядя, внимательно разглядывая верхушки берез.— Но решил оставить тебе эту честь. Тем более что Замята ближе тебе по крови.

— Он ответит,— твердо сказал племянник.

Игнас одобрительно посмотрел на своего воспитанника. Наверное, за всю жизнь у него Добровит мог вспомнить лишь тричетыре таких взгляда.

— Я дам тебе коня, Бастиан твой. Дам меч и кольчугу. Езжай к князю Невскому, — отрывисто, как бы обдумывая каждую фразу, продолжал датчанин.— Иди к нему в дружину. Он поможет свершить правосудие.

— Покажешь себя,— Игнас испытующе посмотрел на племянника,— тогда дам тебе тридцать вооруженных воинов. Будешь старшим у князя. Тебе надо жить на родине отца.

Мастер парфорсной охоты долго смотрел куда-то в конец поляны, как бы рассчитывая в уме.

— А может, и больше дружинников дам. Этому князю служить — дело верное!

Русь, Переславль Залесский, 1242 год

На опушку леса выехал воин на буланом коне. Голова его была надежно защищена круглым стальным шлемом, крепкое тело облачено в стальную кольчугу. На широком ремне с левого боку свисал длинный меч в красных кожаных ножнах, отделанных серебряной вязью. Слева у него был красный круглый щит толстой бычьей кожи. У грозного ратника имелось и другое оружие: булава, боевой топорик и кинжал. Все это было удобно закреплено и готово к использованию в любую минуту. Молодой воин, на вид около двадцати пяти лет, был высоким и широкоплечим мужчиной, с темнорусыми волосами и яркоголубыми глазами. В жестких чертах красивого славянского лица угадывались пережитые невзгоды, заставившие преждевременно повзрослеть этого еще совсем молодого человека.

Перед воином открылась широкая низменная равнина, в основном покрытая полями и редкими перелесками. Дорога петляла и плавно спускалась к обширному озеру. А вдали, в синей дымке виднелась большая деревянная крепость на высоких земляных валах. Не долго думая, ратник направил своего коня по единственной дороге, ведущей к крепости.

За ближайшим поворотом у покрытого дорожной пылью куста он увидел сидящего на камне старца с длинным посохом в руке. Большая седая борода до пояса прикрывала непонятного цвета зипун. Он вытянул перед собой усталые ноги в стоптанных лаптях — как видно, притомился от длинного пути.

— Желая здравия, почтенный старец,— всадник остановил коня и слегка поклонился старику.

— Как величать тебя, добрый молодец,— поклонился странник. — Чей будешь?

— Добровит, батюшка,— ответил мужчина,— Шумилина Славуты сын. Хочу найти великого князя Александра Невского. Не подскажешь, куда мне направиться?

Старик, кряхтя, поднялся и, опершись на посох, осмотрел молодца.

— Молодец ты видный.... а зачем тебе князь понадобился?

— Буду проситься в дружину к нему,— просто ответил Добровит,— сирота я, матушку с батюшкой убили вороги смертью лютой, так думаю за родную землю постоять.

— Да,— протянул старик,— лезет враг поганый на поля и леса наши...а коль голову сложишь?

— Плакать некому будет,— усмехнулся всадник.— Хочу только лихоимцу, что родителей моих погубил, отомстить. Может, князь поможет.

— Если дело правое, Невский вступится,— с уверенностью ответил старец.— Тебе по дороге к Клещину озеру. Там, на берегу Синий камень лежит. Священный этот камень, ты поклонись ему, попроси удачи в бою.

— И в своем деле,— после паузы добавил старец.

— А дальше?

— В Переславле Невского сейчас нет. Как пожгли его татары — он больше в тереме своем бывает, на Ярилиной плещи. От камня того влево повернешь, и скоро гору ту плешивую увидишь. Поклонись ему, от старца Святозара скажи, он знает.

— Удачи тебе, сынок,— благословил Святозар молодого воина.

По пологой горе петлями кружилась дорога. А наверху, на большой поляне стоял деревянный княжеский терем. Он был о пяти башенках, крытых фигурной гонтой и двойным крыльцом на фасаде. Окружен терем был невысокой белокаменной стеной с надвратной башней.

—Зачем пожаловал? — резко спросил воин в бойнице над воротами.

— К Великому Князю Добровит, сын боярина Славуты Шумилина,— учтиво отвечал Добровит,— буду проситься в дружину князя.

Дружинник исчез, а через несколько минут ворота стали медленно открываться. Перед глазами Добровита открылся большой двор, ровный травяной покров его пересекали множество тропинок.

У ворот встречали Добровита несколько дружинников. Они ревниво окинули взглядом вооружение молодого воина, и после короткой паузы один из них, видно старший, бородатый мужчина лет сорока, приветливо сказал:

— Ну, будь здоров, боярин! Спешивайся.

Добровит ловко соскочил с коня и протянул руку новым знакомым.

— Никак пополнение!— раздался властный голос с крыльца, и все повернулись к терему. На крыльцо вышел сам переславский князь Александр, прозванный за выдающиеся победы Невским — молодой, статный мужчина, светлорусый, голубоглазый. Он улыбался Добровиту приветливой открытой улыбкой.

— Слышал я об отце твоём, и про матушку тоже сказывали,— сказал Александр, задумчиво покручивая деревянной ложкой. Они с Добровитом сидели за столом и обедали.

— Так, значит, Замята, говоришь, сотворил это? Замята давно в дружине моей.... Трусом его не назову... А чем докажешь?— прямо в глаза Добровита посмотрел Александр.

— Ведунья Баяна, что нас от смерти спасла, умерла уже давно,— тоже прямо смотрел Добровит,— а сестра моя, не знаю уж и где теперь. Спрятала ее где-то старая Баяна. Да и малолетняя она тогда была.

— А как верить... кому?— настаивал Невский.

— На поле решать надо,— вмешался в разговор старший дружинник Боруслав, сидевший тут же за столом,— пусть схлестнутся.

— Быть по сему!— Невский звонко положил ложку на стол,— виновного бог укажет. Казним его своим судом лютым. А чтобы не избежал кары — биться без оружия повелеваю. На кулаках!

Русь, город Псков, 1242 год

Небольшой отряд подъехал к парадному крыльцу дома псковского посадника. Стражники у дверей почтительно расступились.

Князь Александр Невский имел обыкновение приезжать внезапно. За ним следовал Добровит. Молодые люди лихо вбежали по крутой каменной лестнице прямо в посадские покои. Посадник обедал

— Аль как исполняешь дела посадницкие, Микола Мезиславович?— резко отворив дверь ногой, с порога спросил князь Александр.

— Доброго здравия, княже!— поклонился посадник, спешно проглатывая непрожеванный кусок гуся, — стараемся не щадя живота своего!

— Молодца этого величай Добровитом,— указал Невский на своего попутчика, — он сын Славуты Шумилина. Знавал такого боярина?

— Царство им небесное,— перекрестился Микола,— и матушке твоей, боярин, Хендрике Герардовне, и батюшке твоему убиенному. Прошу на трапезу.

Посадник указал гостям на покрытую ковровым покрывалом широкую лавку, стоящую у большого стола. На столе было несколько серебряных узорчатых блюд: на одном помещался большой румяный гусь, начиненный яблоками, на другом — зажаренный целиком поросенок. Соблазнительно пахли свежие расстегаи с белорыбицей. На столе также были квашеная капуста с клюквой, насыпанная горкой в ковше с птичьей головой, различные соленья, большая чарка и несколько стопок поменьше с медом хмельным и дежечка с квасом.

— Прошу угощаться, что бог послал,— смущенно продолжал посадник, и указал князю на застеленный нарядным ковриком большой резной стул, стоящий в начале стола. Как видно, это было главное место за столом. Проворный слуга подскочил с миской для омовения рук перед трапезой и полотенцем, расшитым красными петухами.

Добровит скромно присел на лаву у стены.

— Что туда, Добровитушка,— приветливо окликнул Микола Мезиславович и потянул молодого боярина к столу, где уже отламывал вторую ногу от гуся князь Александр.

— А дело у нас к тебе серьезное,— после небольшой паузы, позволившей разжевать очередной кусок, продолжил Невский. В его ясных, обычно веселых голубых глазах сверкнул металлический блеск.

— Молодец этот указывает на Замяту Горяниновича, дядю своего,— Александр смотрел прямо в глаза посаднику,— как на убийцу родителей своих.

Сказывает, наемников привел дядюшка ночью. И сам он, тогда еще малец, видел, как расчет происходил.

— Поди, больше, чем десять лет минуло,— задумчиво произнес Микола,— Добровитушка уже совсем богатырь.

— Вот и пришел он за отца поквитаться,— сказал князь,— а что Замята?

— Так и живет там, в имении оном,— отвечал посадник,— сам брата и золовку схоронил.

Добровит ничего не ел. Он только хмуро следил за разговором старших, и лицо его приняло жесткое выражение при последних словах посадника.

— На руках его кровь моих родителей,— угрюмо сказал он и замолчал.

Наступила пауза. Невский отведал еще жареного поросенка, а посадник, задумавшись, тербил край золототканой скатерти.

— Тут суд рядить надо,— наконец сказал он,— а послух есть?

— Видели все я, сестренка моя Радмилка, да старая ведунья Баяна,— отвечал Добровит,— Баяну схоронили давно, а сестренка мала была совсем. Испугалась сильно и не помнит, поди, ничего.

— Нет доказательств у тебя, молодец!— уже тверже сказал Микола,— по судной грамоте решать вам в поле спор с Замятой!

— Я уже решил,— вмешался в разговор Александр,— быть кулачному бою. Без оружия. Чтоб смертоубийства не произошло. Сами казнить убийцу будем!

В пять часов утра с природой произошло что-то странное. Небо вдруг сразу очистилось. Воздух стал чистым и прозрачным. Луна, посеребренная лучами восходящего солнца, была такой ясной, точно она вымылась и приготовилась к очень важному событию. Солнце взошло багровое и мрачное.

На большую, поросшую зеленой травой поляну, приехало несколько повозок и группа всадников. Люди сразу разделились на две части и почти не общались между собой. В каждой группе шли какие-то обсуждения и приготовления.

Наконец на поляну неспешным шагом въехал небольшой отряд вооруженных всадников. Отряд возглавлял псковский посадник Микола Мезиславович в красном суконном кафтане, а по его правую руку, на шаг сзади, ехал помощник посадника. Замыкали отряд четверо псковских дружинников.

Группа остановилась посередине поляны, и помощник развернул грамоту и начал громко читать. Лошадь под ним беспокойно топталась, не давая ему исполнить свой долг со всей торжественностью:

— Посему, в соответствии с Псковской Судной Грамотой, и по приказу князя Александра Ярославича Невского, назначается княжий суд между боярами Шумилиными — Добровитом Славутичем и Замятой Горяниновичем!

Лошадь фыркнула и отскочила в сторону, всадник нетерпеливо ударил ее кнутом и вновь, расположив поудобней грамоту, продолжил:

— Добровит Шумилин обвиняет дядю своего Замяту Горяниновича в убийстве своих родителей — матушки Хендрики Герардовны и батюшки Славуты Горяниновича! Добровит Славутич, подтверждаешь свое обвинение? — обратился к нему помощник. Поодаль от своих товарищей, на середине поляны, слушая помощника посадника, стояли оба участника судебного поединка. Без шапок, плащи были просто наброшены на широкие плечи. Двое статных мужчин стояли по обе стороны от отряда и с нескрываемой ненавистью смотрели друг на друга.

— Подтверждаю! — грозно сказал Добровит и сделал шаг вперед.

— Что скажешь, Замята? — вступил в суд посадник

— Не было такого! — рявкнул обвиняемый. — Братца моего и женку его разбойники убили, а мы с дружинниками поздно подоспели. Ушли убийцы.

— Я видел, как ты платил убийцам! — закричал Добровит, кровь прилила к его лицу.

— Почудилось мальцу, — уже спокойней отвечал Замята. — И дружинники мои подтвердят, с ними я был! Да и не было никого, кроме старой Баяны в имени. Лжет он, — указал пальцем на племянника убийца.

При этих словах Добровит бросился в сторону дяди, но был остановлен повелительным жестом посадника. Овладев собой, он гневно сказал:

— Десять гривен серебряных отсчитал ты рыжему немцу, а в повозке Баяниной мы с Радмилкой прятались.

Посадский задумался. Его возбужденный конь чувствовал напряжение происходящего. Нетерпеливо пританцовывая на месте, он постепенно сдвинулся на несколько шагов вперед.

— Посему, так как позывник и позванный послухов представить не могут,— громко объявил он скорее присутствовавшим на поляне товарищам враждующих сторон, нежели Добровиту и Замяте,— быть по велению князя Александра Ярославича Невского кулачному бою, чтобы решен был Богом правый исход!

Почти одновременно Добровит и Замята сбросили с плеч прямо в траву богатые плащи, оставшись в одних рубахах. Замята был пониже ростом своего племянника, но более коренаст. Его крепкие ноги, казалось, вросли в поросшую густой зеленью землю. Помощник посадника соскочил с коня и подошел к бойцам. Они протянули ему свои руки, ладонями кверху, показывая, что в них ничего нет. Удовлетворенный помощник отступил на несколько шагов назад и, хлопнув в ладоши, приказал:

— Бейтесь!

Противники слегка наклонились вперед, как бы готовясь к прыжку, и, пристально вглядываясь друг в друга, начали топтаться по кругу. Добровит жадно смотрел в карие глаза дяди, пытаясь найти в них хоть искру раскаяния или хотя бы сожаления. Но глаза Замяты выражали только холодную беспредельную ненависть и наглую самоуверенность.

Держись, щенок, сейчас ты у меня получишь, казалось, говорили они.

Не выдержав, Добровит в ярости бросился вперед на убийцу родителей, да споткнулся правой ногой об незаметный в траве камень и полетел прямо перед собой на распростертые руки. Замята было прыгнул к нему, чтобы нанести коварный удар сверху, но был остановлен возмущенным жестом помощника.

— Лежачего не бьют! — вскричал он.

Добровит понял свою ошибку, которая чуть не стала роковой, и напряг всю свою волю, чтобы вернуть себе самообладание. Он отступил назад и

несколько раз глубоко вздохнул. Замята уже не скрывал насмешливой улыбки. Падение соперника придало ему уверенности, и его движения стали более уверенными. Отступив на шаг, назад он вскричал: «Гэй!» — и бросился с кулаками на Добровита.

Как и ожидал Добровит, первый сокрушительный удар дядя, широко размахнувшись, направил правой рукой в его скулу.

Молодец выбросил перед собой левую руку, согнутую в локте, и наклонил голову вправо. Вся сила удара Замяты как бы растеклась по руке молодца. При этом Добровит присел слегка на правое колено и резко ударил правой рукой противника прямо в солнечное сплетение. Замята охнул от неожиданности и упал на колени. Помощник посадского поднял вверх рукоять плетки, останавливая поединок.

Через несколько мгновений Замята пришел в себя. Когда растаяли перед глазами черные круги, он явственно увидел впереди себя вспотевшее лицо племянника. Как бы хотелось вдребезги разнести это хмурое лицо мощным ударом кулака, чтобы кровью умылся ненавистный щенок!

— Ну, держись! — злобно прошипел он и медленно стал приближаться к Добровиту.

Добровит невольно начал отступать. Не зря учил его кулачному бою суровый датчанин. И многократно отработанная защита от удара слева очень пригодилась молодому бойцу. Он резко наклонился и с криком бросился вперед, в ноги к дяде. В прыжке Добровит с ходу ударил головой Замяту в пах и, обхватив его за талию, оторвал от земли. Дядя махал руками и ногами и, под одобрительный хохот друзей Добровита, полетел на землю.

Замята не спешил выползать из высокой травы. Он дал себе возможность придти в себя. Дождавшись, когда стихнет острая боль внизу живота, он вновь ринулся в атаку. На этот раз он был более осторожен. Открыв, как бы случайно, лицо, он сделал шаг вперед. Так и случилось — воспользовавшись подходящим моментом, племянник попытался ударить его прямо в лицо. Но дядяубийца ловко отскочил влево и с силой двинул левой рукой противнику в ухо. Но и тут Добровит, выбросив согнутую в локте руку, отбил удар, хотя и получил скользящий удар по макушке головы. От удара по голове у Добровита зазвенело в ушах и поплыли радужные круги перед глазами. Он нашел в себе силы и отскочил несколько шагов в сторону, чтобы не получить еще один

мощный удар. Провел рукой по ушибленному месту и с удивлением увидел кровь на ладони.

В этот момент Замята сделал прыжок с намерением нанести решающий удар. Но Добровит не потерял самообладания и, наклонившись вперед, к огромному удивлению всех находящихся на поляне мужчин, ударил головой прямо в лицо летящего на него противника. Удар получился такой сокрушительной силы, что Замята повалился в сторону, хрипя и харкая кровью. На него было страшно смотреть. Вместо носа была одна окровавленная рваная рана с торчащими костями. Через несколько минут он затих. Посадник и помощник подбежали к поверженному боярину. Они увидели, как из ослабевшей руки Замяты выпала свинчатка.

— Видно, из кармана достал, когда в траве барахтался,— с презрением подумал Добровит, глядя, как тащат мертвое тело дяди по траве. За ним тянулся длинный окровавленный след. Все присутствующие на поединке молчали. Божий суд свершился.

Русь, Псковское княжество, 1242 год

— Милый Добруша! Так это ты!— Радмила с залитым слезами лицом бросилась на шею парню.— Братик мой родной! Я вспомнила! Значит, я не одна на свете! Где же ты был так долго!

У Добровита от нахлынувших чувств по лицу пробежала гримаса, как будто он тоже старался сдержать неподобающие мужчине слезы.

— Ну, сестра, рассказывай, как живешь!— поспешно перевел он тему.— Про себя я тебе потом расскажу, когда одни останемся. Это наш семейный разговор.

— Я живу хорошо, вот только матушка умерла, — и осеклась, вспомнив, что старая Баяна ей не мать.

— Ну, давай приглашай моих дружинников в избу. Есть у тебя чегонибудь перекусить горячего? Целый день всухую!— все обрадовано зашумели.

— Есть братик, целый котелок щей с мясом — она с благодарностью вспомнила, что Ульрих запас ей мяса на целый месяц. Коптил, наверно, целую неделю.

Старался, родной, чтобы ни в чем не нуждалась. Когда же он приедет?

Пообедав, все вышли из избы, и Добровит сказал:

— Ну, сестра собирайся! Домой поедем!

— Добруша, а как же моя изба, и козы с птицей?— растерянно спросила Радмила. — И матушкины травы, и вся рухлядь, что в избе? Давай я подожду, а ты пришли через день-другой телегу за мной!— она лукавила, хотела дожидаться своего любимого.

— Вон село рядом, пожженное крестоносцами, отдай погорельцам. А за травами я пришлю кого-нибудь. Здесь я тебя не оставлю! — он сказал так решительно, что девушка поняла, что вопрос с отъездом уже решен окончательно.

— Хорошо, давай съездим за Марьяной, она без ничего осталась, пусть берет избу и живет в ней.— Радмила побежала за Голубой. Марьяна, ютившаяся с ребенком в сарае, была на седьмом небе от щедрого предложения.

— Дай бог тебе счастья, Радмилушка! Теперь не пропадем зимой! Пусть тебе богатый жених по судьбе получится! — радостно благодарила она.— Вон молодой боярин Путятин по тебе сохнет, а как узнает, что ты боярского роду, сватов зашлет! А Ульянка помрет от зависти! Так ей, задаваке, и нужно!

— Ну, что ты, Марьяна! Пусть берет себе этого красивого кобеля, я не дура, чтобы потом любовниц от дома палками отгонять!— со смехом проговорила счастливая красавица.

— Да кто тебе ровня, ты вон какая красуня! Даже княжич может влюбиться, вот это жених настоящий! Правильно сделала, что ты этого белобрысого прогнала!— Марьяна, узнав, что Радмила боярского роду, сразу перестала соперничать с ней и искренне хотела, чтобы княжич женился на ее землячке.

— Марьяна!— девушка отвела ее в сторонку.— Я тебе с добром, и ты мне помоги. Скоро приедет этот парень, скажи ему, чтобы искал меня в Пскове, на подворье боярина Шумилина. Расскажи ему, что брат у меня нашелся. Забрал в Псков, не позволил здесь оставаться.

— Что ты надумала, Радмилушка! Разве он тебе пара?— всполошилась селянка.

— Не бери в обиду, но это мое дело! Ты только скажи ему, где меня искать!— Радмила строго посмотрела на Марьяну.

— Ладно, ладно! Передам твоему белобрысому! — не глядя в глаза молодой женщине, скороговоркой проговорила Марьяна. Но по ее лицу было видно, что она не согласна с таким выбором Радмилы.

— Сестра, давай скорей! А то впотымах поедем!— позвал Добровит. Радмила подошла к Голубе, молодой дружинник с удовольствием посадил красавицу в седло, и кавалькада двинулась по лесной дороге. Молодая женщина бросила прощальный взгляд на маленькую избу, где она бедно, но вполне счастливо, прожила больше двенадцати лет.

А через неделю к Марьяне опять наведались гости: к ее новому дому подъехал красивый возок, запряженный парой гнедых лошадей, рядом гарцевало несколько верховых. Это была Радмила. На ней был роскошный наряд из византийской узорчатой парчи, на голове был украшенный дорогими камнями венец. Приехала, как она сказала брату, пригласить погостить в Пскове свою подругу Ульяну. Конечно, не эта причина заставила девушку отправиться в дорогу, ей нужно было спросить у Марьяны, не приезжал ли ее милый.

— Была от него весточка. Сам, правда, не приехал! Прислал посланца, он такой кучерявый, черный как грех, все время улыбается,— хитрая женщина наспех придумывала, как бы ей вывернуться. Вспомнила про платок, что забыл Бруно:

— Вон твой платок вернул! Сказывал этот кучерявый, что не приедет он, раздумал! Свою девицу повстречал, красивая очень, богатая, сильно полюбил он ее, невозможно и описать. А тебе вон платочек отдал назад, знать, знак, чтобы не ждала, с другим свою судьбу отыскала. Просил простить, если чем не угодил! — отводя в сторону бегающие глазки, зачастила Марьяна. — И вправду, подружка, на что тебе этот белобрысый немец. — Марьяна уже знала всю историю Радмилиной любви от Ульяны. — Вон боярина Путятин сынком совсем по тебе высох! Ой! — Испуганная рассказчица обмерла, глядя на Радмилу.

Побелев как снег, бедная красавица упала в обморок.

На постоялом дворе

— Это кто же тебе такое сказал, что я тебя бросил? И вообще, разве трудно было поговорить со мной, когда я как влюбленный олух домогался встречи с тобой? Даже домой к тебе приехал! Ты вообще не захотела выйти поговорить! А чего стоило тебя найти? И если бы не снежок, которыми ты так ловко сбила с меня шапку, не знаю, как и нашел тебя. Но прекрасная богиня мне помогает!

— Сказала Марьяна, ты ее не знаешь, это женщина из Самолвы, она сейчас живет в моей избе. Твои крестоносцы сожгли ее избу, и я отдала ей свой дом, когда брат меня забрал в Псков. Марьяна должна была тебе сказать, куда я уехала. Я Она пообещала все тебе передать. Приехала я через неделю, в глаза мне она не смотрит, жалко ей меня, видите ли! — Был, но не сам, а посланца прислал — говорит она.

— Это был Бруно — сказал взволнованный Ульрих — мой верный друг и человек чести. Я никого другого бы и не послал за тобой. У меня три верных друга — Бруно, Георг, Гарет!

— По словам Марьяны, он вернул мой красный платок и сказал, чтобы не ждала тебя. На другой будто женишься, на своей. Не подходит язычница тебе в жены. Приехала богатая немецкая боярышня, и у тебя новая любовь! Да я бы не поверила, если бы не платок! Я думала, не вынесу. Тяжело было очень! Долго так мучалась, потом немного успокоилась. Но решила замуж вообще не выходить, уж больно жестоки вы, мужчины. Так спокойней, ведь жила до тебя без всяких печалей. Конечно, надо было поговорить, но я думала, что хочешь попросить прощения! А зачем эти разговоры, все и так ясно, вернула бы кольцо твое и все. Так, без разговоров, было легче! Сердце сильно болело! — Радмила отвернулась и стала смотреть в окно.

— Бруно просто в расстройстве забыл платок. А дал я ему его для того, чтобы ты поверила, что он мною послан. Он должен был тебя забрать и привезти в Дерпт. Меня послали в Бранденбургское комтурство. Когда мы разгромили язычников, я воспользовался хорошей возможностью и поехал в Монфор, попросить разрешения оставить Орден. Как только приехал в Дерпт и узнал, что ты в Пскове, сразу помчался в Псков тебя разыскивать. Это твое

счастье, что ты верна мне! Юрий рассказал мне, что никому не обещала ничего и ведешь себя строго. А то бы твоему любовнику..... — жестокое выражение на лице рыцаря не обещало ничего хорошего предполагаемому сопернику.

— Значит, эта женщина, которой ты сделала добро, всех обманула. Но что ее заставило так подло отплатить тебе? — немного помолчав, спросил Ульрих.

— Ее муж еще до женитьбе на Марьяне просил матушку отдать меня за него.....я просто не могла представить, что она ревнует к умершему. Да и тебя она не любит! Ведь твои братья сожгли ее дом и убили мужа. Она мне все время возмущалась, как я могла с немцем связаться. Но какова! Так жестоко обмануть всех нас! Я и предположить не могла, что она такая коварная! — от возмущения у молодой женщины даже перехватило дыхание.

— Я обязательно с ней встречусь для серьезного разговора! Она не имела права вмешиваться в чужую жизнь! — с угрозой проговорил Ульрих.

— Не надо, дорогой! Она и так наказана! Я так счастлива, что ты снова со мной, что не хочу никому мстить, — она принялась осыпать поцелуями суровое лицо.

Тот опустил ее голову себе на грудь и затих, крепко прижав к себе, лишь сильный стук сердца говорил о том, что он испытывает большое волнение.

— Хорошо! Пусть будет, как ты просишь. Вы, русские, слишком несерьезно относитесь к важным вопросам. Но хотя и у тебя так много недостатков, я безумно люблю тебя! — он смял ее губы страстным поцелуем. — Все, хватит о прошлом! Нас ожидает чудесное будущее.

Наконец показался постоянный двор. Метель усилилась, снег так и сыпался без конца, заносил лица людей, морды лошадей, так что невозможно было ничего рассмотреть. Предвкушение хорошего отдыха возле горящего камина и вкусной еды подняло всем настроение.

Рыцари спешили и передали поводья подскочившим конюхам, которых сразу же повели в конюшню. Ульрих выскочил из возка и подал руку молодой женщине. После состоявшегося разговора настроение у него было отличное.

Он подхватил свою «военную» добычу на руки и под одобрительные возгласы немцев понес в дом. Остальные участники набега гурьбой ввалились в большой зал таверны вслед за ним.

Таверна была датской, и разговоры там велись, конечно, на датском и немецком. Радмиле было несколько неловко среди чужих людей. Хорошо еще, что Ульрих купил ей немецкую одежду. Когда она молчала, то никто и не догадывался, что она славянка. Да и красота ее здорово выручала. У всех мужчин теплели взгляды, когда они смотрели на нее. Новая одежда очень шла ей, видно было, что ее возлюбленный тщательно выбирал ее. Глубокий темносиний цвет котты оттенял ее васильковые глаза, а лисий мех капюшона удивительно сочетался с медовыми волосами молодой женщины. Увидев ее в немецком наряде, все наперебой стали восхищаться красотой Радмилы. Им явно нравилось, что Радмила переделалась в одежду их женщин. Ревнивый Ульрих резко прекратил поток жарких комплиментов.

Подобострастный хозяин, ошеломленный таким количеством важных особ, суетился изо всех сил. Моментально был накрыт отличный стол. Тепло и хорошая еда привели участников набега в хорошее расположение духа. Начались оживленные разговоры. Рыцари весело гоготали, когда Бруно изображал трусливую дворню боярина Шумилина. Ульрих был в превосходном настроении, его рука по-хозяйски обнимала тонкую талию молодой женщины. Наконец все разошлись по своим комнатам, — ехали всю ночь и утро, надо было хоть немного поспать.

Ульриха и Радмилу поместили в уютную опрятную комнату с весело гудящей печью.

— Давай раздевайся, моя любовь! Немного отдохнем. — После сытного обеда у рыцаря настроение стало еще лучше, он просто лучился удовольствием.

— Но я не взяла рубашку, она в возке осталась, — молодую женщину смущали ненасытные взгляды рыцаря.

— Забудь о ночных рубашках, в постели ей не место! Может, лет через десять я тебе разрешу ее надевать, но не сейчас, — мужчина с удовольствием сам стал раздевать смущенную возлюбленную, наслаждаясь ее стыдливостью.

Он отнес обнаженную девушку на постель и стал медленно, со знанием дела, снова возбуждать ее.

— Я так устала, Ульрих. — она слабо отбивалась.

— Не знаю лучшего снотворного, чем занятие любовью. После одного, другого раза отлично спится. Я полгода был один, и очень хочу тебя. Сразу же по приезду в Дерпт мы поженимся, так что можешь считать, что у нас сейчас медовый месяц. Я хочу иметь детей и свой дом. Но это будет чуть позже, пока же у меня на уме только твое восхитительное тело. Посмотри, как я опять тебя хочу, — он положил ее руку на свой восставший фаллос. Он был твердым, и жарко пульсировал. От неловкости Радмила попыталась убрать руку, но он удержал.

— Поласкай его, дорогая! Он так жаждет доставить тебе удовольствие! — Ульрих стал учить молодую женщину, как нужно ласкать его естество. Она быстро поняла, стала гладить и осторожно сжимать бархатистый фаллос, с удовольствием слыша восторженные стоны мужчины. Все в его мускулистом теле дышало чувственным голодом. Ей нравилась власть над этим сильным человеком, она все смелее ласкала его, а он, прерывисто дыша, целовал и покусывал ее тело. Поглаживая бугорок, скрытый в складках лона, он проник вглубь вторым пальцем. У Радмилы вырвался тихий вскрик, и она пошире раздвинула ноги. Ее податливость только пришпорила страсть, Ульрих медленно выдохнул воздух, изо всех сил пытаясь сдержаться.

— Еще немного, и я выплеснусь! — он поспешно отнял ее руку и, войдя в нее, стал медленно двигаться в неспешном, безумно возбуждающем ритме. От томной неги, которая окутала все ее тело, она распалилась и сама стала поощрять его, пощипывать его твердые ягодицы, направлять мощные толчки. Эти действия разожгли в нем такую бурю, что он стал двигаться, будто желая разломать ее пополам. Невообразимое блаженство охватило ее, удовольствие было такой силы, что она чуть не потеряла сознание. Ульрих поймал ртом ее крик, затем сам глухо застонал, и в судорогах стал освобождаться от семени.

Молодая женщина моментально заснула, рыцарь также свалился в глубокий сон. Влюбленные уснули, оставаясь в объятьях друг друга.

Ульрих проснулся еще затемно, какая-то непривычная тяжесть давила на него. Заснул в кольчуге — мелькнуло в сонной голове. Но «кольчуга» вдруг шевельнулась у него на груди, и раздался нежный вздох. Он сразу вспомнил события прошлой ночи и протянул руку — на его груди уютно расположилась Радмила. Она так безмятежно спала, что он решил ее не будить и осторожно снял с себя легкое тело. Надо было собираться в дорогу. Умывшись холодной водой и распорядившись, чтобы принесли горячей воды для Радмилы, Ульрих спустился вниз. Все рыцари уже были в полном сборе и дружным ревом приветствовали его. Возле его друзей, накрывая на стол, крутились две молодые кокетливые служанки. Одна из них все время старалась задеть Бруно пышной грудью, настолько оголенной, что, казалось, еще немного, и она вывалится из сильно вырезанного лифа.

Грубиян Георг ущипнул вторую красотку за крутой зад и получил шуточный удар полотенцем, которым девушка протирала посуду. В общем, было очень весело, да и завтрак был выше всяких похвал. На столе стояла большая миска с тушеным мясом, на плоских глиняных блюдах соблазнительной горкой высились свежеспеченные пироги с капустой и рыбой, благоухал нарезанный широкими ломтями великолепный копченый окорок. Кроме того, к столу были поданы соленые грузди, отварные яйца, а также горячий ржаной хлеб. Хозяин, довольный щедростью тевтонских рыцарей, даже принес бочонок с отменным пивом, предназначенным для самых знатных гостей. Да, завтрак был просто превосходным, все хорошо отдохнули, и в адрес Ульриха посыпались дружеские советы и веселые шутки. Но его ничего не могло вывести из себя, улыбка не сходила с его лица.

— Не завидуйте, парни, это большой грех! — он положил немного мяса на блюдо, добавил пару пирожков, налил кружку кваса и пошел наверх, приказав готовиться в дорогу. Радмила уже была одета и ждала его, сидя возле окна.

— Поешь в дорогу, — и пока она аккуратно ела, целовал ее в нежную макушку. Поцелуи снова разожгли желание. Порой он сам поражался, что это с ним произошло, как это страсть успела так поработить его. Он не хотел с ней расставаться ни на минуту, его влечение к этой женщине было таким сильным, что начинало даже его пугать. Овладев вчера ею несколько раз, он так и не унял своего желания, не хотелось никуда ехать, а остаться в этой уютной

комнате и заняться обстоятельным обучением Радмилы любовному искусству бога Камы. Вдохнув, он закутал красавицу в меховой плащ и повел к выходу.

Приехав в Дерпт, Ульрих отвез молодую женщину в дом, который он снял на время, пока решатся все вопросы с Орденом. Это был небольшой каменный домик на окраине города. В нем было всего несколько комнат: две спальни, большой зал с огромным камином, кухня и хозяйственные помещения. Две эстонские женщины обслуживали этот дом. После боярских палат он казался довольно бедным, что сильно беспокоило рыцаря, но несколько не волновало Радмилу. Конечно, она привыкла за полгода жизни у брата к большому количеству дворовых, но, как оказалось в дальнейшем, никто из них не смог ее защитить. А поскольку большую часть своей жизни она жила бедно и сурово, маленький домик вполне ее устраивал ее. Главное, у нее был любимый человек. Его страстные поцелуи перекрывали все неудобства скромной жизни.

Как только было получено разрешение покинуть Орден, Ульрих и его друзья развили неистовую деятельность. Каждый день они собирались в маленьком домике и бурно обсуждали что-то очень важное, что скрывалось от Радмилы. Когда она спрашивала, о чем они так спорят, Ульрих отшучивался и начинал ее целовать. Поскольку эти вопросы она задавались, когда друзья Ульриха уходили, а происходило это запоздно, то кончались эти вопросы одним и тем же — он раздевал ее и начинал заниматься с ней любовью, и все остальное отходило на задний план.

Как-то раз, когда влюбленные отдыхали после особенно страстных объятий, она спросила у него, почему ей нельзя знать об их планах. Голова мужчины лежала у нее на груди. Он тихонько поглаживал ее впалый живот и о чем-то размышлял.

— У тебя давно были женские дни?— вдруг спросил он.

— Незадолго до того, как ты увез меня, дня за два,— смутилась вопросу молодая женщина.

— Радмила, скоро приедет твой брат. Я послал к нему нарочного с письмом, попросил приехать на наше венчание. Я хотел бы, чтобы ты приняла христианскую веру. Дело не в том, что она правильная, а ваша вера

неправильная. У меня вообще большие сомнения, а верит ли церковная верхушка во все то, что они нам так упорно навязывают. После некоторых событий я и мои друзья приняли решение не портить отношения с людьми, среди которых мы собираемся жить, а чисто формально придерживаться всех правил, по которым они живут, если эти правила не угрожают жизни и благополучию наших семей. Вот поэтому ты примешь веру, которой придерживается общество, в котором мы будем жить. Я знаю, что ты, моя милая жена — я тебя считаю женой, ведь остались считанные дни до венчания — в глубине души язычница. Верь во что хочешь, но сделай вид, что ты ничем не отличаешься от других! — Ульрих погладил упругие холмики и стал пощипывать розовые соски. — Я больше не хочу никого завоевывать, убивать, грабить. И буду всячески избегать участия в войне на чьейлибо стороне. Моя семья, мои друзья — вот мой мир, за который я пойду сражаться. Скоро мы уедем в Англию. Ты останешься в замке Гарета, пока мы съездим за подарком старого индуса. Гарет предложил нам титулы, замки и земельные угодья в его графстве. С королем он договорился. Король Англии ссорится со своими баронами, поэтому он нуждается в иностранцах, которые поддержат его в этих разборках. Да и наш военный опыт ему пригодится. Но графство Гарета разорено. Нужны средства, чтобы вдохнуть в него жизнь. Вот мы и поедем за ними в Палестину. Это и есть тема наших разговоров. Я хочу, чтобы ты жила в спокойной стране, что и объясню твоему брату, — он немного помолчал. — Тут еще лет сто будет война, я устал от всех этих сражений. Ты мне подарила жизнь, и я хочу прожить ее по-другому. Мне нужны дети, для которых я буду создавать наш дом. Поэтому я прошу беречь себя от всего, не связанного с домом и детьми и не переживать из-за тех дел, к которым ты не имеешь отношения, — с этими словами он наклонился к упругим холмикам и стал целовать их, возбуждая молодую женщину.

— Ты должна забеременеть и родить нашего первенца, а остальное мое дело! — он забросил ее ноги себе на плечи и начал свой сладостный натиск.

Удовольствие от таких его действий моментально перекрыло обиду на то, как мало оставляет он женщине места. Радмила была не согласна с такими взглядами на жизнь, хотя нехотя признавала, что так ей будет намного легче. И приняла разумное решение: пока уступить, а там жизнь покажет, кто из них прав.

Свадьба

Ливония, город Дерпт, 1243 год

К мосту через Нарву подъехал отряд вооруженных всадников.

— Эй! Кто там внизу! Позовите господина Ларитсена! Это русские! — закричал рыжий стражник, высунувшись из одинокой башенки, возвышающейся над высокими стенами прямоугольной крепости. Во внутреннем дворе крепости произошло некоторое движение. По почерневшим дубовым лестницам на башню вбежал сержант. Один из русских всадников выдвинулся на несколько шагов вперед и демонстративно воткнул копье в землю. Сержант высунулся в бойницу и, подняв правую руку, помахал русским.

— Ворота поехали! — показал Добровиту один из дружинников, и отряд двинулся к крепости.

Небо над головами русских сузилось до небольшого квадрата, ограниченного сверху черепичными крышами на высоких стенах.

Ворота за спинами дружинников затворились, и появилось неприятное чувство замкнутости и незащищенности. Со всех сторон, и сверху, с переходов и лестниц разглядывали их горящие жадным любопытством глаза. Это были и вооруженные воины, и женщины, и ребяташки, щебечущие на незнакомом языке.

Добровит с удовлетворением отметил, что агрессии в их взглядах не было, но все же дотронулся до рукояти меча, как бы убеждаясь, что он на месте.

Навстречу прибывшим из большого выбеленного здания, возведенного посередине обширного двора, вышел рыжий полноватый мужчина лет пятидесяти с короткой бородкой, окаймлявшей круглое лицо. Его сопровождали несколько помощников, один из них вышел немного вперед — как видно, именно он владел русским языком.

Добровит спешил и, слегка поклонившись, произнес:

— Сотницкий дружины Великого Князя Александра Ярославича боярин Шумилин Добровит Славутич!

— Именем Великого Короля Эрика комендант крепости Нарва,— переводил отрывистую речь бородача помощник,— Арнгримр Ларитсен!

— Добровит Славутич имеет сведения, что в крепости находится немецкий крестоносец Ульрих фон Эйнштайн, — вступил в разговор переводчик от русских,— он держит в плену единокровную сестру сотницкого боярышню Радмилу Славутичну, которую и похитил пятого дня.

— Крепость Нарва находится во владениях датского короля,— отвечал интендант через своего переводчика,— у нас мир с Великим Князем, и мы не потерпим содержание русских пленников на своей территории.

— Но, по моим сведениям,— после небольшой паузы добавил он,— русская женщина — невеста рыцаря, и прибыла с ним вполне добровольно.

Окружающие датчане утвердительно закивали головами.

— В любом случае, я с ним должен переговорить,— несколько смущенно ответил Добровит, совершенно забыв, что хотел скрыть знание датского языка.

— Прошу,— вежливо отступил в сторону интендант, пропуская русича к выходу.

Толстые дубовые плахи ступеней были вмурованы прямо в каменные стены домика. Добровит быстро вбежал по ступеням и толкнул широкую низкую дверь с полукруглым верхом.

Навстречу ему поднялся уже знакомый ему высокий широкоплечий немец, уже приготовившийся к его приходу. Он был одет в длинную темнозеленую тунику из дорогой шерстяной ткани. За широким, изукрашенным камнями поясом был заткнут короткий кинжал. На мускулистых длинных ногах были кожаные сапоги, достающие до середины икр, отделанные по краям мехом. На шее у рыцаря висела короткая, но толстая золотая цепь с прикрепленной маленькой ладанкой. Своей широкой ладонью он указал на высокий стул у накрытого скатертью стола, приглашая гостя сесть. Двое молодых мужчин расположились и пристально посмотрели друг другу в глаза. В зеленых глазах Ульриха мелькнуло сначала слегка виноватое выражение, но быстро сменилось холодной решимостью.

Голубые глаза Добровита смотрели с откровенной ненавистью.

— Для начала я желаю видеть свою сестру,— холодно заявил Добровит.

— Сейчас она придет,— на ломаном русском сказал Ульрих, — одевается...

В глазах Добровита блеснул недобрый огонек.

— Надо сказать,— продолжил Ульрих, не всегда правильно подбирая русские слова,— она будет моя жена. На днях наше венчание. Я рад, что мой посланный успел тебя известить. Побудешь в соборе на нашем венчании.

— Это не только тебе решать,— жестко отрезал молодой боярин.

— Она согласна. Твоя сестра уже приняла католическую веру. Это будет лучше для нее. Но души своей она не поменяла. Ты должен понять, там, где она будет жить, нет вашей церкви. Я думаю, бог один, просто священники не поделили власть. Но разве каждому объяснишь?

— Так зачем вы ночью в дом забрались?— возмутился Добровит. — Если хотела она тебя, — так полюдски надо было. Сватов засылать.

Ульрих встал из-за стола, разделявшего мужчин и, сделав несколько шагов по скрипучим половицам, взял другой стул и сел прямо напротив Добровита. Теперь ничего не разделяло молодых мужчин. Он потер широкий лоб ладонью и посмотрел почему-то на одинокий маленький цветок в глиняном горшке, который стоял на подоконнике. Перехватив взгляд немца, Добровит тоже посмотрел на цветок. Его красный бутончик смотрел в сторону мужчин.

— Радмила спасла мне жизнь,— наконец-то проговорил Ульрих,— она нашла меня на берегу озера после боя и долго лечила. Я люблю ее так сильно, что ушел из Ордена, чтобы жениться на ней.

Ульрих посмотрел в глаза брата любимой женщины.

— Она для меня все ... я не обижу ее... она будет мне жена,— отрывисто говорил Ульрих, и какой-то комок застрял у него в горле.

— Она будет счастлива... Добровит,— вдруг назвал он по имени боярина и посмотрел ему в глаза,— я клянусь честью рода фон Эйнштайн.

При этих словах немец приложил правую руку к сердцу и склонил светлую голову.

Какое-то смятение охватило Добровита. Еще мгновение назад он готов был растерзать этого тевтонца голыми руками, а уже сейчас ненависть куда-то отступила, как будто откатилась волна от сердца. И он еще увидел, что Ульрих неплохой парень, что он красив и статен, и что у него ясные честные глаза.

Скрипнула дверь, и мужчины одновременно повернулись. На пороге стояла Радмила. Две пары родных глаз смотрели на нее. Одни смотрели с нескрываемой любовью и восхищением, другие — с изумлением и вопросом.

Добровит был поражен немецкой одеждой Радмилы. Перед ним стояла не его сестренка, а красивая немецкая дама. На ней было тонкое нижнее платье из дорогого золотистого шелка. Сверху у молодой женщины было надето бархатное платье фиолетового цвета с длинными рукавами. Платье украшали филигранные пуговицы тонкой работы. Изящную талию стягивал длинный, чуть ли не до самой земли, золотой пояс, украшенный самоцветами, которые были прикреплены к поясу тонкими золотыми цепочками. Голову украшал золотой обруч, стягивающий кусок прозрачного фиолетового шелка. Прекрасное ожерелье и серьги дополняли наряд.

Сестра была так красива, что чисто по-мужски Добровит понимал крестоносца.

— Да, какая красавица стала моя Милуша!

Только родные добрые глаза выдавали из чужой дамы близкую и дорогую Радмилу. Она плавно прошла мимо Добровита и, проведя рукой по вихрастой пшеничной голове Ульриха, опустилась к нему на колени. Ее движения были привычными, и Добровит сразу понял, что они любят друг друга. Радмила, сидя на колени Ульриха, повернулась прямо к брату, и лицо ее оказалось так близко от его, что несколько выбившихся волосков скользнули по лбу Добровита. Она взяла своими маленькими ладонями его тяжелые жилистые руки и тихо сказала:

— Я люблю его, Добровитушка!

Сердце молодца оттаяло. Он окинул взглядом светлую комнату и, опять посмотрев на цветок, сдавленным голосом сказал:

— Вижу, что вы поладили между собой. Бог вам судья!

— Радмила суждена мне вашей русской богиней,— вмешался Ульрих.— она судьба моя.

— А Микитке зачем ухо свернули? — вспомнил Добровит,— коль уговорились, надо было по-людски, сватов послать!

— Мы не поняли друг друга, он думал, что я его бросила. А меня обманули, сказали, что он женится на другой! Это Марьяна чуть нас не разлучила. Отблагодарила за то, что избу оставила! — с негодованием сказала сестра.

— Будет большая война, Добровит. Я не хочу больше воевать. Не хочу убивать никого,— сказал рыцарь.— Русских убивать не хочу. Радмиле будет хорошо. Я хочу дать твоей сестре спокойную жизнь, детей, мою любовь. В Англии мир. У меня есть деньги, но будет еще больше. Мой друг граф Девон приглашает к себе. Предложил имение, замок и титул барона. Буду ждать тебя в гости. Особенно на рождение племянников.

— Ну, уж мы тоже не лыком шиты,— встал и поправил пояс Добровит.— За сестрой дам хорошее приданое!

— Ты, наверно, устал с дороги? Пойдем к столу, и дружинников твоих накормим. Ульрих договорится о месте для ночевки для них!— радостная Радмила побежала на кухню отдать распоряжение прислуге.

— Перед ней ты, рыцарь, и в ответе,— сказал Добровит и, после паузы, улыбнулся.— И передо мной тоже!

Улыбаясь, два богатыря, голубоглазый русич и зеленоглазый немец, вышли на крыльцо. Добровит положил руку на плечо Ульриху. Из-за широких спин появилась Радмила и нырнула под руку любимого.

— Знать, по согласию,— протянул один из дружинников.

— Знамо дело, быть веселью!— поддержал другой.

Свадьбы у католиков праздновались весьма торжественно. В этих торжествах принимало участие большое количество жителей города, поскольку свадьбы обычно устраивались осенью, работы к этому времени были все окончены, и каждый человек хотел бы немного повеселиться. Свадьба так и называлась — Высокий день. И бракосочетание бывшего крестоносца была выдающимся событием в жизни городка Дерпта. Желающих придти на этот

праздник было очень много. А вот со стороны невесты гостей было мало — лишь ее дядя, брат и его дружинники.

Но, вот что было плохо — подруг у русской боярышни в Дерпте не было. Чтобы сестра не оказалась в одиночестве на самом важном в ее жизни празднике, Добровит ещё за два дня до свадьбы послал несколько дружинников в Псков за подругами Радмилы. Приехали боярышни Волкова Ольга и Глинская Татьяна, а также Ульяна из села Самолвы. Все три девушки были очень хорошенькими и пользовались большим успехом у крестоносцев — друзей Ульриха. Бруно, будучи шафером Ульриха, не отходил ни на шаг от веселой блондинки Оленьки Волковой. Она же не возражала против ухаживаний обходительного франка — ведь русские парни были не так галантны. Да внешне Бруно был весьма привлекателен. А бывалый Бруно не терял зря времени, атаковал прелестную блондинку по всем правилам, используя свой богатый опыт на полях любовных сражений. Он еще в Пскове обратил внимание на голубоглазую боярышню, когда девушки обстреляли их снежками. Невезучий Георг не произвел впечатления на Татьяну — никто из девушек не обращал внимания на доброе сердце и верную душу рыжего здоровяка.

На свадьбу своего бывшего брата прибыли все крестоносцы из Дерптского комтурства во главе с комтуром. Выглядели они весьма импозантно в своих белых плащах и черных туниках из дорогой шерстяной ткани. Но и дружинники Добровита не ударили в грязь лицом. Все парни как на подбор — плечистые, высокие, в красных кафтанах, в богатых шапках из соболиного меха.

На свадьбу племянницы приехал датский дядя Добровита и Радмилы, барон Игнас Герардсен. Родные Ульриха, заблаговременно предупрежденные, тоже прибыли на свадьбу.

Наконец наступило утро долгожданного дня. Свадебное торжество началось шествиями, сопровождавшими Ульриха и Радмилу в собор города Дерпта. По немецким правилам, отправились они в собор отдельно. Невеста ехала с подругами в экипаже, запряженном четверкой белых лошадей. На Радмиле было роскошное верхнее платье из серебряной парчи, из-под которого выглядывало расшитое жемчугом и итальянским шелком нижнее шелковое платье, украшенное тончайшим воротником из драгоценных кружев, роскошный золотой пояс, украшенный камнями. На голове у нее легкий венец, также осыпанный драгоценными камнями. Жемчуг и великолепное

золотое шитье украшали ее туфельки. Наряды подруг невесты поражали своей роскошью. Великолепный Ульрих со своими друзьями ехали верхом. И перед невестой, и перед женихом двигались музыканты с флейтами, скрипками, трубами и барабанами. Музыка, разноцветные нарядные одежды, веселые лица, говор, смех, а наверху голубое небо, серебристые облачка и яркое солнце, озаряющее всю картину своими золотыми лучами, а внизу — скрипучий от легкого морозца белоснежный снег. Когда процессия приблизилась к собору Дерпта, тот приветствовал ее колокольным звоном.

Радмила впервые была в Дерптском соборе. Она не могла не восхититься великолепием готического храма, который разительно отличался от построенных по византийскому образцу русских церквей. Простор, высота, группы соединенных друг с другом высоких колонн, поддерживающих собой стрельчатые арки, переплетающиеся остроконечные арки высокого потолка — все это поразило молодую женщину, невольно заставило пусть и не принять душой христианство, но относиться с уважением к вере ее мужа.

Наконец началась церемония; Радмилу к алтарю вел ее старший родственник, барон Игнас Герардсен. В руках у невесты был изящный букет из выращенных в отапливаемых помещениях цветов. Ульрих уже стоял там с весьма серьезным видом. Он кивнул настоятелю собора, и церемония началась. Священник спросил молодых людей, добровольно ли они вступают в брак, и нет ли каких либо препятствий для осуществления их желания. Выждав положенное время и не услышав никаких возражений против их брака, он попросил Ульриха и Радмилу произнести брачные клятвы. Когда они поклялись друг другу в любви и верности, аббат вознес молитву господу и объявил их мужем и женой. После чего мужу было предложено поцеловать свою молодую жену, что и проделал радостный рыцарь, уже давно жаждавший этого священного поцелуя. Он привлек любимую к себе, обхватив ее за шею, и впился в ее сладостный рот. Его горячий язык проник глубоко в ее рот, роскошные медовые волосы заструились у него среди пальцев, сердце гулко стучало в груди. Радмиле же казалось, что они остались одни в мире; и не было ничего прекраснее для нее, чем страстный поцелуй возлюбленного.

Когда молодые вышли из собора, все с веселым шумом опять двинулись к дому, который снимал Ульрих. Молодой муж шел впереди и, дойдя до здания, не входил в него, а стал дожидаться Радмилу. Когда она подошла к дому, он встречал ее. Слуга принес поднос с фляжкой вина и стаканом.

Наполненный вином стакан обошел всех присутствующих гостей, после них пил молодой, а за ним новобрачная. Выпив вино, Радмила перебросила кубок через голову. После этого Бруно, шафер Ульриха, снял с новобрачного шляпу и накрыл ею голову его молодой жены. Этот обряд подчинял ее власти мужа — Ульриха. Радмила первая вошла в дом, а за ней вошли и все остальные. Молодые стали принимать поздравления. Дамы и девушки города Дерпта, приглашенные на свадьбу, подходили к невесте, мужчины — к жениху, подносились и свадебные подарки. Во время поздравлений и подношений играла музыка, пелись песни, и так прошло все время до обеда. Начало обеда было объявлено барабанным боем. После обеда начались танцы, продолжавшиеся до самой полуночи. Во время отдыха разносили конфеты, вино, пиво и другие угощения. После полуночи Радмилу повели в спальню. Ее сопровождали брат Добровит, дядя Игнас, подруги, шафера и некоторые из присутствующих гостей. Впереди несли свечи, и играла музыка, одним словом, получилось ощущение большого торжества. Молодую жену вел Георг. Когда процессия пришла в спальню, он усадил Радмилу на ложе и снял с ее левой ноги башмачок. Этот башмачок потом должны были отдать холостякам, бывшим на свадьбе. Его сразу захватил Бруно, значительно поглядывая на подружку невесты Оленьку — это был намек, что Бруно был бы не против стать следующим женихом, если хорошенькая подруга Радмилы примет его предложение. Вот в дверях спальни появился молодой муж. Все гости покинули молодоженов и оставили наедине. Впереди у счастливых Ульриха и Радмилы была первая брачная ночь.

пасное плавание

Сквозь окно в потолке на Радмилу упал солнечный луч и заставил ее зажмуриться. Она открыла глаза и не сразу смогла понять, где она находится. Потолок и пол были сделаны из широких деревянных плах, стена напротив постели, где лежала еще совсем сонная Радмила, была сделана под большим уклоном. В окне необычной формы, располагающемся на потолке, виднелись голубое небо и яркое солнце на нем. Вся комната со скрипом плавно наклонялась и, застыв на время, как бы нехотя возвращалась в исходное состояние. Откуда-то доносился какой-то странный непрерывный шелест.

— Парусник!— вспомнила Радмила.

И вспомнила ночное путешествие по Нарве, как они долго стояли под морозящим холодным дождем у борта деревянной громадины, трущейся о причал боком, скрипя и жалуюсь, как огромное несчастное животное. Ульрих о чем-то долго договаривался со шкипером на лающем немецком языке. И в результате этих переговоров матросы взяли их вещи и куда-то понесли. Оруженосцы отвели лошадей на парусник. Голуба, как никогда скромная и присмирившая, покорно шла за Лотарем, который уже имел опыт морских путешествий. Ульрих подхватил молодую жену на руки и, неуверенно шагая по скользким ступеням качающегося в такт волнам деревянного трапа, принес ее в небольшую уютную каюту с зажженным слюдяным фонарем на столе. Георг, Бруно и оруженосцы рыцарей устроились в соседней каюте.

Осторожными шажками Радмила поднялась на палубу и застыла в изумлении. Всюду вокруг, вплоть до горизонта, была сплошная голубая вода. Море было покрыто буграми волн, рядами убегающими к горизонту. Жесткий ветер срывал белоснежные барашки с этих водяных гор. Громада парусника, наклонившись сильно вправо под напором стихии, летела, пытаясь догнать убегающие волны. Паруса стонали от напора ветра, мачты и многочисленные веревки натужно скрипели, а на палубе можно было стоять с зажженной свечой! Тишь! Корабль неся вместе с ветром! И над всем этим великолепием простиралось иссиняголубое небо с ясным веселым солнцем.

Взглянув на один из бортов, Радмила ужаснулась. Кажется, он сейчас уйдет под воду! Или зачерпнет воды! Судно так наклонилось — как оно не

перевернется! Она взглянула на убегающую из-под борта воду — в животе стало плохо, и голова закружилась. Страшно представить, какая бездна под днищем корабля. Он — жалкая песчинка в этом бушующем хаосе.

С мостика раздалась резкая гортанная команда на непонятном языке, и человек десять-пятнадцать неизвестно откуда вынырнувших моряков стало карабкаться по вантам, перебираться по реям и выполнять какие-то непонятные молодой женщине действия. Она любовалась, как смело они передвигаются на огромной высоте, не обращая внимания на сильные порывы ветра, как ловко тянут крепкими руками мокрые канаты и тяжелые паруса. Радмила вздрогнула, когда кто-то обхватил ее сзади и оглянулась — это был Ульрих. Его прикосновение отдалось теплой волной по всему телу. Он бережно накинул на ее плечи свой плащ и тихо сказал:

— Холодно! Нортен море!

Благодаря высокому рангу рыцарей им с Радмилой было предоставлено право обедать с офицерами корабля. Расторопный и услужливый матрос ловко менял блюда на мокрой скатерти (чтобы тарелки не сползали при качке). Каждому здесь было определено свое место. Во главе стола сидел важный капитан. Никто не начинал трапезу, пока он не сядет за стол и не возьмет свою ложку. Справа от него — угрюмый шкипер с кирпичнокрасным от морских ветров лицом и всклокоченной бородой. Он быстро, в отличие от капитана, работал ложкой и не обращал никакого внимания на разговоры за столом. Лишь реплики капитана возвращали его в общество, которые он обычно подтверждал одобрительным покачиванием головы. Веселые молодые штурмана — помощники капитана — сидели в ряд слева от него. Эти не упускали случая отпустить шутку, когда капитан отсутствовал или был чем-нибудь отвлечен. В остальное время им приходилось соблюдать строгие морские правила и иерархию. Остальные командиры и почетные гости судна сидели тоже на отведенных им шкипером местах. Еда на судне была вкусной. И как кок умудряется готовить при такой качке?

Матросы с интересом смотрели на красивую женщину и всегда с какой-то особой галантностью готовы были помочь ей, — или спуститься по трапу, или переставить вещи в каюте. Что, впрочем, вызывало сильное недовольство Ульриха.

— Эти итальянцы не могут жить, когда рядом нет женщины, — ворчал он.

А ее это забавляло, пусть поревнует! Настроение у нее улучшилось. Главное — перестала беспокоить морская болезнь. Боцман объяснил и показал: если тошнит — беги и тошни за борт, это не стыдно. Но потом лежать нельзя, показывал он, «плокко! идти работайт». И действительно, она превозмогла себя, не легла, когда было сильно плохо от качки. И со временем все прошло.

Прелестная молодая жена Ульриха стала любимицей всего экипажа. Все старались сделать что-нибудь приятное для нее. Несмотря на ее сопротивление, мальчишка юнга каждое утро убирал ее каюту и поливал единственный цветочек на корабле, неизвестно как попавший сюда. Ей позволили не приходить на завтрак на утренней заре, как всему экипажу, а спать сколько угодно. При этом каким-то невероятным образом при ее пробуждении на столе уже ее ожидала чашка крепкого чая, ароматного и горячего.

Судовой плотник принес деревянные игрушки, которые, как видно, сделал сам. Радмила не поняла, зачем они ей, он показывал на пальцах, ткнул пальцем ей в живот, потом жестами пояснил — у нее будут дети. Радмила зарделась, да так и осталась стоять с деревянным мечом и люлькой в руках, не зная как выразить свою благодарность.

Прошло несколько дней плавания; она проснулась рано утром от какого-то гнетущего чувства тревоги. Было непривычно тихо. Только одинокий звон колокола где-то впереди разрывал тишину время от времени. Радмила накинула плащ и вышла на палубу. Густой туман скрывал очертания судна и убегающих вверх мачт. Не было видно даже носа корабля. Казалось, все застыло в мире. Ни ветерка! Только промозглая морось мелкого дождя и шелест ленивых волн за бортом.

— Где мы, Ульрих?

— Балтийские проливы, Скагеррак!

Ульрих тоже тревожно вглядывался вперед. Где-то там впереди судна матрос пытался высмотреть всю обстановку впереди парусника, чтобы не наскочить на камни; он беспрерывно бросал веревку с грузом перед носом судна, чтобы проверить глубину. К обеду стало пасмурно. На палубе никого не было. Матросы где-то внизу играли в свою, только им известную игру, сопровождая ее выкриками с различными оттенками чувств. Каждые два часа

менялся вахтенный. Да на мостике лениво скрипел штурвал. Но Радмила не могла уйти с палубы. Какое-то дурное предчувствие не покидало ее. Казалось, уйди она — и произойдет что-то непоправимое. Но напрасно вглядывалась она в молоко тумана и вслушивалась в шелест волн. Все было тихо.

И вдруг слева в тумане стали вырисовываться что-то темное. Она не успела даже набрать в легкие воздуха чтобы закричать, как видение превратилось в устрашающего вида большую лодку, увешанную щитами с отверстиями для весел. Ряды весел застыли в напряжении. Громадный дракон с красными кровожадными глазами, увенчивающий нос чужой лодки, казалось, готов был вцепиться в борт судна. Из-за щитов виднелись головы бородатых мужчин свирепого вида в остроконечных шлемах. Торчали пики и поднятые вверх мечи. Они тоже застыли в немом ожидании, и их взгляды перекрестились с взглядом Радмилы.

— Ой-й, пираты! — закричала молодая женщина.

Тут же раздался звук горна, ударил гонг, и по палубе со всех сторон застучали тяжелые подошвы моряков. В действиях команды чувствовалась привычная слаженность. Некоторая доля спокойствия передалась и Радмиле.

— Немедленно в каюту! — заорал на нее рыцарь. И Радмила увидела тучу стрел, отделившихся от лодки морских разбойников и летевших в сторону их корабля. Все моряки спрятались за корабельными надстройками, и в следующее мгновение стрелы со звоном вонзились в палубу, борта, мачты. Ульрих закрыл Радмилу своим щитом.

— Быстро вниз! Ты мешаешь! — он, прикрывая ее щитом, довел до люка и толкнул. — Прячься, пока мы с ними не покончим!

— А-а, капитан погиб! — раздалась растерянные возгласы.

Ползя по веревкам, переброшенным на борт судна и, цепляясь за все, что попадалось им под руку, бандиты живой волной хлынули на палубу. Они сгруппировались у левого борта и готовы были броситься на команду — уже раздалась их боевые крики.

Но туман рассеялся, и перед ними предстали три воина, стоящие на расстоянии нескольких шагов друг от друга вдоль средней линии палубы. Три рыцаря в полном боевом облачении, подняв вверх мечи, молча смотрели на

них из-под опущенных забрал рогатых шлемов, прикрываясь массивными щитами. Ветер раздувал большие белые плащи с черными крестами. Кровавокрасные перья реяли на стальных шлемах. С тылу крестоносцев прикрывали одетые в кольчуги оруженосцы. Никак не ожидали варяги встретиться тут, среди моря, с такими воинами. На мгновение морские разбойники замерли в нерешительности, но в следующую минуту дружно подняли вверх свои мечи и копья.

— У-у,— с криком, скорее напоминающем вопль отчаяния, чем боевой клич, ринулась толпа пиратов на трех рыцарей.

Ринулась и разбилась на части под ударами опытных, закованных в сталь бойцов. С ужасным свистом длинные мечи взмахами косили людские тела. Бородатые лохматые бандиты с ревом и воплями падали налево и направо. Оставшиеся в живых бросились обратно к лодке, но окрыленные победой моряки вмешались в дело. Короткими мечами они настигали пиратов, вскочивших на борт для прыжка или пытавшихся укрыться в судовых надстройках.

Радмила не стала спускаться в каюту — там страшнее сидеть в неизвестности. Она спряталась за громадной бухтой толстых веревок и видела, как полетели к борту судна крючья на веревках, слышала, как слились в один протяжный крик возгласы моряков и дикие крики разбойников. Гулко стукнулась чужая ладья о борт корабля, и раздался звон скрестившихся мечей. Радмила закрыла глаза. Она не могла смотреть, как безжалостные мечи разрубают живую человеческую плоть, как со стоном валятся люди, катятся головы, отрубаятся руки. Запах крови, крики, стоны заполнили, казалось все вокруг.

Она закрыла лицо руками, зажала уши и только молилась богам:

Ульрих, Ульрих, только не тебя!...

Вдруг отрубленная рука с кинжалом покатилась в ней под ноги, обрызгав их кровью. Этого она уже не могла выдержать и ринулась вниз, в каюту. Оттуда она только прислушивалась — что там, наверху? Слышала удары железа, стоны, топот, звуки падающих в воду тел.

Постепенно все стихло.

И было страшно выйти на палубу и увидеть эту кровавую бойню. Радмила собрала все свои силы и выбралась из каюты. Приоткрыв дверь, первым она увидела Ульриха, сидевшего на той самой бухте каната. Он зажимал рану на левой руке, у ноги его стоял окровавленный меч. Она бросилась к нему.

— Как твоя рука?— и стала осматривать рану.

— Ничего страшного, если сравнивать с тем, как мне раньше доставалось... — но гримаса боли исказила его взмокшее багровое лицо.— Вот видишь, какая она жизнь.... а ты говоришь — не надо быть воином! Ну и что было бы с нами, если бы не наш с братьями опыт? Пошли бы рыбам на корм, а ты досталась бы этим негодьям на потеху! — И он пнул ногой мертвое тело пирата.

Моряки начали приходить в себя после схватки. Почти никто ничего не говорил. Погибших складывали в рядок вдоль борта. Кто подавал признаки жизни— тащили вниз, на лечение. Шкипер перерубил все веревки и брезгливо оттолкнул чужую лодку в сторону. Нескольких пленников грубо связали и кинули в темный трюм.

— Незавидная у меня доля! — подумала Радмила. — Опять надо этих мужиков лечить! И когда кончится эта мука? Они сначала рубят друг друга, а мне — лечи!

После боя на судне установилась какая-то печаль. Туман рассеялся, и они вошли в свинцовые воды Северного моря. Моряки молча залечивали раны корабля — зашивали паруса, меняли веревки, коекак заделали большую пробоину в борту. Но, все равно с такой пробоиной плыть в Италию было опасно. Шкипер все что-то мерил своими замысловатыми приборами, пытаясь определить — далеко ли еще Англия. Решили стать там на ремонт. К счастью, в шторм не попали. Парусник привычно кряхтел на сравнительно небольших волнах, а над мачтами неслись свинцовые тучи. Скоро шторма. Надо успеть починить судно.

Радмила поняла, почему команда так грустит. В бою погиб капитан. Он был всем отцом, опорой команды. Тягостная тишина окутала парусник, когда судовой священник встал напротив завернутых в саван покойников. Они лежали в ряд на наклонных досках, установленных у борта. Радмила почти ничего не понимала из молитвы священника на латыни. Хотя и знала многие

слова. Он что-то монотонно бормотал про египетский плен, про какой-то исход, царя Ирода.

— При чем тут все это?— думала Радмила.— У нас все происходит торжественно. Плакать нельзя. Душа уходит к Всевышнему, в рай, кончается земное бытиестрадание. Нельзя привязывать ушедшего своими стенаниями к цепи земных воплощений. Затем вспыхивает священный, украшенный цветами прощальный костер и уносит в небо бранные остатки, навсегда прерывая связь тела с Явью.

Они уходят к счастью. А мы плачем не о них, а о себе. От тягостной боли расставания...

Горестный погребальный обряд продолжался. Раскачивалось кадило. Бормотал священник. Потом тела соскользнули в воду. Плюхнулись и растаяли в волнах. Радмила представила, как снижаются в морской мгле зашитые в мешковину тела, как падают на дно, вызывая облако ила. Потом долго лежат на морском дне, одинокие и брошенные. И все это время душа не может расстаться с телом. Она страдает, мучается там, мечется вблизи морского дна. Нет, это неправильно!

Все разошлись. В каюте Радмила стала заниматься ранами Ульриха и его друзей. Железные латы хорошо справились со своей задачей, и серьезных ранений никто не получил. Весь вечер молодая женщина суетила возле мужа, ужасаясь, как легко могла разрушиться вся ее жизнь, одним ударом меча лишив ее любимого.

А Ульрих был в восторге от такого внимания к своей особе. Убийство было до встречи с Радмилой его ремеслом, но никто и никогда так не радовался после боя, что он остался цел и невредим. Она сама стала жарко целовать и обнимать его, обхватив руками за могучую шею, как будто боялась, что кто-то сейчас отнимет его у нее. Рыцарь не преминул воспользоваться столь благоприятной ситуацией, моментально раздел ее, зная, что сейчас отказа не последует. Всю поездку она стеснялась заниматься любовью, считая, что за тонкой перегородкой все слышно, и Ульриху никак не удавалось ее уговорить. А сейчас героическому защитнику ни в чем не было отказа. Раздев ее и уложив в постель, он медленно стал стягивать тунику, пристально глядя ей в глаза. Молодая женщина также не могла отвести от него своего взгляда, мужественный воин воспламенил ее и разжег жгучее желание. Она встала на

колени, подняла руки вверх, так что пышные белоснежные груди приподнялись, вытащила шпильки, и копна золотисто-каштановых локонов упала на плечи и грудь. Лишь розовые соски соблазнительно выглядывали из-под сверкающей груди шелковистых волос.

— Моя прекрасная русалка, ты сводишь меня с ума!— впившись страстным поцелуем в ротик красавицы, шептал восхищенный мужчина.

Потом весь вечер счастливый рыцарь получал свою награду, пока оба не свалились в глубокий сон. Ночью Радмиле снился родительский дом, большая береза, на которой висят качели, и они с Добровитом качаются на этих качелях. Ах, как приятно раскачивал ее брат! Но она боялась, что упадет и, когда Добровит особенно сильно толкнул ее, она закричала и.... проснулась. Это был не сон, она почувствовала, как твердая мужская плоть медленно погружается в нее. Сильная рука сжала ее грудь, и Ульрих, резким толчком войдя в нее до конца, стал двигаться. Радмила цеплялась за него, дрожала и стонала от блаженства

— Тихо, тихо, только не кричи! А то вся команда от зависти меня возненавидит! — прошептал он и накрыл ее рот жарким поцелуем. Движения его сильного тела становились все быстрее и настойчивее. Каждый новый толчок все больше воспламенял Радмилу. Волны, покачивая корабль, усиливали сладострастные ощущения. Через пару минут ослепительное наслаждение потрясло их обоих

Англия, графство Девон, 1243 год

Шелест воды, крики чаек, неустанно следующих за кормой корабля, прохладный ветер бьет в лицо. Пассажиры парусника, выйдя на палубу, с удовольствием наслаждались свежим морским воздухом, радуясь, что поврежденный корабль все-таки добрался до Англии. Скоро они сойдут на берег. Приближался конец их трудного морского путешествия.

— Британия!— раздался голос вперёдсмотрящего с мачты.

В утренней золотистой мгле начала вырисовываться розовая громада крутого обрывистого берега. Романтической загадочностью и величием веяло от возникшего перед глазами Радмилы чужого берега. Выдающийся далеко в море мыс был увенчан перелесками и глубоко изрезан каньонами. Сверху он был почти плоским. Казалось, кто-то грубо отрубил часть равнины и бросил ее в море.

«Чем она нас встретит, эта Британия»? — думала Радмила, — может, «опять очередными сражениями»?

— Вон старый Дик тащит вязанку хвороста! Значит, и у них сейчас холодно, — пробормотал какой-то матрос на палубе.

— Хватит трепаться! Готовить кливер к повороту!— раздалась команда с мостика.

Парусник лениво обошел мыс, и перед путешественниками открылась прекрасная гавань с множеством островков, скал, устьем реки и портом. Высокая наклонная стена угрожающе возвышалась над небольшим городком. На фокмачте выбросили набор каких-то флажков. Начали открываться ворота. В порту кипела работа. Разгружалигрузили стайку небольших суденышек да дватри парусника побольше. Деревянный причал натужно заскрипел, примятый могучим телом корабля. Суэта на корабле закончилась, все веревки привязаны, натянуты, и по спущенному трапу пассажиры стали спускаться в город.

Ступив на твердую землю, Радмила ощутила долгожданный, надежный покой. Даже, если парусник и не качался вовсе, все равно все время всем существом ощущалось его зыбкое состояние. А если он покачивался хоть чутьчуть, чувство беспредельной бездны было просто пугающим.

— А здесь так хорошо! — она весело шагала с Ульрихом, Бруно и Георгом в направлении Ратуши. Там они узнают, как добраться к замку графа Девона. Оруженосцы остались в порту, охраняя лошадей и имущество рыцарей.

Все было по-другому в этой стране. Дома из красного жженого кирпича и серого грубого камня жались друг к другу, словно им не хватало места. Вдоль грязных улиц возвышались отгороженные высокими каменными блоками мощные булыжником тротуары. На них трудно было бы забраться без поддержки крепкой руки Ульриха. Молодой женщине нравилось чувствовать рядом с собой сильного, смелого мужчину. Она уже и думать забыла, как злилась на него. Она уверенно шествовала по неизвестному городу, с интересом рассматривая лица прохожих. Слыша сзади тяжелую поступь рыцарей, ощущая спиной, как они следят за каждым движением встречаемых людей, как твердо опираются крепкие ладони на рукоятки мечей, она была совершенно спокойна.

Они остановились у массивной дубовой двери ратуши.

— Ульрих фон Эйнштейн! — громко рявкнул Ульрих длинноносой физиономии, выглянувшей в маленькое квадратное окошко.

Громыкнули железные засовы, и дверь со скрипом отворилась.

Привратник, сгорбленный худой старик, провел их через маленький дворик, и они оказались в большой продолговатой комнате, стены которой были сложены из гранитных камней. В комнате было несколько небольших окон, из которых виднелась гавань со стоящими на рейде кораблями, узкой полоской синело море. В центре комнаты стоял стол, застеленный вышитой скатертью, за которым сидел молодой мужчина. Черные волнистые волосы обрамляли бледное суровое лицо. Он вопросительно посмотрел на вошедших рыцарей и пригласил их присесть. Ульрих заговорил на французском языке, который Радмила не знала. Не понимая, о чем идет разговор, молодая женщина стала осматривать комнату.

Вдоль всего длинного стола, за которым сидел суровый англичанин, стояли черные стулья с высокими резными спинками. Из открытого деревянного шкафа у узкого окна торчали корешки многочисленных свитков и книг. Со сводчатого потолка свисали черные цепи, на которых была закреплена большая люстра, напоминающая колесо.

— Граф Девон?— отвечал мужчина, оказавшийся шерифом Плимута,— нашего сеньора очень просто найти.

— Вон та дорога,— мужчины подошли к окну, и шериф указал на дорогу, ныряющую под густые кроны дубов на окраине города,— приведет вас прямо в Эксетер.

— Хотя там будет пять-шесть развилок, — задумался он и добавил,— пожалуй, я дам вам провожатого. Эдвин должен отвезти месячный отчет господину — пусть и вас проводит.

Узкая дорога, утопающая в зелени, чаще использовалась пешими путниками, чем путешественниками, передвигающимися на повозках. На это указывала узкая тропинка посередине, протоптанная одиноким пешеходом или всадником. Крючковатые ветви многочисленных деревьев смыкались в сплошной потолок над головами путешественниками. Они так и въехали в зеленый коридор, наполненный пением лесных птиц.

Вскоре дорога вывела всадников на берег небольшого каменистого ручья. На открывшемся перед их глазами холме на краю большого поля возвышался могучий каменный замок.

— Уорвик, — кратко пояснил провожатый.

Замок представлял собой несколько больших башен с пристройками пониже. Светлосерые, почти белые камни образовывали строгие зубцы на верху стен. Длинный узкий мост обрывался почти у стены главной башни. Через глубокий ров можно было перебраться только через откидной мост.

— Взять его непросто,— повторил вслух мысли Ульриха Эдвин и, после недолгих раздумий, добавил,— он уже давно не подчиняется графу Девон.

— Осаждали несколько раз,— ответил он на вопросительный взгляд рыцаря.

Всадники продолжили свой путь под сенью деревьев.

«Нужно нанять войско», — думал Ульрих, — «иначе с бунтовщиками не справиться. А на оплату наемников нужны деньги».

Дорога стала петлять по склонам большого холма. Лошади спотыкались на канавах, размытых недавними дождями посередине дороги. Староста был немногословен, но после продолжительной паузы продолжил:

— В наших краях сокмены, свободные крестьяне и йомены, зажиточные хозяева составляют большинство — где господину брать доходы, чтобы вовремя платить рельеф?

— А если развести овец? — отвечал Ульрих. — Шерсть дает большой доход.

— Наш сосед, граф Дорсет так и делает, — задумчиво сказал Эдвин, — но нужны овцы... и пастбища.

— Какая красота! — восхищенно сказала Радмила, когда дорога вывела на развилку на опушке леса.

Левый путь вел, петляя между полей, к большим отвесным стенам из красного кирпича. Многочисленные черепичные крыши выглядывали из-за зубчатых стен. А где-то над серединой замка возвышалась квадратная узкая башня с бойницами — последний оплот защитников крепости в случае удачного штурма.

— Нам лучше вправо, — продолжил Эдвин и указал на обходную дорогу. — Это Вальборк, тоже непокорный лорд.

— Не удивляйтесь, милорд, — сказал староста, когда дорога вновь нырнула под кроны деревьев. — Еще пять замков в округе, дня три пути отсюда, отказались подчиняться новому графу.

— Дурной пример лорда Ханта заразителен, — продолжал он с расстановкой. — Он первый взбунтовался.

— Нужны наемники, если своих рыцарей не хватает, — теперь уже вслух сказал Ульрих.

— Сотня добрых воинов решила бы все вопросы, — подтвердил староста, — да средства нужны, чтобы их нанять...

Испуганная женщина подъехала поближе к мужу и вопросительно посмотрела ему в лицо. Она не очень хорошо понимала разговор, который шел на французском языке, но сердцем чувствовала, что речь опять идет о сражениях. Ей не хотелось, чтобы любимый опять взял в руки меч, и его жизнь подвергалась опасности.

— Свои права приходится отстаивать с мечом в руках, — угадал ее мысли рыцарь.

— И меч, и доспехи стоят дорого, — разговорился староста. — А в обязанности вассала входят и дополнительные подати. Это в старые времена граф только и должен был, что предоставить кров и стол королю во время охоты. А потом король придумал себе еще множество привилегий. Вот выкупали из плена Ричарда Львиное Сердце. Со всей страны собирали деньги. А перепись Иоанна Безземельного? — он немного помолчал. Потом тяжело вздохнул и сказал, — Одно название этого документа о многом говорит — Книга страшного суда! Он тогда все леса прибрал к рукам. Тяжело достались графству все эти нововведения.

В вечерних сумерках, уже после заката, всадники въехали в город Эксетер. В окнах серых каменных домов стали зажигаться уютные огоньки. Долго петляли узкими кривыми улочками, и кони зацокали копытами по большой, мощеной камнем, городской площади.

— Большой кафедральный собор, — пояснил Эдвин, указывая на громадный светлосерый храм. Его резные, богато украшенные статуями святых стены возвышались над остальными постройками.

Внутри собора слышалась органная музыка — видимо, священник репетировал предстоящую мессу. Скоро путешественники прибыли к главной башне неприступного замка Эксетер. Красная кирпичная громада замка таяла в темноте сгущавшихся сумерек. Лишь подвесной мост был выхвачен из темноты двумя мерцающими факелами, да одинокие огоньки вспыхивали высоко на стенах.

— Лорд Ульрих фон Эйнштайн с супругой, лорд Бруно де ла Дийон, лорд Георг фон Валленберг! — крикнул оруженосец Отто стражнику на башне.

— И я с ними, Эдвин,— добавил не так громко староста. Видимо, послание Ульриха дошло вовремя, их ждали, и цепи подъемного моста сразу же заскрипели. Конный отряд въехал на небольшой центральный двор замка

Радмила уже начинала привыкать к величественным каменным домам английской знати, но внутри ей бывать не доводилось ни разу. Замок уже начал затихать в этот вечерний час, только окрики часовых на башнях нарушали тишину. Всадники спешили.

— Ульрих! — радостно окликнул рыцаря высокий черноволосый мужчина, быстро сбегая вниз по деревянной лестнице, — Бруно, Георг!

— Граф Гарет!— улыбался Ульрих. — Как я счастлив тебя видеть!

Все четверо друзей стали крепко обниматься, бурно радуясь встрече.

Радмила, стоя в сторонке, с интересом рассматривала хозяина замка. Друг ее мужа был привлекательным мужчиной, его атлетическая фигура, казалось, состояла из одних мускулов. На выразительном лице сверкала белозубая улыбка, взгляд его смелых темно-синих глаз, наверно, свел с ума не одну женщину. Одет был английский граф в туннику из глубокого синего бархата, подпоясанную широким кожаным ремнем, отделанным драгоценными камнями. За поясом был заткнут кинжал с дорогой, отделанной золотом рукоятью. Шею англичанина украшала длинная золотая цепь.

— Познакомься с моей женой, — представил ее Ульрих и повернул друга к жене,— Радмила фон Эйнштайн.

— Граф Гарет Девон! Сражен вашей красотой, миледи!— восхищенный внешностью жены друга, Гарет поцеловал руку молодой женщины.— Прошу в мой дом!

После ужина друзья устроились в креслах возле горящего камина. Радмила подошла к окну. Внизу, за лентой реки Эксе простиралась в темноту ночи обширная равнина. Огоньки далеких селений мерцали в вечерних сумерках.

«Где-то там, в небольшом домике на опушке леса»,— думала Радмила,— «такая же девушка, как и я, только англичанка, мечтает о счастье»...

На высоких сводчатых потолках зала мелькали отблески каминного огня. Радмила вернулась к мужчинам.

— Не думай, что они вышли из подчинения просто так, — говорил Гарет. — Они знают, что я не позволю им заниматься разбоем на дорогах. По Девону уже стало невозможно проехать. Крестьянин рискует жизнью, везя продовольствие в Эксетер. Путешественник тоже не может проехать по дорогам графства. Барон Уорвика, сэр Майтон — язык не поднимается называть его рыцарем — устроил в лесу возле своего замка настоящий разбойничий вертеп! А Генрих не вмешивается! У него недавно были серьезные столкновения с баронами. Он не хочет ссориться с графом Дорсетом. Дело в том, что сестра графа замужем за моим кузеном, который пока что является моим наследником. Если у меня не будет сына, он унаследует и титул, и земли. Граф Дорсет имеет неограниченное влияние на этого бесхребетного слизняка. Вот и он и подзуживает моих баронов выступить против своего законного сеньора. Король хитер, он признает лишь реальную раскладку сил, и сильнейшего поставит во главе графства. К тому еще одна серьезная проблема — от свечи, которую забыл слуга-разгильдяй, загорелся мой кабинет, и все документы, подтверждающие право старшей ветви моего рода на титул и графство, сгорели.

— А, это так не важно! Нужно вытряхнуть твоих вассалов из замков и заставить принести тебе вассальную клятву! — возмутился Георг.

— Ты ошибаешься, брат! Это очень важно! У меня не хватает военных сил, а замки практически неприступны. Нужны опытные рыцари, снаряжение, катапульты, а также деньги для оплаты наемного войска. Графство выплачивает чересчур большие налоги. Запасов нет никаких, да еще и лето было холодное, урожая еле хватит дотянуть до следующего.

— Некоторые суммы мы имеем, — криво усмехнулся Ульрих. — Думаю, можно будет нанять рыцарей и попробовать успокоить кое-кого из твоих врагов.

— Если честно сказать, я страшно рад, что вы ко мне приехали. Я ломаю голову, не зная, как найти выход из этой сложной ситуации.... замки штурмом будет трудно взять, они могут выдержать длительную осаду. Нужно что-то придумать, — задумчиво произнес граф. Затем он спохватился:

— Но вы устали с дороги, особенно леди Радмила, а я, эгоист, рад вас загрузить своими бедами! Все, пойдем отдыхать!— граф отдал приказание слуге и тот, взяв в руки фонарь, повел друзей в отведенные им комнаты.

— Гарет, обожди! Тут у меня возникла одна идея!— с прояснившимся лицом вскочил со своего кресла Ульрих. Он задержался, заканчивая разговор с Гаретом, а Радмила, Бруно, Георг отправились в отведенные им комнаты.

В комнате, куда поместили молодую пару, было уютно и красиво. Высокие сводчатые потолки, два стрельчатых окна с витражами из цветного стекла, большой камин, в котором весело потрескивали дрова. Комната была разделена аркой на две части, в одной стояла внушительная кровать с балдахином. Стены были увешаны гобеленами с изображением сцен охоты, куртуазной любви, праздников. Спальню украшали красивый туалетный столик и несколько резных стульев со столом, застеленным парчовой скатертью. В другой части стояли два деревянных чана с резными ручками, возле стен расположились сундуки для хранения одежды. Из чанов поднимался легкий пар, доносился аромат благовоний.

Гостью графа ждала молодая девушка в белом чепчике и светло-коричневом наряде из домотканой шерсти. Из-под чепчика выбивались веселые золотистые кудряшки. Хотя Радмила не знала ни одного слова по-английски, между ней и девушкой установилось полное взаимопонимание. Рыженькая англичанка жестами объяснила, что ее зовут Дженни, и она будет ее горничной. После умелого массажа Дженни предложила молодую женщину принять ванну. Долгая пыльная дорога отзывалась мучительными ощущениями в измученном теле, и горячая ванна оказалась весьма кстати. Ласковые руки Дженни были очень приятны усталой путешественнице. Радмила закрыла глаза, когда горничная начала осторожно обливать ее чистой водой. Вода прохладными струйками сбегала по груди и изгибам спины. Восхитительные ощущения!

Именно в таком виде и застал ее Ульрих, когда вошел в спальню. Горничная испуганно вскрикнула, — мужчина нетерпеливым жестом отослал ее из комнаты. Он стоял как вкопанный, не в силах оторвать глаз от великолепного зрелища.

Жена стояла к нему боком. Подняв вверх тонкие руки, она скручивала в узел уже выполосканные волосы, мокрые прядки цвета темного меда прилипли к ее раскрасневшимся щекам. Капельки воды, сбегавшие по изящно изогнутой спине, стекали со стройных округлых бедер, сверкая в ярком свете горящих свечей на безупречной молочнобелой коже.

Во рту у него пересохло, сердце гулко застучало в груди, кровь мгновенно прилила к чреслам. Он огромным усилием сдержал себя, любуясь красотой купающейся женщины

Но долго выдержать Ульрих не смог. В три широких шага добравшись до ванны, он поднял с пола оставленный Дженни кувшин с чистой холодной водой.

— Значит, ты уже вымылась?— прошептал он хриловато-чувственным голосом и вылил всю воду из кувшина ей на спину. От такого количества холодной воды Радмила, взвизгнув, задохнулась.

— Я думала, что вы с Гаретом будете долго разговаривать... — наконец выдохнув, проговорила она.

— У нас с ним теперь будет много времени для бесед, — ответил он резковато, в то время как его руки вытаскивали ее из ванны.

— Ах, я так хочу спать!— она сразу сообразила, что последует за этими объятьями.

— А кто мне поможет искупаться? — он стал поглаживать по окружностям упругих грудей, словно изваянных из мрамора, и она испустила томный стон. Все ее тело ожило, затрепетало. Загрубевшие пальцы мягко касались нежной влажной кожи, пробежали по спине, поглаживали округлые ягодицы. Он перебрался вперед, невесомо провел по талии, выпуклости живота, спустился ниже, — она не шевелилась, наслаждаясь предвкушением блаженства. Его пальцы быстро задвигались, развязывая шнурки брэ.

— Раздень меня! — приказал он.

Прерывисто дыша, она подчинилась, распутывая на шоссах неподатливые узлы скользкими пальцами, затем стянула с него тунику. Ульрих помог ей движением плеч, ее руки уже поглаживали крепкие мышцы на его груди, затем скользнули ниже, по плоскому животу, и спустили брэ.

Мужчина сбросил сапоги и шоссы ... ее взгляд пробежался по зарослям светлых волос на широкой груди, сбегающих к низу в узкую полосу и задержался. Прохладная ладонь легла на вздыбленный фаллос, и Ульрих, не выдержав, притянул ее к себе. Радмила ощутила, как его язык слизывает капельки воды с ее шеи. Он склонился ниже, колючими щеками царапая нежную кожу, обхватил один сосок губами и слегка прикусил его. Молодая женщина вцепилась за его плечи, чтобы удержаться на внезапно ослабевших ногах. Ощущения были божественными. Ульрих впился в другую грудь и услышал, как она застонала.

— Ты точно колдунья! Я никак не могу насытиться тобой! — прохрипел он, яростно впиваясь в ее губы.

— Ты хотел помыться, — тихо напомнила молодая женщина, целуя его крепкое тело. Когда их глаза встретились, он сглотнул и выдохнул:

— Ну так помоги мне! — и подтолкнул ее к ванне.

Она взяла губку и, намочив ее, стала обтирать его лицо, затем намылила шею, грудь. Его зеленые глаза провожали каждое ее движение, — так рысь следит за беспечным зайцем, выбирая подходящую минуту, чтобы броситься на свою добычу.

— Повернись — проговорила она, и голос ее дрогнул, когда он безропотно подчинился, демонстрируя необъятно широкую спину.

Усилив воли Ульрих заставил себя стоять неподвижно, когда ее руки приблизились к фаллосу, подрагивающему от нетерпеливого желания. Он закрыл глаза и сжал губы в яростной гримасе. Радмила медленно опустилась на колени и намылила напряженный член. Он задохнулся. Кровь тотчас прилила к чреслам, вырвав из горла тихое, почти звериное рычание

— Достаточно, — пробормотал он и, схватив кувшин с водой, опрокинул его на себя. — Я уже чистый! — развернулся и поднял ее на руки.

Ее груди мягко скользнули по его груди, а член упруго уперся в ее живот. Руки их переплелись, лаская друг друга. Влажная кожа придавала особую чувствительность этим простым прикосновениям. Мужчина был возбужден до предела. В этом прекрасном юном теле сейчас сосредоточились все его желания. Глаза его горели, страсть поработила всю его душу. Ульрих разложил

роскошные волосы на подушке, в золотисто-медовых локонах играли отблески мерцающих свечей. Их яркий свет высветил его напряженное лицо

Да, он попал в западню! Запутался в ее чувственных сетях, и будет оставаться там столько, сколько она захочет держать его в этой ловушке...

Где-то далеко мелькнула мысль, что не зря наставники по ордену предупреждали о могучей власти красоты женщины над слабыми мужчинами. Но коварные старшие братья скрыли правду о невероятной радости разделенной любви, поскольку не хотели делить свою власть над воинами с опасными своей красотой женщинами.

Его пальцы, раскрыв влажные лепестки внутри золотистого треугольника, начали ласкать их, теребя, поглаживая, и Радмила затрепетала. Она вцепилась в бугристые плечи, пылко отвечая на эти испепеляющие, высасывающие из нее все силы ласки. С закрытыми глазами, с лицом, разгоревшимся от страсти, она задыхалась от его прикосновений. Встав на колени, Ульрих стал целовать нежную кожу бедер ее раскинутых ног, оглаживать шелковистую округлость ягодич. Молодой женщине уже было все равно, бесстыдно ли она выглядела, с широко раздвинутыми ногами. Блаженство охватило ее. И его вид с вздыбленным фаллосом уже не шокировал ее, а казался прекрасным.

— Я так люблю тебя! — выдохнула она, переполненная удовольствием и негой.

Ульрих приподнялся, окрыленный волшебным признанием, вошел в нее со страстностью влюбленного, дав волю дикому желанию, сжигавшему его. Мощные толчки, перемежаемые женскими вскриками и хриплыми мужскими стонами, привели к восхитительному экстазу

Радмила, проснувшись поутру распостертой на твердом мускулистом теле, не сразу и поняла, где они находятся. Муж, обхватив ее грудь рукой как чашей, казалось, измерял ее размер.

— Ты не хочешь мне ничего сообщить, дорогая?— прошептал он ей, покусывая маленькое ушко.

— Что я тебе должна сказать?— недоуменно спросила молодая женщина.

— У тебя не возникло никаких проблем с самочувствием?

— Я себя хорошо чувствую. Вот только почему-то тошнило в дороге по утрам.

— После нашего венчания прошло уже несколько месяцев, и мы с тобой занимались любовью каждый день. И не разу у тебя не было особых дней. И грудь стала больше.

— Их у меня нет уже два месяца. Я и сама удивляюсь. Но это, по-видимому, из-за усталости.

— Как ты наивна, моя любовь! Ты ждешь ребенка, что меня очень радует. Обидно так тяжело трудиться без всякого результата!

— Ты тяжело трудился?— удивилась Радмила.

— Да, моя милая! Ты же слышишь, какие стоны вырываются из моей усталой груди!— от таких разговоров его достоинство отвердело до невозможности. Ульрих усадил жену себе на бедра и дал себе волю.

— Ульрих, тебя невозможно даже за уши оттащить от постели!— покрасневшая молодая женщина стала щекотать могучее тело мужа.

— Ой, какая ты вредная!— Ульрих оторвал шаловливые ручки и стал целовать ей грудь. — Я тебя проучу! — и, расположившись между ее ног, снова вошел в нее. Восхитительные толчки, жаркие поцелуи, страстный шепот о том, как он любит ее — как это было все чудесно!

Поцеловав ее еще раз, радостный от долгожданного известия, Ульрих вскочил с постели.

— Ты поспи еще немного, дорогая, завтрак тебе принесут. Ты должна беречься ради нашего малыша. Меня же ждет Гарет!— быстро оделся и исчез за дверью.

А Радмила стала размышлять об ошеломляющих переменах в ее жизни. У нее будет ребенок. Она будет жить в чужой стране, в непривычном каменном замке. Среди людей, которых она совершенно не знает. Другая культура, другая религия. Как ей все это освоить? И все из-за любви! Да, это Голуба

решила ее судьбу, когда помчалась к жеребцу тевтонца... что это она обвиняет Голубу? Она сама согласилась пустить свой венок с венком крестоносца, сама пообещала ему свое сердце. И разве не ждала именно его у брата в богатом шумилинском доме? Разве ей не хватало поклонников среди русских парней? Могла даже за сына князя замуж выйти! Что же это такое, эта любовь? Почему Ульрих стал ей дороже всех на свете? Да, он привлекательный мужчина! А для нее просто красавец. Но ведь и молодой боярин Путятин тоже красив. Поцелуй Ульриха слаще меда. Но ведь он первый мужчина в ее жизни. Конечно, он ее любит! Иначе не бросил бы из-за нее свой Орден, — с этими приятными мыслями молодая женщина вскочила с постели, решив больше не раздумывать на эти темы. А довериться судьбе.

Пара волов медленно тянула по лесной дороге большую повозку, груженную большими мешками по лесной дороге. Неровные, целиком вырезанные из дерева колеса, сопровождали каждый шаг уставших животных жутким скрипом. Разморенный жарким полуденным солнцем йомен лениво отгонял мух, восседая на вершине горы мешков.

Вдруг волы остановились и, хотя повозка ехала с горы, никакая сила не могла сдвинуть их с места.

— Но, проклятые! — хозяин стал колотить упрямых животных веткой по мокрым спинам. Волы переминались с ноги на ногу, но не делали ни шагу. Мужчина с чувством плюнул на землю и отвернулся от повозки. Вдруг густые ветки осторожно раздвинулись, и из полумрака на йомена уставилось бородатое грубое лицо. Мужчина вздрогнул, почувствовав, как кто прикоснулся к нему, и увидел, оглянувшись, что еще один громадный бородач положил руку ему на плечо.

— Куда ты спешишь? — тихо спросил он.

— В город надо успеть до заката, — неуверенно промычал хозяин телеги.

— Правильно, после заката могут ограбить, — вмешался в разговор первый разбойник из кустов.

— А чего ему бояться? — нарочито удивился верзила, — у него ведь за проезд уплачено!

— А что, разве надо платить за проезд? — удивился йомен.

— Значит, ты не платил? — в свою очередь удивился разбойник. — Проезжаешь землями Уорвика и не платишь пошлин?!

Кусты снова раздвинулись, и с обеих сторон дороги вышло человек десять разбойников. Одеты они были в сильно поношенную одежду, но в руках у них было настоящее оружие. В основном короткие мечи, но были и боевые топоры, и кинжалы. Всякая охота сопротивляться сразу пропала у горемыки.

Наконец к повозке вышел и сам барон Майсон, хозяин Уорвика. Уж его то незадачливый крестьянин хорошо знал. Из-под короткого плаща выглядывала кольчуга с доспехом на груди, а голову его покрывал стальной шлем.

— Что в мешках, возница? — резко оборвал он их беседу.

— Известно что, — с удивлением ответил йомен, — овес!

— А по моим сведениям, ты тайно перевозишь серебро! — возразил рыцарь-разбойник и сурово посмотрел на несчастного.

Хозяин повозки ошалело вытаращил глаза на командира разбойников, не в силах вымолвить ни слова. Тогда рыцарь с силой рубанул мечом по крайнему мешку, и из него прямо на пыльную дорогу посыпался золотистый овес.

Его рука вновь взвилась с мечом над повозкой, но в это мгновение послышался тонкий свист стрелы. Вскрикнув от боли, барон выронил меч; разбойники застыли в недоумении — лорд Майсон прижимал к своей груди руку, пронзенную стрелой. Дальше стало еще страшнее — веревочная петля, вылетевшая откуда-то сверху, охватила его торс и с силой потянула по дороге. Все оглянулись в сторону движения тела лорда и увидели, как закованный в сталь всадник с неумолимой силой тащит их сеньора по пыльной дороге. Остальные бандиты хотел было вступить за хозяина, но с обоих концов дороги засверкали латы тяжеловооруженных всадников, а кусты затрещали от тяжелых шагов пеших воинов. Банда кинулась врассыпную. Отто, Хельмут и воины Гарета уже было бросились за ними, но властный голос Ульриха остановил их:

— Пусть бегут! Прибегут в замок и расскажут, что хозяин их попался!

— Так это ловушка? Ты кто такой? Граф Дорсет с тебя шкуру спустит! — злобно плевался дорожной пылью поверженный барон, но удар плеткой по разъяренной физиономии живо укротил его гнев.

— Вначале ты будешь нести ответ перед своим сеньором! — Гарет Девон поднял забрало и стальным голосом произнес:

— Барон Майсон! За занятие разбоем и неподчинение сеньору замок Уорвик и прилегающие к нему угодья изымаются из твоего владения и возвращаются графству Девон.

— Вам не взять замок! — злобно заорал пленник.

— Посмотрим. Я думаю, ты сможешь нам уговорить твоих вассалов открыть ворота Уорвика! А не то... — Ульрих прижал кончик меча к горлу поверженного хозяина замка.

Вбежав в замок Уорвик, разбойники срочно подняли мост и привели все в боевую готовность. Вскоре со стен раздались взволнованные возгласы стражников. Было видно, как отряд, состоящий из тридцати рыцарей в сопровождении оруженосцев и пеших воинов неспешно приближается к стенам замка.

К их удивлению, войско прибыло без осадных катапульт и обозов с провиантом. Оруженосцы лишь везли на повозке длинный ствол дерева, по высоте сравнимый с высотой стен. Нападающие вели за собой на веревке связанного сэра Майсона. Его подвели к стенам Уорвика. Вместе с ним подтащили к основанию стены запасенное бревно и привязали бывшего барона к нему.

— Смолу приготовили? — заорал бородатый громила. — Лейте!

— Но там же хозяин, Эверард! — возразил ему другой, и они застыли, с удивлением наблюдая, что происходит под стенами замка.

Воины тем временем оставили бывшего хозяина замка под стеной, а сами немного отошли. Две веревки разнесли в противоположные стороны и длинным шестом, придерживая веревками, бревно стали поднимать вертикально, на конце бревна оказался блок.

К изумлению защитников крепости, когда оно выпрямилось, через блок с помощью третьей веревки, тело Майсона стало медленно двигаться вверх.

— Чего вылупился, Эверард! — заревел на слугу рыцарь-разбойник, когда он достиг вершины бревна. — Открывай ворота!

— Да они нас всех повесят! — взвыл детина.

— Я приказываю! — настаивал Майсон. — Если меня убьют, замок перейдет в собственность короля. Придет его войско и выкурит вас в два счета!

— Но мы еще поживем немного! — ухмыльнулся бородач.

— Указом графа Гарета Девона, — услышали разбойники голос герольда под стенами крепости, — замок Уорвик будет передан в трэст сэру Ульриху фон

Эйнштайну! Учитывая чистосердечное раскаяние рыцаря Майсона, граф дарует ему свободу. В случае добровольной сдачи крепости людям Уорвика предоставляется возможность отслужить свои грехи у нового барона.

При этих словах еще одна стрела со звоном пригвоздила к столбу прядь волос Майсона. Посмотрев вниз, осажденные бандиты увидели меткого лучника, стоявшего немного в стороне от отряда.

— Открывай, сволочь — захрипел рыцарь, и ворота замка натужно заскрипели.

После удачного захвата замка Уорвик без единого погибшего или раненого человека радостный Гарет решил устроить пир, чтобы закрепить свою победу и наладить отношения со своими вассалами. Граф Девон также планировал познакомить своих друзей с местной знатью — им было бы легче войти в их число. Настроение у рыцарей было боевое. Им удалось недорого нанять приличное число наемников — теперь войско графа Девона представляла внушительную силу. Немалые деньги, привезенные Ульрихом, пришлись очень кстати. К тому же роскошный праздник, устроенный в замке Эксетер, должен был показать прекрасное финансовое положение графа.

Радмила мало бывала на пирах, и поэтому это событие ее очень волновало. Тем более что она плохо знала французский, на котором говорила знатные люди графства, и почти ничего не понимала из разговора простого люда, разговаривающего поанглийски

Загремели рога, призывающие к парадному обеду. Нарядные гости, приглашенные графом Девона на пир, стали входить в пиршественный зал, весело разговаривая и смеясь. Самых знатных гостей граф Девон встречал у входа в палас. На праздник приехал даже герцог Дурвард, его сюзерен. Радмила исподтишка рассматривала величественного вельможу, возглавляющего союз баронов южных земель Англии. Среднего роста, широкоплечий, он был человеком крепкого телосложения, привыкшего переносить тяжелые лишения. Его выразительное лицо с крупными и правильными чертами, хотя и надменное, дышало смелостью и благородством. На нем было бархатное сюрко, опущенное мехом соболя, из-под которого виднелся пурпурный коттэ, на ногах — сапоги из красной сафьяновой кожи. Граф провел знатного гостя на лучшее место во главе

праздничного стола, где стояло великолепное резное кресло. Над креслом был устроен балдахин из шелковой ткани, расшитой орнаментом из переплетенных цветущих веток. Хорошенько рассмотрев герцога, Радмила перевела взгляд на других дворян. Тем более, что он, заметив пристальное внимание красавицы, посвоему истолковал ее женское любопытство и улыбнулся ей, вопросительно приподняв светлую бровь.

Молодая женщина уже немного привыкла к одежде английских дворян. Но все равно она с любопытством разглядывала наряды местной знати. В отличие от русских, мужские и женские костюмы англичан были очень похожи. Только дамский костюм ниспадал до самого пола, рукава были необычайно широки, и нижние концы их очень длинны. Мужской был значительно короче, рукава плотно охватывали руки и доходили до кисти. Наряды были из разноцветного шелка или бархата, красиво отделаны мехом, галунами и драгоценными камнями. Особенно богаты были пояса. У дам концы поясов доставали почти до пола и были обильно украшены топазами, агатами и другими камнями. Волосы их были тщательно причесаны и заплетены в тяжелые косы, перевитые цветными лентами и золотыми нитями. Но ее наряд, как с удовольствием отметила про себя молодая супруга Ульриха фон Эйнштейна, выделялся среди других роскошью и изысканным вкусом. Драгоценная диадема — подарок бедняжки Лалы — вызвала завистливые взгляды практически у всех местных дам. А великолепное, расшитое драгоценными камнями верхнее платье из венецианской парчи, из-под которого выглядывало нижнее платье из синего китайского шелка, несомненно, было самым богатым на этом пиру.

Волосы у большинства мужчин ниспадали до плеч. Хотя у некоторых были довольно длинные бороды, короткая борода преобладала, встречались даже и совсем бритые, как у Ульриха, подбородки. У многих из присутствующих, особенно у дам, головы были украшены золотыми обручами, на которых сияли драгоценные камни. Блеск золота, серебра и драгоценных камней, роскошные ткани нарядов, в основном синего и красного цвета различных оттенков, создавали великолепное зрелище.

Наконец граф Гарет объявил о начале пиршества. Услышав приглашение хозяина, все блестящее общество направилось к громадному столу, покрытому узорчатой скатертью. Гости шумно расселись, видимо, по степеням знатности, на скамьях, окружающих стол. На главном месте расположился герцог

Дурвард. Рядом с ним его супруга, а хозяин, граф Девон — с другой стороны. За столом с одной стороны у Радмилы сидел ее муж, с другой — одетый в роскошный багряный коттэ, расшитый драгоценными камнями, черноволосый мужчина среднего возраста с высокомерным выражением на бледном лице.

— Норис Осборн, граф Дорсета, миледи, — представился он с холодной усмешкой.

Только расселись за столом гости, сразу же в зал вошли слуги, в их руках были кувшины с водой, на шею накинуты полотенца. Всем было предложено вымыть руки

Для каждого приглашенного на столе стоял прибор, он состоял из ножа, ложки и серебряного, или золотого кубка. Были поставлены и кубки на две персоны, чего никогда не видела Радмила на русских пирах. Для каждого присутствующего у его прибора положен на столе белый хлеб. Кроме того, на столе расставлены большие металлические кувшины с вином, чаши с крышками и без крышек, солонки, соусники. Огромный стол был уставлен серебряными блюдами с колбасами, начиненными мясом каплуна, бараньими ногами, приправленными шафраном, запеченными прямо в блюдах мясными паштетами, пирогами с начинкой из голубей и жаворонков, копчеными окороками, нарезанным кабаньим мясом с изюмом и сливами. К каждому блюду полагался свой соус. Было также много разнообразных овощных салатов. Но особенное внимание обращал на себя новый овощ, прибывший от мавров из Испании и называвшийся испанской зеленью, или шпинатом.

На первое блюдо разносился жареный олень, разрезанный на куски. Мясо было сильно сдобрено горячим перцовым соусом. Желающим были также предложены супы из мяса и овощей, приправленные имбирем, кардамоном и другими пряностями. Второе блюдо — жареный кабан под тем же соусом. За ним внесли жареных павлинов и лебедей. В то время как одни разносили кушанья, другие слуги обходили стол с кувшинами и наливали в кубки вино. Затем последовали запеченные куры и утки, пироги с мясной начинкой и угри с чесночным соусом. В конце праздничного обеда к столу подали яблоки, гранаты, финики. На десерт было сладкое вино и различные пирожные, медовые пирожки с фруктовыми начинками.

Обед всем очень понравился, гости высоко оценили мастерство поваров графа. Было видно, что английское дворянство любило хорошо поесть.

— Но услаждают себя изысканной едой, а не количеством съеденного, как на наших пирах, — отметила про себя Радмила. Она плохо понимала англичан, даже ее муж разговаривал с английскими рыцарями на французском языке. Правда, он иногда пересказывал ей содержание беседы, но потом опять с интересом обсуждал какие-то важные вопросы с пожилым краснолицым дворянином с большим животом, сидевшим с ним по соседству.

Чтобы развлечь себя, она стала исподтишка рассматривать приглашенных на праздник гостей. Молодая женщина видела, что практически все мужчины, даже пожилые, обращают на нее пристальное внимание. Радмила уже давно привыкла к неподдельному восхищению, которое вызывала ее красота у сильного пола, но здесь, в чужой стране, из-за этих восхищенных мужских глаз ей было не по себе.

Она поспешно опустила ресницы, тем более, что муж собственнически следил за каждым из этих пламенных взглядов. Ее сосед, граф Дорсет наблюдал за ней с какой-то неприятной, распутной усмешкой. Сидевший рядом с ним смуглый рыцарь в красной шелковой тунике с массивной золотой цепью на шее тоже не отрывал от красавицы-чужестранки своих черных глаз. Конечно, присутствие Ульриха успокаивало, молодая женщина чувствовала себя вполне защищенной. Но как только ее муж вышел из-за стола по приглашению герцога, раздался голос ее соседа, графа Нориса.

— Вы позволите, фрау фон Эйнштайн, представить вам моего друга, прецептора обители Танкертон ордена Святого Храма, Армеля де Брувилль?

Радмила повернулась и увидела устремленные на нее горящие глаза крестоносца и его выразительное, аристократическое лицо.

— Норис, сядь на мое место, а то как-то неудобно разговаривать с дамой через твою спину. — Армель де Брувилль, пересев на опустевшее место графа Дорсета, склонился к Радмиле и прошептал понемецки:

— Вы очень красивы, фрау фон Эйнштайн! И вызываете у мужчин острое желание. Когда вам надоест этот неуклюжий тевтон, и захочется ощутить поцелуи настоящего мужчины, только дайте знать — и ваш покорный слуга будет у ваших прекрасных ног, — он осторожно наступил ногой на ее изящный

башмачок и постарался вложить в пронзительный взгляд своих бездонных черных глаз как можно больше дерзости.

Испуганная молодая женщина не знала, как ей следует поступить. Она поспешно встала из-за стола и подошла к Бруно.

— Давай на минутку выйдем во двор, хочется подышать свежим воздухом, — Радмила боялась рассказывать о непристойных намеках тамплиера.

— Я вижу, что этот наглый храмовник положил на тебя глаз! Его счастье, что Ульрих пока что ничего не заметил ... он быстро выбил бы из него эту дурь! — с возмущением проговорил франк. Смущенная Радмила посмотрела на друга Ульриха и густо покраснела.

— Мы давно знакомы с ним. Еще в Акре, на турнире Ульрих сбил его с коня и с тех пор, похоже, де Брувилль затаил злобу. Твой муж по своей простоте не видит этого, а я предполагаю, что он использует все средства, чтобы насолить ему. На всякий случай, держись от него подальше! — и франк крепко сжал руку Радмилы. Когда они вернулись, Ульрих уже сидел на своем месте.

Во время пира гостей развлекали одетые в длинные разноцветные наряды жонглеры, певцы, музыканты, без усталости играющие на арфе и гуслях. Музыка чередовалась с пением или сливалась с ним, на смену музыкантам появились акробаты. Один из них встал на шар, и стоя на нем и подталкивая его ногами, он начал кружиться по залу. Другой стал ходить на руках. Двое из них подняли обруч, а третий стал с разбега прыгать в него. Гостям очень понравился фокусник, который поглощал огонь и снова извергал его изо рта. Наконец, обед приблизился к концу. В самом конце его каждый из гостей пропел какую-нибудь песню. О чем? — скорее всего о любви, — сама уже догадалась Радмила.

После песен элита графства встала из-за стола. Все разбрелись кто куда. Молодежь устроила игры на открытом воздухе, танцы походили на русские хороводы и сопровождались пением танцующих. Некоторые гости образовали группы для игры в шахматы. Опять незаметным образом высокий храмовник оказался около красавицы. Надо заметить, что весь вечер Радмила ощущала на себе его неустанное внимание. То из одного конца зала, то из другого пронзительные черные глаза жадно ощупывали ее тело.

— Вы так прекрасны, миледи, — прошептал прецептор, — жаль, что такое совершенство досталось неотесанному болвану. Мы, французы, умеем лучше оценить аромат нежной розы, чем грубые немцы, они и в постели примитивны и однообразны.

— Как вы смеете говорить мне такое, — пробормотала Радмила, вырывая руку из сильных пальцев воинственного монаха.

— Я послан тебе богом, красавица, — шептал наглый Армель, склонившись к ее ушку, — только со мной ты узнаешь, что такое настоящее наслаждение...

— Прекратите меня преследовать, иначе я все расскажу мужу, — перебила его страстную речь молодая женщина.

— Это бесполезно, вы только погубите его, — узкие губы тамплиера исказились в презрительной усмешке, — вы недавно здесь, миледи, и не знаете, какой властью обладаем мы в этой стране. Ваш муж сделал большую ошибку, покинув орден. Теперь он просто мелкий барон, вассал графа Девона, а я настоящий властитель в этих краях.

Радмила вырвала свою руку из цепких ладоней прецептора.

— Поскольку я хочу тебя, ты будешь моей! — В глазах храмовника появился безумный блеск.

Испуганная женщина бросилась искать мужа.

Наступили сумерки, и хозяин замка граф Девон пригласил гостей послушать певца исторических песен. Большинство поспешило на призыв и собралось в зале. Все смолкли. Певец выступил вперед, откинул на плечи свои роскошные кудрявые волосы, приложил к подбородку нижний конец неизвестного Радмиле инструмента, провел смычком по его струнам и после короткого вступления запел. Ульрих подошел к жене:

— Тебе, дорогая, конечно, не совсем понятно, о чем он поет. Позволь пересказать тебе содержание его песни. Эта прекрасная песня о судьбе благородного рыцаря графа Руссильонского, об его любви к королеве франков.

Певец был осыпан похвалами и щедро одарен. У многих дам на глазах выступили слезы. За его пением время пролетело незаметно. Зал озарился свечами, поставленными в высокие канделябры. Снова началась суматоха: на

стол слуги стали ставить приборы для ужина. После ужина большинство гостей уехало. Гарет проводил их до коней и осушил вместе с гостями последний кубок с пожеланием счастливого пути. Остальные расположились ночевать в гостеприимном замке.

Ульрих с друзьями вышел во двор. Уже стало прохладно. Серебряная луна безмятежно светилась на ясном небе. В бездонной глубине ночного неба сверкали мириады звезд. Неяркий свет луны освещал высокие башни Эксетера и длинные темные тени, падающие на двор замка, укрывали бархатной темнотой замковые постройки. Загремели цепи подъемного моста, из служебных помещений выбежали стражники, заступившие в ночной караул, и стали обходить стену, бряцая своим оружием. Прозвучал сигнал отбоя.

— Пойдемте лучше спать, братья, завтра обсудим, что делать с остальными непокорными вассалами Гарета,— зевнул Бруно.

— Да, скорее в постель, надо получше выспаться, ведь завтра охота!— возбужденно сказал Георг. Это было его любимое развлечение. В отличие от Ульриха и Бруно, он не сильно увлекался женским полом. Или же, вернее сказать, это он не имел никакого успеха у женщин, его заурядное лицо не давала никаких шансов на любовь красавиц — они упорно не замечали могучего тела и верного сердца рыжеволосого немца

Большой кабан выскочил на опушку леса и, сделав резкий поворот, так что комья сырой черной земли вылетели из-под его копыт, ринулся вдоль косогора вниз к реке. Уже в следующее мгновение из зеленой стены осинника вынырнула вся погоня — десяток всадников на взмыленных лошадях и свора отчаянно лаявших псов. Коричневая туша кабана мелькнула между двух валунов и понеслась отчаянным галопом по зеленому полю к реке. Река была глубокая и быстрая, ее темные воды представляли серьезную преграду для охотников.

— Уйдет, — закричал Ульрих и пришпорил коня.

Георг, Бруно, Гарет поскакали за ним. Не отставал и граф Дорсет, Норис Осборн. Лошади чуть не споткнулись на крутом косогоре. А кабан уже ловко плыл вдоль течения, приближаясь к противоположному берегу. Несмотря на холодную в эту пору воду, Лотарь и остальные боевые кони с ходу прыгнули с невысокого берега. Кабан пошел петлями, и только один пес умудрился вцепиться ему в загривок. Резким движением он сбросил собаку, да так что тело ее взлетело высоко вверх. Раздался громкий визг, стало ясно, что при падении борзая переломила себе хребет. Ударом дротика Норис прикончил несчастного пса. Перестав петлять, кабан понесся с такой скоростью, на которую только был способен. Во все стороны летели комья земли. Все молчали, даже собаки перестали лаять. Только топот копыт и резкое дыхание вспотевших лошадей сопровождало бешеную гонку. Лента реки опять перегородила дорогу, и кабан исчез в воде.

— Не дайте ему обратно вскочить в лес! — закричал распаленный сумасшедшей скачкой Георг, указывая рукояткой плети на подступающие к реке деревья.

Но было поздно. Круглый зад кабана исчез в кустах. За ним исчезла и вся погоня. Ветки нещадно хлестали по лицу Ульриха, но Лотарь сам ориентировался по лаю своры. Наконец большая поляна открылась перед ним. Кабан, видимо, споткнулся, и несколько собак окружило его. Почти одновременно они вцепились в него со всех сторон. Отчаянным движением он крутанулся, и пятнистые рыжебелые тела с визгом полетели в разные стороны.

Кабан взвизгнул и бросился на Лотаря. Острые клыки зловеще торчали из-под горбатого носа.

«Распорет коню брюхо», — мелькнула мысль в голове рыцаря, и он соскочил с коня, вставшего на дыбы.

— Ульрих! Лови! — услышал он голос Бруно и, повернувшись, увидел летящую к нему прямо в руки деревянную рогатину с окованными медью наконечниками и цепью между ними.

Левой рукой рыцарь ловко ухватил древко рогатины, и воткнул ее нижний конец в основание пня, направив острые концы в сторону несущегося на него зверя. Уже через секунду острые медные концы рогатины с хрустом пронзили щетинистую шкуру вепря и, ломая кости, глубоко вошли в его плоть. Толстое древко рогатины изогнулось и с хрустом треснуло пополам. Погибающее животное в последнем прыжке с ревом поднялось во весь рост перед Ульрихом. Острые желтые клыки мелькнули перед его лицом. Но блеснул стальной клинок длинного меча, и голова кабана покатилась на землю. Кровь брызнула фонтаном, заливая лицо, одежду немца и землю, поросшую молодой зеленой травой. Лошадь Бруно резко затормозила, и Ульрих увидел веселое вспотевшее лицо франка, засовывающего меч в ножны.

— А ты смеялся, что я беру на охоту боевой меч!

— Этот кабан — настоящий воин, — с уважением проговорил запыхавшийся Ульрих и толкнул ногой отрубленную голову зверя.

Тем временем Радмила вместе с другими дамами неспешно ехала по прохладному лесу. Где-то издалека доносилось гиканье всадников, слышался лай собак. Временами в эти звуки врывается резкий голос медной трубы. И вновь слышался далекий топот копыт и взвизги борзых. За дамами следовала группа оруженосцев и слуг. Хотя они и жаждали присоединиться к охоте, но вынуждены были следить за женской кавалькадой. Отто, оруженосец Ульриха, откровенно наслаждался неторопливой прогулкой в лесу. После полудня всех ожидало вкусное жаркое из зажаренного на вертеле кабана, обильно сдобренное пряностями и кислым бургундским вином. Эти приятные мысли текли у него в голове весенним ручейком, он и не заметил, как жена его сеньора немного задержалась позади всей компании. Она увидела цветущий

ландыш под березкой, совсем как на родине. Придержав кобылу, Радмила хотела спешиться, чтобы сорвать прелестный благоухающий цветок. Это не заняло бы много времени, она ведь отчетливо слышала негромкие разговоры остальных дам. Незаметно для нее сзади подъехал один мужчина, из сопровождающих женщин слуг, и вдруг Голуба взвилась на дыбы, заржала и понеслась по лесу. Радмила едва успевала прикрывать лицо от хлещущих, мокрых от росы веток и, натянув поводья, пыталась остановить кобылу. Но та бешено неслась, перепрыгивая через попадающиеся на пути канавы и стволы. Сзади слышался топот копыт тяжелого коня. Голуба выскочила на широкую просеку и понеслась по узкой тропинке, пробитой посередине. Впереди Радмила увидела незнакомых людей. Всадники стояли группкой и поглядывали на нее. Радмила оглянулась — незнакомый чернобородый мужчина, вроде бы сокольничий графа Дорсета, пришпорив коня, уже почти догнал ее. Еще минута, и она ощутила дыхание его коня. Мужчина, ловко изогнувшись, выхватил что-то из упряжи Голубы и метнул в сторону. Девушка увидела волчий хвост, повисший на ветках.

«Так вот почему понесла Голуба!» — поняла наездница.

Уже останавливаясь, Голуба поднесла ее к группе незнакомых мужчин.

— Миледи! — с ухмылкой поздоровался морщинистый всадник в яркозеленой, с пером шляпе и склонился в поклоне, насколько это было возможно сделать в седле. Радмила увидела оскал его желтых редких зубов, который должен был обозначать улыбку. Один из чужаков спешился и схватил ее лошадь под уздцы. Другие всадники перекрыли дорогу вставшей на дыбы кобыле. Человек в зеленой шляпе вытащил из седельной сумки сложенный сверток материи и, не спеша, развернул его. Радмила с ужасом увидела, что это был мешок.

— Прошу, миледи! — с издевкой сказал он и быстро накинул его на голову молодой женщины. Прежде чем та успела опомниться, крепкие руки обхватили ее и засунули в мешок, крепко обвязав веревкой. Она ощутила, что ее кинули на круп другого коня и поскакали прямо через чащу. Ветви хлестали молодую женщину по спине и бокам. Рядом слышалось возмущенное ржанье Голубы. Наверное, ее вели на поводу. Радмила напрягалась изо всех сил, стараясь понять, куда ее везут, и старалась запомнить дорогу. Но рельеф местности был незнаком ей. Конь то бежал густым лесом, то взбирался кручей, то шел по какому-то ручью — слышно было журчание воды.

Неизвестные всадники громко смеялись и хрипло переговаривались на английском языке. Хотя женщина и уже немного понимать язык, но быстрый, скомканный разговор похитителей разбирала с трудом. Только поняла одно слово — Тагель. Она вспомнила, что так назывался замок в соседнем графстве.

Радмила тщетно прислушивалась — звуков погони слышно не было. Похитители переговаривались спокойно, без страха быть настигнутыми рыцарями.

— Где же мужчины?— волновалась Радмила,— ну зачем они не разрешили женщинам сопровождать их!

Похоже, уже стемнело. Радмила почувствовала, что ее сняли с коня и, перекинув через плечо, понесли куда-то. Запахло сыростью. Звуки шагов гулко отдавались в каких-то сводах, потом послышалось, как плюхает вода под ногами ее похитителей. Потом ее понесли вверх по ступеням, скрипнула дверь, и она резко полетела на что-то мягкое.

— Поаккуратней, Орсо! Это все же леди! — раздался повелительный голос, и Радмилу стали развязывать.

Свет свечей и факелов поначалу ослепил ее. Она увидела лишь лицо графа Нориса. Его было не узнать. Такое учтивое на пиру, его аристократическое лицо оскалилось в хищной улыбке.

— С прибытием, прекрасная леди фон Эйнштайн! — темные глаза сладострастно блеснули.

— Вы ответите перед моим мужем за свою выходку! — гневно ответила Радмила, одергивая задравшееся платье.

— Вашему немцу не удастся наводить здесь свои порядки! — сказал Норис. — Здесь Дорсет, а не Бавария! Придется ему поискать себе другую жену. А вы, после того как вами попользуется Армель, пополните мою коллекцию. Вам понравится, — добавил он и многозначительно тронул себя за пах.

— А пока леди должна отдохнуть, — он повернулся к слугам.

— И привести себя в порядок, — уже Радмиле добавил он, жадно заглядывая в разорванный лиф.

Англия, графство Дорсет, 1243 год

Издали ночной лес выглядел как звездное небо. Сотни факелов мелькали между деревьями, вся округа наполнилась криками людей и лаем собак.

— Ищут русскую княжну, — сказала пожилая женщина своей подруге. — Ее лошадь понесла на охоте, и она пропала.

— Наш лес не такой уж и большой, — отвечала ее собеседница, — там ребенок, и то не заблудится...

— Говорят, ее похитили, ведь она очень красива!

— Это будет вернее, — согласилась вторая.

К рассвету Ульрих совсем устал. Кажется, он сам прощупал каждый дюйм леса. Радмила пропала. Где она сейчас? Кто посмел поднять руку на его любовь? Где искать ее следы?

— Среди местных егерей, оказывается, есть хорошие следопыты, — сказал Гарет, — они нашли свежие следы...

Ульрих встрепенулся.

— Шесть коней прошло от большой просеки к ручью, — продолжил англичанин, — затем следы теряются.

— Мы пройдем весь ручей, вплоть до Ла Манша, но найдем то место, где они вышли, — воскликнул Ульрих.

— Двое слуг графа Норриса Осборна исчезли из сопровождения дам, — вмешался Георг.

— Да и сам граф как-то поспешно покинул пикник, — задумчиво добавил Бруно.

— Я не удивлюсь, если это его рук дело, — согласился Гарет, — уж больно он был внимателен к миледи на пиру. А он известный распутник. И все сходит ему с рук, поскольку он в большой чести у наших соседей храмовников. И Генрих его не трогает, не хочет портить отношения с орденом Святого Храма.

В отчаянии Ульрих пришпорил коня и поскакал в сторону ручья. Друзья последовали за ним.

— Господин! — кричал с берега один из егерей, — следы уводят в самую чащу. И там теряются.

Ульрих подъехал к следопытам.

— Мы прочесали всю чащу, — говорили они наперебой, — оттуда лошади не выходили, как под землю канули.

— Может, и вправду под землю ушли, — задумчиво произнес Гарет.

— Час от часу не легче, — отвечал Ульрих, и пришпорив коня крикнул, — едем в замок к графу. Я совершенно уверен, что без него здесь не обошлось!

Две громадные башни, установленные на входе в замок Тагель мрачно нависали над головами четырех рыцарей. Ульрих, Георг, Бруно и Гарет терпеливо дожидались, пока к ногам их коней опустится скрипучий подъемный мост.

— Чем обязан? — криво улыбнулся граф Норис, приглашая рыцарей пройти в центральный зал замка. Наступила пауза. Четверо друзей молча стояли, не приняв предложение графа присесть.

— Моя жена пропала, — наконец начал Ульрих.

— Наслышан, наслышан, — развел руками граф Норис, — но ничем не могу помочь.

Ульрих с ненавистью смотрел прямо в наглое бледное лицо.

— Возможно, граф, вы обладаете хоть какой-нибудь информацией, — продолжил за него Бруно.

— Скорблю, но ничем не могу быть полезен, — улыбнулся Норис, — тем более, что срочные дела потребовали моего преждевременного отбытия с охоты.

В это время Ульрих услышал, как заржала лошадь

— Это Голуба! — воскликнул он. — Она услышала голос Лотаря и откликнулась!

Граф застыл в напряжении.

— Мы должны осмотреть ваши конюшни, граф,— холодно проговорил Гарет.

— Господа,— опомнился от минутного замешательства Норис,— вы в своем уме? Учинить обыск в моем замке? Если для вас слово дворянина ничего не значит, прошу вас покинуть мой замок!

Руки четырех рыцарей почти одновременно легли на рукояти мечей.

— Стража! — громко вскричал граф, и голос его отдался под сводами зала.

В зал мгновенно, как будто они стояли наготове, вбежало десятка три вооруженных воинов.

— Господа покидают нас, — Норис указал рукой на выход, — проводите их с честью!

Вслед уходящим рыцарям неслись раскаты сочного графского смеха.

Рыцари остановили коней на повороте дороги. Отсюда, в красных лучах уходящего за горизонт солнца, был хорошо виден могучий Тагель. Его каменные стены грозно возвышались над окружающей местностью.

— Будем брать,— сказал Георг.

— И немедленно,— подтвердил разъяренный Ульрих.

Начиналась сильная гроза. Резкие струи дождя нещадно поливали землю, а все вокруг было освещено бледным светом луны, прорвавшейся сквозь разрывы черных туч. Вспышка молнии озарила шатер, где укрылись рыцари, и сильнейший удар грома потряс все вокруг. Ульрих встал и вышел из шатра. Бруно выглянул ему вслед.

— Куда он? — спросил друга удивленный Георг.

— Не знаю, — проговорил франк, придерживая мокрый полог, — вон, стоит на холме.

Бруно вышел под холодные струи ночного ливня и приблизился к Ульриху. Осторожно он дотронулся до спины друга, облаченной в кольчугу. Его

рука почувствовала страшное напряжение, которое сковало могучие мышцы под железными кольцами. Ульрих вздрогнул.

— Что ты, Ульрих? — участливо произнес рыцарь.

Ульрих неожиданно резко выхватил длинный меч из ножен и с размаху вонзил его в сырую землю.

— Это я во всем виноват! — закричал он.

Очередной удар молнии озарил искаженное страданием лицо немца, а раскаты грома поглотили хрип, вырвавшийся из его груди.

— В чем ты виноват? — попытался смягчить страдания друга Бруно.

— Я привез ее сюда! Я не уберег ее! Дома, на Руси, она была в полной безопасности, жила в богатом, хорошо защищенном доме с братом, который в ней души не чаял! Добровит не дал бы ее в обиду, — рыцарь повернулся к другу и схватил его за руку. Из-за сильных чувств, которые охватили его душу, он не замечал, как больно сжимают его пальцы предплечье Бруно. — А я поклялся ему своей честью, что сделаю ее счастливой!

— Что теперь с ней, брат? — лицо немца приблизилось вплотную к лицу Бруно, по щекам Ульриха стекали, словно слезы, капли воды. — Что там происходит? Может, ее насилуют? Или избивают? Может, уже убили?

Ульрих вырвал меч из земли.

— Я сейчас же пойду туда! — взревел он, — я спасу ее!

— Ты не виноват, Ульрих... — проговорил Бруно, останавливая его, — этого никто не мог предположить. Такое может случиться с каждым. С тобой... или со мной.

— Я должен был предвидеть... на нее ведь все так жадно смотрят! Ты не понимаешь! Это обязанность мужчины, быть всегда начеку. Наш долг — защитить женщин. Я не прощу себе, если с Радмилой что-нибудь случится. Тем более, что она носит нашего ребенка!

Ульрих повернулся к луне.

Его бледное лицо выглядело зловещим в мертвенном свете ночного светила. Неподвижные глаза, казалось, стали почти белыми. По заострившимся

небритым скулам стекали струйки воды, светлые волосы беспорядочно прилипли к широкому лбу.

— О Боже! — воскликнул он, — ты отнял у меня первую любовь, ты лишил меня отчего дома... но ты не дал мне погибнуть в холодном русском озере. Она спасла мне жизнь! Не ты ли послал ее мне? Не твоей ли рукою был указан ей путь к умирающему рыцарю? Так что же, этот путь привел ее в такую беду?

Ульрих осел вниз, и его колени уперлись в мягкую землю. Мужчина обхватил свою голову руками и согнулся к мокрой траве. Плечи его содрогнулись. Невольно Бруно тоже присел к другу и положил руку на согнутую спину.

— Боже! Прошу тебя! Не отнимай ее у меня! — прохрипел рыцарь.

— Ульрих! — сиплым от волнения голосом прошептал франк, горло ему сдавил сухой комок, — мы спасем твою жену, брат! Клянусь тебе! Все будет хорошо.

Ульрих оглянулся на друга. В его глазах, показалось Бруно, мелькнула надежда. Рыцари обнялись. Бруно слышал, как бешено стучит сердце у его друга.

Потихоньку Бруно привел Ульриха обратно под полог шатра. Заставил надеть сухую одежду. Воспаленные глаза немца лихорадочно сверкали в сполохах догорающего огня. Рыцарь сел в отдалении от своих друзей — в самом углу их временного убежища и, упершись подбородком о рукоять меча, воткнутого в землю, молчаливо смотрел сквозь красные угли. Никто не решался прервать затянувшуюся тишину. Капли дождя все реже и реже ударяли по промокшей ткани. Начинало светать. Завтра будет штурм замка.

— Милорд граф! Черепаха! Черепаха! — раздался крик стражников со стен, и граф Норис Осборн, накинув плащ, торопливо взбежал на крепостную стену.

Внизу по равнине, примыкающей к стенам замка, и отгороженной глубоким рвом, двигалось необычайное сооружение. На нескольких десятках громадных, окованных железом сплошных деревянных колес к стенам замка медленно катилась большая платформа. Сверху она была накрыта слоем глины с соломой и брошенными поверх мокрыми шкурами. Платформа как бы нависала с боков спереди и сзади над десятками людей с криками толкавших эту махину. Для облегчения их задачи в колесах были предусмотрены специальные отверстия. По пояс голые, вспотевшие люди вставляли в эти отверстия штыри, и рычагами заставляли колеса вращаться. Медленное и неумолимое движение машины сопровождалось скрипами, грохотом и окриками командиров.

— Приготовиться к защите замка! — взревел граф, — греть смолу, воду! Все на стены!

Весь замок пришел в движение. Разожгли большие костры и стали плавить в них смолу и греть воду. На стены тащили камни, доски с набитыми в них гвоздями, факела, оружие. Мужчинам помогали женщины и дети.

А черепаха между тем постепенно приближалась ко рву.

— Через ров не пройдет! — стараясь перекричать шум на стенах, сказал графу сотник.

Машина действительно остановилась у края глубокого рва и замерла. Из лесу появились многочисленные повозки с камнями и направились к черепахе. Со стен замка полетели камни. Но они не достигали другого края рва, и граф приказал не тратить зря силы. Нападающие стали накладывать валуны с телег на край черепахи. Когда, по их мнению, камней оказалось достаточно, черепаха двинулась прямо на ров. Благодаря тому, что задняя часть платформы имела значительный перевес против передней — первые, вторые и третьи пары колес повисли над пропастью. Осаждающие толкнули свою машину

вперед — она пошатнулась. Веселый крик огласил окрестности со стен замка.

Ободренные неудачей осаждающих, мужчины и женщины выкрикивали, стоя на стенах, проклятья и оскорбления нападавшим.

Не обращая внимания на ругательства, нападающие стали добавлять камни на заднюю часть черепахи. Затем они вновь ее толкнули, и под стенами замка раздался их радостный вопль, — передние колеса коснулись противоположного края рва. В ответ со стен замка после небольшой паузы раздался свист, и в сторону черепахи полетели камни. Однако никакого вреда гигантскому сооружению они не смогли нанести.

С высоты стены граф Норис видел, что длины черепахи хватит, чтобы достигнуть передним краем стены, а задние колеса все еще будут стоять на другой стороне рва.

— Все рассчитали, сволочи, — воскликнул он, и с ненавистью посмотрел на невысокий холм, где около раскинутого шатра, поблескивая латами, стояли четыре всадника.

Черепаха уперлась в стену, и сверху полетели камни, полилась горящая смола и кипятки. Мокрые шкуры зашипели, а камни, упавшие на крышу громоздкого сооружения, только увеличивали прочность сооружения. Посередине этой конструкции были сделаны специальные мостики, и нападающие могли беспрепятственно перемещаться через ров к стене замка. Снизу раздались глухие удары в прочную каменную стену.

— Они ничего не смогут сделать, — ухмыльнулся граф, разговаривая с храмовником, который также взобрался на стену, — замок стоит на скале, подкоп невозможен. За десять фунтов был нанят самый лучший мастер для руководства строительством замка. Он знал свое дело!

— Все равно их слишком много возле стен Тагеля. И окружили его плотным кольцом. Что ты скажешь об этих воинах, что нанял граф Девон? Как они дерутся? Ты ведь знаешь тут всех маломальски приличных наемников.

— Я вижу герб сэра Деннета, знаю его дружину. Дерутся как сущие дьяволы.

— Плохо, что я не могу вызвать своих рыцарей! О, если бы иметь сейчас среди защитников замка пятьдесят моих тамплиеров. Быстро бы эти подлые псы побежали от стен замка. Хотя, зачем нам сражаться... есть одна хорошая

идея! Идем, навестим нашу красотку! — хитроумный прецептор изложил свой план, и граф Норис сразу же повеселел.

— Эй, наездники дохлых черепах! — закричал он со стены вниз, — передайте барону фон Эйнштайну, что его русская красавица у меня! И сама она согласилась остаться в моем замке... надоел, говорит, нищий барон! Здесь, в Тагеле, ей получше будет! Подождите немного, завтра она сама вам это скажет.

Радмилу почти втокнули в комнату, но храмовник поднял руку, останавливая чрезмерную ретивость своих слуг. Дверь бесшумно затворилась, и они остались вдвоем. Пленница продолжала стоять, как замороженная глядя на красавца прецептора. Ни один мужчина на ее памяти не выглядел таким зловещим и опасным, как этот франк.

В конце концов, чего она так боится?

— Что вам угодно, милорд? — изящные брови молодой женщины гневно изогнулись, но, рассерженная, она стала еще привлекательней.

Армель холодно улыбнулся.

— Не стоит так волноваться, дорогая... ничего сверх того, что мужчине требуется от женщины.

— Как вы смеете предлагать такое замужней женщине! — щеки Радмилы стали покрываться багровым румянцем.

— Если это единственное препятствие.... мне нетрудно сделать тебя вдовой, — самодовольно рассмеялся храмовник.

— Мой муж пожалуется на ваши действия королю! Вам не сдобровать!

— Я предполагал, что будет сопротивление, — усмехнулся франк, — но так становится еще интересней.

Мужчина подошел к красавице и взял ее за руку.

Радмила хотела вырваться, но надменный тамплиер грубо завернул ей руку за спину, одновременно притянув к себе. Его узкие губы приблизились вплотную к ее щеке.

— Я презираю вас! Я знаю, что вы ненавидите моего мужа, так как мстите за свой проигрыш....

Невозможно было описать тот неистовый гнев, который мгновенно вспыхнул на смуглом лице прецептора.

— Вы зря так себя ведете, миледи. Если бы на вашем месте был мужчина... словом, он бы очень пожалел о своих словах! Но поскольку вы очень красивы, я буду снисходительным. Забудем о прошлом! Лучше выслушайте мои предложения.

Армель слегка ослабил свою хватку, и Радмиле удалось вырваться из его рук. Мужчина не стал ее преследовать, а устроился около камина, опершись на его крышку.

— Как рыцарь Храма, я не могу жениться, но мне нужна подруга, — продолжил он. — Ты сияешь как драгоценный алмаз среди этих рыжих бесформенных англичанок и будешь мне достойной парой. Я научу тебя истинным ценностям. Власть — вот самое сладкое! Сладше может быть только безграничная власть.

— Зачем она вам? — ужаснулась Радмила.

— Мы, рыцари святого Храма возвышаемся над всеми остальными людьми, как бог возвышается над нами! — холодно проговорил прецептор, — и никто не сможет препятствовать нашим желаниям. Мы ограничены только собственной фантазией. На своих собраниях мы смеемся над этим ничтожным людским стадом и презираем их жалкие добродетели.

— За что вы так ненавидите всех? Пусть они и не обладают такой властью, все же их также как и вас создал бог..... и без них над кем вы будете властвовать?

— Свиной тоже создал бог, чтобы мы их убивали и ели, — Армель улыбнулся такой леденящей улыбкой, что по спине Радмилы побежали мурашки.

— Я, например, не испытываю ненависти к свиньям, — пробормотала женщина, — но все же... откуда вы взяли, что имеете право на власть над остальными?

— Мы сами взяли это право, силой своего ума и оружия, пусть попробуют отнять его у нас. Я предлагаю тебе разделить со мной наслаждение властью!

— Я не ценю удовольствия такого рода, — Радмила махнула рукой, — у меня есть муж, которого очень люблю, и я останусь ему верна.

— Значит, ты его очень любишь... тогда я поступлю иначе, — тамплиер мерно зашагал по комнате, — вот залог моего успеха! — он извлек из шкатулки несколько небольших свитков.

При виде этих пергаментов сердце резко дрогнуло.

Да, это печать Ульриха! Она видела ее, когда он запечатывал свои письма.

— Неосторожный граф Девон вел переписку с твоим дураком мужем, — Армель поднял свитки над головой, а затем развернул один из них и улыбнулся, — здесь упоминается имя королевы! И ох как упоминается! Еще высказываются мысли о необходимости объединить баронов, чтобы оказать сопротивление скупому рогоносцу, так величает граф Девон и его друзья нашего уважаемого сюзерена. Его величеству будет очень интересно ознакомиться с содержанием этих посланий. Твоему глупому немцу и его другу не сносить головы!

— Это мерзко и недостойно дворянина! — прошептала поникшая Радмила.

— Это мудро, — резко перебил ее прецептор, — использовать промах врага. Ты можешь спасти этих безмозглых писак, если добровольно подчинишься моим желаниям.

— Я не верю вам! Я не знаю французского языка, и не могу прочесть эти письма.

Может, мерзавец вводит ее в заблуждение?

— Разумно! Не нужно никому доверять на слово! Выбери кого-нибудь в этом замке, священника, управляющего... словом, кто обучен грамоте. Я переведу тебе самый интересный абзац, потом он прочтет, если наш перевод будет идентичным, ты будешь вынуждена мне поверить.

— Как эта переписка оказалась у вас? — Радмила уже поняла, что он не лжет.

— Все недоброжелательно настроенные к ордену бароны находятся под моим контролем. Пожар в кабинете графа Девона — дело рук моих людей. И, конечно, его архив не сгорел, а находится тут, в Дорсете. Теперь право на графство милорда Гарета не подтверждено документами, и вскоре кузен графа в суде будет оспаривать его. А мы его поддержим! И как твой муж будет выглядеть в твоих глазах, если останется без замка и титула барона? Но если ты добровольно согласишься стать моей дамой, эти пергаменты так и останутся в архиве. Если будешь упорствовать, я все равно буду спать с тобой, а потом передам графу Норису, после него — прямая дорога в так называемый графский «гарем»! — он ухмыльнулся. — Должен предупредить вас, миледи, что у Нориса странные вкусы... он наслаждается, когда причиняет боль женщине, с которой спит. Грубый саксонский скот... разве он может что-либо понимать в любви?

— Какие гарантии вы можете мне дать?

— Я вижу, что ты разумная женщина. Гарантии? Тебе придется обойтись без них, в таком положении невозможно выдвигать какие-либо требования, дорогая, — хмыкнул храмовник, — тебе придется удовольствоваться моим словом!

Надо потянуть время, надо найти выход, придумать, как выкрасть эти документы!

— Вам нужна бессловесная рабыня или любящая подруга? У меня должны быть какие-то права! — изобразила обиду Радмила.

— Только те, дорогая, какие я позволю тебе иметь! А это будет зависеть от твоего поведения.

— Мне надо время, вы должны дать мне хотя бы месяц! — выдохнула несчастная пленница.

— Через неделю ты должна стать моей. Это все! А сейчас я пришлю к тебе одну женщину, которая посмела оказать мне сопротивление! Пусть она тебе расскажет, к чему привели ее строптивость и отсутствие здравого смысла, — храмовник повернулся и вышел из комнаты.

Вот и кончилось счастье! Даже если удастся сбежать, Ульрих ни за что не поверит, что ко ней никто не притронулся!

Ощувив, как к глазам вновь подступают слезы, Радмила изо всех сил зажмурилась, сдерживаясь, чтобы не разрыдаться во весь голос.

Вдруг тихо заскрипела входная дверь, Радмила резко обернулась. Высокая рыжеволосая девушка с полными, чувственно изогнутыми губами и большими зелеными глазами слегка навывкате, нервно моргала темнозолотистыми ресницами.

— Мегги! — представилась незнакомка, и на ее бледном лице засверкала приветливая улыбка, — мне приказано рассказать и показать, что вас ждет в случае неразумного поведения.

Она расшнуровала и сняла свою шерстяную лиловую коттэ, затем тоже самое проделала с камизой. Радмила ахнула, тошнота подступила к горлу. Все тело девушки было в синяках и шрамах. Присмотревшись, Радмила поняла, что это следы укусов и плети.

— Вот таким образом любит женщин мой хозяин, граф Норис — криво усмехнулась, одеваясь, Меган. — Я и врагу не пожелаю попасть в его лапы! Он настоящий зверь, трудно поверить, что он рожден женщиной.

— Почему же ты не бежала отсюда? У тебя, что, совсем нет родных?

— А как? Тут такая охрана! И за нами бдительная слежка. Но я бы попробовала, если еще кто-нибудь нашелся. Одна из девочек попыталась бежать в телеге с сеном, так собака ее учуяла.... ее так секли, что она потом месяц отлеживалась. Теперь все боятся.

— А сколько вас тут? И зачем ему столько женщин?

— У этого негодяя есть такая привычка — он спит с каждой новенькой девушкой, пока она ему не надоест. Потом отправляет ее в гарем. К нему часто приезжают таплиеры, конечно, не простые рыцари, а более высокого звания. Вот для этого и гарем содержится, — храмовники всегда придут нашему хозяину на помощь.

— Я дочь бедного и незнатного барона, — продолжила свой рассказ Мегги, не забывая при этом откусывать от вишневого пирога, предусмотрительно прихваченного ею с собой. — Этот гад Норис Осборн

забрал меня прямо из нашего дома, за день до свадьбы. Мой жених и отец жаловались королю, но все это оказалось бесполезно. А когда Норис принудил меня спать с ним, мой жених Освальд потерял ко мне интерес. Отец тоже махнул на меня рукой, — у нас в семье шесть дочерей, и всего два сына. Им еще нет десяти. И впереди у меня беспросветная жизнь в его гнусном гареме. И если бы вы согласились, миледи Радмила, мы с вами могли бы рискнуть убежать из этого вертепа.

— А почему ты решила мне помочь? — недоверчиво спросила Радмила.

— Потому что ваш муж штурмует замок!

— Ульрих?! — радостно воскликнула Радмила.

— Да, они с графом Гаретом и его друзьями стоят под стенами Тагеля. Я хочу помочь вам. — Мегги покраснела от возбуждения. — Пусть этому негодяю отомстят за всех девушек, чью жизнь он загубил! Мы найдем способ убежать. У меня есть хороший план!

— Я бы рада, дорогая Меган, но у меня есть очень веские причины задержаться в Тагеле. И вот еще что — я не хочу, чтобы из-за меня умирали люди, которых я люблю. Вдруг кто-нибудь из друзей моего мужа погибнет! Так что давай мы все с тобой продумаем разумно. У меня есть одна неделя. И пока некоторые документы не будут у нас в руках, я и с места не сдвинусь.

— Какие документы?

— Граф и его друг выкрали переписку графа Девона с моим мужем — они близкие друзья — и грозит передать ее королю. Последствия могут быть весьма неприятными... ах, как это было неразумно писать такие письма, и тем более их хранить. Мне поставлено такое условие — если я не соглашусь стать наложницей тамплиера, он отправляет всю переписку королю. К тому же там еще есть документы на право старшей ветви рода Гарета владеть замком и поместьем... в общем, я не могу бежать из замка, если не получу назад эти бумаги!

— Но как это сделать? — лицо Меган приняло озабоченный вид.

— Пока еще не знаю.. у меня есть всего одна неделя. Может, у тебя есть надежные друзья в замке? Я щедро заплачу за их помощь! — несчастная Радмила с надеждой смотрела на англичанку

— Не могу придумать, кто бы мог нам помочь.... Хотя нет! — радостно встрепенулась Меган. — Да, миледи! Я знаю, что делать! Есть у меня один подходящий человек... он знает грамоту, пишет письма, проверяет счета. И ненавидит графа. Его дочь понравилась Норису, и этот негодяй совратил ее. Это было года четыре назад, бедняжка умерла, рожая незаконного графского ребенка. Его зовут Гуго, он всегда сочувствовал мне. Если бы у него была бы возможность получить место у вашего мужа или его друга, он бы помог бы нам. Гуго, конечно, знает, где Норис хранит важные документы!

В эту минуту дверь распахнулась настежь, и комнату вошел хозяин замка.

— Миледи, к вам будет небольшая просьба! — сразу с порога же начал он, — вы должны подписать одно небольшое письмо.

— О чем оно? — прошептала, смертельно побледнев, бедная красавица.

— Вы должны известить своего мужа, что добровольно остаетесь в Тагеле и просите оставить вас в покое. Само собой разумеется, и в осаде замка не будет никакого смысла. Это будет очень разумно с вашей стороны!

— Нет! Ни за что! — тихо, но твердо ответила Радмила.

— Эй, кто там! — заорал Норис, обернувшись к двери, и в комнату вошел угрюмого вида мужчина. — Иди, поищи старого Гуго, пусть зайдет ко мне в кабинет. Да, пусть отец Евстафий тоже заглянет туда. Мы с Армелем сейчас будем там.

Оставшись одна, как она думала, Радмила бросилась на постель и предалась грустным размышлениям.

Вдруг из-за камина тихой тенью выскользнула Мегги — Радмила совсем позабыла о своей новой подруге — и, присев на краешек кровати, прилегла рядом и стала гладить по крутым золотистым локонам. Молодая женщина почувствовала, как дрожит тело прекрасной славянки. Своими тонкими руками Мегги пыталась закрыть Радмилу от страшных бед и напастей, что так внезапно ворвались в ее счастливую жизнь.

Англичанка взволнованно зашептала.

— Покорись им временно, сделай, что они хотят, мы все потом уладим, — ее отрывистый шепот свистел в зловещей тишине, — ты не знаешь, на что способны эти негодяи, — Радмила почувствовала, что по ее плечу потекли

слезы и оглянулась. На бледном лице Меган как-то неестественно алел неровными пятнами румянец, а из зеленых глаз катились крупные слезы. Мокрыми дрожащими пальцами англичанка провела по золотым кудрям Радмилы, будто в последний раз наслаждаясь их красотой.

— Я прошу тебя,— продолжала она, — я не хочу больше жестокости.... они истязали мое тело, а тебя они вообще могут убить.

Радмила прижалась щекой к пылающему лицу новой подруги. Мало кто в ее жизни так переживал за нее.

Несколько минут спустя в дверь спальни постучали.

— Миледи, пройдемте в кабинет, там уже вас ожидают! — насмешливая улыбка скривила губы наглого слуги. Он чувствовал, что положение Радмилы в замке не слишком высокое. — Я провожу вас.

— Хорошо, — только и смогла выдавить из себя пленница. — Но я пойду в том случае, если со мной будет Меган.

— Милорд не давал никаких указаний насчет мисс Меган. Но она может подождать вас в коридоре,— он взял факел и пошел вперед.

Они спустились вниз, на второй этаж. Длинный темный коридор привел в большую комнату с узкими окнами, освещенную восковыми свечами в серебряных светильниках. Граф Норис, сидевший за столом вместе с хамовником, поднял кубок с вином, показывая Радмиле в сторону накрытых узкими ковриками скамей у дальней стены, где уже сидели два человека, — пожилой, в зеленом суконном костюме, седой как лунь, и молодой, невзрачной внешности, с острыми недобрыми глазами, в монашеском плаще и черной рясе.

— Гуго, возьми перо и пергамент и подойди к столу. Будешь писать то, что я тебе продиктую

И граф начал диктовать письмо к королю Генриху. Оно было такое страшное, что у бедняжки Радмилы чуть не остановилось сердце. В нем граф Дорсет извещал своего сюзерена, о том, что его сосед, граф Девон, организовывает государственный переворот и подбивает других баронов выступить против короля. Он вызвал своих друзей, бывших тевтонцев, сделал

их баронами и собирает войско против короля. Он презирает Генриха III и распускает гнусные сплетни о королеве. Доказательства находятся в его замке Тагеле. Пусть король пришлет своих представителей, и он, Норис Осборн, передаст переписку злоумышленников им в руки.

Когда это послание было написано, Норис запечатал его своей печатью и сказал монаху:

— Брат Евхимий, когда ты можешь отправиться в путь?

— Через два часа, милорд. Мне только надо зашить ваше послание в подкладку плаща и перекусить на дорогу.

Армель наблюдал за всеми с невозмутимым видом.

Радмила, сидевшая на другом конце комнаты, встала и в крайнем волнении слушала их разговоры.

— Не могу поверить, что милорд граф и вы, сэры рыцарь, можете пойти на такую гнусность! Не нужно никого посылать к королю! Пишите это проклятое письмо, я выйду на стену и скажу все, что вы требуете, — дрожащим голосом сказала она и, отвернувшись, подошла к окну, чтобы не видеть торжества, сверкающего в злобных черных глазах Армеля. Она почувствовала, как соленые слезы обжигают горло.

— Пойми, Ульрих никогда не простит мне такого поступка! Он очень ревнив и поверит, что я предала его, когда прочитает это мерзкое письмо! — со слезами на глазах бормотала Радмила, когда Меган вела ее назад. До сих пор она держалась с непоколебимой стойкостью, надеясь обмануть своих тюремщиков. Но когда она поняла, что захватившие ее бесчестные люди переиграли ее, она упала духом. Одна мысль билась в ее голове.

Почему их любовь должна кончиться именно так?

Взвращения таттшеров

— Какой-то монах спрашивает вас, милорд! — сказал Отто Ульриху и указал на раскинутый у стен замка шатер.

Склонившись, Ульрих вошел в шатер и встал у входа. Невысокий мужчина средних лет в монашеской рясе поправлял складки на своем длинном одеянии. Молодой, худощавый, с узким лицом и злобными глазами, он ничем не напоминал служителя церкви. Увидев Ульриха, он поклонился и, представившись, вежливо сказал:

— Милорд барон, Норис Осборн, граф Дорсета, шлет вам наилучшие пожелания. Он поручил мне вручить вам это письмо. А на словах просил передать, как только вы прочтете это письмо от баронессы Уорвик, встаньте напротив квадратной башни. Ваша жена выйдет на стену и сделает важное заявление, — и передал небольшой свиток.

— Вообще-то этого не может быть, — немец все медлил с чтением, — она не пишет по-английски.

— Правильно, — подтвердил Бруно, — думаю, это какая-то провокация.

— Все-таки надо прочесть, — подошел к другу Георг и, взяв из рук Ульриха свиток, повертел его в руках.

— Я сам, — отрезал немец и развернул пергамент.

Остроконечные буквы заплясали перед глазами:

«Ульрих, я любила Армеля, он оказался отличным любовником. Намного лучше тебя! К тому же меня больше устраивает положение подруги богатого и высокопоставленного человека, чем жены бедного барона. Не рискуй жизнью своих людей и сними осаду замка. Все равно я к тебе не вернусь. Уже не твоя Радмила». От сильного потрясения рыцарь не мог вымолвить ни слова, лишь судороги пробежали по суровому, заросшему щетиной лицу. В следующее мгновение он подскочил к монаху и схватил его за горло. Громадный немец чуть было не снес центральный столб посередине их походного жилища.

— Ульрих, остановись, не безумствуй! Это же посол, он выполняет волю своего хозяина! — друзья не могли оторвать его руки от хрипящего монаха.

Ульрих отпустил полузадушенного мужчину и схватился за меч.

— Я немедленно буду штурмовать Тагель — заорал он и ринулся к выходу. Но Гарет успел схватить его за локоть.

— Не надо, брат, не спеши! Надо все обдумать! — тихо сказала он — Если атаковать вот так сразу, будет очень много жертв. Этот гад Норис бросит все свое войско на защиту замка. Да и прецептория храмовников находится поблизости, а они всегда были на его стороне. Погибнут и ваши люди, брат, и мои воины.

Ульрих так упрямо выдвинул вперед челюсть, что было ясно — его не уговорить. Он посмотрел на своих друзей. Гарет, Бруно и Георг стояли в ожидании его решения. Но тут барон представил, что кто-то из его верных друзей погибнет в этом бою или получит увечье. Например, этот весельчак Бруно. Он, конечно, пойдет в бой за правое дело. Но вдруг франк не вернется после этого штурма? Ульрих даже сглотнул слюну от этой ужасной мысли. И из-за кого? Из-за коварной продажной женщины?

Бруно и Георг видели, как напрягся рослый немец, сжимая в руках послание. Его высокий лоб покрылся испариной, а посередине его перечеркнула напряженная глубокая морщина.

Ульрих сделал несколько неверных шагов в сторону и, опершись на деревянный шест, замер. Мужчина напряженно смотрел куда-то вдаль невидящим взглядом. Потом он вдруг смял свиток и швырнул в сторону.

— Этого не может быть! — закричал он.

— Можно? — осторожно спросил Гарет.

Ульрих кивнул в ответ, и тот поднял смятый пергамент и пробежал глазами. Он был явно озадачен.

— Насколько я понимаю, это, конечно, провокация... они хотят, чтобы мы сняли осаду.

— А вот здесь, посмотрите, приписочка, — Бруно взял свиток из рук друга, — «Я знаю, что ты не поверишь письму, написанному не моей рукой, и

поэтому выйду на стену и помашу тебе. Это буде означать, что все записано с моих слов».

— Милорды, баронесса Уорвик просила вас выйти из шатра и встать напротив квадратной башни, — просипел посланник, разминая свое поврежденное горло.

Ульрих удивленно оглянулся.

— Смотрите, — воскликнул Бруно, и все повернулись в сторону осажденного замка.

Воины, стоявшие между зубцов стены расступились, и вперед вышла Радмила.

Она была в роскошном бархатном платье изумрудного цвета. Даже отсюда Ульрих увидел, насколько бледна его жена. Ветер растрепал ее золотые локоны, но женщина не обращала на это никакого внимания. Армель держал ее за талию, чтобы женщина не оступилась. Ульрих буквально впился глазами в стройную фигурку, на какое-то мгновение ему стало казаться, что он даже видит ее прекрасные васильковые глаза. Но вот она подняла руку и помахала мужу. Сомнений быть не могло — это был обещанный сигнал.

Тамплиер улыбнулся и увлек Радмилу обратно за ряды защитников крепости, она совсем не сопротивлялась. Потом он вдруг обернулся и тоже насмешливо махнул Ульриху. Немецкий рыцарь зло плюнул на землю и, резко повернувшись, зашагал к шатру.

— Ульрих, этого не может быть, — почти закричал Бруно, — не верь им, ее принудили.

— Как ее могли заставить? — рявкнул в ответ немец, — она прекрасно выглядит. Могла хотя бы видом своим показать, когда была на стене, я бы понял...

Ульрих посмотрел на Георга, как бы ища поддержки, но его верный друг только развел руками.

— Я тоже не могу поверить, — пробормотал он.

— А я могу! — отрезал Ульрих, — никто не может женщину заставить так солгать. К тому же знаете, что это был за сигнал?

— Что? Махнула чем-то, — ответил Бруно.

— Не чем-то она махнула, а тем самым красным платком, который я тебе, Бруно, дал, когда посылал в Самолву за ней, ты его оставил у нее в доме. Теперь Радмила с ним никогда не расстанется. Как она говорит, — это ее талисман, он принесет счастье. На это и был расчет, иначе бы я ни за что не поверил. Кто мог ее заставить подать такой тайный сигнал? — горькая усмешка коснулась его губ. Рыцарь опустил на песок, сложив свои длинные ноги, и погрузил в него пальцы. По его широким ладоням сбегали желтые струйки.

— С ней все ясно. Она хотела, чтобы я поверил, вот и достала заветный платок. Все, снимаем осаду!

И Ульрих пошел прочь. Бруно и Георг смотрели ему в спину. Она как-то сгорбилась за эти несколько минут.

Молния ударила неподалеку от замка, еще долго были слышны глухие раскаты грома. Резкие порывы неистового ветра обрушились на черепичные крыши замковых построек, заставляя бешено крутиться скрипучие флюгеры и хлопать полотнища флагов. Где-то далеко внизу звонко стукнули незакрытые ставни; вдруг резко хлынул сильный ливень. Надо было бы зажечь огонь, но встать с кровати совсем не хотелось, и молодые женщины все сильнее прижимались друг к другу, спасаясь от холода, змеей вползавшего под одеяло. Снаружи замка творилось что-то невероятное. Неистовый ветер ломал сучья деревьев и переносил их по воздуху. В окнах были такие щели, что буря проникала даже внутрь помещений паласа. Казалось, что все злые духи собрались в Тагеле и с воем и плачем носятся по замку друг за другом.

Буря усилилась, слышались то иступленный плач и стенания, то дикий хохот и вой. Стало еще страшнее, и Радмила и Меган, забившись в самый угол обширной кровати, притихли.

Снова и снова перед мысленным взором Радмилы вставала жуткая картина — Ульрих читает письмо. Да, тамплиер, скорее всего, прав! Муж больше не захочет видеть ее... низкая шлюха храмовника... именно такой конец ей уготован... лучше бы умереть! Она вонзила ногти в ладони, пытаясь изгнать из своих мыслей страшное зрелище. Чувство невозвратной потери

охватило ее. Почувствовав, как к глазам снова подступают слезы, молодая женщина зажмурилась, сдерживаясь изо всех сил.

— Радмила, дорогая, ну не плачь! Гуго обещал помочь, он всегда слово держит! — поддержка Меган пришлась очень кстати.

— Где же он, уже три дня нет его в замке... вчера неделя закончилась, что храмовник дал мне на размышления. Сегодня у них пир будет, по случаю снятия осады с Тагеля. Этим негодьям и черти погоду подгадали под их праздник.

Вдруг на мгновение наступила тишина, ветер стих, и можно было разобрать, что происходит поблизости. Внизу, на внутреннем дворе, слышался резкий топот копыт, казалось, кони стремятся вдребезги разбить мостовую. Наглый смех и зычный голос Нориса заставили подруг поежиться.

— Эй, коровы, вам что, специальное приглашение требуется, или вы в селе не научились слазить с лошади?

В ответ хозяину раздался пьяный мужской хохот вперемежку с женским визгом и вскриками.

— Привезли девчонок из селения! Этого в такую погоду! — прошептала Меган. — Значит, приехало много тамплиеров, нашего гарема им не хватит.

— Альберт! Помоги вон той пампушке оторвать задницу от седла, а то она еще ноги себе переломает, никакого удовольствия от нее не получишь, — никак не унимался хозяин замка.

— Это мы с радостью, — отозвался низкий хриплый голос: по всхлипываниям и возгласам можно было легко догадаться, что кого-то из девушек снимают с лошади.

Смех, топот, восклицания и другие звуки переместились в дом и стали еще громче под сводами лестницы. Тяжело хлопнула дверь, и к смеху и выкрикам добавился еще звон разбитой посуды.

— Они часто устраивают такие увеселения, эти храмовники, — зло процедила Меган, — только вид делают, что служат богу, по их уставу им даже сестру целовать нельзя, а вон как они удовлетворяют свою похоть!

— Они и тебя мучили?

— Если б ты могла себе только представить, что мне довелось испытать, — глаза Меган вдруг приобрели неожиданную глубину, — этим мерзавцам мало обычных отношений между мужчиной и женщиной. Они развращены настолько, что удовольствие им доставляют лишь самые мерзкие фантазии.

Бывшая леди отвернулась и замолчала. Радмила провела рукой по ее узкой спине и почувствовала, что она вся дрожит.

— Ты что, боишься их?

— Поверь, не зря, — прошептала Меган, — эти тамплиеры не любят женщин... если точнее сказать, они их презирают, им нравится лишь истязать, кусать женское тело.

Внизу раздался пронзительный визг, и подруги вздрогнули.

— Видишь? Оргия уже начинается! — глаза Меган зловеще сверкнули в уже почти полностью охватившем комнату мраке.

Но опять послышались раскаты мужского басовитого смеха с вплетенными в него звонкими женскими голосами.

— Орсо, ты посмотри, что у нее вывалилось! И кто бы мог догадаться, что такие дыни созрели под простым сельским платьем!

— Что вы делаете, милорд! Отпустите меня!

— Она еще и разговаривает! Альберт, ты кого ты нам привез?

— У козочки обязательно должны быть рожки, — голос Альберта изрядно опьянел за эти несколько минут, — а эта девка тут еще ни разу не была, не знает наших правил...

— Сейчас мы их ей обломаем, — рявкнул его собеседник, и раздался треск разрываемой материи.

Визг и плач смешался со смехом и бранью. Видно, кто-то из мужчин не удержался на ногах и, осыпая всех ругательствами, безуспешно пытался подняться. На минуту все стихло. Но вдруг раздалась аккорды струнного инструмента, и хор пьяных голосов попытался вторить приглашенному музыканту.

Пастушка видит пастуха

У–ха–ха! У ха–ха!

Не далеко и до греха,

У–ха–ха ха–ха

Мужские голоса пытались собраться воедино, чтобы спеть старинную похабную песенку, но к концу куплета рассыпались как фрукты по мостовой у нерадивого торговца. Чей-то тенорок вообще перешел на бляенье, а кто-то из храмовников все время пытался перевести песню на разговор.

Бери девчонку за рога!

У–ха–ха! У ха–ха!

Ей девственность не дорога!

У–ха–ха ха–ха!

Подруги так напряженно прислушивались к нестройному грубому пению, что и не услышали, как кто-то подошел к их комнате. В проеме полуоткрывшейся двери возникла седая голова.

— Гуго! — пролепетала ослабевшим от радости голосом Меган.

— Да, миледи! Граф идет сюда, он сильно пьян! Я достал то, о чем мы договаривались. Попросите своих поклонников, чтобы распорядились принести хорошего вина из погреба. Буду крутиться возле этой двери — меня и пошлют за вином.

— Т–с–с–с, — Меган приложила пальчик к губам, и Гуго мгновенно исчез. Через минуту глухой удар сапога заставил дверь распахнуться, и в освещенном проеме Радмила увидела слегка пошатывающийся силуэт с кувшином в руке.

— Эй, красотки! — по голосу сразу стало понятно, что это был граф Норис, — где вы тут спрятались?

Подруги молча лежали. Тогда граф сделал несколько нетвердых шагов внутрь темной комнаты, и после двух–трех попыток воткнул факел в специальный держак на стене.

— А ну, выбирайтесь оттуда! Быстро! — заорал Норис, заглядывая под полог кровати. Видно, он уже рассмотрел там их робкие фигурки.

— Э нет, дорогуши, не получится удрать, — пробурчал он и ткнул пальцем в Меган, — раздевайся!

Затем он поднял голову и сурово посмотрел на Радмилу:

— А ты кыш отсюда! Армель просил пока тебя не трогать!!

Трясущиеся руки Меган вяло потянулись к шнуркам на платье. Мужчина шагнул вперед и, прежде чем ринуться в шелковые чертоги, прильнул к кувшину. Несколько жадных глотков, и Норис отшвырнул пустую посудину в сторону — сосуд вдребезги разбился о мраморный камин. По комнате потек сладковато-приторный запах виноградного вина.

— Эх! — крикнул граф и упал на стеганое одеяло

— Норис, где ты? — Радмила оглянулась и увидела, что храмовник стоит у входа в комнату, будучи тоже в подпитии.

— Тут я, с девкой! Забирай свою, пока я ею не занялся!

Из темной глубины кровати уже доносились приглушенные крики боли бедняжки Меган и хриплый, звериный рык графа.

Армель ухмыльнулся:

— Видишь, что с тобой было бы, если бы ты мне не подчинилась! Будешь непокорна, отдам ему в наложницы!

— Да, сэр! — пробормотала испуганная Радмила, — я постараюсь вам угодить!

— Вот так, недотрога, так-то оно лучше будет, — приговаривал Армель, раздевая прекрасную пленницу. Радмила молчала, только немного отодвинулась

— Милорд, неплохо бы нам перед этим подкрепить свои силы, — молодая женщина лукаво улыбнулась, — прикажите, чтобы принесли хорошего вина

— Сил у меня хватит на всех вас! — рявкнул тамплиер, но все же вышел из комнаты, чтобы послать за вином. Гуго сделал вид, что случайно проходит мимо графской спальни. Как он и предполагал, Армель приказал ему немедленно принести самого лучшего вина из погребов Тагеля..

Вскоре большая старинная бутылка уже красовалась на столе, в окружении роскошных золотых кубков.

Полуголый Норис, без штанов, в одной рубашке, выбрался из кровати и подсел к столу.

— Дружище, — расплылся в улыбке Армель, — попробуй, какой букет! Под воздействием женских чар вино приобретает особый вкус!

— Давай, — промычал граф, так как явно был не в силах произнести более длинную речь.

Сделав несколько долгих глотков, Норис в изнеможении опустился на край кровати.

— Пожалуй, я отдохну немного, — пробормотал он и опустил тяжелые веки.

— Э нет! Не спать! — возмутился его приятель, — завтра выспишься, а сегодня будем наслаждаться!

Но и сам Армель почему-то смог только чуть приподняться и тут же тяжело уперся на локти. Немного похрипев и сделав несколько качающих движений, тамплиер все же добрался до своей постели и повалился, упершись носом в льняные простыни.

— Похоже, оба спят, — почти беззвучно прошелестела Меган.

Радмила махнула ресницами в знак согласия и протянула руку к графу. В расстегнутой рубашке сверкнула золотая цепь с резным ключом.

— Не с-сметь, — промычал Норис, но молодая женщина продолжала стягивать с шеи цепочку с ключом. На всякий случай Радмила погладила несколько раз по черным волосам ненавистного захватчика, и он опять засопел. Ключ переключал в руки Меган, а затем и Гуго, который опрометью бросился из комнаты.

— Осторожнее! — шепотом простонала Меган, и тот замедлил свои порывистые движения. Несколько напряженных минут показались вечностью.

Молодые женщины вздрагивали от любого звука в нижнем зале, от каждого движения спящих мужчин. Из зала, где проходила оргия, изредка доносились веселые мужские возгласы, вскрики, всхлипывания. А тут только густой храп. Армель и Норис спали мертвецким сном.

— Хорошее зелье, — сказала глазами Радмила.

Подруга улыбнулась в ответ и тоже погладила графа. Наконец появился и Гуго. С торжествующим видом он продемонстрировал драгоценные свитки, спрятанные на груди. Женщины радостно заулыбались.

— Гилмор! Вставай! Поднимай остальных! — послышался хриплый рев снизу, в ответ раздались кряхтенье и возмущенные стоны.

— Я хочу спать! Отстань!

— Вставай, свинья, мы должны быть в прецептории к утренней молитве! Нам головы не сносить, если опоздаем!

— Так прецептор тут, чего нам беспокоиться? — хмыкнул чей-то голос.

— А его нигде нет, наверно, уже уехал

Заговорщики замерли, напряженно прислушиваясь к звукам из нижнего зала. Наконец стуки и скрипы переместились во двор. Сотрясая воздух проклятиями и бранью, рыцари разбудили конюхов и взобрались на своих лошадей.

— Все, уехали, — с облегчением констатировала Меган. Подруги осторожно прокрались к выходу и засеменили по крутой лестнице. В открытом проеме они увидели мерзкую картину покинутой оргии. Поваленные скамьи, стол, растерзанный так, будто по нему гуляли свиньи, больше десятка растрепанных полуобнаженных женщин, спящих в различных позах на соломенных тюфяках, разбросанных по всему залу.

— Бери ее одежду, — прошептала Радмила англичанке и сама взяла одно из платьев, лежащих возле спящих деревенских красоток, заранее проверив, не разорвано ли оно. В коричневом домотканом блио¹ молодая женщина сразу стала похожа на славянку, вышедшую из своей избы на подворье. Даже глаза ее, казалось, стали больше, а лицо совсем округлилось.

— Ты и вправду дочь Руси, — улыбнулась Мегги.

— Что поделаешь, — смутилась Радмила, — ладно, нам уходить нужно, времени совсем нет. Свяжем вон тех двух и оттащим в чулан.

---

¹ Верхнее платье

Беглянки связали за спиной пухлые руки пьяных девушек, а во рты сунули приготовленные заранее кляпы. Девушки проснулись и стали испуганно крутить глазами, но было уже поздно, — их как мешки с зерном поволокли в смежную комнату. Без помощи Гуго справиться с этим было бы трудно — тамплиеры не любили худых.

— О, нашего полку прибыло, — развязный голос настиг Радмилу и Меган, когда они уже прикрывали тяжелую дверь.

— А то как же, — сразу же придумала ответ Меган, — мы были наверху, когда вы тут забавлялись. Ублажали графа и прецептора. Да, кстати! Не пора ли нам, девочки, убираться отсюда, пока целы?

— Что-то платье на тебе, дорогая, больно похоже на платье нашей Дрины. А она сама где?

— Протри свои залитые глаза! — быстро нашлась Меган, — придумала тоже, мое платье спутала с одеждой какой-то Дрины... я сама его и шила, и вышивала! А твоя Дрина с подругой развлекается наверху с Армелем и Норисом. По второму кругу они пошли.... хочешь, они и тебя возьмут в свою компанию?

— Э нет, с меня хватит, — махнула рукой женщина, — этот негодяй Норис так и норовит вцепиться своими зубами или ущипнуть так, что синяки да ссадины. Его приятель храмовник ничего, но я его боюсь почему-то!

— Ну, тогда не будем дожидаться, пока нас снова затащат наверх! Этот храмовник вообще рехнулся! Что вытворяет, еще покалечит! — изобразила на своем лице ужас Меган.

— Правильно, возьмем только Уну, и айда! Уна! Где ты?

— Тут я, — слышался пьяный сонный голос.

— Ну что ты, Гуго? — Радмила повернулась к пожилому письмоводителю.

— Ключ на месте! — шепотом сказал тот и улыбнулся, но его лицо сейчас же приняло серьезное выражение, — пожалуй, я пойду вперед, и буду ждать вас на развилке в лесу, там, где сходятся три дороги.

— А мы потихоньку выскользнем из замка с этими женщинами, — тоже прошептала Меган, а потом повысила голос — стражники выпустят нас, я в этом

не сомневаюсь, они подумают, — раз храмовники уехали, значит, шлюхи сделали свое дело.

— Это верно, — пробормотала Уна, пытаясь привести в порядок свою взлохмаченную прическу, — эта публика не любит, когда солнце освещает их распутство!

Поддерживая друг друга, женщины спустились во двор и застучали деревянными башмаками по мокрым булыжникам мостовой. Гуго уже был далеко впереди. Небольшой переполох, связанный с отбытием потаскушек, позволил ему пройти через стражу незамеченным. Выйдя за ворота, Радмила оглянулась на верхние окна спальни, где беспробудным сном спали Армель и Норис.

Заветный поединок

Как только Радмила увидела очертания зубчатых каменных стен Уорвика, на душе стало беспокойно. Что она скажет мужу, как объяснит, почему подала сигнал заветным платком. Ведь никто, кроме них двоих, ничего не знал про этот заветный талисман. Она, конечно, расскажет об угрозах храмовника послать королю эти злосчастные письма, но где они? Гуго как сквозь землю провалился. Меган, заметив ее состояние, попыталась ее утешить:

— Миледи Радмила. Не нужно так волноваться! Не может благородный и любящий мужчина не поверить вам. Мы должны радоваться, что Гуго выкрал эти письма и теперь ваш муж в безопасности.

— Где же он, куда пропал? Может, его схватили люди Нориса, и письма снова у графа? Может, беднягу подвергли страшному наказанию, за то, что выкрал их из тайника? — никак не могла успокоиться Радмила. Пока подъезжали к замку, молодая баронесса вспоминала подробности их бегства.

Гуго, как и обещал, ожидал их с тремя лошадьми в указанном месте. Переполненные радостью и гордостью молодые женщины забрались на смиренных деревенских лошадей и помчались в направлении Уорвика, нынешнего дома Радмилы. Но не успели они отъехать и мили, как в замке вспыхнули затемненные окна. Похоже, там начался переполох. Беглецы свернули в лес и поскакали лесной тропинкой. Вскоре они услышали звуки погони. Пришлось съехать и с тропинки, и теперь они пробирались лесом. Дальше пошли такие густые заросли, что Гуго приказал им не двигаться с места, а подождать его здесь. Он разведает дорогу и приедет за ними. Больше они его не видели. Безуспешно прождав его часа два, молодые женщины решили добираться в Уорвик самостоятельно, поскольку уже начинало светать.

Ульрих смотрел на нее, такой мрачный, такой отчужденный... суженные чужие глаза холодны как лед. Радмила вспомнила, каким теплым живым огнем светились эти глаза, когда он говорил ей о своей любви, и его голос дрожал от страсти. Он не обнял ее... только молча стоял, спрятав за спиной руки.

Ну, чего ты еще ожидала? Что Ульрих поверит тебе на слово, без этих злополучных писем, и ринется тебя обнимать и целовать? Ты же знала, на что шла? Твой возлюбленный и его друзья теперь в безопасности... а ты уедешь к брату. У тебя останется его ребенок. Время все лечит!

Не желая думать о грустной и печальной жизни без его любви, Радмила, забравшись в кровать, закрыла глаза и стала перебирать в памяти, как все начиналось той ранней весной, когда она наткнулась на умирающего рыцаря. Перед глазами вновь и вновь всплывало его надменное лицо с холодным взглядом зеленых глаз, и боль в сердце становилась все сильнее.

На городскую площадь выехал герольд на белом коне и, развернув свиток начал читать:

— Герцог Клифф Дурдвард властью, данной ему королем и по требованию барона Ульриха фон Эйнштайн, обвиняющего в оскорблении его жены Радмилы фон Эйнштайн действием...

Горожане, спешившие по своим делам, остановились и начали образовывать небольшую толпу вокруг нервно топчущегося коня герольда.

— Объявляется в воскресенье, в полдень судебный поединок барона Ульриха фон Эйнштайна и Нориса Осборна, графа Дорсета. Оба участника поединка помещены в темницу до начала боя. Поединок произойдет во дворе замка Дурдвард при полном вооружении. Заинтересованные лица, свидетели по делу, и представители сторон могут подать заявки на присутствие на поединке.

А во дворе замка происходили приготовления к поединку. Часть площади была ограждена высоким забором. У забора соорудили трибуны, так чтобы разместившийся на них суд и другие лица могли видеть происходящее на поле. Само место предстоящего боя тщательно освободили ото всех посторонних предметов, чтобы ничто не могло повлиять на исход.

В указанное время на трибуны поднялся сам герцог, вершивший правосудие, со своими помощниками и другими влиятельными особами из его окружения. Здесь также находилась и Радмила. Ее бледное лицо было закрыто полупрозрачной вуалью. Радмилу окружали друзья Ульриха и ее новая подруга, Меган Саксон. Присутствовали также близкие и знакомые графа

Нориса. Их предусмотрительно расположили на другой стороне трибуны и предупредили, что любое вмешательство в исход поединка по закону страны жестоко карается. Рыцарю за это грозит отсечение руки или ноги, которыми он вмешался в бой. А простолюдина ждала казнь через отсечение головы.

Присутствующие замерли в ожидании начала. С разных сторон на поле въехали закованные в латы всадники. Тяжелые ворота закрылись за их спинами. За спиной Ульриха развевался белый плащ с черным зловещим крестом. Его щит был украшен фамильным гербом, на котором была изображена черная пантера на желтом фоне. Закованный в латы Лотарь нетерпеливо бил копытом. Казалось, он тоже чувствовал важность момента, и гордился своим нарядом — роскошной желточерной попоной, почти полностью скрывавшей стальные конские латы.

Граф Норис Осборн застыл на противоположном конце поля. Пучок роскошных голубых перьев гордо развевался на ветру над шлемом. Фамильный герб был выдержан, как и весь его наряд, в сине белых цветах. Лишь алый лев с развернутой зубастой пастью подчеркивал глубину синего цвета на его щите. На панцире прекрасной работы была вычеканена золочеными буквами надпись «Берегись льва!» Белый его жеребец казался более изящным, чем Лотарь. Но, возможно, его проворность даст графу некоторое преимущество в бою.

Раздался звук колокола, присутствующие затихли, и рыцари опустили свои копья горизонтально. По второму сигналу Лотарь медленной тяжелой поступью двинулся на врага. Граф Дорсет так же галопом поскакал навстречу. Ульрих крепко обнял ногами коня и приготовился к удару. На его руке было надето специальное скошенное приспособление в виде небольшого щита. В последний миг, перед ударом копья Нориса, Ульрих постарался, чтобы удар наконечника копья пришелся скользящим движением по этой защите. Так и случилось. Лотарь почти стоял в момент удара, а у скачущего галопом Нориса копьё моталось во все стороны и при их встрече копьё графа соскользнуло с руки Ульриха и, чиркнув по панцирю лошади, развернулось в сторону. Да так, что и сам Норис еле удержался в седле. Ульрих немедленно развернул коня, а граф доскакал до конца поля и, развернувшись, опять вонзил шпоры.

На этот раз Ульрих, уже стоя на месте, дожидался удара врага. Лотарь и его всадник грозно, как скала, застыли в ожидании удара. Когда расстояние между рыцарями сократилось до нескольких ярдов, Ульрих, неожиданно для

всех, бросил под ноги скачущего на него стремительным галопом жеребца свое тяжелое копьё и выхватил меч. Конь Нориса взвился на дыбы, увидев в щель своего забрала посторонний предмет, метнувшийся к нему под ноги. Удар копьем пришелся прямо по передним ногам коня. Копье графа повернулось в сторону, и в следующее мгновение было перерублено молниеносным движением немца. Конь Нориса закружился на месте, а Ульрих еще раз махнул мечом. Однако следующий удар со звоном скользнул по щиту соперника и пришелся на защищенный сталью круп его коня. Лотарь двинулся вперед, но был остановлен твердой рукой рыцаря. Трибуна ревела. Следующий удар достался бы графу сзади, и зрители требовали от Ульриха нанести его. Но тевтонец остановил бой и дал противнику опомниться.

Конь англичанина присел от удара тяжелого меча, хотя сталь и защитила его. Норис, потеряв равновесие, слетел на землю. Но очень быстро вскочил и выхватил меч. Ульрих неспешно отъехал на пару ярдов, демонстративно медленными движениями слез с Лотаря и стал приближаться к графу. Тевтонец двинулся тяжелыми шагами к застывшему на месте Норису. Граф не выдержал и кинулся на противника, пытаясь пронзить его колющим ударом, который был отбит щитом с черной пантерой. Ответный удар пришелся по шлему противника. Голубые перья полетели по ветру, затем опять пантера отразила удар льва. Противники топтались по кругу, выжидая удобный момент для атаки. Вдруг Ульрих отбросил свой щит и, схватив длинный меч обеими руками, как это делали русские на Чудском озере, со всей силой своих могучих рук размахнулся и рубанул по щиту графа. Разрубленный алый лев покатился в сторону.

Охваченный паникой Норис тоже схватил меч обеими руками, но уже в следующее мгновение мощный удар пришелся по плечу его доспеха. Граф покатился в пыль. Ульрих замахнулся для третьего окончательного удара, но потом воткнул меч рядом с барахтающимся в пыли Осборном и вытащил из-за пояса кинжал. Присутствующие на трибунах ревели и кричали Ульриху, чтобы он прикончил соперника. Ульрих поднял руку в латной рукавице, приветствуя зрителей, опустил ее и поставил окованное железом колено на грудь графа. Раздвинув доспехи на груди, он приставил острие кинжала к трепещущему кадыку и произнес:

— Имеете ли вы, граф Норис Осборн, мужество принять здесь немедленно смерть? Или у вас есть намерение признать свою неправоту в обращении с моей женой и просить у нее прощения?

— Я прошу пощады,— глухо прозвучал голос графа из шлема.

Тогда Ульрих содрал с графа его шлем с отрубленными перьями и ударом меча расколол его надвое. Под всеобщее ликование он поднял свой меч к небу и поприветствовал зрителей.

На поле выбежали воины герцога и, схватив за ноги графа Нориса, потащили его с поля. Теперь от решения герцога зависела его судьба — его ждала или казнь, или позор и изгнание.

Солнце еще не достигло полудня, а для объявления решения об исходе судебного поединка все было готово. В центральном зале замка Дурдвард царил торжественная обстановка. Сам герцог восседал во главе зала на высоком резном стуле с большой спинкой. Справа и слева от этого подобия трона стояли участники процесса, свидетели сторон и поединка, родственники, друзья и знакомые. У небольшого бюро ожидал решения писец с принадлежностями, чтобы без промедления увековечить высокое решение на пергаменте. По такому выдающемуся случаю все присутствующие были изыскано наряжены. Справа от герцога расположились сторонники Ульриха, а слева — графа Нориса. Посередине зала, на длинном ковре стояли противники — барон Ульрих фон Эйнштайн и граф Дорсета Норис Осборн. Грозный немецкий рыцарь с широко расставленными ногами был намного выше графа, который стоял с поникшей головой и потухшим взглядом. Герцог поднял правую руку, и рокот из негромких разговоров стих. В зале наступила абсолютная тишина.

— Именем короля, нашего сюзерена — прервал паузу резкий, чуть с хрипотцой низкий голос герцога, — давшего мне, герцогу Клиффу Дурдварду, право своей властью вершить суд над вассалами в землях, переданных мне его величеством, объявляю...

Герцог остановился, и все присутствующие застыли в напряжении.

— лорда Ульриха фон Эйнштайна, барона Уорвика, победившего в судебном поединке лорда Нориса Осборна, графа Дорсета, стороной выигравшей судебный процесс. Требование лорда Ульриха фон Эйнштайна,

барона Уорвика, о принесении извинений по поводу оскорбления им жены барона леди Радмилы фон Эйнштайн подлежит немедленному исполнению!

Все присутствующие посмотрели на графа. На лбу англичанина выступил пот, черные волосы слиплись в космы и беспорядочно свисали в разные стороны. Туманным взглядом Норис обвел присутствующих и медленно опустился на колени.

— В присутствии свидетелей сторон, вашей светлости, герцог Дурдвард, леди Радмилы фон Эйнштайн, баронессы Уорвик и лорда Ульриха фон Эйнштайн, барона Уорвик, я... — хриплый голос графа прервался на миг, и стало слышно, как скрипит перо писца, — приношу свои извинения за нанесенное даме оскорбление.

Норис опустил голову и замолчал.

— Кроме того, — продолжил герцог, — по законам страны и обычаям нашего края объявляю, что замок Дорсет с прилегающими угодьями, владениями и приписанными людьми я передаю Ульриху фон Эйнштайну, которому также дарю титул «граф Дорсет»!

Все еще стоящий на коленях бывший граф Норис хотел было подняться, но силы окончательно покинули его. В зале раздался одобрителный гул. Все бросились поздравлять Ульриха, так что в суматохе тот и не заметил, что его толкает в бок писец, чтобы вручить свиток. Тогда Ульрих раздвинул друзей, подошел к стулу герцога и опустился на одно колено.

— Герцог Клифф Дурдвард, — низкий баритон нового графа Дорсета рассек тишину, — я, Ульрих фон Эйнштайн, барон Уорвик, клянусь честью рыцаря отныне быть вашим верным вассалом и во всем исполнять вашу волю, согласно закона.

Ульрих склонил голову, а герцог встал со стула, сделал несколько шагов к победителю поединка и, обнажив шпагу, положил ее на плечо рыцарю.

— Я принимаю твою клятву, сэръ рыцарь, — торжественно произнес герцог, и сняв с руки перстень, вручил его Ульриху.

Опять раздались одобрителные возгласы, и все обступили Ульриха. Постепенно публика стала продвигаться к выходу.

Через неделю бывший граф Норис освободил замок Тагель для нового владельца. Караван из скрипучих повозок выехал за неприступные стены, а друзья вошли в крепость и поднялись на стену, чтобы взглянуть на окрестности. Солнце клонилось к закату, и гряда кучевых облаков с румяными боками весело бежала по небосклону.

— Новые приобретения — новые заботы, — задумчиво проговорил Ульрих.

— Да, — согласился Гарет, — Норис вывез все свое добро из замка. Что поделаешь, по закону тебе перешел только замок, забрать все движимое имущество — это его право. Получить титул графа и поместье с таким хорошо укрепленным замком как Тагель — этому тоже нужно радоваться.

— Я и радуюсь, брат — сказал новоиспеченный граф, — но вот чем платить подати? Герцог, конечно, дал отсрочку, но долг от этого не уменьшился. Да и дружину надо содержать. Казну Норис ведь тоже увез.

— Это верно, — согласился Гарет, — врагов у тебя сейчас много. Надо быть начеку. Правда, и я в таком же положении.

Ульрих прошелся широкими шагами вдоль фигурных зубцов крепостной стены и повернулся к своим собеседникам.

— Одним словом — едем! — жестко сказал он. — Сокровища бога Камы ждут нас! — он посмотрел на друга, Гарет кивком подтвердил свое согласие. — Едем в Палестину и возьмем эти сокровища. Все решат свои проблемы: и я, и ты, Гарет, и Бруно с Георгом.

Бруно и Георг тоже согласились отправиться в Палестину. На следующий день начались сборы в дальнюю дорогу.

Радмила вспоминала, как прошли эти несколько суматошных дней. Мужчины готовились в дальнюю дорогу. Все собирали и закупали по списку. Слуги готовили ящики, укладывали сундуки, бегали за провизией. Вроде бы уже все было собрано, но припоминали еще что-то, и опять начиналась беготня.

Парусник подошел к причалу и рыцари загрузились.

— Ну, что же попрощаемся! Но рыданий и слез не надо, а то нам будет тяжело, особенно Ульриху... — бодро сказал Гарет.

Тот молча стоял, холодный и отстраненный.

Радмила протянула руки, пытаясь схватиться за борта его сюрко, чтобы притянуть его к себе, но муж словно тисками сжал тонкие запястья и оттолкнул ее от себя.

— Ульрих, ты ведь сейчас уезжаешь... поверь же ты мне, ведь я так люблю тебя! — ей было ненавистно отчаяние, с которым вырвалась у нее эта мольба.

— Хватит этих лживых разговоров и объяснений в любви! Где этот пресловутый архив? Он пропал вместе с твоим мифическим помощником? Ты просто выкручиваешься, коварная дочь Евы! Ты услышала, когда Гарет рассказывал, что его документы сгорели. Вот и решила так разумно объяснить свою измену! Конечно, этот храмовник такой красавчик! Ты сама подтвердила, стоя на стене Тагеля, что это письмо написано с твоих слов, — горькая усмешка коснулась его губ. — Вы, женщины, цените только деньги и положение в обществе. Как там было, в письме?...ах да! Ты, мол, слишком красива, чтобы быть женой нищего барона! Возможно, это правильно! Ты пользуешься таким успехом у мужчин! Мне не стоит стеснять тебя! После того, как я вернусь из этого путешествия, подам папе прошение о разводе. Ты сможешь выйти замуж за богатого графа или даже герцога. Тут все без ума от твоей красоты. А сейчас уезжай домой, в замок. Нас приглашают на судно.... не нужно провожать меня.

— Ты глупец, Ульрих! В тебе накопилось столько злобы и ревности, что они затмили твой разум! Я поехала с тобой в чужую страну, оставив любимого брата, отказала всем женихам, надеясь на встречу с тобой, но этого все еще недостаточно, чтобы ты убедился, что я люблю тебя! — слезы застилали глаза, мешая говорить. — А сейчас даже поверить мне не хочешь! Ничто не сможет переломить твою дурацкую ревность! Я больше не буду перед тобой унижаться! И уеду к брату при первой же возможности! У него я была счастлива. И когда ты вернешься, меня уже здесь не будет!— Радмила заставляла себя держаться с достоинством, хотя вся дрожала от обиды и гнева из-за его недоверия.

Оба были взбешены до крайности и не хотели знать, как глубоко могут ранить злые, необдуманные слова. Ее гневный выпад прозвучал пощечиной, и Ульрих невольно отшатнулся. Как это — она уедет? Оказывается, он без нее не мог представить своей жизни.

— Не смей никуда уезжать, пока я не вернусь. До тех пор, пока не родится ребенок, ни о каком отъезде и речи быть не может. Управляющий головой ответит, если ты сбежишь! Ясно? — его лицо исказила жесткая гримаса.

Тем временем над галеоном взвился длинный белый вымпел с красным восьмиугольным крестом.

— Нас приглашают на борт,— сказал Гарет, подойдя к ним.

— Да, наверно, надо обсудить с патроном судна детали будущего путешествия,— поддержал его Бруно!

Вскоре четыре рыцаря на небольшой лодке уже плыли по волнам залива. Хмурые женщины наблюдали, как мужчины карабкаются по веревочным лестницам.

Радмила развернулась и медленно побрела к своей лошади, которую придерживал за уздцы слуга. Там же находилась Меган. Они молча стояли рядом, наблюдая за отплывающим галеоном. Но когда полоска воды между бортом судна и причалом стала стремительно увеличиваться, в сердце Радмилы что-то оборвалось. И она уже неподдельно заплакала. Ей показалось — а вдруг они никогда не вернуться? Вдруг все сорвется? Вот она, стремительно удаляющаяся фигурка Ульриха у борта. Может, она его не увидит больше? Меган тихонько тронула ее за рукав:

— Едем домой, миледи! Граф вернется, и все у вас наладится. Он поймет, что был не прав... еще будет просить прощения! Я же вижу, что он вас любит. Просто все мужики такие эгоисты! Разве вы виноваты, что этот гад Норис вас похитил!

Грустная графиня позволила себя увести.

Предупреждение Лалы

Англия, графство Девон, 1243 год

— Леди Радмила, вы здесь? — тихо спросила Меган, войдя в спальню. И сразу же увидела скорчившуюся на постели фигурку. Лицо закрыто ладонями, плечи сотрясаются от молчаливого плача. Она присела рядом и прижалась к ее хрупкой спине. Радмила обернулась и с тоскливой улыбкой взглянула на Меган

— Как хорошо, дорогая, что у меня есть ты! Может, ты согласишься поехать со мной в Псков? У меня очень добрый брат, тебе будет хорошо у нас! Никто тебя никогда не обидит, — она всхлипнула и прижалась к англичанке, — никто не узнает о твоём несчастливом прошлом. Выйдешь замуж за хорошего русского парня..... ты ведь такая хорошенькая! Брат даст тебе приданое. Он очень богат...

— Хорошо, миледи, я с радостью поеду вместе с вами. Правда, я о замужестве даже не думаю, мне нужен только покой. Прошу вас, только не плачьте, ведь вы этим навредите малышу. Как глупы эти мужчины! Не верите своей жене! О, это их недоверие только говорит о том, что они сами способны на ложь и обман! Но куда же мог подеваться этот старый дурень Гуго с документами?

— Много раз я снова и снова перебирала подробности этой подлой сделки, вспоминала, как этот низкий храмовник лгал Ульриху в письме, называя меня своей любовницей, слышала его презрительный смех... и терзалась этим. Я могу понять своего мужа, что он мне не поверил! Ведь он не только прочел письмо, которое написал этот негодяй, он видел, как я сама, стоя на стене Тагеля, подтвердила, что оно написано с моих слов. Страшная пропасть предательства и недоверия теперь разделяет нас. Но не будем об этом, я тебе должна кое-что рассказать! Лала предупредила меня об опасности, что грозит ему и его друзьям.

— Кто такая Лала?

— Ты ни за что не поверишь ... это призрак! Красивая молодая женщина! Когда я надеваю эту диадему, — она когда-то принадлежала ей, — Лала

разговаривает со мной. Но не всегда, а когда сама пожелает... сейчас она предупредила меня об опасности, которая грозит моему мужу. Она сказала, если ему не помочь, он погибнет вместе со своими друзьями. Я отправлюсь вслед за ними и спасу его, пусть даже он меня и разлюбил! — она невесело усмехнулась, чувствуя, что прежняя горечь куда-то исчезла. — А потом поедem в Псков. К моему брату.

— Но я не могу отпустить тебя одну, — проговорила взволнованная Меган, всем сердцем сострадавая несчастной красавице, чья любовь была так безжалостно растоптана.

— Меган, это путешествие будет не из легких. Лала даже предупредила, чтобы взяли с собой сарацинский перстень с рубином, тот, который был подарен Ульриху. Она сказала, что он защитит меня. Значит, там нам грозит опасность.

— Я не боюсь трудностей. После того, что я пережила, мне ничего не страшно. Ты сейчас самый близкий мне человек .... ни за что не отпущу одну...

— Миледи, там какой-то человек вас спрашивает, говорит, что привез важные документы! — в спальню вбежала молоденькая служанка Эмма.

— Какие документы? — не поняла Радмила. — Кто он? Пусть пройдет во двор. Скажи страже, чтобы пропустили. Я сейчас спущусь вниз.

— Не знаю, называет себя Гуго из Дорсета, он в повозке, у него нога сломана.

Да, это был пропавший письмоводитель графа Нориса. Оказывается, его сбросила лошадь и убежала, он упал в волчью яму и пролежал там два дня со сломанной ногой, пока его не нашел лесничий. Неделю провалялся без сознания, как только отошел, сразу попросил привести его в Уорвик. Он ведь знает, как нужны миледи эти документы. Растроганная Радмила поцеловала Гуго в морщинистую щеку и приказала слугам перенести его в замок. Лекарь сразу занялся его ногой, а женщины сидели рядом и слушали сбивчивые рассказы старика о его злоключениях. Но Радмила не стала огорчать его и не сказала о своей размолвке с мужем. Приободренные тем, что документы, наконец, попали в их руки, подруги стали тайно готовиться к поездке.

В гавани Плимута царило необычайное оживление. На обширной площади, примыкающей прямо к причалу, невозможно было протолкнуться. Многочисленные повозки каждую минуту доставляли сюда мешки, бочки, сундуки, клетки с птицей и много других вещей. Беспokoйно ржали лошади, привязанные к вбитым в землю кольям. Блеяли овцы, испуганно кудахтали куры. По неширокой доске с прибитыми к ней поперечными рейками, спущенной с округлого борта нефа, гуськом пробегали грузчики с мешками на плечах либо ящиками в руках.

Здесь же стоял и остроглазый сметчик. Его внимательный взгляд провожал каждое грузовое место. Некоторых он проворно останавливал, чтобы сделать пометку на мешке или ящике, либо записать что-то у себя в документах.

Радмила со страхом обнаружила, что некоторые ящики учетчик вообще раскрывает, проверяя их содержимое, и пропускал груз или отправлял обратно. Она представила, как его крючковатая рука вытягивает ее из сундука, осыпая отменной бранью.

— Нет, Мегги! В сундуке не получится,— в сердцах сказала она подруге, не отрывая глаз от сметчика.

— Пошел прочь!— злобно рявкнула Мегги и пнула ногой поросенка, вздумавшего почесать свой грязный бок о ее ногу. Она тоже следила за каждым движением на погрузке большого транспортного корабля крестоносцев.

— А по-моему, этот плут и так пропустит нас, за пару золотых монет,— задумчиво проговорила она.— Пожалуй, я подойду к нему.

— И не вздумай!— тревожно ответила Радмила,— у них считается, если женщина на борту — быть беде!

— Ладно! Тогда попробуем иначе,— ответила Мегги и скрылась в толпе пилигримов.

Ожидая подругу, Радмила рассматривала отплывающих. Среди них были и совсем простые бедные люди, и рыцари, и дворяне. Многие из них, расстелив прямо на земле свои одеяла и подушки, терпеливо ждали команды грузиться на судно. Путешественники везли с собой очень много вещей. Сам путь был долгим и опасным, да и ехали они в далекую землю не на один день.

Мегги попыталась договориться с каким-то пассажиром, чтобы тот провел их на корабль, выдав за своих женщин. Мужчина принял Мегги за женщину, ищущую мужского покровительства и, прижав ее к своей груди, начал тискать ее грудь. Но возмущенная девушка влепила ему звонкую пощечину. Багровая Мегги уже начала что-то бурно объяснять нахалу, но бурное выступление англичанки остановила Радмила, мягко прикоснувшись к ее плечу.

— У нас есть одно предложение к вам, — обратилась она к учетчику, и в ее руке сверкнула золотая монета.

Глаза немолодого девонца жадно блеснули, и он предложил продолжить беседу в полдень, во время перерыва.

— Я уже нашла сундук, — говорила рыжая англичанка, — спрячемся, а когда будем в море, — вылезем. Не бросят же они нас за борт!

— О чем это вы тут договариваетесь? — тень от мощной фигуры шкипера упала на ее возбужденное покрасневшее лицо.

Молодые женщины вздрогнули, застигнутые врасплох на месте преступления.

— Мы только хотели посмотреть, как грузится ваш корабль, — неуверенно пролепетала Радмила.

Молодые женщины посмотрели в сторону бухты и увидели несущееся под всеми парусами судно. Оно выгодно отличалось от большого круглобокого нефа. Здесь не было многочисленных построек на палубе, очертания его были стремительны и грациозны. С правого борта в бирюзовую воду полетел когтистый якорь. Судно рыскнуло, качнулось, словно конь на привязи и замерло вдали от берега. Было видно, как моряки проворно спустили на палубу большой рей и стали скручивать парус. Радмила и Мегги многозначительно переглянулись.

Их мысли прервал хриплый голос учетчика:

— Не желают ли дамы продолжить переговоры?

— Дамы желают попасть вон на тот корабль, — резко ответила Мегги.

— О! Это даже легче, чем на неф! — воскликнул работник порта, — всего три стерлинга — и я обеспечу вашу доставку на его борт!

Девушки радостно закивали головами.

— Но! — учетчик многозначительно поднял указательный палец к небу, — за последствия я не отвечаю. И мы друг друга не видели!

— Осторожно! — прошипел учетчик, и нога Радмилы неуверенно нащупала в темноте качающееся дно лодки. Было совсем темно. На черных невидимых волнах утлая лодчонка то взмывала вверх, то, скребя бортом по обросшей ракушками стене причала, проваливалась в бездну. Девушке стало плохо от нещадной качки, но она вспомнила слова старого боцмана и напрягла все свои силы. Огоньки далекого галеона то и дело скрывались за набегающей с моря волной. Шипенье пены и плеск воды заглушали скрипы уключин. Подруги обнялись и затихли на корме.

— Все будет хорошо! — рука Меган сжала ее запястье, — иначе я этого крючкотвора задушу!

Да, все было в порядке. Галеон не ушел сразу в море, а опять встал на якоре в бухте. Ждали важное донесение. И все они знают, эти портовые. Даже учетчик был уверен, что судно не сразу уйдет к далеким берегам Палестины.

«Вот сволочь!» — гневно подумала Мегги, когда ей показалось, что помогающий ей забраться на палубу галеона с борта лодки матрос слишком усердно выполняет свои обязанности. Но вслух она ничего не сказала, и путешественницы спустились под покровом ночи в самый угол темного трюма. Подруги уселись на дерюгу, подстеленную прямо на палубу в уголке между мешками и затихли. Трюм галеона был пропитан запахами смолы, пеньки, которые перемежались с многочисленными запахами товаров, окружающих девушек. Рядом поскрипывали от качки большие бочки, испускавшие острый запах соленой рыбы. Спиной они уперлись в мягкие мешки, наверное, с пушниной. Где-то рядом пахло воском.

«Может быть, галеон прибыл из Нарвы», — подумала Радмила.

Слышно было, как гудели на ветру снасти, как шелестела за бортом вода, и плескались волны о борт корабля. Девушки долго ждали, когда послышится

звон якорной цепи, возвещающей об отплытии, да так и уснули, прижавшись друг к другу. На повороте у скалы Бишоп бортовая качка усилилась, и галеон резко лег на борт. Мешки и бочки немного съехали в сторону, и девушки проснулись. Где они? Как далеко уплыли от Плимута?

— Лучше посидим подольше, — шептала Мегги, — а то вернутся и высадят нас.

Радмила кивала, хотя ноги ее затекли, и безумно хотелось выйти на палубу. Сквозь щель в крышке трюма была видна полоска голубого неба, и утреннее солнце пробегало своим лучом по мешкам и бочкам. Вдруг глухой удар в борт потряс все судно, и капельки брызг попали даже в глубину трюма.

«Начинается шторм», — подумала Радмила. Она была уже знакома с некоторыми сторонами морской жизни.

С этого момента качка стала более резкой и регулярной. Подруги прижались друг к другу и старались остаться незамеченными, хотя в желудке уже начинало урчать, и спины ужасно затекли.

— Ты как хочешь, а я пошла, — прошипела Мегги через час и, несмотря на протесты подруги, двинулась к лестнице.

Дверь скрипнула, и свежий морской ветер ударил ей в лицо. Сзади ее подтолкнула Радмила, молодые женщины неуверенно вышли на палубу. От яркого солнечного света они зажмурились. Темносиние волны, поднимающиеся выше бортов галеона, переливались в лучах солнца и яростно шипели. С их вершин срывались белые барашки и брызгами разбивались о палубные надстройки и паруса. Когда галеон взбирался на очередную волну, им открывалась бескрайняя океанская равнина, сплошь изборозженная волнами. Когда он проваливался в седловину между волн — они видели только две водяные, полупрозрачные горы, справа и слева.

— Подобрать рифы! — раздался металлический голос, и десятки матросов стали карабкаться по вантам и веревочным лестницам. Обрызгиваемые волнами, они старательно стягивали специальными веревками нижнюю часть паруса.

Таким образом, уменьшалась сила ветра, давящего на него.

Радмила посмотрела вверх. Она увидела, как изогнулась под напором ветра толстая, склеенная из нескольких слоев дерева, мачта. Там наверху, на фоне рваных облаков, болталась на конце мачты небольшая корзина. «Воронье гнездо» — как называли его моряки с венецианского корабля.

— Фелюга — кричал кто-то сверху. Казалось, никто не обращал на этот крик никакого внимания — галеон следовал своим курсом.

— Это рыбаки, — совсем рядом, за спиной раздался гортанный голос, и перед подругами возникло рыжее, сплошь покрытое веснушками, выдубленное морскими ветрами грубое лицо.

— Ба! Какие красавицы! — оторопел вместе с ними боцман, но очередная порция морских брызг вернула его к реальности, — какими судьбами у нас, на нашем корыте?

Шкипер поднес ложку с супом, да так и остался сидеть с открытым ртом и ложкой в руках. Подталкивая друг друга, в каюту вошли Радмила и Мегги. Остальные моряки застыли в недоумении. Шкипер посмотрел в застекленное мелкими стеклышками кормовое окно. Давным-давно скрылся за кормой каменистый белый берег Англии.

— Милорд! — пошла в атаку Меган, — мы понимаем, что мы находимся на вашем судне незаконно. Но у нас очень важное и спешное дело в Атлите. Поскольку нам все отказали, нам пришлось самим решить вопрос с нашим проездом в Палестину. Мы с подругой согласны оплатить проезд. Вот два луидора! — с этими словами молодая женщина полезла в кошелек. Боцман почему-то виновато посмотрел на шкипера.

— Вначале вы .... — начал угрожающе шкипер.

— Думаю, я знаю, что надо сделать вначале — им надо заплатить за проезд не два, а четыре луидора, — сказал вошедший патрон галеона. — С женщин на корабле взимается двойная плата. И вообще пусть скажут спасибо команде, что они не высадили их прямо в море!

Между тем солнце клонилось к закату. Из-за горизонта всплыла большая свинцового цвета рваная туча. Края ее светились золотым кружевом. Когда галеон взмывал на вершину очередной волны, справа можно было увидеть

небольшое рыбацкое суденышко — фелюгу. Она стойко боролась с волнами и ветром недалеко от корабля крестоносцев.

— Это буря, — пояснял подругам боцман, — видите вон там тонкие прозрачные облака?

— Да, они очень похожи на английский тюль, — сказала Мегги, держась за поручень.

— Только нарезанный лентами, — подтвердила Радмила.

— Они сходятся там, в той туче, — продолжал морской волк, — оттуда и прет на нас эта буря. Вот эти большие волны — океанская зыбь. Они идут сюда за тысячи миль.

И вправду, волны стали похожи на пологие горы. Галеон довольно долго взбирался на водяной холм, и, добравшись до его вершины, переваливался через небольшой бурун и с грохотом летел вниз — к основанию следующей горы. Когда бушприт врезался с грохотом в морскую толщу, становилось жутко. Девушки с ужасом ожидали, выберется ли судно обратно на поверхность. Голубые воды Бискайского залива стали темносиними. Чувствовалось, что под днищем корабля ужасная бездна воды. Радмила всем своим существом представила, как скорлупа суденышка болтается на высоте нескольких миль до дна между небом и землей. Захотелось покрепче схватиться за деревянные части корабля — может, они хоть не утонут!

А между тем ветер крепчал. Матросы уже почти полностью свернули паруса. Оставили только на бушприте небольшой косой, да на корме — чтобы удержать корабль носом к волне, как пояснил любезный боцман. Водяные горы становились все выше, а бурун на вершине начинал превращаться в настоящий водопад. Всей своей силой он ударял в лоб, в носовую часть галеона, да так, что трещали носовая фигура, обнаженная морская богиня с распущенными волосами, да дубовые доски бака. Потоки воды врывались на покатую палубу и с шумом скатывались через специальные отверстия за борт.

Весь экипаж поднялся на палубу. Женщины почувствовали, что положение серьезно. Хотя никто морякам ничего не приказывал, но они без дополнительных команд подтягивали ослабевшие веревки, крепили различные предметы на палубе, поплотнее закрывали запоры на трюмах и каютах.

Рассвирепевший ветер дул уже с такой ожесточенной силой, что срывааемые им с вершин морские брызги слились в сплошной поток пожелтевшей в лучах заходящего солнца морской воды, с воем несущийся над мачтами галеона.

— Фелюга пропала,—раздался крик с мостика, и все стали всматриваться вправо, где еще недавно взмывал к небу рыбацкий парус.

— Вон,— произнес упавшим голосом шкипер, указывая рукой на обломок мачты с обрывком паруса, взмывший на гребень соседней волны. Десятки рук потянулись, чтобы стянуть мокрые шапки и перекреститься. Все дальше и дальше с каждым взмахом волны удалялись обломки рыбацкого судна. Напрасно вглядывались моряки с галеона — на вспененной поверхности океана не было видно ни одной головы. Несчастный галеон трещал и выл каждым своим членом. Толстая гротмачта изгибалась под порывами ветра и, похоже, готова была треснуть. Потоки воды уже почти непрерывно катились по округлой палубе, грозя смыть за борт любого, кто зазеваается.

— Мы не можем уйти! Внизу еще страшнее, — силилась перекричать гул ветра Радмила, отвечая на требование боцмана спуститься в каюту.

— И все-таки вам придется выполнить распоряжение патрона и спуститься в каюту,— приказал подошедший шкипер.

В каюте, при тусклом свете раскачивающегося под потолком фонаря, испуганные женщины со страхом прислушивались к жутким ударам волн, сотрясающим корабль. Казалось, каждый из этих ударов станет последним. Но нет, стойкий галеон вновь и вновь после сильного крена, как бы нехотя начинал выпрямляться, и на душе становилось легче. По каюте с грохотом ездил от борта к борту различные предметы — стулья, кружки, сундуки. Молодые женщины уже устали их крепить. Новые вещи выползали из каких-то углов и, через пару минут в каюте опять царил беспорядок.

Эта ночь кошмаров, казалось, никогда не кончится. Но в какое-то мгновение Радмиле ощутила, что галеон накренился меньше. Потом еще меньше. И она уже уверенно стала чувствовать, что качка ослабевает. С измученным от бессонницы лицом она выбралась на освещенную первыми лучами всходящего солнца палубу. Да, ветер затихал. И хотя еще бежали еще громадные валы один за другим, но сверху уже не было зловещего буруна. Небо было изумительно чистого розового цвета. Разорванные паруса хлопали

по мачтам и надстройкам. Кое-где виднелись остовы сорванных неизвестных женщинам приспособлений.

— Хорошо, что еще мачты целы,— проговорил усталым хриплым голосом шкипер. Ночь выдалась тяжелой — это видно было по морякам. Промокшие до нитки, с воспаленными от морской соли и бессонной ночи глазами, они пытались навести на палубе порядок.

— Эрвина ранило, сильно ударило волной об угол рубки,— поведал шкипер.

— И рыбаки погибли,— добавила горестно Мегги.

— Благодарите Святого Николая, что хоть мы выбрались из этой передряги,— отвечал ей бывалый морской волк.

Кофе шейха

Палестина, замок Атлит, 1243 год

Огромные волны с шумом бились о могучие каменные стены замка Атлит и с пеной разбегались по пестрой окатанной гальке. На ярком фоне голубого безоблачного неба резко выделялась ослепительно белая северная башня крепости. Галеон плавно развернулся в гавани и уперся бортом в скрипучий причал. Совсем другая страна открылась Радмиле. На причале работали дочерна загорелые люди в полосатых платках и длинных белых рубахах. Несколько мужчин в белых плащах с крестами, как у Ульриха, руководили их работой. Были среди рабочих и европейцы. Их белая кожа покраснела от жгучего аравийского солнца. Было очень жарко. Раскаленный сухой ветер обжигал не только кожу, но даже роговицу глаз. Радмиле захотелось снять с себя тяжелое длинное платье и искупаться в море. Она перегнулась через ограждение корабля

— Посмотри, Меган, как правильно одеты местные жители! Нам бы такую одежду. Ветер обдувает все тело, — по-хорошему позавидовала она.

Но на палубе тоже было интересно. К тому же вещи их уже поплыли на спинах работников на берег. Прибывшие в Палестину крестоносцы обнимались со своими братьями. Издалека их быструю речь понять было уже трудно.

«А здесь прохладно», — думала Радмила, шагая вместе с крестоносцами по сумрачной подземной галерее замка Ордена. Из-под мрачных сводов на нее сурово смотрели каменные лица героев крестовых походов, ангелы, неизвестные ей существа с крыльями и длинными ужасными зубами. Гулкое эхо их шагов терялось где-то вдали.

Комната Радмилы и Меган немногим отличалась от каюты галеона. Две грубые деревянные кровати, небольшой стол, два кресла, неоштукатуренные каменные стены, простая занавеска в проеме окна. В комнате уже стояли две большие бадьи с горячей водой, — после долгого морского плавания путешественникам нужно было вымыться. Меган сразу ушла выяснить, как им добраться в Петру. А Радмила начала распаковывать свои сумки. Первым делом она достала волшебную диадему и положила на стол. Затем забралась в бадью и удовольствием вымылась. Выбравшись из нее, она подошла к столу и

стала расчесывать волосы. В этот мгновение взгляд Радмилы случайно упал на подарок Лалы. Она как-то необычно засверкала алмазами на маленьком столике. Случайный луч солнца вызвал разноцветную радугу вокруг главного камня в центре. Так захотелось одеть ее! Когда Мегги ушла, руки Радмилы сами потянулись к украшению. Прохладное золото ласково обняло голову. И сразу мысли потекли по-другому!

«Радмила! Радмила!» — раздалось у нее в голове. — «Надо спешить! Быстро идите за ними! Ему грозит опасность»!

— Радмила! Нам очень повезло! — в помещение ворвалась Мегги, и радостно затормошила ее. — Я уже все узнала! Они только три дня назад покинули Атлит. Завтра в Петру идет караван. Я уже договорилась! Давай укладывать вещи в дорогу.

Молодая женщина сняла диадему, и голос умолк. Ей показалось, что золотой обруч не хотел, чтобы она его снимала и снова одела диадему. И опять услышала знакомый голос:

— Это я, Лала, вы должны спасти его! Если вы быстро не отыщите их — его убьют!

Сердце Радмилы гулко застучало. Кровь прилила к щекам. Необычайное беспокойство охватило ее душу.

Громадный диск повис над серебряными барханами. Казалось, луна вот вот зацепится своими горами за палестинские пески. Теперь уже холодный ветер заставил караванщиков завернуться в теплые одеяла. Трещали на ветру костры, сложенные из неизвестно как найденных в песках колючих веток. Радмила и Мегги, переодетые в мужскую одежду служащих ордена, с полузакрытыми, якобы от песка, лицами, жались к костру. Сарацин щелкал языком и что-то пытался объяснить на своем гортанном языке. Путешественницы уже знали, что дорога в Петру займет три дня. Воды мало — объяснял погонщик верблюдов. Потом он достал одеяла и дал молодым женщинам. Это было весьма кстати. Удивительно, как может быть так холодно после адской жары.

— Мне сказали, в Петре много заезжих дворов, — тихонько шептала разбитная Мегги на ушко подруге, — остановимся там, отыщем их, и будем потихоньку следить за ними!

— Нужно будет купить восточное платье и переодеться, меньше будут обращать на нас внимание, — предложила Радмила.

— Думаю, лучше надеть одежду паломника, а то спросят тебя что-нибудь сарацины, — резонно возразила подруга, — а ты не сможешь им сказать! А так будем мычать в ответ, мол, дали обет молчания.

Цепочка верблюдов взобралась на очередной бархан, и Радмила увидела впереди горы. Округлые, бурые и красные, рассеченные горизонтальными слоями.

«Они как раскаленные печи», — вяло подумала измученная страшной жарой молодая женщина. Мысли медленно текли в ее голове, завернутой в белую ткань. Как надоело качаться между мохнатыми горбами этого верблюда! Он неспешно ковылял своими громадными лапами-копытами по сбегаящему струйками раскаленному песку то вверх по бархану, то вниз, к его подножию. Хотя было бы намного труднее идти пешком, вон как тот бедуин, что идет рядом, чем держаться за качающийся горб! Вот вошел караван в ложбину между раскаленными горами. Здесь, в долине, еще жарче! Даже и легкого ветерка нет! Но наконец-то солнце стало клониться к горизонту. Скоро вечер. Стало не так жарко. К ночи опять вышли на песчаную равнину.

Халид, так звали погонщика, достал веревку и положил ее аккуратным кругом, чтобы костер и девушки оказались в центре.

— Фаланга, тарантул, эфа! — объяснял он и показывал на пальцах.

Девушки поняли, что фаланга и тарантул — это ядовитые пауки, а эфа — это змея. Неужели они не могут перелезть через веревку?

Сарацин выпучивал глаза и показывал жестами — нет!

— Что-то не очень верится, — с сомнением подумала Радмила, — сколько же пакости всякой водится на этой раскаленной земле! Хотя, наши медведи с волками похуже будут. От них веревкой не огородишься!

Холодный ночной воздух приятно освежал и расслаблял тело. Незаметно ее голова склонилась к плечу Мегги. Начал сниться сон. Ее дом возле Самолвы, где начиналась их с Ульрихом любовь. Чудское озеро. Ветер разгулялся по синему простору. Набегают волна. Вдруг какой-то посторонний звук заставил

очнуться. Радмила открыла воспаленные глаза и опять закрыла. Очень хотелось спать. Но, возникло какое-то беспокойство, она опять очнулась и стала озираться вокруг.

Вокруг костра сидели незнакомые люди! В черных плащах и с головами, обмотанными кусками полосатой ткани, они задумчиво смотрели на пляшущие огоньки пламени. Казалось, они всегда здесь сидели, настолько невозмутимы и молчаливы были их лица. На появление Радмилы гости не обратили никакого внимания. Мегги продолжала крепко спать, и Радмила принялась трясти ее за плечо. Рядом из темноты торчали ступни Халида, и слышался крепкий храп. Внезапно он тоже проснулся и осмотрелся.

— Бедуины! — со страхом прошептал он. Радмила поняла, что это разбойники пустыни. Бедуины заулыбались. Все они были великолепно вооружены. У них были и луки, и кривые сарацинские сабли и даже тевтонский меч. Из темноты слышались крики. Притащили связанного хозяина каравана. Он кричал что-то и жестикулировал. По его испуганному лицу Радмила поняла, что дело плохо.

Хозяин что-то объяснял на незнакомом языке. Показывал на верблюдов, и на пустые корзины. Бедуины посмеивались. Потом они развязали его, и на душе у Радмилы стало как-то полегче. Но ненадолго. Хозяин, похоже, отговорился от разбойников, но потом стал показывать на девушек, что-то объясняя.

Старший из бедуинов подошел к Радмиле и Мегги и уселся на корточки. Халид знал несколько слов пофранцузски и попытался перевести. Бедуин был обрит наголо — это было видно сразу же, хотя голова и была закрыта шмагом — причудливым головным убором. Из темной окладистой бороды блеснули в приветливой улыбке белоснежные ровные зубы. От его зорких сладострастных глаз холодок пробежал по телу Радмилы.

Бедуин поинтересовался, что завело так далеко от Иерусалима таких юных паломников, и куда они направляются. Радмила сказала, что они хотят добраться до города Петры, там они должны найти в замке крестоносцев ее брата — первое, что ей взбрело в голову. Тогда командир бедуинов заулыбался и опять заговорил. Он говорил, что имеет долг перед воинами Христа. Братья Ордена спасли ему жизнь, когда он был ранен. Бедуин не знает даже имени

своего спасителя, и он хочет отблагодарить первого европейца, кто встретится на его пути — так требует их обычай. Радмила развела руками.

— Завтра мы будем проходить ущельем Рах, — пояснял Халид его речь.— И шейх Аббас приглашает вас к себе в шатер на чашку кофе.

С этими словами бедуины исчезли в темноте.

— Слава Аллаху,— говорил Халид,— отпустили нас без выкупа! Хозяин сказал, что идем пустые, на обратной дороге платить будем.

На следующий день, когда солнце не успело пройти и половину своего пути до зенита, как среди гор, за очередным поворотом, на пути каравана возникли четверо бедуинов на конях. Четверо всадников в краснополосатых шмагах, подвязанных толстыми черными двойными шнурами—уткалями, длинных белых туниках, молодцевато сидели на седлах из бараньей кожи с поджатой под себя ногой. У каждого из них было по кривой сарацинской сабле в ножнах, богато украшенной самоцветами. На погонщиков они смотрели с прищуром, то ли от солнца, светившего прямо им в глаза, то ли от ощущения своего бедуинского превосходства и куража.

— Уважаемые гости,— приложив правую руку к сердцу, начал старший из них,— шейх Аббас аль Аир приглашает вас посетить его скромный шатер.

Его слова, обращенные явно к Радмиле и Мегги, ловко перевел погонщик Халид. Радмила засмушалась, но погонщик объяснил, что отказ невозможен.

— Быстрые скакуны шейха Аббаса доставят вас к месту следующего ночлега, — добавил бедуин.

Из-за скалы вывели еще двух великолепных рысаков, и кавалькада неспешной рысью поскакала по песчаной тропе меж округлых скал. Показались первые палатки, и за очередным поворотом открылось все поселение. Оно состояло из двух—трех десятков приземистых палаток, крытых черным шерстяным войлоком. На входе возле каждого жилища был сооружен навес на деревянных подпорках. По-видимому, вся жизнь бедуинов и протекала под этими навесами.

У самой большой палатки встречал хозяин, шейх Аббас.

Днем Радмила получше рассмотрела его лицо. Это был высокий широкоплечий мужчина лет сорока. Открытое лицо с могучим квадратным лбом выдавало властный сильный характер. Светлокарие глаза, странно контрастирующие с густой черной бородой, смотрели не очень дружелюбно, хотя хозяин распростер широко руки в знак гостеприимнорадушного приема. Взгляд Радмилы невольно упал на его сильные узловатые пальцы с многочисленными драгоценными перстнями.

Внутри палатка шейха был устлана дорогими персидскими коврами, и гости, сняв обувь, вошли вслед за хозяином. Аббас самодовольно улыбнулся — Радмила и Мэгги не знали, что сняв обувь, они таким образом, по бедуинскому обычаю, известили гостеприимного хозяина, что хотят кушать и не особенно спешат. Все расположились на мягких ковровых подушках. Сидеть скрестив ноги, как бедуины, было очень неудобно, но девушки коекак устроились. Радмила все время со страхом ощущала, что жадные глаза шейха беспрестанно следят за каждым ее движением. Стараясь не смотреть ему в глаза, молодая женщина судорожно поправила свою одежду. Подали вкусный обед, состоящий из лабана — кислого овечьего молока, жареного барашка с пряным рисом и свежееиспеченных лепешек; после этого полагалось пить кофе — неизвестный в Европе напиток.

Женщины в черных платках, скрывавших нижнюю часть лица, принесли из женской половины горячие жаровни, длинноносые высокие чайники, узкие кофейники, небольшие кубки без ручек. Медная посуда была начищена до золотого блеска и богато украшена инкрустациями и эмалью. Принесли также зеленые зерна, чем-то напоминавшие мелкую фасоль. Шейх сам взял зерна и принялся жарить их на раскаленной жаровне.

— Это зерна кофе, — пояснял он.

Оказывается, шейх Аббас сносно говорил пофранцузски. Палатка наполнилась незнакомым приятным ароматом. Шейх еще говорил что-то, но Радмила отвлеклась, разглядывая все вокруг. Женщины спрятались в своей половине шатра. Их укутанные в темносиние ткани фигурки появлялись только по властному зову хозяина, или для того, чтобы принести или унести что-либо.

— Не очень-то они жалуют дам, — хмыкнула Мегги, вторя мыслям подруги.

Черный козлиный войлок неплохо защищал как от холода, так и от зноя. Невдалеке бродили и эти черные козы. Видимо, они давали и мясо, и молоко — все, что нужно было бедуинам.

Наконец, кофе был поджарен, и шейх стал сам молоть его между двух каменных кругов. Похоже, ему нравилась эта работа.

— А как зовут вашего брата? — застал он вопросом врасплох Радмилу.

— Ульрих фон Эйнштейн, — поспешно ответила девушка, не умеющая врать

— Его я не знаю, — задумчиво заключил шейх Аббас и приступил к варке ароматного напитка.

— В схватке с христианами мой конь Алим был убит, — стал рассказывать, размешивая кофе, о своем долге христианину бедуин, — и упал прямо мне на ногу. Нога была сломана. Погибли все мои воины, те, кто был со мной, кроме одного. Но и он был тяжело ранен, и нас с ним тоже ждала смерть. Но один из неверных сжалился над нами и, вернув наших лошадей, отпустил. Даже мою саблю отдал! — Шейх подал гостям маленькие чашечки с напитком — с тех пор я должник этого человека. Склонившись перед Радмилой, бедуин как бы невзначай дотронулся до ее груди плечом. Женщина вздрогнула и отодвинулась.

Аббас повернул голову к ней и осклабился в чувственной улыбке. В его больших руках, покрытых черными волосами, с трудом держалась маленькая кофейная чашечка, они дрогнули, и коричневый напиток немного разлился.

Кофе оказался горьким и неприятным. Радмила даже сначала удивилась — зачем эти люди пьют такую горечь. Но со вторым и третьим глотком нашла в обжигающем питье странное удовольствие.

— Пойдем, христианин, я покажу тебе мой дом, — обратился он к Радмиле, приглашая войти в палатку.

Молодой женщине совсем не хотела заходить в жилище шейха, ее сердце дрогнуло и сжалось от страха. Но Аббас продолжал настойчиво показывать, куда следует идти. Радмила продолжала упорствовать, оглядывалась то на подругу, то по сторонам. Из женской половины показалось недовольное лицо какой-то красивой женщины; охранники шейха с

насмешливым любопытством ожидали продолжения сцены. Меган стала совсем пунцовой, по ее глазам было видно, что она не знает, что делать ее подруге, и переживает, что не в силах помочь ей. Шейх взял Радмилу под руку, и она почувствовала, как больно сжимаются его пальцы.

— Прошу, проходите,— приговаривал он, подталкивая ее вперед, молодая женщина упиралась.

Шейх Аббас окинул взглядом своих слуг, и они напряглись, ожидая только одного его слова, чтобы кинуться на помощь. Нехотя Радмила согнулась под полог и ступила во вторую половину палатки. Расшитые подушки различных размеров были здесь аккуратно разложены по всему помещению, образуя стопки и удобные альковы. Мужчина легонько толкнул Радмилу в спину, направляя ее движение, но она схватилась за какую-то цветную веревку и удержалась на ногах. Женщина почувствовала, как жадные руки шейха обхватили ее сзади и быстро переползли на грудь. Пальцы, казалось, были из железа. Радмила вскрикнула от боли, когда они больно сдавили ее груди. Молодая женщина вырвалась и оттолкнула от себя насильника, но он поймал ее за руку и с силой дернул на себя. На мгновение лицо Радмилы оказалось очень близко с бородатым лицом шейха. Его крупные зубы сверкнули прямо перед ее глазами.

—Ты очень красива... будешь моей любимой женой, — прошептал он.

— Нет! — закричала Радмила и вцепилась в густую бороду, пытаясь оттолкнуть ее от себя.

От крепкой пощечины у молодой женщины вспыхнула молния в глазах, и резко закружилась голова. Она покачнулась, но через мгновение бросилась к выходу. Но молниеносным движением шейх схватил непокорную красавицу за край ее одежды, и черная туника с треском лопнула на спине. Радмила с криком повалилась на пол, но бедуин уже оказался на ней и со смехом опрокинул на спину, сорвав остатки одежды с ее тела. Радмила съежилась, пытаясь прикрыться, но крепкие руки насильника без труда справились с жалким сопротивлением женщины, и ее руки оказались за спиной. Нога шейха бесцеремонно втиснулась между бедер красавицы, а колючая борода скользнула по нежной шее. Вдруг бедуин резко остановился. В ложбинке между полными грудями молодой женщины лежал крупный перстень,

повязанный на шелковой тесьме. Шейх освободил одну руку и бережно снял украшение с шеи красавицы. В его глазах блеснуло удивление.

— Что это? Откуда он у тебя? — спросил он на ломаном французском. Радмила воспользовалась моментом и повернулась, пытаясь закрыться.

— Я тебя спрашиваю, женщина!

Жмурясь в ожидании второй мощной пощечины, Радмила пролепетала:

— Муж дал мне его, это подарок... старинный сарацинский перстень...

Бедуин слез с женщины и встал посередине комнаты. Упавший сквозь окошко луч солнца разбился на драгоценном рубине на сотни осколков, и слепящие солнечные зайчики побежали по его лицу и решетчатым стенам палатки.

— Я и так вижу, что старинный, — недовольно ответил Аббас, — откуда он у твоего мужа?

— Ульрих рассказывал, что он спас жизнь одному родовитому сарацину, и тот подарил ему этот перстень...

Шейх развернулся и вышел из шатра.

— Эй, кто там! Помогите этой женщине одеться. И найдите ей что-нибудь, ее платье испорчено, — услышала Радмила его резкую команду уже на улице.

Вскоре смуглые наложницы шейха Аббаса помогли Радмиле привести себя в порядок. Синяя восточная одежда очень подошла молодой женщине, придав ей таинственную экзотичность. Меган сочувственно посмотрела на подругу. Рыжеволосая англичанка продолжала сидеть у очага, застыв в напряженной позе. Шейх махнул рукой, приказывая Радмиле тоже сесть.

— Можно сказать, тебя защитил этот талисман, женщина, — заговорил шейх Аббас, поворачивая на ладони перстень и вглядываясь в вязь сарацинских букв, покрывающих его изнутри и снаружи, — это действительно старинный перстень. И я даже могу сказать, кому спас жизнь твой муж... я его должник. Не скрою, ты мне очень понравилась, и я бы с удовольствием пополнил бы свой гарем, но передай своему мужу, что шейх Аббас аль Аир отдал свой долг!

Шейх Аббас наклонился к Радмиле и разжал ладонь. На ней поблескивал спасительный талисман.

— Пусть будет так, — шейх вложил перстень в руку Радмилы, — береги его, этот талисман знают по всей пустыне. Он спас Маариф-шаха, помог и тебе. Никто из бедуинов не посмеет тронуть обладателя этого перстня.

— Эй, Камар, — крикнул он в сторону своих слуг, — возьми семерых всадников и доставьте этих женщин в Петру! И чтоб волосок не упал с их головы! Да, еще передай мужу, что шейх Аббас аль Аир приглашает его в гости.

До тех пор пока шатер шейха не исчез за красноватыми скалами, Радмила не могла поверить счастью, свалившемуся на ее голову. И даже позже холодный комок ужаса долго еще сжимался в ее животе, а щека горела от тяжелой пощечины. Женщина все прислушивалась к звукам и вглядывалась в коварные лица бедуинов, ожидая, что ее освобождение окажется лишь жестокой шуткой. Лишь в постоялом дворе в Петре, желанном пристанище путешественников, душа испуганной Радмилы немного успокоилась.

Палестина, город Петра, 1243 год

Хотя Петра находилась неподалеку от городка Вади-Муса, переход от Вади-Муса до Петры показался подругам довольно долгим. Начинался он с вымощенной дороги, которая проходила между каменистых отвесных гор. Знаменитый город был запрятан высоко в горах, в узком каньоне Сик. Краски каньона потрясли Радмилу и Меган. Высокие и изгибистые стены создавали причудливую игру света и тени. Верх каньона ярко освещался жарким южным солнцем. До некоторых уголков в самом низу каньона солнечные лучи не доходили. Округлые скалы, словно раскаленные печи, обжигали путников, мерно раскачивающихся на верблюдах. Дорога все сужалась и, наконец, стала извиваться между высоких каменных круч.

Стало прохладней. Рядом по прорубленному в скале ложу бежал ручей живительной влаги. Как объяснил старый сарацин, немного разговаривающий на французском, жители Петры чтобы добыть воду, вырубали каналы и водоемы прямо в скалах. Каждая капля дождя в Петре и ее окрестностях собиралась и сохранялась, — на всем протяжении каньона Сик по извилистым каменным каналам текла вода.

Город оказался довольно большим. От центра, где находилось много зданий, выстроенных из каменных блоков, он простирался примерно на три мили. Главная улица, протянувшаяся с востока на запад через весь город, была проложена еще во времена римлян. По обеим ее сторонам стояла величественная колоннада. Западный конец улицы упирался в большой храм, а восточный заканчивался триумфальной аркой. Но больше всего молодых женщин поразило величественное здание с прекрасным фасадом, высеченным из огромной скалы. Здание венчала огромная урна из камня.

— Аль Хазна! Там золото фараонов! — указал пальцем вверх проходящий мимо сарацин.

Подруги быстро нашли подходящее заведение для ночлега. В этом городе все было приспособлено для проходящих караванов — источники воды, заезжие дворы, возможность пополнить запасы еды. Заезжий двор состоял из нескольких каменных прямоугольных домов с плоскими крышами и узкими, похожими на бойницы окнами. В одной из комнат, застеленной пушистыми коврами, им указали место, где можно было переночевать. Перед самым большим домом располагался очаг с навесом. Оттуда доносились соблазнительные запахи жареного мяса и незнакомых девушкам специй. Это была, по-видимому, кухня.

— Что погнало столь юных пилигримов в Палестину? — ловко барабанил на французском старый сарацин, накладывая полные миски пахучей мансафы — сарацинского блюда из молодой баранины и риса, сдобренного соусом из орехов, молока, специй.

— Да, далеко вы отклонились от Иерусалима, — черные глаза разговорчивого старца блеснули из-под косматых бровей. Его огромный горбатый нос напоминал клюв хищной птицы.

«У него неплохой нюх, немудрено...с таким носом», — усмехнулась про себя Мегги, и объяснила, — у нас кое-какие дела в Петре.

— В этом мы с вами схожи, — с усмешкой ответил хозяин заезжего двора, — у меня тоже дела в Петре.

Радмила с интересом наблюдала за группой людей, одетых совсем иначе, чем сарацины. Они занимали один из домиков в заезжем дворе. Вели себя незаметно, но на ужин пришли, как и все постояльцы. Ловко скатывая

смуглыми тощими руками из мансафы ароматные шарики, забрасывали себе их в рот. Во время еды загадочные чужеземцы все вокруг внимательно осматривали, шаря цепкими глазами по лицам постояльцев заезжего двора.

— Здесь много всякого народа можно встретить, — поймал ее взгляд старик, — но эти индусы действительно ведут себя странно.

— Думаю, это туги! — прошептал он на ухо Мегги, вытирая медное блюдо. — Секта душителей! — заговорщически пояснил недоумевающей англичанке старик, — они здесь недавно появились. Говорят, в Петре уже есть небольшой храм их богини. Они и вас, таких молоденьких, могут принести в жертву своей кровавой богине Кали!

И старик так дико захохотал хриплым голосом, что молодые женщины поежились. Страшно было в этой чужой стране, без поддержки сильных мужчин.

— Послушай, нам страшно повезло. Вон тот парень, в длинной рубаше и полосатом платке, служитель заезжего двора, сказал, что он знает, где остановилось несколько европейцев, и показал мне, — как-бы ответила на тревожные мысли Радмилы разбитная Мегги. — Они вон там живут, где дома вырублены в скалах. Завтра пойдем — проследим за ними потихоньку.

На следующий день два юных паломника медленно прохаживались вблизи двора, где остановились крестоносцы. Ульрих и его друзья отсутствовали. Но их лошади были в конюшне.

— Они и на ночь не пришли, — поведал служитель гостиницы. Сердце Радмилы сильно забило. Никто не знал, куда исчезли крестоносцы. И индусов на постоялом дворе больше не было видно. Девушки бродили по каменному городу, не зная, что предпринять.

— Надо предложить деньги! — решительная Меган начала действовать.

— Они ушли по северной дороге, — жестами показал знакомый слуга, с удовольствием приняв золотую монету.

— Пойдете туда, — указал он пальцем, — там будет большой камень, с вот такими ребрами... — Сарацин провел ребром ладони вертикальные линии. — Это идол бога Душара! — закатил он глаза кверху. — Там пройдете вправо вверх по скалам. Увидите проем в скале и две лестницы над ним. Это старый

храм Набатеев! А по этим лестницам уходят на небо души! — Служитель упал на колени и припал лицом к земле. Девушки склонились над рассказчиком.

— Больше не знаю...— сказал он после паузы, — там их видел вчера Джамиль.

— Я попробую спросить диадему, — сказала Радмила подруге, — Лала поможет нам! Пойдем, сходим в гостиницу.

— А мне поможет вот это!— ответила Мегги, когда они пришли в свою комнату, и откинула накидку из ткани. Перед глазами Радмилы предстали кривой нож, большой моток крепкой веревка с навязанными по всей длине узлами и старый фонарь

Богиня смерти

Зловещая богиня Кали взирала на четырех рыцарей, привязанных к каменным жертвенным колоннам. Прорези больших миндалевидных глаз на ее злобном лазоревом лице были ослепительно белыми. В зрачки священного изваяния были вставлены драгоценные камни, и они вспыхивали желтым цветом, вторя всполохам костра, разложенного возле ее ног. Каждому из пленников казалось, что жестокое божество смотрит прямо ему в душу, пытаясь отыскать там крупницы страха и раздуть их в пламя ужаса перед неминуемой страшной смертью. На шее Кали уже висело целое ожерелье из голов таких повергнутых ею жертв, сохранивших на лицах предсмертный ужас. Божество было сделано с таким мастерством, что в сумраке храма было трудно поверить, что это каменная статуя. Но головы, висящие у нее на шее были явно не из камня. Кали подвернула левую ногу под себя, чтобы удобнее было сидеть, и насмешливо рассматривала свои будущие жертвы.

Веревка была завязана таким хитрым способом, что любое, даже малейшее движение Ульриха, затягивало ее еще сильнее. Колючая шерсть врезалась в горло рыцаря и передавила руки за спиной. Ульрих уже не чувствовал пальцев и мог только вращать глазами, пытаясь рассмотреть своих друзей.

— Проклятые скоты!— прохрипел Георг, — громадный немец стоял на коленях, а его голова была запрокинута вверх, — напоили какой-то гадостью, потом спящих связали.....я бы разметал их всех по этой мерзкой конуре...

— Незавидная судьба у нас судьба, — ответил ему Бруно, — Ульрих мог видеть только часть его ноги за высоким камнем, к которому тот был привязан, — погибнуть в расцвете лет в этом тухлом храме!

— Какая разница, где погибнуть, — пробормотал Ульрих, — противно быть беспомощным.

— Все в руках господних, — голос Гарета был боле уверенным, — как бы там не было, мы честно сражались и встретим смерть достойно. Всякий отправляется в этот путь, раньше, позже, что сие в сравнении с вечностью души?

— Ну, разве философия, — не согласился немец, — легко уходить тому, чьи желания угасли, а тело бrenно, а я хотел бы пощекотать кое-кого мечом...

— А других, которые покрасивее, еще чемнибудь, — рассмеялся Бруно.

— Он еще шутит! — возмутился Георг.

— И правильно делает, — голос Ульриха зазвучал веселее, — во всякой ситуации нужно присутствие духа. Хочу только добавить, что если не суждено нам выбраться отсюда живыми, то я бы хотел и на том свете и в следующих воплощениях встретиться с вами, мои дорогие друзья!

Туг, сидевший у костра, не понял ни одного слова из этого разговора, но все равно ему не понравилась эта беседа пленников. Душитель выпрямился во весь рост, и огромная тень задрожала на зловещих сводах храма. Он вынул из кожаного мешка отрубленную голову и повесил ее на шею своей богине, вместе с остальными. Индус вытер руки об свою странную одежду, и на ней остались кровавые пятна. Ульрих поежился. Ему часто приходилось видеть убитых, обычно на поле боя все вокруг было усеяно частями разрубленных тел, но страдальческая гримаса на лице этой головы заставило его содрогнуться.

— Все же северные викинги правы, намного приятнее погибнуть в бою, чем дожидаться, когда тебе перережет горло кривой кинжал вот такого грязного уродца, — прохрипел он.

Колючая шерстяная веревка туго сжимала ему горло с каждым неловким движением все сильнее и сильнее. Приходилось приподнимать стянутые за спиной руки, чтобы можно было что-нибудь сказать.

— По-моему, намного лучше остаться бы в живых, брат, — сказал Бруно, — я еще не отлюбил и половины запланированных мною женщин...

— Он опять шутит, — раздался хриплый бас здоровяка Георга, его камень располагался в темном углу восточного святилища, и ему на лицо падала густая тень, — если бы мне удалось вырваться из этой петли, я бы показал этому уроду «кривой кинжал»! Он бы сам у меня быстро стал кривым!

— Твое счастье, что он не понимает, — вставил Гарет, ему всегда был присущ здравый рассудок, — и все же мерзко вот так погибнуть, не за грош...не оставив и следа на этой земле.

— У Ульриха след все-таки останется, как я слышал, — опять попытка развеселить друзей добродушный франк.

Ульрих склонил голову и закрыл глаза. Перед ними возник прекрасный образ Радмилы. Он даже ощутил ее запах и теплоту, исходящую от кожи.

— Не говори о ней, об этой предательнице... — прохрипел он.

— Все красивые женщины таковы, — поддержал его Георг, — мы идем из-за них на смерть, а их слову цена — медный пфенниг! Обидно вот так, в молодые годы, закончить жизнь в вонючей пещере. Зря мы сюда притащились.

— По-моему, ты сам не хотел прозябать в нищете, — ответил Гарет, — каждый выбирает себе судьбу. Мы были согласны рисковать ради своего счастья...вспомни Фридриха... многие остались лежать на дне холодного озера, они тоже хотели жить.

— Уж лучше бы погибнуть в бою, — Ульриху опять пришлось задрать руки, чтобы произнести эту фразу, — посмотрите, как эта гнусная богиня пялится на нас! Воистину женщины исчадия ада! Внешне они так красивы и благородны, а на самом деле просто хотят получше устроиться в жизни... за наш счет.

Жрец до этого сидел у огня почти неподвижно, лишь слегка раскачивался. Можно было подумать, что он спит или молчаливо молится своей страшной повелительнице.

Вдруг он поднялся и что-то отрывисто крикнул, страшно посмотрев на Ульриха. Тевтонец вцепился в него ненавидящим взглядом, тогда душитель подбежал к нему и, наступив ногой на бедро, стал кричать прямо в лицо.

— Карта, — понял немец ломаный французский, на котором пытался изъясняться туг.

— Он требует карту, — подтвердил Бруно, — говорит, что первым убьет тебя.

Душитель замолчал и вышел из пещеры, но уже через минуту он вернулся, но не один. Его соплеменник помог ему втащить в пещеру сарацинского юношу. На вид тому было лет пятнадцать–шестнадцать, его лицо было искажено от ужаса, он пытался остановиться и даже упал, но душители

проворно подняли его и подтолкнули к окровавленному каменному алтарю. Ульрих попытался встать, но веревка впилась ему в горло, и он обмяк, почти потеряв сознание. Туги поставили жертву на колени, лицом к своей богине Кали, и тот душитель, который требовал у Ульриха карту, что-то отрывисто заговорил. Незнакомые слова отдавались многочисленным эхом под высокими сводами ужасного святилища, казалось, целый сонм демонов вторил ему.

Несчастный мальчик оглянулся, и Ульрих увидел его обезумевшие от страха глаза. Этот взгляд рыцарь запомнил на всю жизнь. В следующее мгновение узкий волнистый клинок блеснул в руках душителя, и кровь брызнула на камни.

Ульрих невольно зажмурился. Когда он открыл глаза, тело юноши было уже обезглавлено и содрогалось в конвульсиях у ног ненасытной богини смерти. Убийца с торжествующим видом поднял над собой голову, показывая ее привязанным рыцарям, бормоча при этом какие-то заклинания. Кровь струйками стекала по его запястьям и падала в огонь, по помещению пополз неприятный запах горячей плоти.

Душитель подошел к Ульриху и ткнул головой ему почти в лицо.

— Карту! Иначе смерть! — кричал он, — следующий будешь ты! Утром!

Это тевтонец понял и без перевода. Он сжал зубы так, что они даже хрустнули, по его щекам потекли капли холодного пота. Душитель отступил. Даже связанный огромный рыцарь внушал ему страх. Он опять уселся возле костра, а второй туг покинул помещение храма.

Под покровом темноты, прячась в черных ущельях от мертвенного света огромной зловещей луны, пробирались к храму Душара две робкие фигурки. Камешек, выскользнувший из-под ноги, или резкий крик ночной совы — все заставляло вздрогнуть и затихнуть напуганных женщин.

Они остановились в очередной раз, чтобы продумать наиболее скрытный путь среди освещенных почти как днем скал. Необычно резкий вскрик совы заставил их оглянуться. Девушки присели в тень от большого круглого камня и застыли. Мимо них, совсем близко, прошелестело несколько фигур, с головами, туго закрученных в белую материю, с повязками на лицах.

— Душителю! — прошептала напуганная Мегги и прижалась к подруге.

Туги проследовали к храму Душара и исчезли внизу, в открытом проеме. Радмила хотела что-то сказать, но подруга проворно зажала ей рот ладонью и указала вправо. Там, на огромном камне, темнела неподвижная фигурка еще одного индуса. Пришлось сидеть не двигаясь чуть ли целый час. Наконец группа душителей вынырнула из проема и направилась в сторону города.

Помня о засадах и тайных наблюдателях, подруги медленно крались неосвещенными расщелинами к храму. Радмиле почему-то вспомнилась страшная судьба Лалы. Эти мысли не покидали молодую женщину. Когда подруги достигли храма, Радмила присела в тень и надела на голову свою драгоценную диадему. В сумеречном сиянии луны блеснули древние алмазы. Девушка закрыла глаза и постаралась расслабиться. Мегги держала в своей ладони руку подруги и чувствовала, как волны сильного напряжения пробегают по ее телу.

Радмила старалась прислушаться к чувствам, которые приходили к ней. Вдруг она встала и с закрытыми глазами стала взбираться по крутой лестнице храма, ведущей в звездное небо. Мегги старалась сзади придерживать подругу, как только могла. Как они только не упали! Наконец девушки добрались до вершины храма. Поползли по скале, из которой он был вырублен. Здесь Радмила остановилась и в недоумении открыла глаза. Она не знала, куда идти дальше. Да и идти было некуда, — только в небо. Сидя на корточках, девушка повернулась и нечаянно сдвинула башмачком небольшой камень. Камень с грохотом покатился в скрытую от глаз глубокую расщелину и, гулко ударяясь о стены, хлопнулся где-то внизу. Когда они глянули вниз, сердца подруг сжались от вида темной дыры в скале, куда им сейчас предстояло спуститься. Гулкое эхо от упавшего камня многократно отразилось в закоулках провала, указывая на его значительную глубину. Мегги зажмурилась от страха и бросила веревку вниз. Предусмотрительно привязанный к ее концу камень застучал по извилистым склонам и упал на дно. Мегги подергала веревку и посмотрела на подругу. Молодые женщины поняли, что ее конец достиг дна колодца, и улыбнулись. Их бледные от волнения лица в свете призрачной луны выглядели мертвецки белыми. Надежно закрепив веревку за огромный камень, подруги обнялись, словно прощаясь. Тяжело вздохнув, Радмила первая ступила в кромешную тьму подземелья. Ее вспотевшие от волнения руки изо всех сил сжимали волокнистую веревку, а ноги в мягких восточных башмачках

упирались в шероховатые склоны расщелины. Порой нога соскальзывала с невидимой стены, и молодая женщина больно ударялась коленкой о холодный гранит. Тогда Радмила еще сильнее сжимала веревку, опасаясь, что она выскользнет из дрожащих от ужаса рук, и старалась найти точку опоры ногами. Вскоре стало совсем темно. За очередным изломом колодца исчезло и звездное небо, и искаженное гримасой страха лицо Мегги. Пот холодными струйками тек по спине, а руки, казалось, уже через минуту не смогут удерживать колючую веревку. Ныли и плечи, и спина, саднили сбитые в кровь колени, но Радмила, сжав зубы, спускалась вниз все дальше и дальше.

Вздых облегчения сорвался с ее губ, когда носком башмачка девушка нащупала крупный песок на дне провала. Молодая женщина с облегчением присела на дне и беззвучно заплакала — страшное напряжение спало. В абсолютной темноте она не могла ничего видеть, даже свою руку, которой дотронулась до носа, чтобы убедиться, что она у нее есть.

Через мгновение Радмила взяла себя в руки и несколько раз сильно дернула за веревку.

Вверху раздался едва слышный шорох, и мелкие камешки полетели на голову смелой женщине. Радмила дотронулась руками до своих щек. От пальцев, разогнутых с большим трудом, исходил сильный жар. Только теперь она начинала ощущать онемевшие от напряжения кисти рук. Но вот почти ей на спину спустилась и Мегги. Подруги радостно обнялись и с трудом удержались от восклицаний. Радмила уже должна привыкнуть бы к темноте, но ее глаза по-прежнему ничего не видели.

Поправив крепко привязанную к голове диадему, молодая женщина стала ощупывать стены расщелины. Скоро она ощутила грубо вырубленный проем в холодном граните. Девушки шагнули в темноту и замерли. Невидимая дорога под ногами круто уходила вниз.

«Возможно, там пропасть», — подумала Радмила, и еще сильнее обняла хрупкое тело Мегги. Она чувствовала, как вздрагивает то ли от страха, то ли от напряжения ее подруга.

— Я больше не могу! — прошептала прямо в ухо подруге Меган, — вдруг там пропасть? Я не могу идти дальше! Оказывается, я трусиха! Прости меня, я не могу! — и беззвучно заплакала.

Радмила до боли сжала руку англичанки и прошептала:

— Мы сделаем это, Меган! Ведь Лала ведет нас! Они погибнут без нашей помощи! Представляешь, как они ждут нас? Держись! Вспомни, Гарет видел сон, что все будет хорошо!

Не давая подруге испугаться еще сильнее, молодая женщина ступила в темноту и потянула спутницу за собой. Мегги оглянулась назад. Она представила отвесные стены, веревку и поняла, что вернуться наверх будет также чрезвычайно трудно.

«Надо идти», — мысленно согласилась Меган и тоже шагнула вперед, — «но куда»?

Вдруг впереди женщины увидели, как что-то засветилось. Приглядевшись, они различили колышущуюся на сквозняке тонкую белую материю.

— Радмила... Меган... — послышался звенящевысокий переливчатый голос, лившийся как будто из узкого сосуда. — Идите за мной.

— Это Лала! — шепнула на ухо подруге безумно обрадованная Радмила и шагнула уже смелее.

Молодые женщины стали продвигаться по коридору, вырубленному в скале вслед за светящейся накидкой призрака. Вскоре впереди забрезжил свет, и тоннель стал расширяться. Наконец перепуганные спасительницы достигли поворота, за которым виднелся вход в освещенный зал. Радмила и Меган прильнули к стене и осторожно выглянули из-за угла.

Их взору предстала жуткая картина. Почти затухший костер всполохами освещал просторный пещерный храм с ровным каменным полом. Отделанные искусными каменотесами своды уходили далеко вверх и терялись там в крошечной темноте. Вдоль стен стояли статуи из черного, гладко отполированного камня. Это были незнакомые восточные боги. В своих распростертых руках боги сжимали кривые сабли, булавы с острыми шипами, пращи, цепи. Головы черных статуй украшали золотые короны с драгоценными камнями. Глаза их, вырезанные из белого камня, с гневом оглядывали все вокруг, изогнутые в напряжении ноги готовились к прыжку.

Вдали, в темноте, на прямоугольном возвышении стояло изваяние богини, раза в три больше, чем остальные. Вырубленное из полированного сероголубоватого мрамора, лицо многорукой женщины было искажено оскалом злобной улыбки, грудь, шею, руки украшали десятки драгоценных

ожерелий и браслетов, а самое страшное ожерелье было из отрубленных человеческих голов. В двух руках статуя тоже сжимала оружие, а две оставшиеся были подняты к потолку, и на развернутых вперед ладонях молодые женщины увидели таинственный знак — белый глаз в золотом треугольнике. Зрачок этого глаза был из зеленого изумруда необычайной величины и зловеще сверкал в свете догорающего костра.

Замирая от ужаса, Радмила на ослабевших ногах ступила в зал, опираясь на стену. Она почувствовала, как ее ладонь соскочила со скользкого гранита. Молодая женщина взглянула на руку и с трепетом отдернула ее от лица. Ладонь была вся в крови. Присмотревшись, Радмила увидела, что все вокруг: стены, песок на полу, ноги у статуй покрыто слоем запекшейся и свежей крови. Из проемов за спинами божеств виднелись груды черепов и костей людей и животных. В нос ударил смрад гниющей плоти. К горлу подкатила волна тошноты, но женщина напрягла всю свою волю и побрела в зал. Спотыкаясь, и Меган шла за подругой. Сделав несколько шагов, Радмила вдруг застыла и спешно утащила спутницу в темный проем коридора. Удивленной Мегги она показала пальцем на сгорбленную фигуру. У костра дремал один из душителей. Его голова, закрученная в чалму, склонилась почти до самых углей. В этот момент до ушей женщин донесся стон, и они взглянули в отдаленный темный угол. Присмотревшись, они смогли различить очертания человека. Это был рослый мужчина, привязанный к каменному столбу.

Радмила бросила взгляд на подругу и приложила палец к губам, потом она указала на фигуру пленника. Пригибаясь к полу, две хрупкие фигурки бесшумно скользнули к темной нише. Сердце Радмилы чуть не выпрыгнуло из груди. К столбу был привязан ее Ульрих. Мужчина то ли дремал, то ли был без сознания. Голова его бессильно прислонилась к столбу. Все тело и ноги были так туго перевязаны веревками, что он, по-видимому, не мог и шевельнуться. Повсюду: на груди, руках, лице виднелись многочисленные запекшиеся ссадины. На виске чернела струйка засохшей крови.

Не в силах удержаться от сострадания, Радмила дотронулась ладонью до родного, заросшего щетиной лица. Ульрих вяло открыл глаза, и они озарились безумной радостью. Но Радмила тут же приложила свой маленький пальчик к его губам. Уже в следующее мгновение женщина вынула припасенный Меган нож и разрешила тугую веревку. Наконец рыцарь был свободен. Он сжал затекшие руки, так что хрустнули суставы пальцев и, притянув к себе жену,

припал к ее губам безмолвным благодарным поцелуем. Потом он придвинул женщин к стене и осторожно, стараясь не шуметь, достал из холодных каменных рук ближайшей статуи кривую саблю.

А старый душитель видел свой очередной сон, не в силах бороться с волнами умиротворяющего жара, исходящего от красных углей. Снилось ему одна из его жертв. Молодая красивая женщина в роскошном сари пятилась к стене густых зарослей бамбука, выставив перед собой изящные нежные руки. Она пыталась защититься этими пухлыми белыми ручками от него, от Баскара, опытного убийцы. Наконец девушка стала снимать с пальцев драгоценные перстни. Она хотела откупиться, она надеялась. Тщетно! Положив драгоценности за пазуху, Баскар ловко накинул желтый платок на тонкую шею и сделал молниеносное движение. Раздался хруст, и девушка со стоном стала оседать к ногам душителя. Ее руки, вцепившиеся было в одежду старика, ослабели и поползли вниз. Волна счастья охватила Баскара, голова закружилась от прилива необыкновенного удовольствия.

Вдруг раздался шорох, и старик, моментально насторожившись, открыл глаза. Все было по-прежнему. Догорали красные угли, черные тени метались от всполохов огня по каменным сводам храма. Но когда он посмотрел вперед, сердце Баскара похолодело. Напротив него, с другой стороны костра, безмолвно сидел могучий мужчина. Его искаженный гневом взгляд был направлен на заснувшего охранника. Баскар дернулся, но тщетно — Ульрих быстро встал и крепкой рукой схватил душителя за загривок. Его жесткие пальцы сжали хрустнувшую шею настолько сильно, что старик не смог и пошевелиться.

— Я приношу тебя в жертву твоей богине Кали, — прошипел рыцарь прямо в обезумевшие от ужаса глаза душителя и кривой саблей перерезал хрипящее горло от уха и до уха. Мужчина бросил бьющееся в судорогах тело на пылающие угли костра, и кровь зашипела на тлеющих поленьях. Испуганные Радмила и Меган зажмурили глаза.

Пока женщины приходили в себя, Ульрих быстро пробежал по залу и освободил своих друзей.

— Я не понял, как ты здесь оказалась? — наконец воскликнул он.

— Я сделала то, что должна сделать жена для своего мужа, — тихо сказала молодая женщина, — пришла тебе на помощь! А вот моя новая

подруга Меган настоящая героиня! Она согласилась мне помочь, не имея среди вас близких людей.

— Ульрих, здесь не место для выяснения отношений, — прервал его Гарет, — в любую минуту фанатики могут вернуться, мы должны покинуть пещеру, — граф взял друга за рукав.

Но Ульрих отстранил его.

— Постой, постой, — проговорил он, — я не могу понять, как эта женщина, которая предала меня, оказалась здесь, в роли спасительницы?

— Это я предала? — почти закричала Радмила, — ты ничего не знаешь, тупой болван! Вот эти письма, что вы писали с Гаретом друг другу, не думая о безопасности, как глупые мальчишки. Вы тешились сплетнями, а Армель де Брувилль, твой давний враг, перехватил вашу переписку, чтобы передать ее королю!

— Это и в самом деле наши письма, Ульрих, — сказал обескураженный Гарет, перебирая свитки пергамента. Из моего сгоревшего кабинета!

— Мне пришлось сыграть роль предательницы, чтобы спасти вас. Я написала тебе то письмо, чтобы отвести беду от ваших глупых голов, — дрожащий голос Радмилы сорвался, и в глазах заблестели слезы. — А ты даже слушать меня не стал!

— Да, она права, — опять вмешался Гарет, — Этот болван Генрих не простил бы наших насмешек над его женой. Да и дружбу с мятежными баронами. Вместо этой теплой пещеры сидели бы мы сейчас в холодных подземельях Тауэра.

— А как же малышам удалось забраться в это поганое гнездо? Да и вообще приехать сюда! — вмешался Бруно.

— Нам было очень трудно и страшно, поверьте, — тоненьким голосом отозвалась Меган уже из объятий Георга. Позабыв обо всем, огромный немец покрывал ее жаркими поцелуями.

— Они совершили настоящий подвиг, Ульрих, — сказал Бруно, — они спасли нас, когда наши головы почти висели в ожерелье этой красотки, — неунывающий франк махнул в сторону страшного изваяния.

— Значит, ты ни в чем не виновата передо мной? И ты мне не изменяла?— смущенно бормотал Ульрих, глядя руку Радмилы. Та лишь с укоризной смотрела ему в глаза.

— Это ты виноват передо мной, что веришь во всякую чушь, а не честному слову своей жены, — от возмущения она лишь через минуту нашлась, что ему ответить.— Я напоила всю эту банду развратных храмовников лошадиной дозой снотворного, и мы с Меган сбежали. Они не успели...

От сильного потрясения рыцарь не мог вымолвить ни слова, лишь судороги пробежали по суровому, заросшему двухдневной щетиной лицу. В следующее мгновение рыцарь уже схватил свою жену в охапку и, покрывая поцелуями, закружил по храму. Безумно обрадованный, он сжал свою любимую так, что, казалось, задушит, и страстно прильнул к ее губам.

— Ну-ну, довольно, а то нам сейчас завидно станет, — буркнул Бруно и сделал вид, что стыдливо отворачивается.

— Братья, нам надо скорее уходить отсюда, теперь уже мы отвечаем за жизнь наших спасительниц! — поторопил он влюбленных.

Измученные, но счастливые, рыцари благодарно улыбались отважным женщинам. Ослабевшие от всего пережитого, прекрасные спасительницы и сами не могли поверить, что они совершили такой подвиг.

Вооружившись кривыми саблями, мужчины почувствовали себя намного увереннее. Обратный путь показался Радмиле и Меган быстрым и легким. Освещая факелами дорогу, рыцари быстро дошли до колодца, помогли подняться своим спасительницам и поднялись сами.

Наверху уже начало светать. Небо на востоке посветлело и стало краснеть. Вся природа затихла в ожидании рассвета. Спасенные с наслаждением вдохнули чистый воздух свободы. Он был пропитан запахами камней и остывшего за ночь песка с примесью терпких пустынных трав.

—Тихо, — прошипел Гарет и указал пальцем в сторону дороги.

Там, среди округлых камней виднелась еще одна серая чалма. Чалма опускалась, затем поднималась и вновь постепенно склонялась вниз. Ее владелец явно боролся со сном. Радмила прижалась к Ульриху. Все затаились. Гарет поправил кривой нож на поясе, снял меч и отдал Бруно. Затем рыцарь

стал осторожно подкрадываться к тугу, ключущему носом возле горящего костра. Его фигура беззвучно скользила между камней. Когда душитель был всего на расстоянии одного шага от воина, он оглянулся. Взгляды Ульриха и Гарета встретились. Немец сложил руки крест накрест и отрицательно помахал головой. Гарет утвердительно кивнул.

— Что это значит? — прошептала Радмила.

— Не надо его убивать, — прошептал муж, не отрывая глаз от друга.

Англичанин ловко, как кошка, прыгнул душителю на спину и тяжелым кулаком нанес сильный удар по затылку. Индус как сноп повалился на землю, а Гарет уже сноровисто затягивал на его руках веревку. Другой ее конец рыцарь обвел вокруг шеи так, что при каждом движении душителя петля затягивалась еще сильнее. В рот индусу он засунул кляп, оторвав полосу от его одежды. Туг дико выпучил глаза и вращал зрачками то влево, то вправо, пытаясь разобраться, что происходит. Только что он видел сладкий сон, а тут в него ворвалась неприятная явь. Ульрих, Бруно, Георг и женщины уже спускались к костру туга. Гарет перекинул стянутое веревкой тело через плечо, и вся группа двинулась по дороге.

— Он должен указать нам, где остальные душители, — пояснил Ульрих, — мы должны забрать у тугов вторую половину карты. Иначе нам сокровищ храма не найти.

— Да и не мешало бы рассчитаться с любителями жертвоприношений, — подмигнул Бруно.

— Это верно, — проговорил Георг, разминая растертые колючей веревкой руки, — мне ужасно хочется подержаться за их желтые шеи.

Шагов через триста Гарет остановился и с размаху швырнул трепещущее тело на песок.

— Надоело его тащить. Хватит кататься! — злобно сказал он.

Ульрих наступил тяжелым сапогом прямо на грудь индусу. Взглянув в испуганные черные глаза, немец прошипел:

— Веди нас к своим!

Душитель отрицательно закивал головой. Тогда Ульрих перенес всю тяжесть своего большого тела на ту ногу, которая стояла на хилой груди. От страшной тяжести узкая грудная клетка захрустела. Рука немца захватила за петлю на трепещущей шее и затянула ее потуже. Глаза туга вылезли из орбит. Тогда Ульрих немного ослабил веревку. Индус покорно опустил глаза вниз. Ульрих вытянул мокрый кляп изо рта душителя и кинул в сторону.

— Он его весь изжевал от страха! — засмеялся рыцарь.

После этого граф освободил ноги душителя от веревки и, связав ему сзади руки, толкнул ногой пленника вперед по дороге. Индус покорно засеменял по песку. Гарет вел его как собачонку на привязи. Солнце уже показалось на востоке, когда рыцари приблизились к тому месту, где расположились туги. Душители жили в палатке на окраине города, как обычные бедуины. Видно, они купили это жилище из черной козлиной шерсти у местных жителей, чтобы быть подальше от любопытных глаз.

— Я советую вам, — обратился к жене Ульрих, — спрятаться гденибудь за камнями.

— Нет, я пойду с тобой, — взяла его за предплечье Радмила. Мегги с удивлением посмотрела на подругу. Ульрих улыбнулся.

— Даже запах крови в пещере тебя сильно испугал, — хмыкнул он, — а сейчас будут литься фонтаны крови. Подумай, как это отразится на нашем ребенке.

Радмила нехотя отступила назад. Там ее ждала Меган. Женщина придерживала за веревку вконец оробевшего индуса.

Рыцари обнажили свои сабли и встали с четырех сторон палатки. Ульрих занял позицию напротив входа. Судя по доносившимся изнутри звукам, там уже проснулись ее обитатели. Ульрих поднял вверх свою саблю — по его сигналу друзья одновременным взмахом кривых ятаганов разрубили черные полотнища с четырех сторон и шагнули внутрь палатки с четырех сторон.

Душителей было человек десять. Индусы потеряли дар речи от неожиданности и застыли в разных позах. Трое из них кинулись к выходу, но несколько ударов ятаганами лишили их и надежды на освобождение, и жизни. Кровь хлынула на ковры, устилающие жилище. Остальные туги сжались в плотную кучку в центре шатра. Не выпуская из правой руки саблю, Гарет

набросил на морщинистую шею туга веревочную петлю и вытащил из группы одного из тугов, самого старшего из душителѐй — именно того, который когда-то требовал у рыцарей отдать вторую часть карты.

— Где карта, которую вы забрали у убитого вами брата Хариша Чандана? — грозно спросил у него Ульрих и изобразил руками в воздухе небольшой квадрат.

Индус показал на рот и уши, делая вид, что он не понимает. Георг вытащил из-за пояса душителя его желтый платок и затянул на шее пленника.

— Не понимаешь? — спросил он, склонившись прямо к смуглому лицу.

Индус помотал головой. Георг резко дернул платок на себя и второй рукой затянул узел на шее сильнее. Глаза душителя вылезли из орбит, а изо рта показался белесый язык. Но Георг дернул за край платка еще раз и оттащил индуса к краю шалаша. Спустя несколько мгновений индус затих. Остальные душителѐй с ужасом прижались друг к другу еще сильнее.

— Что, — процедил с ненавистью Ульрих, — страшно самим умирать? Вы же привыкли к виду смерти. Это доставляет вам удовольствие! Что ж вы не радуетесь еще одной жертве вашей богине Кали?

— Давай и этого отправим к его черной богине! — сказал Георг, вытаскивая следующего туга из кучи. Тот стал яростно отбиваться и укусил рыцаря за руку. Невольно Георг отпустил индуса, и тот ринулся к выходу. Но здесь его настиг короткий удар ятагана. Бруно оттолкнул ногой обезглавленное тело в сторону и вытер окровавленную саблю желтым платком душителя. Третий индус выполз сам из кучи и, как рыба, беззвучно открывал рот, изображая руками в воздухе квадрат.

— Этот покажет, — засмеялся Бруно.

— От страха даже голос потерял, — поддержал его Гарет.

Молодые женщины видели, как дергается шатер, и с ужасом слушали доносившиеся оттуда страшные хрипы и звуки ударов. Потом из-под черного полога вышел Ульрих. Он держал на веревке одного из душителѐй. Судя по звукам, доносящимся из шатра, участь остальных была уже предрешена. Затем показался Георг, за ним — Бруно и, наконец, последним вышел граф Гарет. Ульрих махнул рукой женщинам, приглашая их за собой.

Часть карты, отобранная тугами у убитого ими Чандана, была спрятана недалеко. В двух десятках шагов от шатра душитель указал на колодец. Спустившись на несколько ярдов вниз, индус вынул из каменной стены один из блоков и сунул за пазуху небольшой сосуд. Ульрих разбил плотно запечатанный глиняный кувшин и взял в руки кусок старинного пергамента. Там же лежала и рупия царя Ашоки.

Затем рыцари вернулись назад по дороге, по которой ехали в Петру и достали из тайника свою часть карты. Осторожный Ульрих приказал спрятать их часть драгоценной карты еще до прибытия в Петру. События показали, что командир отряда был прав. Все были измучены и, договорившись с бедуинами о покупке шатра, расположились на отдых.

Утром мужчины собрались возле костра, чтобы хорошенько все обдумать. Радмила с Меган занимались завтраком.

— Так, значит, наша спасительница к тому же и прелестна? — услышала бархатистый баритон у своего уха хорошенькая англичанка, и почувствовала, как бесцеремонная рука проскользнула у нее под предплечьем и, скользнув вдоль талии, опустилась на живот.

Превратности судьбы последних лет приучили девушку быть всегда наготове, и она, обхватив нахальную руку обеими ладонями, резко потянула ее влево, и сама ступила туда же на один шаг, не забыв при этом поставить подножку. Совсем не ожидая такого подвоха, верзила Георг — законный владелец бесцеремонной руки, с грохотом рухнул на середину шатра. Его шапка свалилась с копны рыжих волос и покатилась в костер. Под аккомпанемент безудержного смеха друзей поверженный рыцарь вскочил с земли и бросился к костру. Но головной убор уже пылал ярким пламенем. Тогда здоровенный немец шагнул было в сторону обидчицы, но та смеялась больше всех, из ее веселых глаз уже сыпались слезы. Георг полностью растерялся, не зная, что ему делать. Он все-таки выхватил шапку из огня и стал тушить ее своим сапогом. Затем, совершенно растерявшись, подхватил дымящуюся шапку рукой и попытался водрузить ее на голову. Злополучный головной убор был весь в дырах, и шатер наполнился острым запахом паленой шерсти. Оглянувшись вокруг, Георг, уже не в силах сдерживаться, тоже расхохотался.

Все вышли из пропахшего горелой шерстью шатра. Бруно и Гарет отправились в город покупать верблюдов, Влюбленные Ульрих с Радмилой побрели в поисках укромного уголка, держась за руки, у шатра остались только Меган и Георг. Рыцарь подошел к девушке и протянул ей остатки своей шляпы, рассчитывая на извинения. Мегги взяла в руки испорченную вещь и просунула в дыры перепачканные сажей пальцы.

— Что ж, — насмешливо улыбнулась она, — теперь это шапка для летней жары!

— И что же, не последует даже извинений? — удивился Георг.

Меган потупила голубые глазки и проговорила с невинным видом:

— Сначала я бы желала услышать о сожалении с вашей стороны, милорд,

— А о чем я должен сожалеть? — ответил удивленный рыцарь.

— О, вы позволили себе фривольности в отношении леди, и при этом строите лицо невинного младенца!

— Что вы, я просто оступился, — улыбнулся Георг.

— Да так, что чуть не изжарились в костре, как барашек.

— Что костер! Я почувствовал такой жар от вас, что никакой огонь с ним не сравнится.

Мегги с удивлением провела ладонью по животу.

— Никакого жара, — с деланным удивлением проговорила она.

Про себя девушка отметила, что этот рыжеволосый здоровенный немец ей нравится. Конечно, он повел себя чересчур дерзко для начала знакомства, но его прикосновения не были неприятными. Меган знала, что прикосновения рук некоторых мужчин подобны холодному касанию лягушки. Даже мурашки бегут по телу! А рука Георга обдала ее приятным теплом. Невольно девушка улыбнулась. Мужчина посвоему понял эту загадочную улыбку и опустил на одно колено. С шутливой учтивостью Георг взял нежную ручку в рыжих веснушках в свою могучую ладонь и произнес:

— Прошу прощения, миледи, за бесцеремонное поведение и обещаю вам при этом, что оно повторится только с вашего разрешения.

С этими словами немец чопорно чмокнул в непривычную к такому обращению ручку и заглянул при этом в смутившиеся лишь на секунду голубые глаза.

— Я вас прощаю, Георг, — проговорила довольная Меган и добавила, — но только в честь вашего счастливого освобождения!

Сокровища бога Камы

Ульрих рассказал, что с ними произошло. Сначала они должны были встретиться с братом Хариша Чанданом — у него была вторая половина карты. По приезду в город они сделали все, как приказал им Хариш. Вскоре в гостиницу к рыцарям пришел брат старого индуса. Четверо воинов были приглашены в дом к гостеприимному хозяину. Казалось, его радости не было предела. Индус все расспрашивал о последних днях брата, плакал. Гостей накормил хорошим обедом, затем предложил выпить по кубку с крепким терпким настоем из индийских трав. Старик говорил, что настоем вернет силы утомленным путникам. Оказалось — наоборот. Все четверо вскоре заснули мертвецким сном, а очнулись уже привязанными к столбам в пещерном храме черной богини смерти Кали. Встретивший их индус вовсе не был братом старого Хариша. Настоящего брата коварные туги давно убили и поставили на его место своего человека. Тот терпеливо дожидался появления рыцарей. Душителю все рассчитали. Они знали, что крестоносцы обязательно приедут за сокровищами.

Когда действие наркотика окончилось, и рыцари пришли в себя, возле них прыгали ликующие душителю. Их зловещие глаза сияли от радости. Не в силах сдержать своих садистских желаний, они стали издеваться над своими беспомощными жертвами. Туги резали их тела своими кривыми ножами, жгли горящими головешками, наслаждаясь бессилием могучих, но крепко связанных воинов.

— Ваши часы сочтены, если не вернете половину карты, — кричал на ломаном французском главный туг, брызгая слюной прямо в лицо Ульриху, — лучше отдайте карту! Тогда мы вас отпустим! Если не отдадите, будете умирать на этих столбах в страшных муках!

Ульрих отрицательно покачал головой: он отлично знал цену лживым словам жестоких служителей богини смерти. Как только туги получат карту, их сразу же принесут в жертву ненасытной Кали. Слова старого жреца оказались бы правдой, если бы не мужество Радмилы и Меган.

Пленного туга вели на веревке. Он должен был показать, где живет семья погибшего брата Хариша. Индус довел рыцарей до небольшого каменного

дома с плоской крышей, расположенного на окраине Петры. Вышедшая навстречу пожилая женщина оказалась вдовой брата старого жреца бога Камы.

Она плохо понимала перевод пленного туга, но сказала, что у ее умершего мужа был друг, торговец Каур. Он разговаривает немного пофранцузски и, конечно, поможет друзьям Хариша.

Как и сообщила вдова брата Хариша, друзья быстро отыскали друга ее погибшего мужа на местном базаре, Каур торговал благовониями. Ульрих показал индусу рупию царя Ашоки. Старый торговец медленно осмотрел христианского воина: начав с пыльных сапог, он поднялся вверх по белому плащу, и, наконец, вонзился удивленными глазами в суровое лицо немца.

— Хариш сказал, что я смогу купить у его друга Каура настоящего индийского бергамота! — сказал Ульрих и протянул старому индусу дырявую рупию.

— Хариш окончил свой земной путь? — грустно спросил торговец, сжимая в руке древнюю монету. Условные слова о покупке бергамота означали смерть.

— Да, — продолжил Ульрих, — и он сказал, что мы можем обратиться к тебе за помощью. Он завещал нам половину сокровищ храма за оказанную помощь. Вторую часть сокровищ мы передадим храму бога Камы.

Все собрались в уединенной комнате в постоялом дворе, и Ульрих развернул соединенную из двух половинок карту. На этой карте была нарисована лишь часть пути — так говорил Хариш. Пройдя ее и достигнув конца первого этапа, можно будет приступить ко второму. Следующий этап будет виден после того, как карту смочишь загадочным снадобьем Хариша. Когда друзья отправлялись на поиски сокровищ, немец перелил его в поясную флягу, какую обычно путешественники использовали для вина или питьевой воды. Скопировав план первой части плана, он намочил старый пергамент жидкостью из своей фляги, и, под восхищенными взглядами рыцарей, на нем стали проявляться таинственные знаки. Поверх старого рисунка проявилась новая схема.

— Это каньон Сик, — указал на рисунке Каур, который, как оказалось, был тайным жрецом бога Камы, — здесь молельная бога Душара и его жены.

Индус провел желтым ногтем по орнаменту, расположенному в нижней части пергамента. Тонкий древний рисунок напоминал виноградные гроздья, свисавшие с прямой перекладки.

— Это санскрит — индийская письменность, — добавил он.

Индус смочил чудодейственной жидкостью и эти места, и орнамент стал напоминать причудливые буквы.

— У молельной Душара растет олива, — читал Каур, — это душа жены его. От этой оливы иди вдоль по ущелью на север — надо сделать столько шагов, сколько отверстий просверлено в нише молельной. Повернувшись лицом вправо к стене, подними левую руку вверх. Там ты ощутишь углубление. Подняв правую ногу, ты ощутишь удобный камень для того, чтобы наступить на него. Поднимись наверх, и снова под левой ладонью своею ты ощутишь приготовленное там углубление. И далее также. Взберись на высоту тридцати локтей к тому месту, где заканчивается тень от противоположной скалы на закате в день Камы. Там проходит слой бурого песчаника толщиной в локоть, ты сможешь легко определить его. Но на слое том углублений для ног не видно, ощутить их сможешь ты, лишь осторожно продвигаясь вправо.

Старик вытер появившуюся на лбу от напряжения испарину и продолжил:

— Двигаясь согласно этим указаниям, поднимись на четыре шага вверх, и ты достигнешь расщелины. Протяни руку в щель и ощутишь там кольцо медное. Поверни его по ходу солнца на четверть оборота, щель сия раздвинется и впустит тебя в свои чертоги. И откроется достойному пещера, являющаяся целью продвижения.

В глубине пещеры, на вырубленной в скале площадке, стояли восемь больших и два маленьких сундука, окованные широкими медными пластинами, позеленевшими от времени. Ульрих сорвал запор на крышке одного из них, и возгласы восхищения сорвались с губ охотников за сокровищами. В свете горящих факелов мрачная пещера заискрилась сиянием бесчисленных драгоценных камней и золотых украшений.

— Братья, — сказал Ульрих с восторгом, — здесь хватит и для бога Камы...и для его верных слуг.

Радость Гарета и Бруно с Георгом была беспредельной — теперь все их денежные проблемы будут решены. Путешественники с благодарностью вспоминали благородного Хариша. Но сейчас надо было подумать, как довести клад домой. Граф Гарет предложил закупить пряности, а в тюках спрятать сокровища бога Камы. Но как провезти драгоценный груз через пустыню? Рыцари хорошо знали командора Петрской прецептории. Он часто бывал в замке Атлит и слыл человеком чести. Посоветовавшись, приняли решение нанять в ордене тамплиеров охрану, а также купить в Петре несколько верблюдов. Так и сделали. Ночью подогнали верблюдов с пряностями к пещере и переложили все ценности в тюки. Четыре же сундука и пленные туги были переданы Кауру и его землякам.

Через два дня караван из десяти верблюдов, нагруженных пряностями, купленными в Петре, двинулся в Атлит. Предложив командору Пьеру де Гранмениль приличную сумму за охрану каравана, друзья получили под свое начало двадцать рыцарей. Никто из охранников даже не подозревал о сокровищах баснословной стоимости, спрятанных внутри больших тюков, навьюченных на размеренно шагающих верблюдах. Тамплиеры радовались возможности побывать в Атлите, Ульрих с друзьями предвкушали, как они теперь решат финансовые проблемы своих владений — настроение у всех было отличное. Никто из разбойников-бедуинов не осмелился напасть на хорошо вооруженный караван, и друзья благополучно добрались в Атлит, откуда уже на следующий день на корабле тамплиеров отправились в Англию

Все книги Александры Лоренц можно найти на сайте Чудесная-книга.рф так и набирается кириллицей с дефисом и точкой.

Синеголубые воды Средиземного моря встретили корабль с крестоносцами умеренным волнением. По бескрайней водной равнине бежали рядами, словно отряды воинов, голубые волны, увенчанные белоснежными бурунами. Равномерные удары сотрясали деревянный корпус быстрого галеона. Но в каюте было уютно и спокойно. После всего пережитого Радмила не могла нарадоваться тому, что все страшное позади, и они плывут домой. Молодая женщина снова и снова переживала тот ужасный страх, который она испытала, узнав, что рыцари бесследно исчезли. Радмила обхватила мужа за шею, прижавшись к широкой груди, и заплакала.

— Что с тобой, моя любовь? — удивился Ульрих. — Ведь все просто великолепно! Почему же ты плачешь?

— Мне не надо никаких денег, замков, земель, если ты так рискуешь своей жизнью! Я вполне была бы счастлива с тобой и в нашей избе в Самолве! Я не вынесу, если с тобой что-нибудь случится. Если бы не Лала, вряд ли мы отыскали вас в этой страшном храме! Давай поблагодарим нашего друга за помощь! — и она, достав свою диадему, одела ее на голову, и затем, склонив голову к ладанке, висевшей на груди у мужа, благодарно поцеловала.

— Пойдем, выйдем на палубу! Так Лале будет легче услышать меня!

Они встали возле борта, и Радмила торжественно произнесла:

— Моя благородная подруга, спасибо тебе за то, что ты спасла жизнь Ульриху и его друзьям. Я знаю о твоей любви к моему мужу, и верю, что ты будешь счастлива в следующей жизни. Всем сердцем я желаю тебе встретиться со своим возлюбленным, как встретила я с Ульрихом!

— Я тоже очень признателен Лале..... если бы не ее помощь, вы с Меган не смогли найти нас в этом храме. Благодаря ее заботе все мы будем жить в роскоши и достатке. Но и твоя роль, любимая, в нашем спасении очень велика! — Ульрих стиснул жену в объятиях. — Я до сих пор не могу понять, как смогла решиться молодая женщина на такой отчаянный поступок: отправиться за море, забраться в эту кровавую пещеру и, рискуя жизнью, спасти нас! Любая из знакомых мне женщин подчинилась бы приказу мужа и осталась бы дома. Тем более, если она ждала ребенка! Лишь ты не подчинилась приказу и спасла нас всех от ужасной смерти!

— Для меня самое главное в жизни — это ты. Без тебя, мой дорогой, мне не надо ничего — ни богатств, ни самой жизни.

Взволнованный Ульрих обнял свою возлюбленную. Так и стояли они, обнявшись, на качающейся палубе летящего по волнам галеона: могучий мужчина и хрупкая мужественная женщина, а стремительный корабль нес их к новой жизни.